

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ»

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

**СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И БЕЛАРУСЬ:
ИНСТИТУТЫ, ИДЕОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.
БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ**

Материалы VII международной
научно-практической конференции

(Гродно, 5–6 мая 2016 года)

В 2 частях

Часть 2

Гродно
ГрГУ им. Я. Купалы
2016

УДК 321(476)
ББК 66.0
С56

Редакционная коллегия:

В. Н. Ватиль, доктор политических наук, профессор (гл. ред.);
Н. В. Ватиль, кандидат политических наук, доцент;
Н. Н. Гончаров, кандидат исторических наук, доцент;
О. В. Лапа, кандидат политических наук, доцент;
Л. И. Цыганкова, кандидат философских наук, доцент;
Л. В. Кубасова, лаборант кафедры (техн. секретарь)

С56 **Современные** глобальные вызовы и Беларусь: институты, идеологии и стратегии социально-политического взаимодействия. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 5–6 мая 2016 г.). В 2 ч. Ч. 2 / Ин-т филос. Нац. акад. наук Беларуси, Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: В. Н. Ватиль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2016. – 260 с.
ISBN 978-985-515-987-3 (ч. 2)
ISBN 978-985-515-984-2

Отражены основные направления развития отечественной политологии в её органическом сочетании с мировой; значительное место уделено анализу перспектив политического знания и политологии в Республике Беларусь. Адресовано студентам, аспирантам; преподавателям социально-гуманитарных дисциплин, представителям практической политики.

УДК 321(476)
ББК 66.0

ISBN 978-985-515-987-3 (ч. 2)
ISBN 978-985-515-984-2

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2016

А. И. Курадовец

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
Беларусь, kuradovec1951@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Обеспечение экономической безопасности и на ее основе национальной безопасности является одной из приоритетных задач для Республики Беларусь. Актуальность этой сложной задачи обусловлена целым комплексом факторов и условий внешнего и внутреннего характера, влияющих на развитие национальной экономики страны, которые условно их можно разделить на две большие группы.

Первая группа связана с теми вызовами и тенденциями, которые носят всеобщий характер, затрагивают все субъекты мирового хозяйства и предполагают ускоренную их адаптацию к данным изменениям.

К глобальным внешнеэкономическим вызовам и угрозам, оказывающим определенное воздействие на устойчивой экономической рост Республики Беларусь, можно отнести следующие:

1. Переход наиболее развитых стран к новому – технологическому укладу, базирующемуся на передовых наукоемких и экологически чистых технологиях, глобальной реиндустриализации своего производственного потенциала.

2. Глобальный демографический дисбаланс, увеличение безработицы, неравномерность распределения благ, сложные социально-политические процессы, происходящие в отдельных странах Африки и Азии привели к увеличению численности мигрантов, формируют новые неконтролируемые миграционные потоки, трансформирует национальный человеческий капитал.

3. Энергетическо-сырьевая проблема, которая охватывает большинство развитых и отдельные развивающиеся страны на фоне обострения борьбы за новые сырьевые рынки и экономическое пространство (Арктика, космос, морские и океанические ресурсы).

4. Нарастающая социально-политическая нестабильность и кризис традиционных цивилизаций в странах Ближнего Востока и в Северной Африке, где социально-политические конфликты переплетаются с религиозными и этническими, подогреваемые экономическими интересами отдельных группировок и стран.

5. Отсутствие стабильной системы международной экономической безопасности и соответствующих эффективных инструментов ее обеспечения, что не исключает возникновению новых международных финансовых и экономических кризисов.

Вторая группа внешнеэкономических факторов, представляющих определенные угрозы для национальной экономики, имеет региональное происхождение, основными из которых являются:

1. Институциональные факторы, которые связаны прежде всего с тем, что основные торговые партнеры Республики Беларусь, в том числе отдельные страны-участницы ЕАЭС являются членами ВТО и осуществляют свою внешнеторговую политику по ее правилам.

2. Напряженная социально-экономическая ситуация в странах-соседах, обусловленная замедлением темпов роста ВВП в России, введением против нее международных санкций, сложная и непредсказуемая социально-политическая и экономическая ситуация в Украине, а также неконтролируемая миграция в страны ЕС, оказывают определенное негативное воздействие на экспортные поставки в эти страны, уменьшают объемы иностранных инвестиций и кредитов.

Данные внешнеэкономические вызовы и угрозы дополняются отдельными социально-экономическими проблемами внутреннего характера, с которыми столкнулась национальная экономика страны в последние годы:

1. Кризисные проявления в национальной экономике Республики Беларусь в течение последних лет, проявляющиеся прежде всего в падении темпов роста ВВП и его качестве (они должны составлять не менее 3 % в год и не менее 1 % его наукоемкости [1, с. 16]).

2. Отрицательное сальдо платежного баланса на фоне относительно небольших золотовалютных резервов, составляющих всего 4,2 млрд долл. США при необходимых около 8 млрд долл. США) [2].

3. Относительно большой внешний долг при отсутствии внутренних и внешних источников финансирования и кредитования. В настоящее время государственный внешний долг составляет более 12,4 млрд долл. США, а совокупный – более 40 млрд долл. США, т.е. около 63 % ВВП (при пороговом безопасном значении 50 %) [3].

4. Товарная и географическая концентрация экспорта и импорта Республики Беларусь, что увеличивает ее зависимость от состояния данных рынков и конъюнктурных сдвигов на них.

Современные вызовы и тренды развития мировой экономики, состояние отечественной экономики объективно указывают на необходимость осуществления системной ускоренной модернизации экономики республики с целью придания ей инновационного характера. Достижение данной цели предполагает решение следующих проблем и задач:

- **временная**, предполагающая ускоренное осуществление комплексной модернизации;

- **финансовая**, т.е. поиск источников (внутренних и внешних) денежных средств достаточных для перевода экономики на инновационный путь развития ;

- **институциональная**, связанная с возможностями создания собственных и приобретения за рубежом новейших технологий:

- **мотивационная**, предполагающая создания мотивирующего механизма приобретения, а главное внедрение новейших технологий в производство;

- **кадровая**, т. е. формирования новых управленческих кадров, повышения эффективности государственного менеджмента на всех уровнях.

Успешное решение вышеперечисленных проблем предполагает осуществление целого комплекса организационно-технических и социально-экономических мероприятий, важнейшими из которых могут стать следующие :

- целесообразно провести **разумную, научно обоснованную** структурную перестройку (**что, как, когда, конечный результат**) с элементами разгосударствления и приватизации собственности;

- пересмотреть источники финансирования научных исследований и инноваций, сочетая поступления из государственного бюджета с инвестициями из инновационных фондов, создаваемых при соответствующих министерствах и комитетах;

- активизировать привлечение частного капитала в венчурный бизнес, инфраструктуру инновационного развития на основе частно-государственного партнерства;

- внедрить в практику осуществления независимой экспертизы, в том числе и с привлечение иностранных специалистов, при осуществлении модернизации или инвестировании крупных стратегических проектов;

- пересмотреть критерии и показатели эффективности управленческого аппарата, взяв за основу ключевые производственные и экономические показатели деятельности;

- повысить качество образования по всей технологической цепочки подготовки кадрового потенциала;

- шире использовать интеграционный потенциал ЕАЭС для совместной разработки и внедрения в производство на кооперационной основе научно-технологических разработок на прорывных направлениях современного НТП;

- осуществлять в рамках ЕАЭС скоординированную промышленную, агропромышленную, а также валютную и денежно-кредитную политику;

- активно участвовать в создании совместных предприятий и временных объединений в отдельных научно-технических проектах и кооперационных программах, а также в производственных и технологических цепочках с крупнейшими мировыми ТНК.

Эти и другие мероприятия в определенной степени будут способствовать ускоренному переводу национальной экономики на инновационную модель развития и на этой основе занять свое достойное место в международном разделении труда.

Список литературы

1. Шимов, В. Н. Некоторые аспекты актуализации критериев и показателей экономической безопасности Республики Беларусь / В. Н. Шимов, Л. М. Крюков, А. В. Бондарь // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 1. – С. 4–14.
2. Госдолг за 2015-й год вырос на 66,4 % в том числе внутренний вдвое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/482720> – Дата доступа: 30.01.2016.
3. Рудый, К. В. Структурные экономические реформы: необходимость для Республики Беларусь и зарубежный опыт / К. В. Рудый // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 1. – С. 30–41.

Н. А. Курило

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, natali9iku@mail.ru)

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Очередной виток общемировых глобализационных процессов был связан с распадом СССР и ликвидацией мировой социалистической системы, которая оставалась серьезным препятствием на пути глобализации. Начиная с 1991 г. все страны бывшего СССР оказались вовлечены в процессы глобализации, скорость которых благодаря этому стремительно возросла. Главными последствиями нового этапа глобализации стали: унификация политических систем по западному образцу, повсеместное распространение западных ценностей, социальное расслоение общества, утрата самостоятельного внешнеполитического курса, ослабление влияния национальных правительств на внутриполитические процессы.

Падение социалистической системы позволило завершить процесс создания Европейского Союза, главным результатом которого стала ликвидация последних остатков суверенитета старых европейских стран, которые до вступления в ЕС еще предпринимали попытки противодействия США. Современный Европейский Союз – это образцовый результат зрелой глобализации, превративший ведущие страны Европы в однородную покорную массу, которая абсолютно несамостоятельна в принятии как внутриполитических, так и внешнеполитических решений.

Одним из главных последствий глобализации стало изменение статуса субъектов мировой политики. Национальные государства, или так называемые нации-государства, перестали быть реальными субъектами мировой политики, их место заняли транснациональные корпорации. В рамках развертывания американского варианта глобализации национальные правительства больше не принимают самостоятельные решения, и за любым экономическим или политическим действием в любой точке планеты, фак-

тически стоит так называемое мировое правительство, управляющее миром посредством международных организаций [1].

Результатами формирования нового миропорядка стали исчезновение национальных суверенитетов и самих национальных государств как субъектов политики; интернационализация политических и экономических структур, приведшие к формированию мирового правительства и международной бюрократии; игнорирование норм международного права и политика двойных стандартов.

Процесс построения постсоветскими странами своей независимости и суверенности происходил в то время, когда система международных отношений в целом и особенно в европейской части все в большей степени подвергались процессам интеграции и регионализации. Возникшие на территории бывшего Советского Союза государства изначально столкнулись с объективной необходимостью поиска своей идентичности. Республики бывшего СССР стояли перед выбором – начать процесс формирования нового межгосударственного миропорядка либо включиться в тот или иной уже существующий посредством участия в созданных прежде международных организациях. Вторая возможность была полноценно использована прибалтийскими странами. Странам постсоветского пространства необходимо выработать свой курс в отношении трех основных движущих сил европейской политики: отношений с Западом, отношений с Россией и результатов развития отношений между Россией и Западом [2, с. 118].

Таким образом, формирование собственной государственности в постсоветских странах происходит в неблагоприятной для укрепления национального государства обстановке, что вынуждает их жертвовать собственным суверенитетом в пользу международных структур. Тем самым интеграция в рамках международных организаций становится для бывших советских республик осознанной необходимостью. Страны, долго находящиеся в позиции объекта, а не субъекта европейской политики, по-разному реагируют на попытки включения в организационные рамки ее главных треков. Поиски собственной идентичности неизбежно усиливают институциональную дифференциацию между странами восточного пограничья Европы. Это, в частности, выражается в использовании разных моделей реформирования экономики, в различных темпах преобразований и разной степени государственного интервенционизма и т.д. [3], что в свою очередь определяет разнообразие их политики в отношении возможной принадлежности к международным структурам.

Институционализация постсоветскими странами национализма и приобретение им ведущей роли в формировании общественных объединений не приветствуются в среде прогрессивных представителей главных субъектов европейской политики. Стремление постсоветских республик к укреплению собственной государственности, подчеркиванию абсолютно характера суверенитета и эксклюзивных прав нации в государстве идет

вразрез с основными тенденциями европейской политики. Правительства европейских стран предпринимают максимальные усилия по недопущению экономической, культурной и религиозной интеграции. В частности, вытесняется русский язык, поддерживаются национальные языки, особенно те, которые находятся в примитивном состоянии, насаждаются идеи «национального возрождения» под знаменем борьбы с «великорусским шовинизмом». Стимулируются конфликты между различными религиозными конфессиями, в первую очередь между христианством и исламом. Внутри самого христианства поддерживается противостояние католичества и православия, а протестантские секты используются для насаждения европейских ценностей и вытеснения традиционного христианства. Наблюдающееся в последнее время стремление государства опереться на авторитет православной церкви встречает противодействие соответствующих международных организаций, усматривающих в этом ущемление прав других конфессий.

Новые независимые государства формируют свою национальную политику в среде, в которой преобладает постнациональный подход, тогда как главную роль в европейских делах все в большей степени играют субъекты наднационального (международные организации, интеграционные объединения, военные союзы, неформальные форумы) и субнационального уровня (неправительственные организации, трансграничные корпорации, индивиды). Становится все более очевидно, что для решения проблем, стоящих перед народами Европы в XXI в., недостаточно привычных для национального государства механизмов внутривнутриполитического регулирования, равно как и простого взаимодействия между государственными субъектами на поле внешней политики [2, с. 119].

На данном этапе развития Европа находится в процессе выработки институциональных рамок, наиболее подходящих для решения проблем в условиях резко усиливающегося влияния процессов глобализации.

В силу инертности европейской политики интеграция происходит в рамках не общеевропейских организаций и институтов, а блоковых объединений, отношения которых друг с другом носят альтернативный и конкурентный характер.

Для формирующих свою стратегическую идентичность и место в современной Европе стран бывшего СССР определяющим фактором развития является то обстоятельство, что интеграция – один из важнейших инструментов управления глобальными процессами. Освоение качественно новых явлений международной жизни путем участия в международных структурах позволяет максимально использовать преимущества глобализации и сокращать ее отрицательное воздействие. Интеграционные объединения все в большей степени влияют на мировое развитие, в том числе на постсоветском пространстве, они способствуют нахождению нового баланса сил между государствами и в мире в целом, на основе учета инте-

ресов широкого круга стран и негосударственных субъектов мировой политики. «Современные интеграционные процессы происходят на всех континентах, являясь составной частью всемирной глобализации с ее достижениями и проблемами» [4, с. 692].

Для постсоветских стран глобализация – явление относительно новое, чего нельзя сказать об интеграции и взаимозависимости, хотя их интеграция была преимущественно политической по происхождению и разрушительной по последствиям, особенно для отношений со странами более широкого международного экономического спектра [5, с. 17].

Таким образом на сегодняшний день, страны, не использующие огромный потенциал интеграции в своей политической и экономической стратегии, не способны выстоять в условиях современной глобальной конкуренции и противостоять вызовам глобализации, развивающейся со стремительной скоростью.

Список литературы

1. Болтовня до нового мирового порядка доведет [Электронный ресурс] // ЕВРАЗИЯ информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://www.evrazia.org/article/458> – Дата доступа: 26.02.2016.
2. Корэйба, Я. В. Региональные интеграционные процессы / Я. В. Корэйба // Вестник международных организаций. – 2012. – № 2 (37). – С. 118–132.
3. Вардомский, Л. Б. Проблемы и перспективы регионального сотрудничества на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / Л. Б. Вардомский. – Режим доступа: http://www.eabr.org/general/upload/docs/publication/magazine/no1_2008/n1_2008_14_Vardomskiy.pdf. – Дата доступа: 27.02.2016.
4. Шмелев, Н. П. Россия в процессах интеграции и глобализации / Н. П. Шмелев // Европейская интеграция / под ред. О. В. Буториной. – М. : Деловая литература, 2011. – 720 с.
5. Уолландер, С. Экономика и безопасность на постсоветском пространстве / С. Уолландер, Р. Легволд // Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / под ред. С. Уолландер, Р. Легволда. – М. : Интердиалект, 2004. – 316 с.

А. А. Лазаревич

(Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь,
a.a.lazarevich@gmail.com)

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Процессы глобализации активно влияют на все стороны современной жизни, определяя при этом особенности развития и взаимодействия государств, национальных экономик, культур, общественно-политических систем. Мобильность и взаимосвязь населения мира, стран и регионов

интенсивно возрастает. Этому способствует унификация жизненных стандартов, возросшая информированность, утверждение взаимоприемлемых норм межгосударственных отношений, интернационализация науки, образования и технологий, гуманизация воспитания и т. п. Универсализация индивидуального опыта ведет к росту критического отношения к существующим традициям и стереотипам, сформировавшимся в пределах локальных социальных пространств и соответствующих культур. Все это наводит на мысль о становлении качественно новой системы мирового социального порядка, национально и культурно обезличенной, в которой доминирует дух глобальной однородности, не оставляющий места национально-историческим предпосылкам развития.

Особенно значима взаимосвязь глобализации с современными тенденциями и проблемами формирования постиндустриального и информационного укладов общества. Их ценности, технологии, наука и культура во все большей мере определяют предстоящую перспективу технологической и социокультурной динамики. При такой постановке вопроса создаются предпосылки методологической корректности и в то же время неопределенности соотношения понятий «глобализация», «информатизация», «постиндустриальное общество», «информационное общество». Вопрос не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Действительно, постиндустриальный и особенно – информационный уклады общества обладают набором явных признаков глобализации, то есть являются общественными укладами *глобального* характера. Вместе с тем, сущностные признаки постиндустриального и информационного миров все же заключаются не в их глобальности, а в переходе к третичному и последующим, более сложным секторам хозяйственно-экономической и социально-культурной деятельности. М. Кастельс определил глобализацию как «новую экономику», назвав в качестве основных ее характеристик информацию, знания и информационные технологии, которые выступают главными источниками роста производительности и конкурентоспособности. Эта новая экономика организуется, по мнению эксперта, преимущественно через сетевую структуру менеджмента, производства и распределения.

Таким образом, постиндустриальные процессы, как и процессы информатизации, информационные технологии и соответствующие межкультурные коммуникации, являются каузальными *детерминантами* глобализации, в то время как сама глобализация при такой постановке вопроса относится к разряду *следственных* процессов. Тем не менее, опираясь на логику взаимосвязи причины и следствия, глобализация и ее особенности должны быть рассмотрены в контексте постиндустриального и информационного развития, подчеркивая тем самым его тенденции и сущность.

Особая проблема – это не только объективный, но и *субъективный* характер глобализации, ее порой внешне традиционные, но по сути совершенно новые движущие силы и структуры. Мощным и весьма противоре-

чивым субъектом этого процесса являются *транснациональные корпорации* (ТНК). Внешне они почтенного возраста, имеют многовековую предысторию. Современные ТНК не только во многом унаследовали стиль деятельности своих предтеч, но и кардинально изменили масштабы и способы, прежде всего организационно-технологическую и информационно-коммуникативную базу своей деятельности. «Новейшие телекоммуникационные информационные технологии, – пишет эксперт МГИМО, профессор Ю. В. Шишков, – создали наднациональные мосты, благодаря которым информация легко преодолевает на своем пути физические преграды и государственные границы. Беспрецедентно облегчается организация международного инвестирования капиталов, кооперирования производства и маркетинга на фирменном уровне, как и взаимоприспособление макроэкономической политики разных государств на уровне правительств и центральных банков... Благодаря информационной революции формируется, в сущности, новая мировая экономика, где... конкуренция национальных технико-экономических потенциалов резко обостряется. Вместе с тем в условиях информационного интегрирования мира складываются предпосылки для глобализации таких процессов, которые до сих пор оставались локальными по самой своей природе...» [1, с. 152].

По сути планетарный размах деятельности транснациональных корпораций привел к появлению *глобальных* сетевых структур и методов их деятельности. К их основным характеристикам относятся: 1) отказ от рутинных средств коммуникации; 2) выстраивание горизонтальных связей, замена односторонней зависимости взаимозависимостью; 3) замещение административных указов (иерархия) нормами «справедливого обмена»; 4) гибкость и адаптивность; 5) формирование взаимовыгодного подхода, заменяющего формальный; 6) синергетический эффект как результат объединения возможностей отдельных элементов организации [2].

Многонациональные корпорации – это, как правило, глобальные сетевые организации, которые на основе прежних (традиционных) технологий коммуникации едва ли могли бы возникнуть в силу четырех основных препятствий: большие расстояния, замедленный темп деятельности, разные временные зоны, разнообразие культур. Современные электронные технологии коммуникации достаточно успешно позволяют нейтрализовать первые две причины. Третья проблема едва ли может быть решена лишь за счет технического прогресса, но электронные переводчики, мультимедийные сети и коммуникационные базы данных позволяют смягчить ее остроту [3].

Данное обстоятельство привносит существенные изменения в представления о глобально-коммуникативной общности организаций. Если традиционно такая общность формировалась по территориальному признаку, а работники прежде всего идентифицировали себя с конкретной организацией, имея ввиду ее географическое, экономическое или политическое положение, то возникновение глобальных сетевых организаций пред-

полагает формирование коллективов из разбросанных по всему миру людей с общими интересами, предполагая их виртуальное присутствие в структуре организации.

Иначе говоря, современные средства и формы коммуникации не только характеризуют тип технологического уклада в его традиционном социально-производственном значении, но и существенно влияют на формирование новых типов организации и особенностей ее функционирования. Анализ зависимости организационной структуры и технологий коммуникации позволяет утверждать, что в настоящее время коммуникационные технологии и организации являются однородными гомогенными образованиями, во многом определяя существование и развитие друг друга.

«Разработка формы, в которой существует информационная технология, – отмечают Х. Лукас и Дж. Бароди, – и формы существования организации в значительной степени являются сходной задачей» [4, р. 9].

Лидирующие позиции ряда современных государств напрямую связаны с их преимуществами в инновационно-технологической и информационно-коммуникативной сферах. Именно по этим показателям они демонстрируют сегодня дух глобализационной экспансии, что связывается с восприятием глобализации как экспансии ценностей отдельных государств. Последнее обстоятельство можно отнести к числу отрицательно воспринимаемых черт глобализации. Но противопоставить что-либо данной тенденции можно лишь в контексте осознания того, что глобализация – это своего рода конкуренция и состязательность, наводящие на мысль о качестве товаров, услуг, национально-культурных достижений, политико-государственных приоритетов, демонстрирующих свои преимущества в глобализирующемся универсуме аналогичных явлений.

Список литературы

1. Шишков, Ю. В. Глобализация экономики – продукт индустриализации и информатизации социума / Ю. В. Шишков // *Обществ. науки и современность*. – 2002. – № 2. – С. 146–160.
2. Porat, M. *The Information Economy: Development and Measurement* / M. Porat, M. Rubin. – Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 1977. – 265 p.
3. Monge, P. R. *Global network organizations // Organization means communication* / In R. Cesaria and P. S. Shockley-Zalabak (Eds.). – Rome : SIPI, 1995. – P. 135–151.
4. Lucas, H. C. *The role of Information Technology in Organization Design* / H. C. Lucas, J. Baroudi // *J. of Management Information Systems*. – 1994. – Vol. 10, № 4. – P. 9–24.

Н. А. Лазаревич

(Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь,
lazarevich@anitex.by)

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

На современном этапе цивилизационного развития фактически перед любым государством стоит задача обеспечения стабильности и устойчивого роста. Особую роль в реализации этой задачи играет экологическая политика государства. Поскольку экологическая безопасность в настоящее время является неотъемлемой частью системы национальной безопасности, экологическое сознание становится таким образом важнейшим условием реализации ряда политических задач.

Формирование и актуализация этих задач осуществляется в рамках так называемой экологической модернизации. Анализ концепций экологической модернизации, сформулированных в работах О. Аксеновой, Й. Хубера, А. Мола, А. Панарина, позволяет сделать вывод о том, что все они ориентированы на коренное изменение сложившихся моделей взаимосвязи институтов современного общества и окружающей среды, а также на трансформацию самих общественных и государственных институтов. Экомодернизация как политическая стратегия предполагает серьезные изменения в формах, методах осуществления экологической политики.

В существующих подходах государства к вызовам экологического кризиса акцентируются традиционные (экономические) аспекты. Вместе с тем, желателен вывод о том, что основной вектор развития мировой цивилизации должен быть направлен не столько на извлечение экономических интересов, сколько на ограничение потребления природных ресурсов до минимально необходимых значений. Поэтому актуальной является проблема экологизации сознания социального субъекта, формирование его экологической культуры вообще и экополитической культуры в частности. Экологические программы в таком случае должны быть составной частью современного политического процесса. Примером могут служить политические дискуссии по поводу Киотских протоколов, конференции ООН по окружающей среде и развитию, в которых принимают активное участие главы государств и правительств.

Изучение экологических аспектов современного политического процесса актуально еще и потому, что прогресс современной техногенной цивилизации сопряжен с рядом новых проблем экологической безопасности, с выяснением механизмов, факторов, путей снижения демографических, медицинских, технологических, духовно-культурных угроз. Деятельность современных государств по обеспечению экологической безопасности напрямую связана с выработкой мер по защите жизненно важных интересов личности и общества, в условиях усиливающихся последствий и

угроз, которые обусловлены негативными изменениями (деградацией) окружающей среды, возникающими в результате антропогенного влияния на нее.

Экологическая безопасность большинства современных государств дестабилизируется следующими факторами: ухудшением качества среды обитания, ведущим к снижению продолжительности жизни, увеличению заболеваемости, смертности и ухудшению генофонда населения; деградацией возобновляемых природных ресурсов; истощением невозобновляемых природных ресурсов; возрастанием риска крупных техногенных катастроф; радиоактивным загрязнением, загрязнением воздушного бассейна и изменением климата; опасным загрязнением продуктов питания; ростом социальной напряженности в результате неблагоприятной экологической обстановки.

До Чернобыльской катастрофы вопросы экологической безопасности разрабатывались, как правило, в техническом и технологическом аспектах и фактически не уделялось внимание политическим последствиям экологических рисков. События, связанные с Чернобыльской катастрофой, активизировали широкий спектр политических проблем: возникновение эколого-политических движений и организаций, критическая оценка способности государственной власти управлять социальными процессами и т.п. Отсутствие научно обоснованных решений на фоне роста экологических проблем привело к тому, что экологическая политика начала формироваться под воздействием протестного движения и, как следствие, соответствующего настроения электората. Так, на выборах депутатов всех уровней представительной власти большинство депутатов, политических групп и партий предпочитают манипулировать экологическими проблемами для достижения своих целей.

Существенным фактором развития человечества в XXI веке становятся экономика, культура и экология. Экологический кризис формирует напряженность, связанную с социальной и политической дестабилизацией, порождает новое экополитическое пространство, на котором происходит заметная политизация экологического фактора и экологизация политического процесса. Перспективы современной социальной трансформации, развития «зеленых», «ноосферных» государств связываются многими учеными с инвайроментализмом, с политизацией экологических основ жизни. Экология все больше становится важной частью современного политического процесса. В свою очередь политические программы различных партий и движений активно используют экологические ценности и соответствующую риторику. Можно предположить, что в современном обществе экологические основания социальной и политической жизни, которые в традиционном обществе находились на уровне маргинальных проблем, начнут выходить на передний план политики государства, определять структуру и сущность политического процесса. Серьезное значение при этом

будет иметь практика электорального поведения. Электорат всегда формируется вокруг определенных ценностей и мировоззренческих принципов. Сознание электоральных групп обычно чутко улавливается претендентом на избираемые должности и в случае успешного исхода выборов становится в последующем важным инструментом принятия тех или иных политических решений. Экологическое сознание и мировоззрение в этом процессе оказывается не столько научно-идеализированным феноменом, сколько жизненно-практическим фактором государственной политики. Данное обстоятельство имеет и теоретический, и практический интерес, особенно в контексте взаимосвязи научного прогнозирования и истоков власти.

Экологические противоречия в социоприродных отношениях заметны влияют на ценностные ориентации и поведения людей, в силу чего экологическое сознание и мировоззрение превращаются в объект повышенного политического интереса и влияния. Экополитика при этом выступает в качестве двухуровневой системы: первый уровень соответствует стратегиям, связанным с обеспечением экобезопасности; второй уровень – с экоконкурентной борьбой в ситуации существующих или изменяющихся властно-иерархических отношений в сфере природопользования.

Превращение функционирующих на уровне общественного сознания мировоззренческих взглядов и убеждений в элементы индивидуального сознания является неотъемлемой частью процесса социализации человека. Благодаря этому процессу у индивида формируются личностные мировоззренческие принципы, он конструирует собственную программу методологической и идеологической ориентации. Экологические проблемы выступают своего рода эмпирическим материалом для обоснования необходимости изменений в сфере формирования эколого-мировоззренческих установок, которые могут служить основой гармонизации человекоприродных взаимодействий, а также условием обеспечения устойчивого развития современной цивилизации. Главным условием сохранения стабильности окружающей среды и сообщества людей является возрождение и сохранение естественных сообществ организмов в объеме, обеспечивающем устойчивость окружающей среды и бесконфликтность социоприродных отношений. Для обеспечения этого условия требуется обеспечить выработку соответствующих психологических установок, связанных с такой иерархией потребностей, в которой сама потребность сохранения природы занимала бы доминирующее место. Это достигается в первую очередь посредством совершенствования всех уровней системы экологического воспитания и образования, что неразрывно связано с политической доктриной государства.

В современном социально-экологическом знании необходимо формировать целостные, интегральные представления, позволяющие учитывать масштабы воздействия человека на окружающую среду и те изменения в ней, которые обусловлены человеческой деятельностью. В свою оче-

редь, это связано с изменением всего комплекса ценностных ориентаций человека, включая изменение стиля его мышления. Новый способ мышления строится на осознании важности устойчивости и целостности биосферы как необходимого условия сохранения пригодной для обитания человека окружающей среды. Это изменяет традиционное методологическое и аксиологическое содержание науки, ориентирует его на активизацию процессов сохранения природы и человечества. Решение данной задачи предполагает внедрение экологических принципов в естественнонаучное и гуманитарное познание и напрямую связано с формированием конструктивных механизмов принятия политических решений.

О. В. Лапа

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, hielga@tut.by)

ЗНАЧИМОСТЬ ИДЕОЛОГИИ ФЕМИНИЗМА В ИЗМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН

В широком смысле слова феминизм есть продолжение, концентрация и развитие общегуманитарной вечной идеи человечества о социальном равенстве в контексте взаимоотношений между полами. В узком смысле слова под феминизмом понимается борьба с сексизмом, признание прав женщин во всех сферах общественной жизни. В своем исследовании мы определяем феминизм как идеологию и социально-политическое движение, которые выражают и отстаивают интересы и права женщин, ориентируются на выявление гендерных аспектов власти с целью ликвидации мужского доминирования и господства во всех сферах общественной и частной жизни.

Субстанциональной основой феминизма является пол, а атрибутивной стороной данной идеологии выступает гендер. В фокусе идеологии феминизма лежат все вопросы, связанные с женщинами, проблемами пола, гендера, сексизма. Проблемное поле идеологии феминизма раскрывается посредством следующих вопросов:

- какое место занимают женщины в обществе;
- какую роль в нем играют;
- в силу каких причин возникла и почему продолжает сохраняться дискриминация женщин;
- выработка путей ликвидации угнетенного положения женщин;
- внутренняя дифференциация в среде женщин как отдельной демографической группы.

Как общественный феномен феминизм является результатом воздействия целого комплекса социально-экономических, идеологических и политических факторов. К идеологической основе феминизма относят идеи

Гуманизма, эпохи Просвещения, теории естественных прав. Среди социально-экономических условий выделяют становление индустриального общества, развитие которого требовало все более активного включения женщин в общественное производство. Поэтому не зря одними из первых требований защитников прав женщин явилось требование доступа женщин к качественному образованию, которое позволило бы им заниматься общественным трудом. Так, еще в эпоху Средневековья Кристина Пизанская писала: «Возвышенность или приниженность человека никогда не определяется телом и полом. Женщины знают меньше, потому что они не принимают участия в разнообразных трудах, а сидят дома и занимаются хозяйством... Различие объясняется неодинаковой образованностью» [1].

Для раннего феминизма характерна попытка закрепить в общественном сознании мысль, что подчиненное положение женщины есть результат исторического развития общества, которое можно и должно измениться. Э. Тоффлер, классифицируя ресурсы власти по периодам развития человеческой цивилизации, отмечал, что вначале наиболее важным ресурсом была сила. Женщина физически слабее мужчины. Кроме того экономическая сфера в основе которой лежало сельское хозяйство нуждалось именно в мужской физической силе. Результаты мужского труда были видимы и более значимы в отличие от домашней работы женщин. Женщину прежде всего рассматривали как ту, через которую можно было продолжить свой род. Подобная мысль нашла отражение и в творчестве известного мыслителя Аристотеля. В итоге постепенно ведущая позиция мужчины закрепилась в общественном сознании и социальном устройстве.

Женщину воспринимали как то, что нужно оберегать и защищать ввиду ее физической, интеллектуальной и моральной слабости. Достаточно вспомнить рассуждение эпохи Средневековья, что Ева не устояла перед искушением змия, и через нее соблазнился и сам Адам. Даже в XX столетии сохранялось убеждение, что все зло исходит от женщины. О. Вейнинггер вообще рассматривал женщину как «ничто» [2].

Однако С. де Бовуар в своих исследованиях доказывала, что репродуктивная способность женского организма, физиологические различия мужчин и женщин не определяют экзистенциального различия полов, а выступают следствием конкретных социально-исторических условий развития общества, его «нравов». «Человек не рождается женщиной, он ею становится: ни биологические, ни психологические, ни экономические причины не определяют характеристики той сущности, которую женщина представляет в обществе» [3, с. 366, 372]. Описание женщин истеричными, нервными, излишне эмоциональными существами – стереотипы, которые устойчиво функционируют в обществе, вызывая пренебрежительное и снисходительное отношение к женщине.

Ж.А. Кондорсе утверждал: «Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума мы должны считать

полное разрушение предрассудков, создавших неравенство прав между двумя полами» [4, с. 247]. С. де Бовуар, рассуждая о предрассудках, заметила: «Человечество в целом оказывается популяцией мужско рода, и женщина определяется исходя не из нее самой, а лишь по отношению к мужчине... женщину определяют по ее отличию от мужчины, но никогда мужчину не определяют по его отличиям от женщины; женщина не имеет сущности, а мужчина имеет всегда» [3, с. 674, 805]. Тем самым женщина становится Другой по отношению не только к мужчине, но и к пониманию того, что есть человек.

Таким образом, мы убеждены, что феминистское движение зарождается именно потому, что женщины хотят заявить, что они тоже люди, у которых есть права как и у мужчин, и их жизнь и деятельность не должна ограничиваться только кругом семьи и «домашними» обязанностями также, как она не ограничивается у мужчин. Поэтому заявившее о себе в мировом масштабе суфражистское движение было направлено главным образом на завоевание равных с мужчинами политических прав.

Экономические и политические условия первой половины XX столетия вынудили женщин получать такое образование, чтобы можно было работать и обеспечить себя. Первая мировая война заставила женщин рассчитывать только на свои силы – и они справились с этим. Тем самым показав, что они не настолько слабы и беззащитны, как это общепринято думать.

Завоевав политические и экономические права, суфражистское движение пошло на спад. Вообще, в развитии феминизма, исходя из состояния общества и целей феминизма, наблюдается нелинейная преемственность волнообразного характера, отмечена периодами «дискретности». Новым толчком к возрождению феминизма стали труды Б. Фридан и С. де Бовуар.

Б. Фридан, стремясь понять, почему среди американских женщин середины XX столетия, реализовавших мечту о женском счастье, так высок процент алкогольнозависимых и склонных к суициду, пришла к следующему выводу. Трагедия женщины заключается в том, что они потеряли свою подлинную идентичность и превратились просто в женщин и матерей. Женщины могут реализовывать себя как личность только опосредованно: через достижения мужа и детей, и, по существу, им отказано в собственной жизни. Выход она видит в предоставлении женщинам возможности собственного личностного развития посредством реализации имеющихся у них политических, экономических и юридических прав. Иными словами, в допуске женщин в общественную сферу производства, к качественному и конкурентному на рынке труда образованию. Формула женской идентичности, согласно Б. Фридан, включает: уровень образования, социальный статус, профессию и экономическое положение женщины. При этом Б. Фридан призывала найти баланс между общественной и домашней жизнью женщины (неполный рабочий день, отпуск по уходу за ребенком брать

и мужчинам), а феминисток – сосредоточить внимание на проблеме семьи и брака. Произведение Б. Фридан «Загадка женственности», ее сотрудничество с женскими организациями положительно повлияло не только на «пробуждение» женщин, но и на политиков, обратив их внимание на положение женщин, с целью их «выведения» из зоны невидимости.

Что касается С. де Бовуар, то она понимала освобождение женщины не как отрицание отношения между мужчиной и женщиной (подобные идеи можно встретить в радикальном крыле феминистского движения), а как отказ ограничить область функционирования женщины только частной сферой. По ее мнению, эмансипации женщин препятствуют беременность и материнство, а также нежелание мужчины потерять свое влияние и власть над женщиной. Механизм преодоления половой дискриминации С. де Бовуар видела:

- в изменении самосознания женщин и их самовосприятия;
- в развитии женщин как трансцендентного, свободного, независимого и равноценного мужчине субъекта;
- в предоставлении обществом возможности для самореализации женщины во всех сферах.

Идеи С. де Бовуар, а также концепция андрогинии, разработанная С. Бэм, способствовали формированию такого известного в современном мире понятия, как «гендер». Термин «гендер» рассматривается как позиция и способ поведения индивида, социально сконструированные в соответствии с тем, что данная культура ожидает от определенных полов ролей. Тем самым подчеркивается не природная, а социокультурная причина межполовых различий.

Возникновение гендерного аспекта позволило феминисткам по-иному исследовать корни сексизма и, соответственно, выработать качественно иную, более разностороннюю тактику и стратегию действий, ориентированную на трансформацию властных основ дискриминации. Поэтому на сегодняшний день феминизм не ограничивается общественно-политическим движением, не представляет собой монолитную идеологию, а затрагивает исследования различных научных направлений, расширяет и меняет смысл и значение устоявшихся понятий и представлений, способствует возникновению новых феноменов в жизнедеятельности общества (напр., политкорректность, «личное – есть политическое», свобода и др.). Идеология феминизма продолжает развиваться, поскольку отлично вписывается во множественность смыслов и значений постмодернизма, а гендерные исследования востребованы не только образовательной системой, но и другими сферами общества.

Таким образом, можно утверждать, что феминистское движение позволило женщинам увидеть себя как самоценную личность, не менее достойную, чем мужчина и заявить об этом громко и четко через свою общественную деятельность.

Список литературы

1. Пизанская, К. Из «Книги о Граде Женском» [Электронный ресурс] / К. Пизанская. – 2004. – Режим доступа: http://www.vvsu.ru/grc/e-library/files/iz_knigi_o_grade_jenskom.doc. – Дата доступа: 20.05.2004.
2. Вейнингер, О. Пол и характер: Принципиальное исследование / О. Вейнингер. – М. : ТЕРРА, 1999. – 464 с.
3. Бовуар, С. де. Второй пол / С. де Бовуар. – М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. – 832 с.
4. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 250 с.

О. В. Ларина

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, olgavalko@bk.ru)

РОЛЬ ЭКСТРАТЕКСТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Освещение политических событий в информационной сфере часто направлено не только на осведомление читателя, слушателя или зрителя, но и на формирование политической и социальной позиции реципиента и, следовательно, социума. СМИ в некоторой степени определяют социальные нормы и отношение к событиям, причем приоритетность и тиражированность информационного контента зачастую контролируются идеологией. Целенаправленное воздействие на ментальное и эмоциональное восприятие достигается передачей экстратекстуальных значений различными языковыми средствами, и анализ языковых средств презентации информации способствует адекватной оценке содержания и целей создания данного текста.

Семантика и прагматика текста тесно взаимосвязаны, поскольку практическое использование языка направляется культурой индивидуума и социальным контекстом. Следовательно, репрезентация речи и восприятие определяются не только лингвистической, но и когнитивной семантикой, которая обеспечивает более широкий анализ смысла дискурса. Анализ лингвистических средств социального воздействия на личностное познание выявляет различия между личностными и контекстуальными значениями, заложенными в лексиконе, с одной стороны, и социально-культурными влияниями, с другой стороны.

Идеологическая импликация при подаче информации достигается при помощи использования ряда лингвистических приемов. Большую роль играют заголовки и подзаголовки новостных сообщений, и использование ключевых понятий в главных предложениях текста. Значимость информации может быть определена когнитивной последовательностью, например

рядом умозаключений, сделанных на основе данной информации. Презентация «новых» фактов требует дискурсивного подхода, учитывающего и ссылающегося на уже имеющиеся знания. Интерпретация фактов определяется предшествующим анализом особенностей восприятия данной тематики адресатами, и в значительной степени конструирует или моделирует социальную реальность.

Сходные значения могут быть выражены в различных синтаксических категориях в зависимости от речевых намерений, целевой аудитории, социально-политического контекста и авторского стиля. Иллюстрацией может служить способ формирования общественного мнения по поводу «полицейского государства». В предложении: *But if police safety is what we want, it seems that is most easily achieved in a police state*, утверждение, что приоритет интересов полиции легче всего достигим в полицейском государстве, приводит к выводу, что подобный подход не совпадает с интересами демократического общества. В другом примере: *Here, in the regressive, infantile wish for the perfect parent of early childhood lies the germ of the police state*, выбор лексических единиц «regressive» и «infantile» подчеркивает неодобрение и предупреждение об опасности «инфантильного» взгляда на полицейское государство как на «идеального» родителя. В следующем предложении содержится прямая критика: *Public help for the police in a police state is a rare luxury*.

Важную роль в создании ментальной модели отношения к политической реальности играют грамматические особенности построения текста, например, использование вопросительных конструкций, условных предложений или категории модальности. Вопросительная конструкция является распространенной уловкой, чтобы выработать более «разговорный» стиль и вовлечь реципиента в коммуникацию; условные предложения предлагают адресату рассмотреть различные сценарии развития событий; модальность позволяет избежать категоричности, которая может вызвать неприятие. Актуальная информация также может быть подчеркнута повторениями, которые сигнализируют, насколько значима информация для автора. Использование цепи негативных или позитивных коллокаций помогает расставить акценты, не прибегая к прямым заявлениям: *One can only speculate on the effect of long-term unemployment on vandalism, football hooliganism and the crime rate in general*.

Однако основным измерением дискурса является выбор лексических средств. Яркий пример идеологически контролируемого лексикона представляют собой предикаты, используемые для обозначения социальной роли участников политического процесса. Например, позиция автора четко определена выбором термина «separatist», «terrorist» или «freedom-fighter». Социально-обозначенные роли людей или групп, сформированных в зависимости от типа и степени их ответственности или вовлечения в позитивные или негативные действия, обозначаются коннотацией семан-

тики утверждений. Если социальная группа настойчиво описывается как ответственный агент негативного воздействия (преступления или насилия), то сама формулировка утверждения способствует созданию негативного образа такой группы: *Sentencing policies, as a result of law and order campaigns mean the prisoners are younger and more likely to be black*. Аналогичным образом выполняется идеологическая установка создания позитивного образа.

Важная роль в передаче внетекстовой информации принадлежит клише, идиомам, метафоре и противопоставлениям, которые гарантированно обеспечивают «правильную» цепочку ассоциаций и аллюзий: *But it is better than the law of the jungle, where might equals right*. Такие импликации могут восприниматься реципиентами только на основе знания культурных реалий и ситуации в целом.

Официальный стиль и использование специальных терминов, например, юридического языка, как предполагается, повышают респектабельность текста и степень доверия к тому, что сказано, демонстрируют компетентность автора и добавляют веса его или ее критическому отношению: *But an obligation to obey the law as it is understood in political writings today is a mere prima-facie obligation*.

Одним из эффективных приемов семантической импликации является предположение. Используя предположения, автор выражает свою точку зрения, не декларируя ее, и убеждает реципиента, что культурный уровень и жизненный опыт помогут ему прийти к необходимым выводам без специальных объяснений. Подобный подход льстит читателю или слушателю, в то время как именно субъективные предположения часто являются спорными и идеологически обусловленными. Лингвистически предположение сигнализируется различными способами: структурными элементами, использованием определенного артикля, придаточных предложений, коннотативно окрашенных лексических единиц. Поданная следующим образом информация о реакции консерваторов на статистику преступности содержит намек на то, что партия ставит свои интересы выше общегосударственных: *The new crime figures, the last before the election, have been pounced upon with glee by the Conservatives*. В политической борьбе активно используется выборочное цитирование и обыгрываются промахи, допущенные в выступлениях и интервью. Когда официальный представитель на вопрос о том, готова ли эта администрация подчиниться закону, неосторожно ответил, что это «слишком упрощенный подход», его слова стали серьезным поводом для критики: *The question of whether this administration is willing to obey the law is too simplistic, we are told*.

Сфера политического и политологического дискурса представляет собой сложный лингвистический феномен с разнообразными средствами презентации, отражающими широкий спектр взглядов на социальные нор-

мы, ценности, права и интересы различных групп общества, и его адекватное восприятие может быть достигнуто только при осознании когнитивных целей и речевых моделей, лежащих в его основе.

Г. Н. Лебедева

(Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Россия, gal_le@list.ru)

ПРИБАЛТИКА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ГЕОПОЛИТИКА

При изучении социальных, политических, этнических и иных процессов на территории прежнего СССР три прибалтийские республики («страны Балтии») обычно относят к Европе. Тем более не стоит считать тихую Прибалтику частью сытой и спокойной Европы, оазисом стабильности в «постсовременную» эпоху. Регион имеет слишком важное геополитическое значение и слишком слаб демографически и экономически. При этом само по себе членство в НАТО и ЕС способно только втянуть Прибалтику в конфликты, не имеющие к ней никакого отношения.

Географически Прибалтика имеет важнейшее значение для внешнеполитических связей России. Она находится на прямом пути от центральных областей России в Европу. Площадь региона – 189,1 тыс. км². Прибалтика поставила своего рода рекорд по убыли населения в мирное время в результате депопуляции и эмиграции, потеряв за годы «свободы» 21 % населения. Все это делает весьма печальными перспективы региона как самостоятельной экономической и политической силы.

Прибалтийский регион, находящийся на пересечении мировых торговых путей, всегда был полиэтничным. Помимо эстонцев, латышей и литовцев, в Прибалтике проживали и другие этносы. К их числу можно отнести ныне официально не существующих латгалов Латвии (в 1934 году они были объявлены латышами, хотя по вероисповеданию, языку и культуре серьезно отличаются от собственно латышей), ливов (реликтовый этнос Латвии финно-угорского происхождения), виленских поляков. До 1940 года на протяжении семи веков в Эстонии и Латвии проживали остзейские немцы. Наконец, русские появились в крае еще в далекой древности.

В «Повести Временных лет» среди народов, «иже дань дают Руси», упоминаются чудь (нынешние эстонцы), весь (вепсы, живущие в Ленинградской области), зимигола (земгалы), корсь (курши, предки современных латышей), ливы, емь (хяме, то есть часть современных финнов), литва.

Прибалтийские уроженцы часто делали на Руси значительную карьеру. Так, уже в договоре князя Игоря с Византией 944 года упоминается княжеский дружинник из «Либи», то есть из племени ливов. В этом же договоре упомянут Петр Ялминдов из племени емь. Некий Семен Емин,

так же из еми, в 1218 году был избран новгородским тысяцким. Все это свидетельствует об отсутствии какой-либо дискриминации и угнетении прибалтийских народов со стороны русских.

Для прибалтийских республик период 1920–1940 гг. можно обозначить одним словом – стагнация. В упадке была промышленность, так и не достигшая уровня 1913 года. Закрылись сотни передовых промышленных предприятий, происходила аграризация экономики и отток населения в село. Население Риги уменьшилось с 518 тысяч в 1913 году до 348 тысяч в 1939 году, Двинска (Даугавпилса) – со 113 тыс до 45 тыс., Лиепай – с 95 тысяч до 57 тыс., в Нарве, Резекне и в ряде других городов население уменьшилось в 2 раза. Впрочем, уменьшалось и все население республик. В Латвии население уменьшилось с 2,5 млн в 1913 году до 1,9 млн в 1939 г. В Эстонии численность населения сократилась с 1 126 тыс. в 1913 г, до 1 052 тыс. в 1939 году, причем убыль обеспечивали именно эстонцы (с 1 011 тысяч человек в 1913 году численность коренной нации сократилась до 965 тысяч в 1939 году). Причина была проста: в годы «свободы» в Латвии и Эстонии умирало больше чем рождалось, и происходила убыль населения. В католической Литве население росло, но нищета и безработица привели к массовой эмиграции за океан. Всего в 1920–1930 гг. из 2,2 млн жителей Литвы эмигрировало свыше 100 тыс.

В этническом плане события 1939–1944 гг. сопровождалась полным исчезновением остзейских немцев, а также эстляндских шведов. Погибла значительная часть 320-тысячного еврейского населения региона. Кроме того, значительно уменьшилось польское население Литвы.

В советский период истории население всех прибалтийских республик росло, частично благодаря механическому приросту из РСФСР, Украины и Белоруссии, но в основном все же благодаря естественному приросту самих «коренных» прибалтов.

В 1989 году, накануне независимости, Латвия имела нормальную промышленную экономику, имела 2 658 651 человек постоянно проживающего населения. После провозглашения независимости в 1992 г. сейм Латвии принял законопроект, объявивший русский язык иностранным, что лишило русское население права обучаться на родном языке и можно считать насильственной ассимиляцией русскоязычного населения. Были замазаны все вывески и названия улиц, русский язык удалили из делопроизводства, даже в больницах и поликлиниках.

Латвия потеряла в результате эмиграции к 2012 году 390 тысяч человек, а с учетом депопуляции население республики уменьшилось на 644 тысячи человек. На начало 2016 года население Латвии составило 1 971 тыс. жителей. Впрочем, исследование американского экономиста Н. Рубини показало, что официальная статистика занижала численность выбывающих за рубеж. Это делалось простым способом: чтобы считаться официально выбывшим, житель Латвии должен совершить официальную проце-

дуру в соответствующих инстанциях на родине, но т.к. это не дает никаких бонусов, то эту процедуру выполняют единицы. Неофициально численность населения называют 1,7 млн чел. А из оставшихся каждый 5 трудоспособного возраста – безработный.

Из Литвы с 1989 по 2010 года уехало, как официально признано, 550 тысяч человек (15 % населения), при этом превышение смертности над рождаемостью уменьшило численность жителей Литвы еще на 190 тысяч человек. Напомним, что в 1989 году в Литовской ССР проживали 3 690 тысяч человека, а во время переписи 2011 года позволялось сообщать сведения по интернету, так что многие эмигранты могли объявить себя в ходе переписи находящимися в Литве. В одном 2013 году на 1 000 жителей республики приходилось 3,9 умерших и 5,7 эмигрировавших. В начале 2016 года в Литве проживали, по официальным данным, 2 888 тысяч жителей.

В Эстонии население также сокращается – с 1 573 тыс. человек в 1989 году до 1 313 тыс. в 2015 году. Также на демографию Эстонии оказывает воздействие эмиграция. В одном 2012 году из Эстонии выехали 10 871 человек. Но реальное число эмигрантов из Эстонии сосчитать сложно.

Причины понятны: многие литовцы, латыши и эстонцы скрывают свое пребывание за рубежом, чтобы не платить налогов со своих тамошних заработков. Некоторые из них числятся безработными, так что, напротив, экспаты из Прибалтики могут получать небольшое пособие. Власти так же склонны «улучшать» статистику, поскольку до 20 % доходной части бюджета прибалтийских республик составляют дотации ЕС, а их начисляют, исходя из общей численности населения. Наконец, имеется и психологически-пропагандистский повод скрывать размер исхода прибалтов: оказывается, вся борьба за «свободу» Балтии велась для того, что ее покинуть!

Практически основой всего народного хозяйства прибалтийских республик является транзит товаров из России и в Россию через балтийские порты – основной источник поступления в государственную казну.

Все европейские государства заинтересованы в этом регионе: торговля, коммуникации, история. Для России этот регион важен и для будущего – России необходим надежный спокойный морской путь в европейские страны.

По иронии судьбы в экономической сфере Прибалтика в наши дни является более зависимой от России, чем во времена СССР. И вступление в Евросоюз не сможет предложить Прибалтике никаких иных других экономических мотивов, кроме углубления связей с Россией.

Но есть у региона еще и социально – экономический аспект. Поставленные в неравноправное положение (в одной только Латвии существует 68 ограничений для неграждан), русские, для которых заблокированы пути в политику или культуру, стали активно заниматься бизнесом. Вообще положение русских в Прибалтике сравнимо с положением армян в Османской империи конца XIX века, евреев в России начала XX века или с китай-

цами в современной Малайзии. Презируемые и дискриминируемые, эти меньшинства подчинили себе всю хозяйственную жизнь этих стран. Нечто подобное по-прибалтийски тихо и незаметно происходит в Прибалтике. Да, именно русскоязычные жители с их советским менталитетом, оказались гораздо более способными к предпринимательству, чем гордящиеся своей «европейскостью» коренные прибалты. Нетрудно догадаться, что рано или поздно «русскоязычная» часть населения, овладевшая значительной частью экономической власти, потребует себе и соответствующую долю власти политической.

Л. З. Левит

(Центр психологического здоровья и образования, г. Минск, Беларусь,
leolev44@tut.by)

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПРОТИВ МАРКСИСТСКИХ ЛОЗУНГОВ

В данной статье мы продемонстрируем невозможность осуществления основного марксистского лозунга «От каждого по способностям, каждому по потребностям» в свете последних достижений психологической науки. В 1875 году, когда основоположник научного коммунизма создавал «Критику Готской программы», психологическая наука делала первые неуверенные шаги. Поэтому К. Маркс не мог учитывать ее достижения в своих теоретических построениях. Теперь, спустя полтора столетия, можно сопоставить накопленные психологией знания с главными марксистскими положениями.

По мнению К. Маркса, на высшей стадии коммунизма труд станет основной потребностью человека [5]. Это произойдет в результате высокого развития производительных сил и товарного изобилия, вследствие чего каждый индивид получит возможность развивать собственный талант – трудиться по призванию. При этом свободный труд каждого человека будет направлен на благо всего коммунистического общества.

В обсуждаемом лозунге прямое отношение к сфере психологии имеют понятия «способности» и «потребности». Начнем с последних. Потребность в труде не относится к числу «главных», «фундаментальных», с которыми новорожденный появляется на свет – в отличие, например, от пищевой потребности. Легко привести контраргументы, согласно которым, труд является не «конечной» ценностью, существующей для самой себя, а «инструментальной» активностью, осуществляемой индивидом ради достижения других «конечных» целей (самосохранения, субъективного благополучия и т.д.). Если конечная цель быстрее достигается иными (более простыми) путями, от былых «инструментальных» возможностей легко отказываются.

Поэтому *первое возражение* К. Марксу заключается в следующем: каким образом потребность, не принадлежащая к числу врожденных и фундаментальных, может превратиться в главную?

В настоящее время известно, что первичная (конечная) мотивация человека, тесно связанная с его основными потребностями, является эгоистической – направленной на обеспечение выживания и повышение собственного благополучия. Достижению конечной (эгоистической) цели могут соответствовать как эгоистические, так и альтруистические действия, совершаемые индивидом [3]. Признание эгоистической природы первичной мотивации, а также направленности всех действий человека в конечном итоге на заботу о собственных интересах заставляет нас выдвинуть *второе возражение*: каким образом эгоистически устроенный индивид пожелает свободно отдавать свой труд на благо всего общества, а не на собственное благо?

Теперь обсудим понятие «способности». Современные исследования (как и наблюдаемая реальность) показывают, что уникальными врожденными способностями (талантом) обладает лишь небольшой процент людей. Остальные, по всей вероятности, остаются от рождения «с пустыми руками». Простейшим примером является высокая наследуемость уровня интеллекта [9]. Отсюда *третье возражение*: о каком труде каждого «по способностям» может идти речь, если большинство людей никаких особых способностей не имеет?

Согласно предварительным оценкам, индивиды, способные к успешной самоактуализации, составляют менее одного процента населения [6]. Доверительный интервал, вычисленный нами на основе статистики тренингов самореализации [4], простирается от десятых долей процента (минимум) до 19 процентов (максимум) для всего населения. То есть, в самом благоприятном случае, трудиться «по способностям» сможет лишь каждый пятый человек. Каким тогда будет коммунизм для остального большинства с точки зрения «свободного развития таланта»?

Также известно, что обладающие врожденным потенциалом и материальным достатком люди далеко не всегда склонны к практической реализации своих достоинств – причем как раз из-за необходимости постоянного и упорного труда по развитию и воплощению своих способностей. Например, среди студентов А. Маслоу к стадии самоактуализации никто так и не перешел [8]. Указанная закономерность заставляет выдвинуть *четвертое возражение*: способно ли изобилие товаров при коммунизме побудить индивида к свободному труду, когда в наличии имеется более простая альтернатива – избегать труда и при этом свободно удовлетворять свои фундаментальные (материально ориентированные) потребности? Иными словами, быть паразитом и наслаждаться легкой жизнью.

Современные исследования демонстрируют рост гедонистических тенденций (стремления к удовольствию) среди населения земного шара по мере роста материального благополучия [10]. В то же время до сих пор не обнаружено, что труд из тягостной необходимости превращается для большинства в главную жизненную потребность. Наше *пятое возражение* заключается в

следующем: может ли свободно выбираемый, высокоиндивидуализированный труд немногих одаренных субъектов обслуживать стандартные, гедонистически ориентированные потребности социума в целом? Вряд ли.

Отметим еще одну несообразность во взглядах К. Маркса. Обретение трудом статуса главной потребности подразумевает, что она превзойдет не только желание потребления (последнее, согласно данной логике, должно уменьшиться), но и фундаментальные потребности в самосохранении, выживании. Картина, при которой индивид много работает, мало потребляет, да еще и способен умереть в результате такого *нечеловеческого* труда, больше напоминает нацистский концлагерь с его одиозным лозунгом «Труд делает свободным».

Все же некоторые идеи К. Маркса успешно воплощаются в жизнь – правда, лишь небольшим числом индивидов с иным мировоззрением. Речь идет об эвдемонизме (и эвдемонии как способе существования) – философской традиции, ведущей начало от Сократа и Аристотеля. Индивид трактует свой уникальный внутренний потенциал как главную жизненную ценность, реализация которой приносит и наивысшее счастье [1]. Эвдемонический образ жизни связан с высоким уровнем сложности свободно выбираемой деятельности, умеренным материальным потреблением и просоциальным поведением в целом [10]. Трудовая активность приобретает ауто-телическую природу – осуществляется ради самой себя [7]. Труд для таких людей действительно превращается в наиболее значимую потребность.

И тем не менее эвдемонизм сильно отличается от коммунизма. Во-первых, речь идет о лишь немногих, одаренных от природы индивидах, не избегающих тяжелого труда в целях развития и реализации своего уникального дарования. Во-вторых, (и это самое главное), основной целью их активности является не благосостояние всего общества, а собственное счастье. Польза социуму выступает лишь в качестве сопутствующего результата осуществляемой деятельности. Указанные признаки позволили нам связать закономерности эвдемонии с понятием «эгоизм», развившемся к своему высшему уровню – зрелому индивидуализму [2].

Таким образом, особенности человеческой природы, выявленные современной наукой, доказывают неосуществимость марксистских взглядов на переустройство общества и заставляют считать коммунистические идеи очередной утопией.

Список литературы

1. Левит, Л. З. Эвдемония: жизнь для героя / Л. З. Левит // Современная зарубежная психология. – 2013. – № 1. – С. 69–77.
2. Левит, Л. З. Индивидуальный потенциал и его реализация: двусистемная концепция : в 2 ч. / Л. З. Левит. – Минск : РИВШ, 2014. – Ч. 1. – 418 с.
3. Левит, Л. З. Эгоистическая мотивация: экспериментальные результаты и теоретический дискурс / Л. З. Левит // Психология обучения. – 2016. – № 1. – С. 4–17.

4. Левит, Л. З. Внутренний идеал: альтернатива современным утопиям / Л. З. Левит // Проблемы управления. – 2016. – № 1 (58). – Сер. А и В. – С. 90–100.
5. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс. – М. : Изд-во полит. лит., 1979. – 48 с.
6. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 352 с.
7. Чиксентмихайи, М. Поток: психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи. – М. : Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 464 с.
8. Frick, W. B. Remembering Maslow: Reflections on a 1968 interview / W. B. Frick // Journal of Humanistic Psychology. – 2000. – Vol. 40, no. 2. – P. 128–147.
9. Lynn, R. The chosen people / R. Lynn. – Wasington Summit Publishers, 2011. – 416 p.
10. Ryan, R. M. Living well: A self-determination theory perspective on eudaimonia / R. M. Ryan, V. Huta, E. L. Deci // Journal of Happiness Studies. – 2008. – Vol. 9. – P. 139–170.

Д. В. Левчук

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
llanfajr@gmail.com)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СТРАТЕГИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ «ПРЕЗУМПЦИИ СОГЛАСИЯ» ПРИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В 1997 г. был принят Закон Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» [1] (далее – Закон). Закон представляет собой комплексный, систематизированный законодательный акт, который регулирует общественные отношения в сфере определения условий и порядка трансплантации органов и тканей человека, условий забора органов и тканей у живого и трупного донора, прав и обязанностей живого донора, порядка получения согласия реципиента на трансплантацию, определения организаций здравоохранения, имеющих права на осуществление забора органов и тканей и трансплантацию, а также в сфере осуществления международного сотрудничества в области обмена органами и тканями человека на безвозмездной основе в целях оптимального подбора пар донор-реципиент [7].

На сегодняшний день рассматриваемый Закон изменялся и дополнялся три раза [2; 3; 4], что – в целом – говорит о его несовершенстве. Изменения и дополнения в Закон вносились в целях реализации права населения Республики Беларусь на охрану жизни и здоровья, а также в целях обеспечения правовых и организационных основ государственного регулирования в области трансплантации органов и тканей человека.

В новой редакции Закона от 9 января 2007 г. № 207-З [2] исключена норма, предусматривающая обязательное уведомление местных органов прокуратуры о предстоящем заборе органов и тканей у живого донора. При этом устанавливается принцип «презумпции согласия». Это значит,

что у любого человека после смерти может быть изъят орган для трансплантации, за исключением случаев, когда при жизни потенциальный донор написал официальный отказ от донорства, или когда заявление о несогласии на забор органов представили супруг (супруга), близкие родственники или законный представитель умершего.

Поправки в Закон от 13 июля 2012 г. № 407-З [3] предполагали создание единой базы данных людей, несогласных с тем, что после смерти у них могут забрать органы или ткани для трансплантации. На основании постановления Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2012 г. № 1216 «О порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации» [5] Министерство здравоохранения Республики Беларусь утвердило «Инструкцию о порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации» [6].

Единый регистр трансплантации создан на базе Республиканского научно-практического центра «Трансплантации органов и тканей» [8] при учреждении здравоохранения «9-я городская клиническая больница» г. Минска. Включению в Единый регистр трансплантации подлежат сведения о лицах, которые заявили о несогласии на забор органов для трансплантации после смерти, и о лицах, которым проведена трансплантация органа (органов) и (или) тканей.

Для включения в Единый регистр необходимо предоставить в государственную организацию здравоохранения по месту жительства (пребывания) или в ту, где гражданину оказывают медицинскую помощь письменное заявление о несогласии на забор органов или тканей после смерти для трансплантации. Сведения, включенные в Единый регистр составляют врачебную тайну.

Таким образом, в Республике Беларусь общую координацию по изъятию и пересадке органов тканей осуществляет Республиканский научно-практический центр «Трансплантации органов и тканей». Мало кто из белорусов знает, что свой отказ на изъятие органов или тканей после смерти для трансплантации необходимо обозначить посредством внесения себя в Единый регистр трансплантации. Отметим также, что законодатель умалчивает и об обязанности сообщения родственникам умершего самого факта изъятия органов или тканей.

На основании вышеизложенного, в борьбе с неравенством и социальной несправедливостью, предлагается внести в законодательство Республики Беларусь некоторые нормы из международных национальных социальных стратегий по регулированию трансплантации органов и тканей человека.

Внести в Закон норму, предусматривающую обязанность медицинских учреждений, проводящих изъятие органов или тканей у трупа, сообщать о факте изъятия трансплантата родственникам умершего. Причиной внесения данных дополнений является сам факт существования на сегодняшний день в Беларуси «презумпции согласия» донорства, что требует

определенных гарантий прав родственников при изъятии органов и тканей без их согласия. Кроме того, это право – знать, что органы или ткани умершего родственника использованы для трансплантации, охватывается правом на достойное отношение к телу человека после смерти.

Ввести так называемый донорский паспорт, в котором каждый гражданин обязан указать согласие или отказ на изъятие его органов или тканей в случае его смерти. Скорее всего такой донорский паспорт должен выдаваться министерством внутренних дел. С учетом вводимого донорского паспорта, стоит подумать и над созданием соответствующих страховых медицинских программ. В данном паспорте потенциальным донором также может быть указан круг ближайших родственников, для которых изымаемые органы и ткани могут предназначаться в первую очередь в случае, если они будут нуждаться в таковых. Обязательное обладание и ношение донорского паспорта каждым гражданином будет направлено на защиту достоинства человека и личности и охрану его здоровья. Наличие донорского паспорта позволит ускорить процесс оказания медицинской помощи людям, которые остро нуждаются в пересадке органов или тканей, а также осуществлять всесторонний контроль за использованием органов и тканей человека.

Необходимость нормативного установления приведенных выше положений для белорусского законодательства о трансплантации органов и тканей человека обусловлена моделью предполагаемого согласия на трансплантацию органов или тканей. «Презумпция согласия» предлагает недостаточные гарантии для защиты индивидуальной автономии потенциальных доноров перед глобальными вызовами и угрозами.

Список литературы

1. О трансплантации органов и тканей человека : Закон Респ. Беларусь от 4 мар. 1997 г. № 28-3 / Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1997. – № 9. – С. 196.
2. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2007 г. № 207-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 15. – 2/1304 <Н10700207>
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам трансплантации органов и тканей человека : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 407-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 19.07.2012. – 2/1959 <Н11200407>
4. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 1 янв. 2015 г. № 232-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 11.01.2015. – 2/2230 <Н11500232>
5. О порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 27 дек. 2012 г. № 1216 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 04.01.2013. –

5/36701 – Минск. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21201216&p1=1>. – Дата доступа: 15.03.2016.

6. Об утверждении Инструкции о порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 18 марта 2013 г. № 19 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск. – 13.04.2013. – 8/27388. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=W21327388&p1=1>. – Дата доступа: 15.03.2016.

7. Куприянова, Н. Н. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» [Электронный ресурс] / Н. Н. Куприянова // Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск. – Режим доступа: <http://www.center.gov.by/article48.html>. – Дата доступа: 15.03.2016.

8. Республиканский научно-практический центр «Трансплантации органов и тканей» [Электронный ресурс] / УЗ «9-я городская клиническая больница». – Минск. – Режим доступа: <http://m9gkb.by/respublikanskij-nauchno-prakticheskij-tsentr-transplantatsii-organov>. – Дата доступа: 15.03.2016.

И. Я. Левяш

(Институт философии НАНБ, г. Минск, Беларусь, levyash@mail.bn.by)

ГЕОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТИЖЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Любая идентичность, в том числе и этнонациональная, была и остается подлинной загадкой Сфинкс. Эта загадка метафорически выражена в парадоксе классика: «Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы... Кто здесь Эдип? Кто Сфинкс?» [1, с. 154]. Говоря философским языком, это двуединый вопрос диалектического тождества, т.е. совпадения и несовпадения противоположностей. Они предстают в двух основных версиях. Первая из них – *релятивистская* – сводится к тому, что страна видит себя глазами референтного внешнего, но *конституирующего* Другого, и в этом духе Гегель писал: «Самопознание народов состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах. Для этого они должны доказать, что являются собой самостоятельные народы» [2, с. 480]. Однако на вопрос: *кому* доказывать? – Ф. Достоевский отвечал без «оглядки» на другие народы: «Только бы мы осамились, стали самими собой» – и это непреходящая идея русского Екклесиаста [3, с. 137]. Следуя ему, В. Розанов ясно писал: «Истинное отношение каждого только к себе» [4, с. 323].

Такой подход предполагает концептуальное осмысление проблемы с позиций триединого вопроса: «*Откуда мы? Кто мы? Куда (и с кем) мы?*»¹.

¹ Этот по сути геософский вопрос впервые сформулировал французский художник П. Гоген. Изобразив жителей острова Таити смотрящими на диск солнца, он снабдил свою картину названием-триадой: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы?»

Этот триединый вопрос корректно применить и к проблематике позиционирования Беларуси в мире. *Хронотоп* белорусского Дома далеко не очевиден. Возможно ли объяснить его *только* с геополитической, геоэкономической или социокультурной точек зрения? Подобно Польше или Чехии, мы находимся в центре Европы, но наши проблемы, во многом совпадая и даже имея общие исторические корни, все же имеют специфический характер.

В узкоспециализированном и даже междисциплинарном знании можно продвинуться с точки зрения «теории факторов», но невозможно достичь многомерной *целостности* в постижении проблемы. На наш взгляд, она достижима только в *геософском* знании, способном «схватить» глубинные основания синергии факторов.

Такой подход предполагает опору на верифицируемые в конкретно-историческом опыте *основания*. К. Калиновский отмечал, что «история выработала для белорусов *особую национальность*, и они владеют всеми условиями для самостоятельного развития». В какой же культурно-цивилизационной нише сформировались белорусы как «особая национальность»? Этот вопрос решают все субъекты в процессе своего культурно-исторического самоопределения. В свое время Гете писал: «Deutschland? Aber wo liegt es? Ich weiss das Land nicht zu finden» («Германия? Но где она? Я не могу найти этой страны»). В Великобритании до сих пор не определились со своей атлантической или европейской природой, и многие там утверждают, что британцы – «не европейцы».

Определение «самости» Беларуси – также во многом открытая проблема. В этой связи примечательно, что чем менее мыслители и эксперты официозны, тем более независимы и адекватны их суждения. Экс-президент ФРГ Р. Херцог заявил: «Европа – нечто большее, чем Европейский Союз. К ней непременно относится и Россия со своей историей и культурой» [5]. Характерно и суждение экс-президента Польши А. Квасьневского: «Беларусь – не сосед Европы, а *европейский сосед*». Обобщающая оценка содержится в издании Евросоюза: «Беларусь – неотъемлемая часть европейского наследия и европейского сообщества наций» [6, с. 21].

Европейский хронотоп белорусского Дома неуклонно *конкретизируется* в контексте «открытия» Центральной Европы. Введение термина «*Центральная Европа*» (ЦЕ) в постдисциплинарный европейский дискурс требует пересмотра как его чисто географической версии, так и неопределенности термина «Центральная и Восточная Европа» (ЦВЕ). Степень соответствия Беларуси основным параметрам именно *центральноевропейского* (среднеевропейского) суперрегиона, населяющих его среднеевропейских народов такова: а) «цветущая сложность» (К. Леонтьев) или максимум многообразия при минимуме жизненного пространства; б) историческая общность христианской культуры народов Средней Европы и вместе с тем водораздел ее основных ветвей; в) острый дефицит материально-

энергетических ресурсов и тем не менее – наличие главного производительного ресурса – квалифицированного работника; г) наследие объектов, нередко и «дубъектов» (А. Платонов), но неизменно – аутсайдеров великих держав; д) основной театр военных действий прошедших и потенциальных мировых войн.

В такой системной оптике Беларусь предстает как значимая глава единой древнерусской и не все более известной центральноевропейской истории, которая, как подчеркивал А. Тойнби, формировалась *более* тысячелетия, еще *до* хрестоматийной колыбели – Киевской Руси. Но и в наше время немецкий исследователь А. Зам отмечает, что ситуация в Беларуси имеет свои *аналогии* в немецком развитии, которое получило название Sonderweg – *особый путь*. Белорусский Sonderweg, при всей его уникальности, – однопорядковый с поиском народов, которые искали и обретают свою *центральноевропейскую* идентичность *вопреки* многовековой и неослабевающей гравитации «Запада» и «Востока».

В геософском аспекте методологически важным является взаимосвязь и вместе с тем различие смысловых терминов «*традиции*» и «*наследие*». Первые являются доступной с позиций «теории факторов» суммой процессов и событий, которые произошли в истории данного субъекта в совокупности их позитивных, нейтральных и даже негативных проявлений. Второе же – это результат качественного отбора в традициях именно позитивного, непреходящего, способного играть роль наследия, «точки опоры» в модернизации конкретно-исторического субъекта.

В истории Беларуси создан богатый арсенал артефактов, способных быть достойным наследием в процессе ее современного возрождения и самоутверждения в современном мире. В этой поучительной картине заметно выделяется эпоха ВКЛ – «золотой век» белорусского Возрождения, символический ключ белорусской национальной идеи. В этот период в Беларуси произошло кардинальное культурное обновление, которое обрело *общевропейскую* ценность. ВКЛ – «это исконная Русь, существовавшая на старом корню, медленно эволюционирующая, но не срывающаяся со своих жизненных устоев, ... на этом фундаменте создавалась и вся дальнейшая стройка...», формировался жизненный уклад, «имеющий много сходного с западноевропейским феодализмом» [7, с. 75-76, 80]. «В итоге среди динамичных общественных слоев... происходит переориентация на западные нормы и ценности», что означало «включение их в круг *центральноевропейской* цивилизационной модели». «Вестернизацию» белорусских земель нельзя преувеличивать... Но и отвергать *историческую особость* белорусов, ... также неверно» [8, с. 181, 182].

Отмеченные процессы инициируют выражение их хронотопа в терминах *пограничья, моста, ворот, контактной зоны*. На наш взгляд, суть проблемы может быть адекватно выражена смысловым термином «фронтир». Этимологически фронтир восходит к англ. frontier – «граница», а истори-

чески – к концепции фронта как «пограничья» между цивилизацией и «варварским» миром. Эволюция содержания этого термина позволяет ввести его в научный дискурс как одну из смыслообразующих геософских идей. В отличие от границы и во многом – в противоположность ей, *фронтир* – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных практик, во взаимодействии которых, в конечном счете, все более отчетливо кристаллизуется определенный культурно-цивилизационный вектор – в определенном конкретно-историческом хронотопе.

Для Беларуси он не «западный» и не «восточный», а автохтонный – *центральноевропейский*. В 1994 г. на международном форуме в Минске подчеркивалось, что Беларусь существует не в «ближнем зарубежье», а у себя Дома» [9]. «Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – МЫ ВЫБИРАЕМ БЕЛАРУСЬ, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе» [10] – такова концептуально и политически зрелая формула *субъектности* современной Беларуси.

В таком контексте Беларусь предстает как самостоятельный или составной субъект *центральноевропейской* истории и современности и, следовательно, ее *историческая судьба* – это взаимодействие в культурно-цивилизационном ареале семейства центрально – или средневропейских народов и государств, а *выбор* – в *характере* взаимодействия между ними и в русле этого сложнейшего процесса – суверенного *самоопределения и сотрудничества* как с ЕвроЗападом, так и ЕвроВостоком в потенциально перспективной парадигме «интеграции интеграций».

Список литературы

1. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Кн. 2 / Ф. Ницше. – М. : Сирин, 1990.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990.
3. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 11 / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1974.
4. Розанов, В. В. Опавшие листья (Короб первый). Т. 2 / В. В. Розанов. – М. : Правда, 1990.
5. Независимая газета. – 20.05.1999.
6. Еўрабюлетэнь. Навіны супрацоўніцтва. – Минск, 2013.
7. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М., 1915.
8. Риер, Я. Цивилизации средневековой Европы / Я. Риер // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX, XX. – С. 165–187.
9. Левяш, И. Я. Русские в Беларуси: дома или в гостях? / И. Я. Левяш // Социс. – 1994. – № 8-9; Левяш, И. Я. Средняя Европа: структура и политический выбор / И. Я. Левяш // Полис. – 1995. – № 1.
10. Лукашенко, А. Г. Исторический выбор Беларуси : лекция Президента Респ. Беларусь в БГУ / А. Г. Лукашенко. – Минск, 2003.

Б. М. Лепешко

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест,
Беларусь, bogys_lepieszko.tut.by)

ИСТОКИ ВЗАИМОНЕПОНИМАНИЯ

Об информационной войне сказано очень много. Если собрать библиографию, получится не одна сотня публикаций, от солидных политологических монографий до лаконичных статей на злобу дня. Типичный пример – недавнее интервью главы департамента по работе со СМИ российского МИДа Марии Захаровой. Все акценты расставлены: и того порядка, что информационная война против, например, России ведётся по инициативе Вашингтона, и то, что западники выступают здесь единым фронтом, и то, что часто нужны не солидные статьи в порядке опровержения, а троллинг самого обычного характера. В принципе, характер, суть, формы и методы информационной войны изложены на всех уровнях ясно, недвусмысленно, откровенно и фундаментально. Но нет ответа на главный вопрос: почему эта война ведётся столь ожесточённо и постоянно и почему главным адресатом здесь выступает Россия?

Не надо, конечно, думать, что только и исключительно Россия выступает мишенью многочисленных выступлений в рамках информационной (иногда её называют и гибридной, но это отдельная тема) войны. Мы хорошо помним информационные атаки на Беларусь. Периодически возникают конфликты и по оси запад – запад, объектом нападок становятся не только государства-изгои, вроде КНДР, но и страны, пользующиеся несомненным авторитетом на международной арене. Но именно Россия постоянно является предметом постоянных и жёстких информационных атак, и это не объяснишь исключительно фигурой лидера, осуществляемой политикой, промахами (когда реальными, когда надуманными) во внешней, прежде всего, политике. Здесь вопрос более фундаментального характера, связанный не только с интерпретацией конкретных фактов и тактикой, но и стратегией, далеко идущими целями и задачами, которые не объяснишь с помощью округлой мидовской фразеологии.

Вопрос в том, что непонимание политики (а более широко – и выбора религиозных предпочтений, сути ментальных характеристик и т.д.) России присутствует достаточно давно. Не будем углубляться в историю вопроса, назовём лишь ключевые имена отечественных мыслителей, многое сказавших на эту тему. Это П. Чаадаев, очевидно, он был первым. Это славянофилы и западники. Это их эпигоны, а также В. Соловьёв, Ф. Страхов, Н. Данилевский с замечательной работой «Россия и Европа». Позже – евразийцы, потом появление «железного занавеса» и полное непонимание того, что происходит за этим занавесом со стороны тех, кто пытался что-то понять. Помним советский лозунг «Два мира – два образа жизни», который был в каком-то смысле абсолютно верным. Помним и тот крах либе-

ральных иллюзий, который был связан с деятельностью реформаторов горбачёвско-ельцинской поры. В итоге вот и сегодня можем констатировать, что, в принципе, со времени «Философического письма» П. Чаадаева ничего по большому счёту не изменилось. То есть, есть с одной стороны Россия (раньше бы добавили – и весь восточнославянский мир), с другой стороны Запад, который нынче ассоциируется всё больше со странами Евросоюза. С одной стороны – мир православный, в своей основе, с другой – мир, переживающий эпоху кризиса христианства и насаждающий совсем иную систему ценностей, либеральных по своей сути и абсолютизирующий пресловутые права человека. С одной стороны, восточнославянская цивилизация, со стороны другой западная цивилизация, переживающие всё то же непонимание друг друга и периодически скатывающиеся в эпохи неприкрытых конфронтаций, как, допустим, это происходит сегодня. Что бы и как мы не говорили, западный обыватель, даже благожелательно настроенный, часто не понимает того, что происходит по ту сторону Шенгенской зоны. Более того, он и не стремится особенно это понять, поскольку многовековой опыт свидетельствует, что эти попытки достаточно редко были удачными. Если послушать, например, ныне британских политиков, то легко приходишь к выводу, что всё плохо исключительно в одной стране света и виновато в этом, прежде всего, соответствующее государство. Услышать благожелательный отзыв американцев о России можно было лишь тогда, когда страна сдавала одну позицию за другой, и бывший министр иностранных дел г-н Козырев принимался «на ура» в столицах западного мира потому, что желал быть плотью от плоти этого мира.

Да не покажется аналогия спорной, но почему столь хорошо, дружелюбно встречают С. Алексиевич в странах, столицах западного мира? Да потому, что она говорит, пишет именно то, что хочет услышать западный обыватель. Что Россия, Беларусь заблудились на этом свете. Что весь наш выбор (цивилизационного пути, религии и т.д.) был в принципе неверен, ошибочен. Что страна живёт в атмосфере страха, неуверенности, что народы запуганы и зашуганы, и получается, лишь С. Алексиевич вместе с её западными партнёрами знает, как достичь цивилизационной благодати. Нечто похожее – в политике, в том числе и в политике международной. Почему «на ура» будет воспринята любая критика России? Да потому, что она, эта критика коренится в многовековом опыте «взаимонепонимания» между странами и народами. Варвары, схизматы – это лишь самые мягкие характеристики, которые можно было услышать за последние двести лет. Долго и бессмысленно в этом контексте говорили о «мостах» между цивилизациями, бессмысленно, потому что эффективного, взаимоприемлемого решения так и не добились до сего дня. Конечно, что-то меняется, где-то могут быть прорывы, но заметьте, как быстро и болезненно все мы скатываемся периодически в ту же яму взаимного непонимания. Сколько бы, не говорили «халва», а страны НАТО уже фактически на границах России.

Сколько бы не говорили про «мир и дружбу», а Россия непрерывно проводит военные учения и такое чувство, что весь этот взаимный «напряг» может внезапно лопнуть, взорваться. Сколько бы не уговаривали друг друга соблюдать международное право, от этого международного права осталась лишь дырка от бублика, достаточно вспомнить в этом контексте ситуацию по Крыму. Как повторяли фразу российского императора про то, что у России есть лишь два союзника, армия и флот, так и повторяем её до сих пор. Как вспоминали Крымскую войну 1853 года, её уроки, так и вспоминаем сегодня. По большому счёту, с начала XIX века изменилось очень мало. Да, орудия устрашения стали ещё более страшными. Да, фразеология поменялась, и нынче мы оперируем гибридной войной вместо войны странной или холодной. Но суть-то та же. И, есть опасения, этот конфликт носит характер перманентный. Вот этот, последний вывод самый неприятный. То есть, нет проблеска для формирования настроения, политики реального взаимопонимания. Раньше говорили, что ядерные силы сдерживания – вот тот фундамент, на котором возможен долгий и прочный мир. Нынче и это не пугает. Вообще ситуация меняется к худшему, как иначе расценивать, например, длительный конфликт на Украине, который «взорвал» не только мир в регионе, но и поднял со дна многие вроде бы ушедшие реликты прошлого, как национализм и иные проявления человеконенавистнической психологии. Странная вещь: чем больше произносится слов о дружбе, взаимопонимании, тем больше выхолащивается их суть и большинство воспринимает их как нечто преходящее, сиюминутное, типа «вот дождь прошёл» или «тучка по небу пробежала». Всё больше выпячивается прагматизм, далеко не лучшее изобретение человечества, связано с сугубым интересом, преследованием, прежде всего, корыстных интересов. Прагматизм вместо «мира во всём мире» – что ж, и это альтернатива, только от неё становится тошно не понарошку, как говорят дети, а по настоящему. Вернуться бы к идеализму, пусть наивному, но к тому, где нет бомб, снарядов, где в лесу или поле не хватают твою лошадь под уздцы и не кричат: «Кто такой и куда едешь?».

Другими словами, взаимонепонимание между Россией и западным миром носит многовековой, постоянный, репродуцируемый из поколения в поколение характер, и истоки этого недопонимания необходимо искать и находить во всей системе взаимоотношений, во всей системе основополагающих идей. Мало того, такого рода взаимонепонимание носит мистический характер, в том смысле мистический, что выходит за пределы сугубо рационального осмысления проблемы. Некоторые вещи, процессы объяснить нельзя, их можно лишь принять как данность и анализировать с помощью инструментария постнеклассической методологии.

Н. Е. Лихачев, С. Н. Лихачева

(Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
г. Могилев, Беларусь, lihacheva_sn@mail.ru)

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОГИЛЁВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Комплекс представлений о материальной жизни сельского сообщества основывается на отношениях собственности. Социальные потребности людей подчинены, прежде всего, потреблению и качеству жизни определяется количеством материальных ценностей и их денежным эквивалентом. Повседневная жизнь села выдвигает на первый план потребление, а самоуважение и авторитет человека зависит от наличия в его распоряжении определенного набора материальных благ. Собственность во всех ее разновидностях лежит в основе межличностных и социально-экономических отношений. Они базируются на условиях производства материальных ресурсов, их распределения и обмена, потребления. Если первые три фактора представляют собой в большей степени область экономики, то потребление характеризуется социальной направленностью.

Проблема собственности одна из самых дискуссионных в предметной области общественных наук. В советское время она была жестко идеологизирована и отклонения от официальной коллективистской оценки не допускались. Вопросы собственнических отношений на постсоветском пространстве не получили также однозначной оценки, но не будем вторгаться в сферу экономической науки, а перейдем к оценке феномена собственности с социологических позиций. Ряд исследователей склоняются к наличию множественности форм собственности. «В настоящее время, например, существуют общественная, частная, государственная, муниципальная, семейная, индивидуальная, кооперативная, акционерная, монополистическая, фермерская формы собственности и ряд других» [1, с. 14]. Другие полагают, что значимы только две ее основные формы: частная и государственная. Под государственной понимается ограничение интересов частного собственника интересами общества и, собственно, активы, которые попадают под такие ограничения. В свою очередь «частная собственность – это способность хозяйствующих субъектов использовать принадлежащие им активы в собственных интересах, по их собственному волеизъявлению без ограничений со стороны общности более высокого уровня (государства)» [2, с. 84].

Собственнические отношения – это, прежде всего, принципы взаимодействия людей по поводу материальных ценностей, условий их производства и использования. Общество не может существовать, не упорядочив правила имущественных отношений. Поэтому дефиницию «собственность» можно кратко определить как «социальная упорядоченность иму-

щественных отношений» [2, с. 80]. Но при анализе жизни села необходимо иметь в виду, что агросфера – это особая социально-экономическая и духовная система со своим внутренним миром и взаимоотношениями, специфическими интересами и собственной логикой развития. Это пространственный базис хозяйственной деятельности людей, основанный на использовании земельных, водных, материальных и трудовых ресурсов для решения не только продовольственно-сырьевых задач, но и обеспечения устойчивого развития общества в целом. Здесь представления об отношениях собственности несколько иные, и она соотносится главным образом, с личным имуществом. Что же касается государственной и кооперативной собственности, то сельчанин чаще всего рассматривает их как источники зарабатывания денег и чуждых личным интересам.

Землепользование является одним из старейших и важнейших видов человеческой деятельности, оно есть необходимое условие становления и развития общества. В ходе этого процесса, где субъектом выступает человек, а объектом – земля, происходит использование потребительских свойств земли, ее растительного и животного ресурсов, а также размещение производственных и социальных объектов. Допуская потерю земельных угодий, местное руководство не учитывает следующие факторы. Первое, земля, как естественный природный ресурс, должна выполнять свою важнейшую функцию – являться средством производства и быть источником материального благополучия. Второе, земля предоставляет населению территориальное жизненное пространство, давая тем самым возможность развиваться поселениям, социальным группам, слоям и обществу в целом. Третье, земля для сельчанина – не просто источник получения средств существования, она является местом его рождения, социализации, формирования этнических, культурных воззрений, гражданской идентичности. Стремление получить от земли только экономическую выгоду и недостаточный учет ее социальных функций формирует безответственное отношение к использованию, поддержанию плодородия, культурного состояния и, как следствие, потерю интереса у сельских жителей к работе на земле.

Как подчеркивает академик В.Г. Гусаков: «Собственность на землю гарантирует ее неприкосновенность, а также стоимостную оценку в виде недвижимости капитала. Крестьяне в этом случае получают возможность привлечения дополнительных заемных средств и инвестиций под фактическую стоимость земли в виде ипотеки и тем самым дополнительные источники в расширении производства, повышении его эффективности» [3, с. 623]. В перспективе руководству страны придется решать проблему приватизации земли. Несомненно, развитие института собственности, в том числе и на земельные угодья, стимулирует трудовую активность человека, потому что создает возможность накопления богатства. Но в современных условиях Беларуси сельским предпринимателям не хватает не земли, ведь имеется немало резервных площадей, которые можно вовлечь в

сельхозпроизводство, а не хватает материальных средств для ее обработки, оборудования, помещения. Другими словами, рыночные отношения и развитие аграрной предпринимательской среды тормозятся нехваткой капиталов. Вероятно, есть необходимость осуществлять поэтапный переход к купле-продаже земельных участков исключительно для организации частного сельхозпроизводства. Предлагается такая схема: с потенциальным фермером заключается договор аренды земельного надела сроком на 50 лет. Если через пять лет он продемонстрирует стабильность своего хозяйства и пожелает стать владельцем надела, то можно предоставить ему возможность выкупить землю в собственность по частям. Это позволит использовать ее в качестве залога под кредиты и привлекло наследников предпринимателя к аграрной деятельности. Однако такое положение должно распространяться только на земли сельскохозяйственного назначения и для агропроизводства. Если пойти на частичную продажу земли для целей агропредпринимательства, на снижение налогового пресса и создание равных условий для дотаций и инвестирования, то частная инициатива может дать существенную прибавку продовольствия и агросырья.

В нынешних условиях расширения товарности сельских домохозяйств пока проявляется как тенденция и не приобрела характера массового явления. Большинство сельчан живет надеждой на рост зарплаты в СПК и делает ставку на государственное воспомоществование. Такой вывод напрашивается при анализе ответов респондентов на вопрос: «Хотите ли Вы приобрести надел земли в частную собственность?» – да, хочу (8,4 %); хочу, но у меня нет для этого материальных средств (20,4 %); нет, не хочу приобретать землю в частную собственность (71,2 %). Собственнические интересы не являются постоянными, они меняются в зависимости от исторических и экономических условий общественного развития. Если в дореволюционную эпоху авторитет крестьянина в социуме и его экономическое положение определялось размером обрабатываемого надела, то в современных условиях этот фактор большой значимости не имеет. Современное крестьянство в своей основной массе потеряло интерес к труду на собственной земле, довольствуется занятостью в общественном производстве и на небольшом приусадебном участке. Следует отметить – в сельских поселениях Беларуси не сформировалось сколько-нибудь значительная социальная база для частного землепользования.

При анализе установок сельчан по поводу собственности необходимо опираться на доминирующую в их среде систему ценностей и сформировавшийся менталитет. Для более полного понимания структуры и механизма формирования подходов к собственности вычленим такие дефиниции, как «присвоенная собственность» и «произведенная собственность». К первой относятся те материальные ценности и ресурсы, которые дарованы природой человеку. Скажем, дары леса, полезные ископаемые и т.п. не производятся непосредственно человеком, а присваиваются. Произведен-

ная собственность – есть продукт целенаправленного труда с использованием природных и искусственных материалов и инструментов. Такое членение этого понятия необходимо учитывать при анализе отношения сельчан к собственности на земельные угодья. Для белорусского народа земля представляет нечто большее, нежели средство производства материальных ценностей и развития экономического пространства. Она выступает как присвоенная собственность, как территория формирования родовых мест, сохранения традиций и духовности народа.

Список литературы

1. Лоскутов, В. И. Экономические и правовые отношения собственности / В. И. Лоскутов. – Ростов н/Д : Феникс, 2002.
2. Ефимчук, И. В. Собственность как социальная система : моногр. / И. В. Ефимчук. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2004.
3. Гусаков, В. Г. Вопросы рыночного развития АПК. Избранные труды : в 2 кн. Кн. 2 / В. Г. Гусаков. – Минск : Беларуская навука, 2013.

А. И. Лойко

(Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь,
philosophy@bntu.by)

**ЕВРАЗИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК
РЕСУРС БЕЛАРУСИ В ДИАЛОГЕ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ**

Беларусь приобрела огромный опыт участия в межгосударственном диалоге Европы и России. Этому способствовали в немалой степени факторы экономической географии. В средние века страна оказалась в эпицентре формирования торговых путей из варяг в греки, соединивших Северную Европу с Южной Европой через Черное море. Еще одно пространство торговых отношений с участием городов Беларуси возникло при активном участии торгового союза вольных немецких городов под названием «Ганза». Балтийское море стало центром торговых коммуникаций и логистики. По берегам рек, впадавших в Балтийское море, возникали города, которые благодаря торговым отношениям оказывались в едином пространстве не только экономических, но и культурных отношений. Во многом фактор торговли сыграл роль в формировании старобелорусского языка. К такому выводу пришел известный славист Ф. Карский по итогам анализа текстов берестяных грамот, найденных в Витебске и Смоленске.

Монголо-татарское нашествие нарушило многие процессы, связанные с диалогом Европы и Евразии. Московское государство оказалось на многие столетия изолированным от европейского экономического пространства. Беларусь, напротив, на основе институтов государства в форме Великого Княжества Литовского всячески стремилась сохранить диалог

Евразии и Европы на уровне взаимных экономических интересов. Развитие торговли способствовало распространению Магдебургского права. В аграрном секторе сформировались крупные магнатории, ориентированные на производство и экспорт зерна. Семьи магнатов сопровождали свою деятельность культурной миссией поддержки книгопечатанья, духовных традиций, строительства светской и культовой архитектуры. Толерантность и веротерпимость сформировали уникальное пространство сосуществования различных религиозных общин. В этом пространстве нашли себе место пруссы, татары, евреи, русские старообрядцы, украинцы, православные и католики.

Беларусь в составе Великого Княжества Литовского наладило активный диалог с Королевством Польским в рамках Речи Посполитой и получила возможность непосредственного участия в региональном разделении труда, сложившемся в Европе в XV–XVII столетиях. Политические процессы, имевшие место в XVIII столетии, ненадолго прервали этот опыт. В результате политических разделов Речи Посполитой экономика Беларуси оказалась в пространстве Северной Евразии, активно двигавшейся в направлении европейского рынка товаров, услуг, образа жизни. Позитивную роль играли реформы, начатые Петром I. После распада Российской империи на ее территории возник СССР, в рамках которого Беларусь была представлена союзной республикой со значительными политическими признаками самостоятельного государства. Об этом свидетельствует ее членство в ООН, статус одного из учредителей этой международной организации. Важным экономическим фактором, сформировавшим специфику промышленной и аграрной деятельности в Беларуси, стало формирование разделения труда между экономическими организациями советских республик. В области добычи нефти и ее переработки Беларусь стала располагать огромными нефтеперерабатывающими комплексами союзного значения, ориентированными на европейский рынок энергоресурсов. Подобная модель деятельности сформировалась в машиностроительном, аграрном, горнохимическом, металлургическом комплексах. Производственные мощности белорусской промышленности стали значительно превышать ее внутренние потребности и предопределили экспортную направленность национальной экономики. Эта особенность сделала независимое белорусское государство после распада СССР одним из инициаторов быстрого восстановления евразийского рынка товаров и услуг. Используются различные модели процесса реинтеграции, соответствующие возможностям постсоветских государств. Больше всего по экономической отдаче продвинулись проекты Союзного государства и евразийского экономического пространства. При этом белорусская экономика исторически находится и в европейском регионе. Деление на евразийский и европейский регионы в большей степени связано с геополитическими реалиями современности, в рамках которых конфронтация в форме гибридной войны наносит удар по ис-

торически сложившемуся единому экономическому пространству от Лисабона до Владивостока. В Беларуси это хорошо понимают. Поэтому экономические приоритеты ставят на первый план по отношению к геополитическим приоритетам. Позиция Беларуси в подобном виде оказалась эффективной при создании условий для мирного урегулирования на Украине. Когда Европейский Союз увидел заинтересованность Беларуси в диалоге государств, то перенастроил свои приоритеты в сторону диалога с евразийским экономическим пространством. Следует отметить, что евразийская стратегия диалога настроена на доминанту отношений с Европой. В рамках евразийства важную роль в создании приоритета диалога сыграл уроженец Беларуси П.С. Бореницкий. На это обстоятельство эволюции евразийства обратили внимание российские исследователи [1]. В основном речь идет о том, что евразийство перестало ассоциироваться только с византийско-православным мировоззрением. Именно по этому пути трансформации евразийства пошел Л.Н. Гумилев, создавший уникальную философию межкультурного диалога народов Евразии и Европы. Она привлекла внимание Н.А. Назарбаева [2]. При этом важно иметь в виду, что евразийцы, даже находясь в начальном этапе формулирования своих идей, формулировали приоритет диалога с Европой. Так, П.Н. Савицкий писал: «Утверждая личностную природу евразийской культуры, евразийцы ценят и чтят это качество и в других окружающих культурах. Уже и в чисто формальном смысле для них неприемлема установка навязывания своего решения другим культурам. Они желают сближения с другими» [3, с. 125]. Схожесть политических настроений постсоветских евразийских государств в вопросах взаимодействия с Европейским Союзом стала очевидной после приобретения ими независимости. Это видно на примере Беларуси и Казахстана [4].

По-новому, в свете открывшейся перспективы диалога Евразии и Европы, выглядят философские наработки Л.Н. Гумилева по комплиментарным практикам. Они указывают на обширную тематику поиска народами Европы единого языка культуры. Именно в этих целях Ж. Ле Гофф видел необходимость серии «Становление Европы». Одним из первых на поставленную задачу отреагировал У. Эко [5]. На протяжении многих столетий белорусы, будучи европейцами, искали для европейской культуры язык диалога. Одновременно современная Беларусь ищет в себе этот язык. Из этнического языка он стал полиэтническим, национальным. В пространстве белорусской культуры актуализированы феномены витебской, парижской художественных школ и связанной с ними эстетики. Беларусь открывает для себя собственное европейское наследие в виде работ представителей отечественного Возрождения, Нового времени, Просвещения, классического периода. Европейскую науку и технику развивали Ф. Скорина, Н. Гусовский, К. Семьянович, Т. Костюшко, Я. Почобут-Одлянцкий, С. Маймон, А. Довгирд. На личном уровне имели место контакты Ф. Скорины и

М. Лютера, К. Семяновича и Р. Декарта. С. Маймона и Г. Фихте, А.О. Маковельского и Э. Кассирера. По новому в белорусской культуре видятся образы семей Радзивиллов, Сапег, Огинских. Новое прочтение началось истории промышленной революции в Беларуси. Государство реконструировало белорусскую часть Августовского канала. Созданы условия для водного туризма. Белорусским исследователям еще предстоит прочитать много архивных материалов на латинском, польском, немецком, английском языках. Это связано с тем, что Беларусь начинает вести активный диалог с европейской семьей народов. В этой семье экономика всегда опосредована культурным фактором. У каждой из европейских стран есть то, что делает отношения Беларуси с Европой более аргументированными. В первую очередь таким ресурсом является совместная история. Она открывает путь к различным сферам взаимопонимания. При этом создаются условия для экономики Беларуси, диверсификации ее экспорта, увеличения роли транзита. Создаются условия для глобальных проектов, в первую очередь для шелкового пути, призванного стать сосудистой системой общего евразийского рынка в самом широком его понимании.

Список литературы

1. Антипенко, Л. Г. К вопросу о евразийстве (окончание) / Л. Г. Антипенко // Вестник Российского философского общества. – 2012. – № 2. – С. 119–121.
2. Н. А. Назарбаев и евразийство (к 100-летию Л. Н. Гумилева). – Астана, 2012.
3. Савицкий, П. Н. Евразийство как исторический замысел / П. Н. Савицкий // Истоки евразийства: сб. науч. тр. евразийцев. – Астана, 2012. – С. 123–139.
4. Общая история единения народов. Роль лидеров Казахстана и Беларуси в становлении и развитии независимых государств. – Минск, 2015.
5. Эко, У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. – СПб., 2009.

Л. Е. Лойко

(Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, larisa.loiko@tut.by)

ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ И ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Одним из важнейших институтов государственной идеологии является пропаганда. Посредством этого института государство осуществляет диалог с гражданским обществом, находясь в режиме обратной связи с населением. Через институт пропаганды государство конструирует информационное пространство национальных интересов и национальной безопасности. Институтом пропаганды пользуется не только государство, но и политические партии и движения. Пропаганда нашла активное применение

ние в рыночной экономике в форме технологий рекламы, связей с ответственностью. Экономические задачи сформировали информационное пространство диалога с потенциальными покупателями, формирующими ресурсы емкого внутреннего рынка, устойчивого спроса.

Присутствие института пропаганды в политике и экономике определило плюрализм методологических подходов к определению этого феномена. Так, Г. Лебон подчеркивал обращенность пропагандистской деятельности к широким слоям [1, с. 311]. В современной российской политологии институт пропаганды рассматривается как средство политической коммуникации. Д.А. Волконогов в структуре этого института акцентирует методы «психологических операций», отражающих цели и конкретные задачи идеологической работы. По мнению Е.В. Матусевича, пропаганда является инструментом распространения идеологии [2, с. 70]. А.Н. Лебедев-Любимов, в рамках экономической проблематики, рассматривает пропаганду как вид рекламной деятельности: «Пропаганда рекламирует политику государств, правительств, партий, точки зрения и взгляды на те или иные события и пр., участвует в формировании имиджей, используя для этого как традиционное убеждение, так и методы суггестивного воздействия» [3, с. 25].

Институт пропаганды представляет собой системно организованную деятельность. Она направлена на распространение знаний, интерпретацию культурных традиций и обычаев, трансляцию художественных ценностей, актуализацию коммуникативных механизмов, фиксирующих ментальные особенности народа. Ее целью является формирование определенных взглядов, представлений, эмоциональных состояний, чувственных переживаний. Распространение в информационном пространстве нации идеологии и политики государственных интересов и приоритетов оказывает существенное влияние и на социальное поведение граждан.

Современные средства трансляции информации, связанные со сферой высоких технологий, несут в себе не только позитивный потенциал деятельности. В определенных ситуациях они могут быть использованы с целью манипуляции массовым сознанием. Учитывая такую угрозу, институт пропаганды должен разрабатывать и использовать систему защитных механизмов по отношению к информационному пространству нации.

Пропаганда является неотъемлемой частью идеологической работы, политики, и культуры государства, имеющая целью обеспечение устойчивого развития общества. Целью пропаганды являются формирование положительного или отрицательного отношения к определенному объекту. Идея нации должна восприниматься широким кругом населения как личные убеждения каждого индивида группы. Пропаганда реализуется посредством убеждения и агитации.

Коммуникативный потенциал убеждения позволяет непосредственно обращаться к общественному сознанию, формировать личностные качества индивидов – уверенность в своих взглядах, оценках и социальных

приоритетах, установку на их практическое воплощение. В процессе убеждения не только транслируются новые знания, но и достигается их понимание, устанавливается логическая связь с реальной действительностью. В этом смысле неограниченными возможностями располагает педагогический процесс. Он основан на методике аргументации и ориентирован на сознательное осмысление социальных проблем, явлений, идей с целью дальнейшего эффективного и стабильного развития общества.

Агитация, как метод пропагандистской коммуникации, призвана стимулировать активность людей в решении социально значимых задач, мобилизовать политическое сознание населения с целью побуждения его к конструктивной деятельности. Практически агитация реализуется в кратких формулировках политических идей. Важную роль играет профессионализм визуализации лозунгов, современность их формы, ориентация на различные социальные группы, гендерные и возрастные слои населения. Агитация предполагает как устную, так и печатную деятельность. Конструктивная, грамотная агитация позволяет формировать необходимые в условиях глобализации ценности национальной солидарности, определять направленность активных социальных действий на интересы своей страны.

Основная цель пропаганды – воздействие на систему идейных, общественных и политических установок людей – достигается путём формирования новых установок, усиления или ослабления уже существующих. Под такими установками Л. Войтасик понимает сформированные под воздействием пропаганды, воспитания и опыта относительно устойчивые знания, чувства и мотивы, вызывающее отношение человека к идейным, политическим и общественным явлениям окружающей его действительности. Установки подразделяются на идеологические, политические и социальные, патриотические, интернационалистические, мировоззренческие [4, с. 257–260].

Доминирование идеологических установок в общественном сознании достигается взаимодействием рационального и эмоционально-чувственного уровней сознания. Понятия, суждения и умозаключения, которые лежат в основе идеологии государства, должны быть зафиксированы индивидом и в форме ощущений, восприятий, представлений. Адресная обращенность политических идей в каждом конкретном случае предполагает акцентирование теоретических или образно-эмоциональных форм, развернутую или лаконичную аргументацию. Успешно зарекомендовал себя и такой механизм поставленных перед пропагандой задач, как систематическое повторение ее ключевых, смыслообразующих положений.

В научной литературе существуют различные классификации пропаганды. Так, А. Цуладзе выделяет позитивную и негативную пропаганду, различая их по эмоционально-волевому признаку [5, с. 100-101]. Важную роль в определении характера пропаганды играет направленность ее психологического воздействия на массовое сознание. Развитие материально-

производственной сферы жизнедеятельности общества требует акцентирования идеи созидания. Пропаганда стойкости и героизма необходима в условиях военного времени. Она провозглашает идеи массового мужества, личного героизма, сплочения общества перед лицом военной угрозы. Пропаганда просвещения формирует социальный идеал, актуализирует культурные ценности народа, его историческую память. Нигилизм по отношению к ценностям, враждебное отношение к определенному государству, его политической системе или партии составляет основу пропаганды разрушения. Пропаганда разделения разжигает национальные, религиозные, социальные, расовые противоречия. Пропаганда устрашения связана с установками на военное превосходство одного государства над другим. Пропаганда отчаяния внушает мысль о безнадежности индивидуального и социального бытия, неспособности политической элиты государства оценить и преодолеть негативные тенденции в экономике, социальной сфере.

Пропагандистская деятельность классифицируется и по ее источнику. Она может осуществляться от имени официального источника («белая» пропаганда); от неопределенного источника («серая» пропаганда); от намеренно скрытого источника («черная» пропаганда). «Белая» пропаганда исходит от властных структур государства и находит своего адресата через систему публикаций в правительственных средствах массовой информации. Идентификация источников «черной» и «серой» пропаганды затруднена. Она обычно представлена в анонимных публикациях. Ее истинные цели замаскированы, утверждения не верифицируемы, логика доказательства нарушена. Критическое отношение к этим двум видам пропаганды является одной из задач воспитания молодежи и студентов. Поэтому основополагающим принципом пропаганды является закрепление идеологических установок и аксиом в общественном сознании, укоренение базовой идеологии источника пропаганды [4, с. 111].

Пропаганда выполняет ряд функций в социальной системе. Критическая функция связана с развитием практики контрпропаганды, борьбой против бездоказательных или ложных выпадов контрагентов. Информационная функция реализует право гражданина на доступ к информации. Она носит просветительский характер и выражается в доведении до масс знаний, интерпретации с точки зрения официальной идеологии традиционных ценностей, которые могут определять успех пропаганды. Коммуникативная функция обеспечивает установление связей между отдельными сегментами аудитории, субъектами и объектами пропаганды.

Таким образом, эффективность деятельности институтов государственной идеологии напрямую связана с методологическим обеспечением ее пропагандистской работы. Содержательная компонента и конкретные технологии воздействия на общественное сознание формируются конкретными социокультурными условиями и традиционными методиками в решении практических задач пропаганды.

Список литературы

1. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000. – 347 с.
2. Матусевич, Е. В. Идеологическая работа в Республике Беларусь: в помощь идеологическому активу : пособие / Е. В. Матусевич, С. Г. Паречина ; под общ. ред. С. Н. Князева. – Минск : Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 180 с.
3. Лебедев-Любимов, А. Н. Психология рекламы / А. Н. Лебедев-Любимов. – СПб. : Питер, 2003. – 368 с.
4. Войтасик, Л. Использование психологии в системе пропаганды. Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход / Л. Войтасик. – М. : Прогресс, 1981. – 281 с.
5. Цуладзе, А. Большая манипулятивная игра / А. Цуладзе. – М. : Алгоритм, 2000. – 336 с.

Е. С. Лученкова

(Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Беларусь, elena.stepanovna@tut.by)

**СОЦИАЛЬНАЯ УСТАНОВКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ
И САМОРЕАЛИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**

Социальная установка – это устойчивые отношения субъекта к объектам окружающего мира, другим людям, самому себе. Установка обладает очень важным функциональным свойством, которое можно обозначить как относительная устойчивость. В общепсихологическом смысле функция установки состоит в том, что она обеспечивает человека способностью реагировать на ситуацию и внешние объекты на основе прошлого опыта. В обыденной жизни она закрепляет те привычки и навыки, без которых эта жизнь была бы невозможной. Однако социально-политические установки отличаются от общепсихологических. Социально-политические установки моделируют реакцию людей, не только на знакомые, но и непонятные социально-политические ситуации. В этом случае функцией социально-политической установки будет – минимизировать риск, опасность, содержащуюся в таких ситуациях. Примером такой роли установок может быть реакция экономического поведения людей на политические события, воспринимаемые как угрозу стабильности положения в стране или в мире. В моменты обострения политической напряженности многие стараются запастись товарами долгосрочного пользования и практически без необходимости покупают дорогостоящие товары. Люди не могут знать, перерастет ли политический или экономический кризис в ситуацию, сопряженную с дефицитом товаров подобной группы. Аккумулируя прошлый опыт, установка подсказывает им поведение, ориентирующееся на такую возможность.

Известно, как чутко реагируют курсы валют и ценных бумаг на бирже на политические изменения и события, происходящие в далеких странах и не имеющие явной связи с экономической действительностью, в которой живут люди, покупающие ту или иную валюту. Поэтому ощущение собственной экономической безопасности будет зависеть от стабильности (политической и экономической) ведущих мировых держав, основных носителей сберегающих валют.

В рассмотренных примерах мы имеем дело с установками, которые называются ситуационными, то есть установки на ситуацию. Из компонентов, формирующих установку – потребность, прошлый опыт и ситуация, решающую роль будут играть прошлый опыт и ситуация.

Кроме этого существуют «установки на объект». Такие установки чаще всего связаны с потребностями, предмет которых определяется самим объектом. По отношению к одним и тем же явлениям у одних людей могут преобладать установки на ситуацию, у других – на объект. Например, начиная с 2015 года, подавляющее большинство населения Беларуси испытывает ситуацию быстрого роста цен на товары и услуги жилищно-коммунального хозяйства, за которыми не поспевают их доходы. Многие реагируют на ситуацию вопросом: «Когда перестанут повышать цены?», другие: «Кто несет ответственность за повышение цен?».

Перед нами типичный случай установки на ситуацию, опирающуюся на сформированное прежним опытом представления о государстве как распределителе благ по доступным ценам.

У тех, где преобладает установка на объект, имеет место потребность идентифицировать себя с людьми, отвечающими за экономические и политические решения. Политическая идентификация – это совокупность представлений о месте человека в политическом мире, его принадлежность к определенной группе. Не всегда эта идентификация основана на ясном понимании стратегии, часто её стимулирует позитивная установка на определенную политическую фигуру (например, Президента). Объектом в социально-политической психологии может быть всё, что способно удовлетворить соответствующие потребности: группа, организация, политический лидер, система идеологических ценностей. Первоначально политологи полагали, что на формирование политической идентификации оказывают влияние политическая социализация индивида, однако исследования социальных психологов показали, что граждане охотнее себя идентифицируют с влиятельными людьми и уровень идентификации увеличивается с возрастом.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод: общественно-политическая жизнь во многих своих параметрах разворачивается на уровнях, далёких от непосредственно осознаваемых интересов. В этих условиях установки-потребности, имеющие отношение к политике служат необходимым средством психологического включения массы в общественно-политиче-

скую жизнь. Например, многие избиратели в любой стране настолько плохо представляют себе возможную политику различных партий или кандидатов, своеобразие их платформы по сравнению с соперниками, что они просто не могли бы участвовать в выборах, если бы не имели позитивных или негативных установок в отношении определенных партий и лидеров.

Любая установка соответствует той или иной потребности, потому что она способна предупреждать возникновение какого-то психологического дефицита или напряженности. Установки, приобретаемые в готовом виде из социального опыта или культуры один из важнейших компонентов уникального отношения к социальности политической жизни. Это объясняется тем, что социально-политическая жизнь охватывает множество людей со своими установками, которые заимствованы друг у друга. Такой путь усвоения социально-политических установок сближает их со стереотипами. Однако установка и стереотип – это нетождественные понятия.

Стереотип – это когнитивное образование, которое является разновидностью социального знания. Установка, кроме когнитивных, имеет ещё и мотивационную составляющую. Кроме того, в отличие от стереотипа установка не обязательно неподвижна. Установки, особенно социально-политические способны меняться. Эти изменения происходят объективно с изменениями в потребностях, в мотивах, в знании и опыте людей. В этой связи необходимо рассмотреть соотношения между потребностями и социально-политическими установками.

Первая группа потребностей представляет собой продукт переноса обыденных, личных потребностей в сферу социально-политической психологии. Такие потребности выражаются в требованиях, которые люди предъявляют государству и его институтам.

Вторая группа потребностей рождается непосредственно из социально-политических отношений людей. Например, потребность, если она интериоризирована большим количеством людей, и превратилась в мотивы их действий. На основе таких установок формируется групповое сознание, которое можно определить по Д. В. Ольшанскому как динамику группового самосознания: «группа в себе» → «группа для себя» → «группа для других».

«Группа в себе» – это понятие, отражающее начальный уровень развития группового самосознания. Где будут реализовываться потребности первого уровня.

«Группа для себя» – понятие, отражающее высокий уровень сложившегося группового самосознания. То есть группа или значительная часть её представителей уже осознает роль своей группы в социально-политической жизни.

«Группа для других» – группа с таким уровнем развития могла бы привести к государству без классового неравенства, то есть удовлетворению потребностей первого и второго уровня.

Если развитие групп рассматривать на практическом уровне, то мы такие возможности увидели в социал-демократических идейных конструкциях.

А. В. Макаревич

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, artemmakarevich@yandex.by)

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

С развитием информатизации общества средства массовой коммуникации, и Интернет в том числе, начинают оказывать все более осязаемое воздействие на различные сферы жизни социума, в том числе политическую. Это связано с некоторыми специфическими признаками, важнейшими из которых можно указать косвенный характер контактов общающихся сторон, своеобразие обратной связи (преимущественно опосредованной); одновременность воздействия на различные группы аудитории, которые рассредоточены в пространстве; высокую степень частоты и регулярности передачи информации; использование разнообразных технических средств и т.д. С учетом перечисленных особенностей необходим регулярный анализ воздействия средств массовой коммуникации на общественное сознание, общественное мнение, массовое поведение людей, особенно молодежи. В ходе исторического развития сохранились и закрепились те стереотипы воздействия человека на природное и социальное окружение, которые порождали формы, представляющие для него ценность как наиболее эффективные каналы реализации внутренних потенций и способностей [1]. В информационном обществе такие стереотипы формируются и зачастую навязываются вопреки направленности самореализации личности, утверждая и закрепляя социальные функции.

Интернет как глобальную сеть в данном случае можно рассматривать в зависимости от концептуального подхода к обществу как таковому: оптимистически-технократический подход усматривает в Интернет-технологиях инструменты освобождения; критический подход – иллюзионизацию реальности и манипуляцию сознанием при желании определенного актора. Однако в то же время в рамках обоих подходов констатируется массовость, быстрота и регулярность распространения информации, одновременность ее потребления и стереотипность.

Традиционные средства массовой коммуникации, безусловно, являются важнейшими агентами политической социализации в современном обществе. Данный статус обусловлен функциями, которые они призваны выполнять, обеспечивая граждан достоверной и актуальной информацией о наиболее важных событиях. Кроме того, благодаря им становится возможным воздействие на максимальное число людей в минимальный про-

межуток времени. Они служат наилучшим способом для изменения традиционной политической ориентации и политического поведения граждан, в т.ч. молодежи. Средства массовой коммуникации участвуют в выражении и формировании общественного мнения о тех или иных политических институтах, об экономической, политической, культурной и других сферах жизни общества; реализуют образовательную функцию. Последняя самым тесным образом связана с функцией социализации.

Новые коммуникационные технологии существенно развивают индивидуальную осведомленность, являясь социально-интеграционной силой, и играют существенную роль во взаимодействии людей. Облик XX в. во многом определился развитием таких односторонних систем электронных коммуникаций, как радио и телевидение. Интернет, объединяющий миллионы людей во всех частях света и стремительно увеличивающий количество своих абонентов, обеспечивая возможность двустороннего интерактивного общения, является революционным методом коммуникации [2], и может быть назван глобальной информационной сетью рубежа XX-XXI веков.

Самой революционной чертой политического облика Интернета является формирование с его помощью в политической сфере технологий виртуального пространства. Одновременно такой тип мыслимой политической реальности предполагает и образование соответствующих способов единения людей – виртуальных общин, свидетельствующих об объединении людей по интересам [3].

Следует отметить наличие в Интернет-среде практически всех элементов политической коммуникации, характерных для неvirtуального общества. Прежде всего, это наличие сетевых СМИ, коммуникация между элитами, партиями, политиками и гражданами, избирательные кампании, оценка и воздействие на общественное мнение, под которым зачастую подразумевается не только само общество Интернет-пользователей; политическая социализация, когда виртуальные опросы позволяют молодым людям, даже не имеющим по возрастному цензу права голоса, участвовать в анкетировании и тем самым моделируют некий избирательный процесс [4].

Увеличение информационных ресурсов населения способствует более массовому участию граждан в принятии решений. Расширение знаний о политических процессах и одновременно получение возможности сообщать свое мнение непосредственно центрам и институтам власти способствовали организации Интернет-плебисцитов, массовых опросов граждан по актуальным вопросам политического развития. Однако развитие интерактивных Интернет-форм политического дискурса не сводится только к повышению политических возможностей рядовых граждан. Власти также получают больше информации о социальных интересах, запросах, мнениях населения.

Интернет если и не создает принципиально нового типа политической коммуникации, то в результате переконфигурации уже существующих типов выводит ее на новый уровень. В комбинации с огромным объемом информации, доступной благодаря Интернету, всемирная сеть становится уникальной структурой для новых типов политической коммуникации. Вместе с тем Интернет является средством информации и коммуникации с нечеткими, конвергирующими границами: это и канал передачи данных, и канал для общения, и сфера проведения профессиональных собраний, и удобный для авторов способ распространять собственные произведения [5].

Итак, ускоряя и обогащая информационный трафик, Интернет позволяет распространять самые невероятные и абсолютно безответственные сообщения. Это нередко превращает его в орудие политических провокаций (к примеру, дезориентирующие избирателей сайты-двойники политиков, банки сетевого компромата на политических деятелей и т.п.). Источник различных конфликтов, в том числе и в сфере политики – скандальная информация, размещаемая в сети и попадающая оттуда в печатные и электронные СМИ.

Именно в силу отсутствия контроля над сетевым пространством впервые появилась возможность вынесения на политический рынок разнообразной, в том числе абсолютно эксклюзивной, информации. Интернет крайне опасен в плане манипулирования потребителями сетевой информации, следует признать его несомненные достоинства. Он способствует интенсификации информационного трафика, а также максимальному удовлетворению индивидуальных, избирательных информационных запросов. Сетевые технологии стали средством распространения любой информации как маркетингового, так и немаркетингового характера.

Понятно, что политические структуры не могли не отреагировать на такие изменения в информационных потребностях граждан. Поэтому у различных партий и органов власти, а также отдельных государственных деятелей появились собственные электронные представительства в сети. Такие авторские сайты стали непременным атрибутом их присутствия на современном политическом рынке [6].

Демократия как форма политической жизни предполагает одновременно развитие возможностей как диалога, так и монолога. Демократический процесс основывается на диалоге как средстве достижения компромисса, однако закрытые переговоры и теневые сделки могут подорвать доверие, необходимое для достижения общественного консенсуса. Рост политического сознания избирателя обуславливает необходимость создания механизма распространения политически значимой информации, однако монополизация рычагов управления СМИ снижает качество информационного монолога. Открытые публичные дебаты – многосторонняя коммуникация – являются, таким образом, демократическим синтезом диалоговых и монологических форм коммуникации. Смысл многосторонней

коммуникации в том, что каждый индивид, получающий информацию посредством любого канала, в равной мере способен принять участие в полном и идентичном контексте общественной дискуссии.

Впрочем, стихийно Интернет развивался лишь в первоначальный период. Постепенно ситуация изменилась, и государственные органы в ряде стран стали пытаться контролировать Интернет-коммуникации. И хотя абсолютный контроль над сетью, так же как и ее закрытие, практически невозможен, все же Китай, КНДР и еще почти два десятка стран ввели у себя систему косвенного государственного контроля за Интернет-коммуникациями.

С учетом именно этих особенностей Интернета, в ряду его основных акторов следует отметить и государство, и средства массовой информации, и всякого рода политические организации. Роль государства применительно к Интернету является в некоторой степени регулирующей, так как действия участников, к примеру, виртуальной дискуссии, могут попадать под действие того или иного закона; однако чаще всего эта роль сводится к освещению деятельности государственных органов на соответствующих профильных сайтах. Нельзя, вместе с этим, исключать возможность использования интернет-ресурсов спецслужбами и прочими организациями, в т. ч. правоохранительными, с целью пресечения экстремистской и террористической деятельности; данный аспект будет отдельно рассмотрен в следующей главе.

Итак, с одной стороны, Интернет предоставляет широчайшие возможности для информационного воздействия на аудиторию, что можно расценить как допущение возможности транслирования массовых стереотипов. С другой стороны, только тут любой отдельный член сообщества, при минимуме средств способен сам стать участником двустороннего процесса коммуникации, создав собственный сайт или – с развитием т.н. блогосферы – блог. Известно, что в настоящее время посещаемость некоторых сайтов и блогов отдельных индивидов превышает посещаемость сайтов национальных правительств [7].

Таким образом, вследствие стремительного и массового распространения Интернета в мире различные субъекты политического процесса – от партий до экстремистских организаций и хакерских группировок – видят неизбежным перенос своей деятельности в Интернет-среду. Именно Интернет предоставляет всем акторам политической жизни – от институционализированных и действующих в рамках закона до маргинальных и незаконных – широчайшие возможности для трансформации и интеграции в информационном обществе, наделяя их социализирующей функцией. Аналогичные тенденции использования Интернет-технологий наблюдаются и в Беларуси, в практике их применения в условиях трансформирующегося общества.

Отличаясь технически от всех ранее существовавших каналов коммуникации своей мультимедийностью и интерактивностью, Интернет пред-

ставляет собой мощный фактор социализации молодежи как основной возрастной группы пользователей – в том числе и политической. Достигается это не только удобством поиска требуемой информации, но и возможностью непосредственного осуществления политической деятельности в виртуальном пространстве. Вместе с тем, как было сказано, Интернет-среда не лишена наличия симулякров как образов отсутствующей действительности, что приводит к искажению реальности, в том числе и информационного поля. Также установлено, что субъекты политической жизни трансформируются в виртуальном пространстве Интернета за счет технических особенностей сети и необходимости достижения ими поставленных целей. Осознание потенциала Интернета, в том числе его социализирующего фактора, необходимо различным политическим силам для привлечения интереса молодежи, в условиях значительного влияния на ее социализацию развивающихся технологий виртуальной реальности. Следует признать, что влияние Интернета позволяет говорить о вступлении мирового сообщества на качественно новый уровень общественно-политических отношений. В связи с этим поиск теоретических подходов к изучению места и роли Интернета в политическом процессе представляется принципиально важным для дальнейшего изучения характеристик информационного общества.

Список литературы

1. Зобов, Р. А. Ценностные ориентации современной молодежи: истинные и ложные / Р. А. Зобов // Молодежь: тенденции социальных изменений. – СПб., 2000. – С. 68.
2. Вершинин, М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М. С. Вершинин. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – С. 64–65.
3. Политические коммуникации : учеб. пособие / под ред. А. И. Соловьева. – М. : Аспект Пресс, 2004. – С. 268.
4. Мельниченко, О. Интернет и выборы: проблемы и перспективы / О. Мельниченко // Информационно-аналитический бюллетень агентства «Обратная связь». – 2002. – № 7.
5. Варганова, Е. Л. Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество в СМИ Финляндии в европейской перспективе / Е. Л. Варганова. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – С. 80–81.
6. Петренчук, М. Партия сказала «надо», Интернет ответил «есть»? / М. Петренчук // Компьютерра. – 2003. – № 25. – 13.08.2003.
7. Григорьев, М. Политические коммуникации в век информации / М. Григорьев // Демократический выбор. – 1998. – № 16. – С. 24.

В. М. Мапельман

(Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия,
mapelman@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТАРНОСТЬ (РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА)

Значительное число современных мировых проблем порождено вмешательством в закономерности функционирования общества людей в недостаточной степени способных управлять подобными процессами, сводящих всё их разнообразие либо к политической целесообразности, либо к экономической эффективности, но в любом случае внимательно учитывающих собственное благополучное существование. Россия в этом случае не является исключением, и сопряжено это с рядом обстоятельств.

Обстоятельство первое связано с особенностями функционирования такого социально-структурного подразделения российского общества, как «государственные служащие».

С 1995 года в социальной структуре государства официально существует специфическая социальная группа – государственные служащие. По сути дела это бюджетники. Однако это особые бюджетники, которые имеют возможность обеспечивать для себя максимально стабильное положение, высокую степень социальной защищённости, благоприятные условия работы и отдыха, повышенное и динамично растущие денежное содержание (по сравнению с обычным бюджетником), большие пенсии, значительное число льгот, уверенность в максимальной лояльности закона по отношению к себе.

Конечно же, работа госслужащих трудоёмка и сопряжена с высокой степенью ответственности. Однако значительное число госслужащих стремятся попасть и удержаться в этой «особой зоне», успешно балансируя между обещаниями и извинениями за их неисполнение.

Как известно, деятельность любого человека, в том числе и чиновника, должна оцениваться по результатам его труда. Успехи наших госслужащих довольно спорны. Почти все они имеют высшее образование, но по специальности, как показывают их досье, когда-либо работали из них очень немногие или крайне недолго, да и то не на ведущих постах в своей профессиональной области. Их деятельность сопровождается бесконечными неожиданностями, ошибками, негативными последствиями, «стечениями обстоятельств», официально признанной среди них и их подчинённых массовой коррупцией. При малейшей угрозе их положению госслужащие весьма успешно успевают перемещаться из одного кресла в другое. Госслужащие готовы руководить любым делом и любым коллективом.

В ряды госслужащих стремятся попасть многие, особенно молодые люди. Благо у подавляющего большинства госслужащих и высших управленцев существует постоянно растущий аппарат помощников и советни-

ков. Чтобы от них освободиться, им надо предложить новый привлекательный, в статусном и финансовом отношениях, пост.

Обстоятельство второе порождено стремлением значительного числа государственных служащих укрепить свои позиции на занимаемых должностях путём приобретения высокого научного статуса.

Занимая чрезвычайно важные посты, требующие концентрации максимального внимания и фактически всех сил, многие чиновники, лишь став госслужащими, «находят время», для того, чтобы в течение 3–4 лет подготовить и защитить не только кандидатские, но и докторские диссертации. При этом обращает на себя внимание то, что эти степени нередко чрезвычайно далеки от полученного базового высшего образования. Наибольшей популярностью пользуются области экономики и юриспруденции.

Занимаемая должность, присвоение научной степени и учёного звания дают возможность получать надбавки. Значительное число остепенённых чиновников и политиков числятся в штате многих высших учебных заведениях, претендуя на должности профессоров. При этом, как показывает практика, большинство из них не имеют разработанных учебных курсов, не умеют выполнять методическую работу, не занимаются систематически научно-исследовательской деятельностью. Они не способны профессионально руководить курсовыми и дипломными работами, быть научными руководителями аспирантов и соискателей. Крупные чиновники, обладающие «охранной грамотой» в виде докторской научной степени (а возможно, и учёного звания профессора) нередко назначаются на должности ректоров и проректоров вузов.

Обстоятельство третье связано с тем, что государственные служащие не заинтересованы в развитии и поддержке отечественной инновационной (оригинальной, творческой) деятельности.

Дорожа собственным местом, госслужащие не хотят им рисковать, предпочитая роль исполнителей чужой воли или чужих образцов. Они испытывают естественную неуверенность в собственных знаниях и умениях (и не без основания). В связи с этим у значительного числа предлагаемых ими «новаций» торчат «ослиные уши» заимствований, как правило, зарубежных. Чужие зарубежные идеи редко анализируются, хотя они могут быть не свойственны иной культурной среде, могут быть устаревшими и даже отвергаемыми и критикуемыми у себя на родине, но всё равно их будут представлять как единственно приемлемые и лучшие образцы для подражания. Однако даже при самом положительном состоянии дел они не могут рассматриваться как прогрессивные, так как в качестве образцов берутся уже действующие конструкции и системы, а следовательно, воплощающие идеи вчерашнего дня.

Например, вялотекущая, затянувшаяся реформа образования в России. Ссылаясь на Болонский процесс, важно не забывать, что он пред-

ставляет собой ответную реакцию на глобальные кризисные явления, охватившие весь мир. Его суть – переориентировать громадные образовательные деньги граждан, циркулирующие в мире между восточным и западным полушариями, и заставить платить за обучение как можно больше и чаще.

По сути дела реформа образования ориентирует школу на подготовку дешёвой армии рабочих рук, параллельно выполняя роль эффективной преграды, подпускающей к высшему образованию немногих. Реальное базовое образование (классическое), дающее возможность школьнику, его родителям и учителям разобраться в индивидуальных талантах детей и начать их развивать, получат лишь те, чьи родители или иные «законные представители» в состоянии оплатить элитные и специализированные школы или дополнительные занятия и дисциплины (в их числе немалое место занимают дети госслужащих).

Это своего рода «тренд» российской реформы образования. ЕГЭ, фактически подводящий итог работы школы, демонстрирует довольно часто условно образованного, сориентированного исключительно на карьеру, малокультурного и нередко аморального потребителя.

Для кардинального изменения дел в высшем образовании России госчиновники предлагают сосредоточиться на осуществлении лишь четырёх мероприятий.

Во-первых, максимально вытеснить, переориентировать или заменить отечественных преподавателей вузов на зарубежных (международных), ведь они, оказывая услуги, ни для кого и ни для чего не собираются готовить кадры.

Во-вторых, шире использовать активные методы обучения «разработанные лучшими западными университетами».

В-третьих, значительное внимание уделять университетской инфраструктуре, то есть строительству новых хорошо оборудованных кампусов.

В-четвертых, создавать частно-государственные центры профессионального развития. При этом предоставить бывшим техникумам статус высших учебных заведений (прикладной бакалавриат). Магистратуру и аспирантуру закрепить за ведущими вузами страны, которых должно быть от 5 до 15. Одним словом, слабые вузы готовят бакалавров, то есть дают образование крайне условное и упрощённое, называемое первым высшим, но в заметной степени бесплатное. Сильные вузы дают второе высшее образование (на платной основе), готовят научные кадры, обучая детей состоятельных людей и производя основную массу государственных служащих в стране.

Обстоятельство четвертое связано со стремлением к сведению оценок любых социальных взаимоотношений и действий к экономическим или численным показателям, проще говоря, с их упрощением, вульгаризацией.

С сожалением необходимо констатировать, что российские госслужащие в основной своей массе плохо знают закономерности протекания социальных процессов и особенности функционирования их различных модификаций. Они не умеют пользоваться рекомендациями социологов, культурологов, психологов и представителей иных социальных, а тем более гуманитарных наук. Замкнув все ориентиры на экономическую эффективность, выгоду или, на худой конец, пользу, они фактически готовы разрушить всё, что безразлично к оценкам подобного рода. Некомпетентность многих чиновников проявляется в незнании научных методов оценки социальных и гуманитарно-культурных процессов. Если не срабатывают правила математики или экономики, то для них лучше мистика или оккультизм, чем социология, филология, культурология или философия. Наши управленцы (их советники и помощники) практически не умеют даже в постановочном варианте просчитывать социальные последствия принимаемых ими административных и даже государственных решений, что чревато тяжелыми последствиями.

Обстоятельство пятое проявляется в безразличии к культуре, самобытности и достоинству государства, которое оборачивается реальной угрозой его национальной безопасности.

Ощутимый удар нашей культуре наносится отношением чиновников к родному языку. В частности, сложно переоценить те негативные последствия, которые порождены настойчивым (если не сказать насильственным) внедрением в наш лексикон огромного числа англоязычных терминов-дублеров или их неуклюжих переводов. Чтение лекций на английском языке вводится в качестве положительного критерия для оценки работы вузов. Фактически принудительное распространение английского языка и англоязычной терминологии наносят невосполнимый ущерб значительному объёму информации в научном, культурном и содержательном плане.

Прогрессивность и цивилизованность общества определяется не валовым продуктом и не доходом на среднюю душу населения. Оценки подобного рода связаны с состоянием его культуры и нравственности. Такая социально-структурная единица Российской Федерации, как «государственные служащие», противопоставлена своими правами, условиями существования и мерой ответственности всем остальным гражданам страны, в том числе и работникам бюджетной сферы. К сожалению и прогресс, и регресс – это движение в одном направлении. Именно поэтому государственные служащие в силу своей массовой системной некомпетентности не в состоянии отличить одно от другого.

И. Э. Мартыненко

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, martinenko@tut.by)

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПУТИ ИХ МИНИМИЗАЦИИ СРЕДСТВАМИ СУБЪЕКТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2016 г. знаменателен рядом событий, связанных с новым регулированием охраны и восстановления историко-культурного наследия. Во-первых, Указом Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2015 г. № 522 «Аб аб'яўленні 2016 года Годом культуры» [1] в целях объединения интеллектуальных и духовных сил общества для решения задач по сохранению историко-культурного наследия 2016 г. объявлен в Республике Беларусь **Годом культуры**. Во-вторых, продолжается общественное и профессиональное (депутатами) обсуждение проекта Кодекса о культуре, внесенного в Палату Представителей Национального собрания Республики Беларусь еще в 2015 г.

В Республике Беларусь обеспечение национальной безопасности включает защиту культурного, духовно-нравственного наследия и исторических традиций. Национальные интересы представляют совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь. Национальные интересы в социальной сфере заключаются в сохранении историко-культурного наследия, обеспечении защищенности духовных ценностей общества от внутренних и внешних угроз.

Национальная безопасность в социальной сфере представляет собой такую качественную характеристику состояния социально-политической системы, которая характеризуется отсутствием факта угрозы историко-культурному наследию, способностью функционировать в опасных условиях, осуществлять деятельность, направленную на минимизацию, нейтрализацию и ликвидацию возникающих угроз. Угроза национальной безопасности, как определено в п. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 [2], – это потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь.

Возможность (опасность) нанесения ущерба национальным интересам не тождественна угрозе. Характерными отличиями опасности от угрозы являются степень риска причинения конкретного ущерба нацио-

нальным (в сфере историко-культурного наследия) интересам (социальная безопасность), направленность воздействия, присутствие в них трех компонент – намерения, возможности, последствия. Угроза – это намерения и возможность нанесения ущерба национальным интересам (утрата национальных культурных ценностей), а опасность – это либо намерения, либо возможность. Последствия – безвозвратная утрата национальных культурных ценностей в результате их уничтожения, вывоза из страны происхождения, умаления художественных достоинств, дискредитация исторического прошлого и достижений культуры.

В сфере историко-культурного наследия Беларуси **угрозами национальной безопасности** являются: преступность – контрабанда культурных ценностей (утрата культурных ценностей в результате их безвозвратного вывоза из страны: так, белорусскими таможенниками за 2015 г. изъято 606 предметов, представляющих историческую и культурную ценность [3]; хищения культурных ценностей из музеев, архивов, библиотек; раскопки памятников археологии, приводящие к уничтожению, повреждению артефактов и участию их в нелегальном обороте; уничтожение объектов военно-исторического наследия в результате нелегальных раскопок воинских захоронений; разрушение материальных недвижимых историко-культурных ценностей под видом их реставрации (обновления); надругательством над историко-культурными ценностями; дискредитация нематериального культурного наследия.

Потенциальная возможность (опасность) нанесения ущерба национальному историческому и культурному наследию предопределяет необходимость выделения историко-культурного наследия в качестве непосредственного объекта национальной безопасности. Такое понимание приводит к необходимости в упомянутой выше Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, указания новых **угроз**. Предложенный подход позволяет по новому определить задачи, решаемые субъектами правоохранительной деятельности. К компетенции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь следует отнести также **осуществление защиты историко-культурного наследия**, что потребует корректировки законодательных актов, определяющих задачи, статус и компетенцию указанных субъектов правоохранительной деятельности. К слову, такого подхода частично придерживается украинский законодатель: законом «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно компетенции правоохранительных органов в вопросах охраны подводного культурного и археологического наследия» от 13 января 2011 года № 2947-VI внесены изменения в закон «О Государственной пограничной службе Украины», в соответствии с которым на

Государственную пограничную службу Украины возложена задача охраны подводного культурного и археологического наследия» (п. 24-1 ст. 19 этого закона) [4]. Государственной пограничной службе Украины теперь предоставляется право останавливать и осматривать в установленном порядке судна и плавсредства, находящихся в зоне охраны подводного культурного и археологического наследия, проверять документы (разрешения), подтверждающих право на пребывание в охраняемой зоне и (или) проведения научных археологических исследований.

С учетом изложенного, по результатам исследования сформулированы следующие ВЫВОДЫ.

1. Национальные интересы в социальной сфере заключаются в обеспечении защищенности и сохранении историко-культурного наследия, памятников, объектов нематериального культурного наследия от внутренних и внешних, существующих и потенциальных угроз. Система правовой охраны историко-культурного наследия должна быть построена на основе требований национальной безопасности посредством единого структурирования их объектов охраны в виде завершенного и функционально-эффективного правового института правоохранительной деятельности.

2. Правоохранительная деятельность как средство обеспечения национальной безопасности в сфере историко-культурного наследия (социальная безопасность) представляет собой систему, включающую цель, необходимые ресурсы для ее достижения, пути достижения цели и методы их обоснования, что находит отражение при выработке соответствующей государственно-правовой формы реагирования на различные вызовы и угрозы. Выбор именно правоохранительной деятельности как средства адекватного реагирования на реальные вызовы и угрозы национальной безопасности в области историко-культурного наследия обусловлен характером такой опасности, одним из источников которой является преступность, связанная с нелегальным оборотом культурных ценностей, их хищениями и контрабандой, вандализмом (надругательством над историко-культурными ценностями), что требует разработки концептуально нового подхода к организации правоохранительной деятельности. Новые подходы требуют определения историко-культурного наследия, национальных культурных ценностей в качестве непосредственного объекта национальной безопасности.

Список литературы

1. Аб аб'яўленні 2016 года Годам культуры : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 дек. 2015 г., № 522 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноябр. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь 24.01.2014 г., № 49 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016. – № 276. – 1/12080.

3. Данные Государственного таможенного комитета Республики Беларусь // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://gtk.gov.by/ru/activity/pravoohranitel'naja_dejatelnost. – Дата доступа: 01.03.2016.

4. О Государственной пограничной службе Украины : Закон Украины, 3 апр. 2003 г., № 661-IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 27. – Ст. 208.

С. С. Масленікава

(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна, Беларусь, swetlana-mas@tut.by)

ПАЛІТЫЧНАЯ ЛЕКСІКА НЯМЕЦКАГА ПАХОДЖАННЯ Ў ГАВОРКАХ ГРОДЗЕНШЧЫНЫ

З'яўленне ў мясцовых гаворках Гродзеншчыны слоў з нямецкай мовы ці праз яе пасрэдніцтва абумоўлена шэрагам значных палітычных, эканамічных, сацыяльных, культурных умоў развіцця адзначанага рэгіёна [1, с. 15–33]. Нягледзячы на істотную перавагу сярод нямецкіх запазычанняў у дыялектнай мове гродзенцаў лексіка бытавой і прафесійна-вытворчай [1, с. 34–56], у выдадзеным апошнім часам дыялектным рэгіянальным слоўніку А.П. Цыхуна «Скарбы народнай мовы (3 лексічнай спадчыны насельнікаў Гарадзенскага раёну)» [3] намі былі выяўлены мясцовыя лексемы нямецкага паходжання, у тым ліку і дэрываты з нямецкім этымонам, якія адносяцца да палітычнай лексікі. Нямецкае паходжанне разгледжаных слоў вызначалася на падставе фанетычнага, марфалагічнага, семантычнага крытэрыяў і выяўралася па матэрыялах «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы» пад рэд. В.У. Мартынава, Г.А. Цыхуна [4], а значэнні нямецкіх слоў у беларускай мове ўзяты намі з «Нямецка-беларускага слоўніка» пад рэд. М. Кур'янікі [2]. Адзначаныя словы трапілі ў мясцовыя гаворкі праз польскую ці рускую мову з нямецкай мовы:

дэпутат 'дэпутат – 1. выбарны прадстаўнік, член выбарнай дзяржаўнай установы; 2. выбарная асоба, упаўнаважаная выконваць якія-н. даручэнні' < пол. *deputat* 'тс' або рус. *депутат* 'тс' < ням. *deputieren* 'дэлегаваць, пасылаць (дэпутатам)';

парцейны 'партыйны' ад *партыя* 'палітычная арганізацыя грамадскага класа, якая выражае і абараняе яго інтарэсы' < пол. *partia* 'тс' або рус. *партия* 'тс' < ням. *Partie* 'тс';

цацаліст 'сацыяліст – член сацыялістычнай партыі, паслядоўнік сацыялістычнага вучэння' < рус. *социалист* 'тс' < ням. *Sozialist* 'тс';

шляхта 'дробнапамеснае дваранства', *шляхцюк* 'шляхціц-падлетак' < пол. *szlachta* 'тс' < ням. *Schlacht* 'бітва, бой'; *шляхціц* 'дробнапамесны дваранін, жыхар засценка' < пол. *szlachcic* 'тс' < ням. *Schlacht* 'бітва, бой'.

Дэрываты ад нямецкіх этымонаў маглі ўтварыцца ў мовах-пасрэдніках, напр. *шляхціц* < пол. *szlachcic* < ням. *Schlacht*, што сведчыць аб знач-

най ролі польскай мовы ў працэсе запазычвання дыялектнай мовай Гродзеншчыны слоў нямецкага паходжання. Аднак маюць месца і запазычаныя словы, якія ўтварыліся пры дапамозе беларускіх словаўтваральных сродкаў (у гэтым выпадку суфікса *-юк*) непасрэдна ў мясцовых гаворках, напр. *шляхцюк* < пол. *szlachta* < ням. *Schlacht*, што тлумачыцца адсутнасцю строгай нарматыўнасці ў дыялектнай мове і багаццем словаўтваральных сродкаў у мясцовых гаворках.

Сярод прааналізаваных запазычанняў вылучаюцца літаратурныя словы (*шляхта*, *шляхціц*, *шляхцюк*) і фанетычныя дыялектызмы – словы, якія адрозніваюцца ад сваіх літаратурных адпаведнікаў фанетычным абліччам (*дэпутат*, *парцейны*, *цацаліст*), што сведчыць, з аднаго боку, пра высокую ступень засвоенасці гэтых слоў, а з іншага боку, службыць доказам адметнасці дыялектнай мовы рэгіёна.

У большасці выпадкаў аб трывалым засваенні германізмаў народнай мовай жыхароў Гродзеншчыны сведчыць іх здольнасць уступаць у фразеалагічныя сувязі і ўваходзіць у склад устойлівых выразаў:

Голуб міру ўеца, капіталіст трасеца (капіталіст ‘1. у капіталістычным грамадстве: уласнік капіталу, сродкаў вытворчасці, які выкарыстоўвае наёмную працу; 2. багаты, разбагацелы чалавек (разм., жарг.)’ < рус. *капиталист* ‘тс’ < ням. *Kapitalist* ‘тс’).

Фашысты высока масціліся, ды нізко зваліліся (фашыст ‘прыхільнік фашызму, член фашысцкай партыі’ < рус. *фашист* ‘тс’ < ням. *Faschist* ‘тс’).

Па-шляхоцку – папалам клёцку, а ў мужыцкім ичоце – па тры клёцкі ў роце. Шляхціц на загродзе роўны ваяводзе.

Нямецкія этымоны слоў з палітычнай лексікі ўваходзяць і ў склад тапонімаў Гродзенскага раёна, напр.: *Шляхецкая гара* (Урочышча каля вёскі Лэйгабалі ў Капцёўскім сельсавеце).

Амаль усе апісанія намі нямецкія этымоны маюць іншамоўнае (лацінскае, французскае, англійскае, італьянскае) паходжанне, таму што нямецкая мова, як і іншыя мовы, паспытала на сабе ў розны час уплыў іншых моў, што засведчана ў этымалагічным слоўніку нямецкай мовы выдавецтва “Duden” [5]:

- ням. *deputieren* < лац. (XV ст.) *de-putare* ‘прызначаць’ < ням. *Deputat* ‘частка заробтнай платы, жалавання’ < лац. *deputatum* ‘выдзеленае, прысуджанае, назначанае’;

- ням. *Partie* < фр. (XVII ст.) *partie* ‘частка, доля, пай, порцыя’;

- ням. *Sozialist* < англ. (XVIII ст.) *socialist* ‘прыхільнік сацыялізму’, фр. *socialiste* ‘тс’;

- ням. *Kapitalist* < іт. (XVII ст.) *capitalista* ‘прыхільнік капіталізму, нехта, хто валодае капіталам’ < іт. (XVI ст.) *capitale* ‘галоўная сума; багацце, дастатак’ < лац. *capitalis* ‘выдатны, вельмі добры; пераважны, галоўны, істотны’;

- ням. *Faschist* < іт. (XX ст.) *fascista* ‘прыхільнік фашызму’ < іт. *fascio* ‘звязка прутаў, рагозу; гіст. фасцыя’ < лац. *fascis* ‘тс’.

Іншамоўнае паходжанне нямецкіх слоў тлумачыцца ў розны час пэўнымі перыядамі развіцця гісторыі. Так, хрысціянізацыя ў VI–IX стст. паспрыяла з’яўленню ў нямецкай мове запазычанняў з лацінскай мовы; прыдворная эпоха і рыцарства ў XII–XIV стст. – з французскай мовы; век гуманізму ў XV–XVI стст. – з лацінскай і італьянскай моў; трыццацігадовая вайна ў XVI–XVII стст. – з французскай і італьянскай моў; індустрыяльная рэвалюцыя, рабочы рух, тэхнічны прагрэс, першая і другая сусветная войны ў XIX–XX стст. – з французскай мовы; пасляваенны час з 1945 года – з англійскай мовы [5, с. 128].

Усе разгледжаныя намі этымоны іншамоўнага паходжання на працягу часу так моцна ці ўвогуле цалкам асіміляваліся ў нямецкай мове, што іх нямецкае паходжанне разгледзець вельмі цяжка. Такія словы называюцца нямецкімі лінгвістамі *Lehnwörter* [5, с. 84] ‘запазычанае слова’, у адрозненні ад слоў, якія захавалі чужую форму, адхіляюцца ў вымаўленні ад нямецкіх слоў і называюцца *Fremdwörter* [5, с. 84] ‘замежнае, невядомае слова’.

Толькі адзін этымон *Schlacht* з’яўляецца спрадвечна нямецкім, мае формы ў асноўных перыядах развіцця нямецкай мовы: сярэдневерхнянямецкім (1050–1450) – *slahte* ‘забойства’, старажытнаверхнянямецкім (прыблізна 700–1050) – *slahta* ‘тс’ і называецца *Erbwort* [5, с. 84] (ад дзеяслова *erben* ‘атрымаць у спадчыну’).

Наяўнасць палітычнай лексікі нямецкага паходжання ў дыялектнай мове Гродзеншчыны дэманструе значны ўплыў нямецкай мовы на мясцовыя гаворкі і зацікаўленаць мясцовых жыхароў палітычнымі пытаннямі.

Спіс літаратуры

1. Масленікава, С. С. Германізмы ў дыялектнай мове Гродзеншчыны : манагр. / С. С. Масленікава ; навук. рэд. П. У. Сцяцко. – Гродна : Гродз. дзярж. ун-т, 2013. – 130 с.
2. Нямецка-беларускі слоўнік / рэдкал.: М. Кур’янка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Зміцер Колас, 2006. – 976 с.
3. Цыхун, А. П. Скарбы народнай мовы (3 лексічнай спадчыны насельнікаў Гарадзенскага раёну) / А. П. Цыхун ; укл. І. Буднік. – Гародня : Гарадзенская бібліятэка, 2014. – 327 с.
4. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 13 т. / пад рэд. В. У. Мартынава, Г. А. Цыхуна. – Мінск : Беларус. навука, 1978–2010. – 13 т.
5. *Der Duden in zwölf Bänden. Das Herkunftswörterbuch.* – Band 7 / Herausgegeben von der Dudenredaktion. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 2006. – 960 s.

И. М. Махнач

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
i.mahnach@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

6 октября 2007 г. был подписан *Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза на базе ЕврАзЭС* [5] (с участием РФ, Республики Беларусь, Казахстана). В результате с 1 июля 2011 г. на внутренних границах был снят таможенный контроль. С 2012 г. вступили в силу 17 базовых соглашений, которые сформировали Единое экономическое пространство. Таким образом, за время попыток создания с 1995 г. Таможенного союза и Единого экономического пространства было подписано более сотни договоров. В 2011 г. было поручено провести их кодификацию, результатом которой стал Договор о Евразийском экономическом союзе.

18 ноября 2011 г. была принята *Декларация о евразийской экономической интеграции* [7]. Здесь констатировалось успешное функционирование Таможенного союза и переход к следующему этапу интеграции – единому экономическому пространству, договоры о котором вступали в силу с 2012 г. При дальнейшей интеграции планировалось формирование согласованной промышленной, транспортной, энергетической и аграрной политики; гармонизация и, в определенных сферах, унификация законодательства; осуществление согласованной экономической политики, углубление сотрудничества в валютной сфере; обеспечение совместных стандартов образования; сотрудничество в вопросах миграционной политики; развитие сотрудничества в сфере внешней политики [3].

Последним этапом интеграции стало подписание 29 мая 2014 г. *Договора о Евразийском экономическом союзе* [8]. ЕАЭС начал функционировать с 2015 г. с участием Российской Федерации, Казахстана, Республики Беларусь. Позже к договору присоединились Армения (которая стала участником со 2 января 2015 г.) и Киргизия (с 12 августа 2015 г.). ЕАЭС не достиг того уровня интеграционного объединения, которого от организации многие ожидали изначально. В договоре не осталось положений о политической составляющей союза: не рассматриваются вопросы о миграционно-визовой политике, общем гражданстве, согласованной внешней политике. Несколько раз были отвергнуты инициативы о создании общего наднационального органа – Евразийского парламента [1]. В выступлениях должностных лиц Беларуси и Казахстана подчеркивается именно экономический характер объединения и недопустимость его политизации: «Такие направления, как охрана границ, миграционная политика, система обороны и безопасности, а также вопросы здравоохранения, образования, культуры, правовой помощи по гражданским, административным и уголовным делам не относятся к экономической интеграции и не могут быть

перенесены в формат экономического союза», – считает Н. Назарбаев [4]. Прогрессом можно считать достижение соглашения о гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков и создание к 2025 году наднационального органа-мегарегулятора [2, с. 37].

Несмотря на формальное декларирование перехода к форме экономического союза, однозначно отнести ЕАЭС к этой стадии интеграции нельзя. По мнению некоторых исследователей, все еще продолжается формирование полноценного таможенного союза и общего рынка. В качестве изъянов интеграционного образования называют существование множества нетарифных барьеров, самостоятельное определение каждой страной экспортной пошлины, отсутствие единого органа ветеринарного и фитосанитарного надзора. Помимо этого, в самом договоре содержатся положения лишь о предстоящем формировании общего рынка: рынка лекарственных средств и медицинских изделий – к 2016 г.; общего рынка электроэнергетики – к 1 июля 2019 г.; общего рынка нефти и газа – к 2025 г.

Плохо согласуется с наличием единой таможенной территории и единое введение РФ санкций в виде запрета на ввоз с/х продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются США, ЕС, Канада, Австралия, Норвегия (в июне 2015 г. эмбарго было продлено еще на год). Беларусь и Казахстан становятся посредниками в преодолении таких санкций, ведь после попадания на территорию таможенного союза, он должен свободно перемещаться внутри интеграционного объединения, как внутри одной страны. Проведение координированной политики подразумевает присоединение Беларуси и Казахстана к российским санкциям или воспрепятствование поступлению запрещенных продуктов на свой рынок, что является для них нецелесообразным. При этом таможенные границы между РФ, Казахстаном и Республикой Беларусь были отменены еще в 2010 г., что усложняет процедуру проверки страны происхождения [2, с. 40].

Помимо запланированного создания общего рынка лекарственных средств, электроэнергетики, нефти и газа, развитие ЕАЭС в данный момент идет по нескольким следующим направлениям.

Создание Свободной зоны торговли стран ЕАЭС с государствами, выразившими в этом заинтересованность (с предложением заключить соглашение обратились более 30 стран и региональных объединений). На данный момент подписано лишь Соглашение о создании Зоны свободной торговли с Вьетнамом (от 29 мая 2015 г.). Вступление Соглашения в силу произойдет через 60 дней после ратификации всеми странами-участниками. В рамках Соглашения предусматривается отмена Вьетнамом таможенных пошлин на 88 % товарных линий от общей номенклатуры (59 из которых будут отменены сразу, а для отмены остальных предусматривается переходный период). В отношении оставшихся – у стран ЕАЭС отсутствует экспортный интерес. При этом предусмотрена обоюдная возможность

введения ряда защитных и заградительных мер при превышении установленного годового объема импорта [1].

Помимо Вьетнама, переговоры о создании Зоны свободной торговли ведутся с Израилем, Индией и Египтом. На данный момент прогнозы имеются лишь в отношении Египта: рассчитывается, что соглашение о ЗСТ будет подписано к концу 2016 г. Остаются замороженными по инициативе партнеров переговоры с Новой Зеландией и Европейской ассоциацией свободной торговли (Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн). Возможность возобновления переговоров предсказать трудно.

В далекой перспективе предусматривается сотрудничество стран ЕАЭС и Китая в рамках «Шелкового пути», однако даже по самым оптимистичным прогнозам заключение интеграционных соглашений – вопрос не одного десятилетия. Кроме того, предложение об интеграции ЕАЭС и ЕС выдвинул 28 сентября В. В. Путин на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Инициатива углубления сотрудничества стран ЕАЭС до валютного союза. Со стороны Российской Федерации настойчиво вносятся предложения о создании валютного союза на базе ЕАЭС. При этом представители Казахстана и Беларуси относятся к подобным инициативам негативно, подчеркивая, что вопрос о введении единой валюты не является темой сегодняшнего дня, и не устает напоминать, что в рамках Договора о ЕАЭС вплоть до 2025 г. предусматривается лишь гармонизация законодательства в области регулирования финансовых рынков (ст. 103), а валютного союза в планах нет. Аналогичного мнения придерживаются и эксперты Евразийской экономической комиссии, которые в аналитической записке отмечают невозможность создания валютного союза на данном этапе.

Расширение ЕАЭС. С начала функционирования ЕАЭС членами организации стали Армения (2 января 2015 г.) и Киргизия (12 августа 2015 г.). Перспектива вступления в ЕАЭС также обсуждается в Таджикистане. Так, Н. С. Зиядулаев отмечает: «В ближайшей перспективе возможно вступление в ЕАЭС еще одной страны Центральной Азии – Таджикистана, где это было бы решением многих острых социально-экономических проблем, в частности, связанных с модернизацией и диверсификацией экономики, огромной внешней трудовой миграцией и другими сложностями ее развития. На этом процесс расширения Евразийского союза, по-видимому, завершится до лучших времен» [6, с. 159].

Вступление в интеграционное объединение других постсоветских стран представляется маловероятным. Несмотря на активное продвижение в 2013 г. идеи членства Украины в Таможенном союзе, в свете последних событий вероятность её участия в подобном проекте стремится к нулю. Другие страны, как Молдавия и Грузия, в большей степени тяготеют к интеграции с ЕС и уже подписали соглашения об ассоциации [2, с. 41].

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод, что процессы региональной экономической интеграции продолжают

активно развиваться в условиях глобализации мирового хозяйства. В настоящее время происходит формирование новых торгово-экономических блоков с плотным ядром из развитых стран и периферии из средне- и слабо-развитых стран. Классические формы региональной интеграции дополняются новыми нетрадиционными интеграционными моделями и схемами, которые представляют практический интерес по разработке новой интеграционной модели сотрудничества на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Аксенчук, М. А. Формы и тенденции развития интеграции в Евразии / М. А. Аксенчук // Евразийский юридический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=7834:2015-11-16-06-34-00&catid=99:2010-06-02-08-56-30&Itemid=196 – Дата доступа: 12.12.2015.
2. Трещенков, Е. Ю. Европейская и евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости / Е. Ю. Трещенков // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 5. – С. 31–41.
3. Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/Deklaracija.pdf> – Дата доступа: 12.02.2016.
4. Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/gubrics/auto/2013/12/24/ic_news_112_430101/print/ – Дата доступа: 12.02.2016.
5. Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза // Сайт евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsouz.ru/DOCS/INTAGRMNTS/Pages/D_sozdETTiformTS.aspx – Дата доступа: 12.02.2016.
6. Зиядуллаев, Н. С. Евразийский экономический союз: вызовы и императивы / Н. С. Зиядуллаев / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт проблем рынка Российской академии наук» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipr-ras.ru/articles/ziyadu115-02.pdf/> – Дата доступа: 10.02.2016.
7. Декларация о евразийской экономической интеграции // Официальный портал Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1091> – Дата доступа: 10.02.2016.
8. Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tsouz.ru/MGS/18-11-11/Documents/Договор%20o%20EЭК.pdf>. – Дата доступа: 13.02.2016.

О. В. Мащитко

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь, iashchik@tut.by)

ПРОБЛЕМА НЕЯВНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ С. ЖИЖЕКА

Одним из итогов существования постидеологического общества является актуализация проблемы неявного функционирования идеологии. Исходя из определения идеологии как системы, которая легитимизирует существующие отношения господства, под неявной идеологией мы будем понимать идеологию, в которой цели и/или механизмы действия, способы передачи и усвоения являются скрытыми, могут не иметь общепринятого названия, не быть представленными в виде системы идей, утверждений, ценностей. Неявная идеология опирается на понятие естественности: «само собой разумеющиеся» системы ценностей, естественные права, «невидимая рука» рынка, «животная», «естественная» природа человека, «естественное состояние». Она натуралистична, но по эффективности воздействия превосходит явную благодаря скрытым механизмам воздействия, не вызывающим отторжения.

К неявно функционирующим с теми или иными оговорками можно отнести те идеологии, которые связаны с построением постметафизической политической теории: западнцентризм, демократические стандарты, идеология потребления, гендерная идеология, глобализм, мультикультурализм.

Одним из самых известных популяризаторов идеи идеологичности постидеологического общества является С. Жижек. Лейтмотивом ряда его работ является утверждение, что то, что мы воспринимаем как отсутствие идеологии, есть на самом деле новый способ ее функционирования, так называемая «новая непрозрачность» (выражение Ю. Хабермаса). Главным принципом неявного функционирования идеологии для С. Жижека является утверждение, по которому идеология есть сама социальная реальность. Не «ложное сознание», не иллюзорная репрезентация реальности, а сама действительность, которая должна пониматься как идеологическая [1] и предполагает незнание со стороны субъектов. Идеологическая мистификация имманентна самой социальной реальности, не требует никаких дополнительных символических конструкций, но сущностным для нее является незнание.

Неявный способ функционирования идеологии более эксплицитно проясняется в понятии неявного насилия. С. Жижек различает (1) «субъективное» насилие, явное (2) символическое насилие, воплощенное в языке и культурных формах; к этому виду, по всей видимости, можно отнести принуждение-потребление, а также (3) «системное» насилие – катастрофические последствия работы политических и экономических систем [6, с. 50–55]. Существенным здесь является тот факт, что «субъективное» насилие воспринимается как нарушение нормы, мирного положения ве-

щей, тогда как два других вида – «объективное» и символическое насилие – присущи как раз «нормальному» порядку, является неявным и в то же время тотальным. Наивысшей формой насилия в интерпретации С. Жижека является насаждение этого стандарта. Аналогичным образом действует неявная идеология: она анонимна и всепроникающа.

Лингвистической составляющей понятия неявного насилия является то, что рамки «нормального» очерчиваются языком при формировании символического порядка социума. Так, система потребления не воспринимается обывателем как насильственная, поскольку в данном случае принуждение нельзя приписать конкретным людям [4, с. 59]. На понятии лингвистического насилия базируется парадоксальное понимание свободы как отсутствия языка для выражения несвободы. В этом контексте С. Жижек интерпретирует новые формы протестного движения в западном мире – такие, как «Оккупай Уолл-стрит» или волнения во Франции 2005 года. Значимой спецификой данных протестов стало отсутствие каких-либо внятных требований со стороны протестующих. В этом смысле данные события можно интерпретировать как поиск нового языка, «протест нулевого уровня». В данном случае само отсутствие артикулированных требований обнажает проблему неявного насилия – декларируемое право выбора является правом выбирать между принудительным согласием с существующими правилами и бессмысленным протестом [2], [6]. Схожим образом Г. Маркузе характеризовал современное общество как «общество без оппозиции», характерной чертой которого является отсутствие возможного языка критики [7]. Аналогично Ю. Хабермас в характеристике терроризма подчеркивает отсутствие программной цели, бессмысленность бунта против врага, которого нельзя победить [8].

В качестве основного канала трансляции неявной идеологии часто указывается массовая культура. Особой популярностью у исследователей пользуется анализ кинофильмов на предмет содержания в них идеологических посланий. Этот прием активно используют С. Жижек, Ф. Джеймисон, Ж. Бодрийяр. В трилогии про Бэтмена (2005–2012 гг.) С. Жижек трактует восстание Бэйна как метафору антиглобалистских протестов, Брюс Уэйн олицетворяет идеологию «либерального коммунизма», системного насилия, скрывающего за гуманитарной маской благотворительности безжалостную погоню за прибылью и экономическую эксплуатацию [6]. Излюбленным объектом интерпретации философов на предмет поиска идеологических посылов является «Матрица» Вачковски. С. Жижек видит в фильме два фундаментальных признака неявной идеологии. Во-первых, редукцию реального к виртуальному, невозможность отыскать объективность за идеологической иллюзией. Во-вторых, редукцию субъекта к пассивности – при неявном функционировании идеологии делается акцент на пассивное включение субъекта в манипулируемую среду, не предполагается процедур убеждения или пропаганды [3], [5].

Таким образом, теоретическая реконструкция концепций неявной идеологии постидеологического общества позволяет выявить ряд ее существенных черт.

Во-первых, для неявной идеологии характерна апелляция к очевидности и оперирование натуралистическими категориями, позволяющими скрыть идеологичность данного феномена и представить его как нечто «само собой разумеющееся». Рамки «нормального» очерчиваются языком при формировании символического порядка социума.

Во-вторых, вытеснение из символического образа реальности альтернативных возможностей ее устройства, либо включение альтернатив в свои собственные основания и тем самым лишение их действительности. С этим связан ее тотальный и всепроникающий характер. Лишение альтернативы связано с отсутствием языка для ее выражения.

В-третьих, отсутствие разделение на «подлинную» реальность и идеологическую иллюзию. Идеологическая мистификация имманентна самой социальной реальности, не требует никаких дополнительных символических конструкций, но сущностным для нее является незнание.

В-четвертых, ввиду кажущейся объективности неявной идеологии ее принудительность нельзя связать с конкретными агентами, она анонимна и кажется нейтральной.

В-пятых, неявная идеология предполагает пассивность субъекта, ее принудительность проявляется как самоуправляемость среды. Делается ставка на пассивное включение субъекта в манипулируемую среду, не предполагается процедур убеждения или пропаганды.

В-шестых, основным каналом трансляции неявной идеологии являются массовая культура и система потребления.

Список литературы

1. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Художественный журнал, 1999. – 236 с.
2. Жижек, С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно / С. Жижек. – М. : Европа, 2012. – 267 с.
3. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. – М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
4. Жижек, С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом / С. - Жижек. – М. : Европа, 2009. – 334 с.
5. Жижек, С. «Матрица», или Две стороны извращения / С. Жижек // Искусство кино [Электронный ресурс]. – 2000. – № 6. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/archive/2000/06/n6-article16>. – Дата доступа: 01.09.2013.
6. Жижек, С. О насилии / С. Жижек. – М. : Европа, 2010. – 178 с.
7. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : АСТ, 2003. – 528 с.
8. Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Рагцингер (Бенедикт XVI) – М. : Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.

В. А. Мельник

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Беларусь, m_kirill@list.ru)

О МЕСТЕ ВСЕБЕЛОРУССКОГО СЪЕЗДА 1917 ГОДА И ТАК НАЗЫВАЕМОЙ БНР В КОНЦЕПЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Предмет данных тезисов, безусловно, относится к политической идеологии, которая в информационном сообщении о конференции указана как одно из ее тематических направлений. Концепция белорусской государственности является одной из важнейших структурных составляющих идеологии белорусского государства.

В научной литературе политологического профиля термином «государственность» обозначается признак исторического развития территориальной общности людей, состоящий в ее самоорганизации в суверенное государство, характеризующегося теми или иными особенностями его формы [1]. Исходя из этого положения, под концепцией белорусской государственности мы понимаем обоснованные интеллектуальной элитой и ставшие достоянием сознания белорусов систематизированные представления о процессе своего зарождения, становления и развития как общности, самоосознания себя особой нацией, самоорганизации в суверенное государство, формах своих отношений с другими общностями. Комплекс такого рода представлений образует смысловое ядро истории белорусского народа и его государственности.

В этой связи хотели бы привлечь внимание к необходимости переосмысления вопросов о значении первого Всебелорусского съезда 1917 года и провозглашения так называемой Белорусской Народной Республики (БНР) в концепции белорусской государственности. Мы считаем, что в отечественной литературе, в том числе официальной учебной, в интерпретации этих событий продолжают доминировать односторонние подходы: с одной стороны, их большевистско-советская трактовка, а с другой – так называемая национально-демократическая.

После публикации журналом «Беларуская думка» фрагментов рукописи воспоминаний одного из организаторов указанного съезда, белорусского политического деятеля, историка и ученого в области экономической географии Евсея Канчера (1882–1979) [2] не осталось никаких сомнений относительно того, что белорусская советская историческая наука совершенно превратно оценивала ход и результаты этого съезда. Первый Всебелорусский съезд, проведение которого было санкционировано и поддержано финансово высшим руководством большевистской партии, в том числе лично В.И. Лениным и И.В. Сталиным, призван был определить устройство будущего белорусского государства и избрать его исполнительный орган. Однако этому не суждено было свершиться. Судьба съезда оказалась трагичной.

Участники первого Всебелорусского съезда начали прибывать в Минск с 5 декабря 1917 г. По некоторым данным, всего собралось 1167 делегатов с решающим голосом и 705 с совещательным [3, с. 79]. 15 декабря после оглашения количества делегатов и состава совета старейшин съезд был официально объявлен открытым. 17 декабря после двухдневной работы в секциях, группах, землячествах и фракциях съезд собрался на пленарное заседание. Основная резолюция съезда была поставлена на голосование в 2 часа ночи с 17 на 18 декабря. Как только был принят первый пункт резолюции (по одним свидетельствам – единогласно, а по другим – подавляющим большинством) по решению большевистского руководства Западной области и фронта, являвшейся на тот момент административно-территориальной единицей России, без объявления причин съезд был распущен [2, № 2, с. 15]. В последующих объяснениях с центральной властью представители местной большевистской администрации – Исполнительного комитета Западной области и фронта (Облискомзапа) – закрытие съезда (в действительности его насильственный разгон) стали мотивировать якобы антисоветской направленностью позиции большинства его делегатов и их попыткой узурпировать краевую власть [4]. В январе 1918 г. третьему Всероссийскому съезду Советов ничего иного не оставалось, как удовлетвориться таким объяснением. Белорусская советская историческая наука затем десятилетиями эту версию оправдывала.

На самом деле в принятой части резолюции Всебелорусский съезд постановил «для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской Демократической Федеративной Республики» утвердить «в пределах белорусской земли демократический советский республиканский строй» и «образовать из своего состава общекраевой орган – Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который вступает в деловые сношения с существующей центральной и местной властью» [2, № 2, с. 15]. В проекте резолюции съезда предусматривался также скорейший созыв Учредительного собрания, которое должно было решить все другие вопросы по созданию органов белорусского государства [5, с. 107]. Как пишет Е. Канчер, в резолюции не было ни одной «зацепки» для роспуска съезда, признавшего советскую власть и участвовавшего в создании этой власти.

По версии советской историографии среди делегатов съезда большевики составляли меньшинство, что послужило им формальным основанием для непризнания его решений. Действительно, большевики на съезде были в меньшинстве, однако и они поддержали принятую резолюцию. Социальный состав съезда в целом представлял собой, говоря современным языком, срез структуры тогдашнего белорусского, крестьянского в основной своей массе, общества. Это означает, что в резолюции съезда была выражена воля трудового белорусского народа на его самоорганизацию в советскую республику в союзе с Российской Федеративной Респуб-

ликой. Иными словами, съезд был советским, демократическим и национальным одновременно.

Дальнейшие события, помешавшие реализации этой воли народа, хорошо известны: оккупация белорусской земли немецкими войсками, провозглашение в условиях оккупации группой антироссийски настроенных делегатов съезда так называемой БНР, разрыв ее деятелей с Россией, их стремление добиваться установления союзнических отношений с кайзеровской Германией и т.д.

Решение первого Всебелорусского съезда было выполнено практически сразу после вывода с территории Беларуси немецких войск образованием 1 января 1919 года Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ). Ее преемницей стали Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика (Литбел), Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), а затем Республика Беларусь. Это означает, что сформулированная в резолюции съезда модель белорусской национальной государственности на советской основе была исторически первой, именно она реализовалась в действительности и выдержала проверку временем на свою жизнеспособность. Всебелорусский съезд 1917 года, таким образом, хотя и не положил начало реальной истории белорусского национального государства, тем не менее явился важной вехой на пути к ее образованию.

Современные оппозиционные круги вводят в заблуждение общественное мнение утверждением, что БНР была провозглашена якобы во исполнение постановления первого Всебелорусского съезда, а значит, воли белорусского народа. Съезд не принимал решений ни о провозглашении БНР, ни о создании Рады Всебелорусского съезда, как это утверждают деятели так называемой БНР и их современные последователи. Структура под названием Рада была сформирована частью делегатов съезда на следующий день после его разгона, которая затем была переименована в так называемую Раду БНР. Не принимал съезд и решений о разрыве отношений с Российским государством. Напротив, его делегаты были озабочены тем, как предотвратить отторжение Беларуси от России.

Как видно, БНР была провозглашена вопреки позиции первого Всебелорусского съезда; она не была легитимизирована ни решением данного съезда, ни ее поддержкой основной массой населения Беларуси, ни ее признанием международным сообществом. Так называемое правительство БНР, по его же собственной оценке, имело «преимущественно декларативный характер» [6] и, не оставив никакого следа в памяти белорусского народа, в 1925 году, будучи в эмиграции, самораспустилось (не путать «правительство» БНР с так называемой Радой БНР, которая не согласилась с самороспуском «правительства», не признала ни ССРБ, ни БССР, ни Республику Беларусь и формально самовоспроизводится по настоящее время).

Не столь безобидным, как это может показаться на первый взгляд, является подход, согласно которому БНР рассматривается «первой теоретической моделью белорусского национального государства» [7, с. 201–224], а усилия ее деятелей представляются как «героические» [8]. Первая модель белорусской государственности была сформулирована Всебелорусским съездом 1917 года. Она и стала единственным проектом, получившим свое реальное воплощение в лице БССР и ее преемницы Республики Беларусь. Модель так называемой БНР как образования, враждебного Российскому государству, с самого начала являлась по отношению к белорусскому народу антидемократической и антinationальной, а по возможностям своего практического воплощения – химерической.

Следовательно, путь белорусского народа в будущее также пролегает не через разрыв со своим историческим прошлым и не через отказ от основ своей нынешней государственности. Этот путь может быть обеспечен посредством превращения Беларуси в сильное и процветающее государство, создания интеграционного образования на собственном цивилизационном пространстве, развития всестороннего взаимодействия с другими народами и их объединениями. Согласно формуле нашего Президента А. Г. Лукашенко, только на основе «интеграции интеграций», то есть интеграции Евразийского экономического союза и Европейского союза может быть обеспечен прорыв в будущее не только белорусского народа, но и всех народов евразийского пространства.

Список литературы

1. Государственность // Политология : энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. – М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С. 64–65.
2. Канчер, Е. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам). Фрагменты 5-й главы / Е. Канчер // Беларуская думка. – 2010. – № 1. – С. 92–97; № 2. – С. 10–17.
3. Государственность – национальная идея Беларуси. – М. : Книжный мир, 2016. – 384 с.
4. Телеграмма председателя Совета Комиссаров Западной области по поводу роспуска первого Всебелорусского съезда // Турук, Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. – М. : Гос. изд-во, 1921. – С. 106–107.
5. Постановление первого Всебелорусского съезда о самоопределении Белоруссии и о временной краевой власти // Турук, Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. – М.: Госуд. изд-во, 1921. – С. 106–107.
6. Мэморыял Дра Цьвікевіча Ураду Савецкай Беларусі // За Дзяржаўную Незалежнасьць Беларусі : дакументы, матар’ялы. – Лёндан : Выд. БЦР, 1960. – С. 68–69.
7. Антонович, И. И. Беларусь в глобальном мире. Диалектика становления и интеграции / И. И. Антонович. – Минск : Книжный Дом, 2014. – 384 с.
8. Вопыт і ўрок гісторыі: БНР як нацыянальная форма беларускай дзяржаўнасці. Круглы стол «Звяды» // Звезда. – 2013. – 26 сак. – С. 1, 6.

Я. Мірановіч

(Універсітэт у Беластоку, Польша, ebma@interia.pl)

АДНОСІНЫ БЕЛАРУСІ І ЕС У ПЕРШЫМ ДЗЕСЯЦІГОДДЗІ XXI СТАЛЕЦЦЯ

У апошніх гадах XX стагоддзя знешняя палітыка Беларусі арыентавалася на інтэграцыю з Расейскай Федэрацыяй. Усе інтэграцыйныя дамовы паміж РБ і РФ пабудаваныя былі на прынцыпе роўных правоў падпісуючых іх суб'ектаў. У 2002 г. у выказванні Прэзідэнта Беларусі часцей замест слова «інтэграцыя» стала гучаць «шматвектарная палітыка». Асаблівую ўвагу ў выказванні дзяржаўных дзеячаў Беларусі прыводзілася адносінам з Еўрасаюзам.

На пачатку новага стагоддзя Брусэль побач Масквы ставілася як адзін з двух цэнтраў палітычнага і эканамічнага прыцягвання Беларусі [8, с. 39]. Козыры Расіі і ЕС разглядаліся ў Мінску з пункту гледжання гаспадаркі і бяспекі.

Сярод беларускіх элітаў улады існавала перакананне, што Масква гатова шмат ахвяраваць за «стратэгічнае партнёрства», перш за ўсё ў выглядзе паставак таннай нафты і газу, а таксама адкрытым рынкам для прадуктаў беларускай прамысловасці. У Мінску рэальна ацанілі, што значна менш за стратэгічнае супрацоўніцтва магла прапанаваць Брусэль і што адносіны ЕС да Беларусі найчасцей залежнымі былі ад яе гатоўнасці да выхаду з расейскай зоны ўплыву. Правы чалавека, ці дэмакратычныя рэформы для еўрасаюзных лідараў – паводле беларускіх назіральнікаў – былі на другім плане і ўступалі патрэбам геапалітычнага характару [8, с. 40].

Праеўрапейская рыторыка Аляксандра Лукашэнкі на пачатку новага стагоддзя была аднак нечым новым у беларускай знешняй палітыцы [1, с. 106–109]. Брусэль на змену рыторыкі Мінска адказваў: спачатку гарантуе свабоду слова і рэальны ўдзел апазіцыі ў палітычным жыцці краіны [2, с. 276]. ЕС дамагаўся дэмакратызацыі і лібералізацыі ўзамен за пашырэнне гаспадарчага супрацоўніцтва [9, с. 339]. Прэзідэнт Беларусі адказваў заходнім сродкам масавай інфармацыі: «У нас выконваюцца ўсе нормы дэмакратычнага працэсу фарміравання органаў дзяржаўнай улады, адбываюцца выбары, гарантуецца свабода слова» [16].

Хаця пасля кожных прэзідэнцкіх, ці парламенцкіх выбараў пагаршаліся палітычныя адносіны паміж РБ і ЕС, а еўрасюзныя органы прыймалі ўсялякія непрыхільныя беларускім уладам дэкларацыі, у рэальнай палітыцы, краінаючай перш за ўсё гаспадаркі, было наадварот. У 2002 г. тавараабарот паміж РБ і ЕС закрыўся сумай каля 4 мільярдаў долараў, год пасля вырас да 6,3, а ў 2007 вырас да 24 мільярдаў. Найважнейшае пры тым, што беларускі экспарт на еўрасаюзныя рынкі значна перавышаў імпорт [7, с. 185–187]. І хаця ўсялякія перашкоды фармальна-юрыдычнага характару не спрыялі беларускаму экспарту, аднак цана беларускіх нафтапрадук-

таў, тканін і другіх прамысловых прадуктаў была на толькі канкурэнтнай, што лёгка знаходзіла пакупнікаў [7, с. 182].

У 2008 г. на краіны ЕС даводзілася 33 % беларускага тавараабмена, у тым ліку 45 % экспарту трапляла на еўрасаюзныя рынкі [8, с. 41]. Аргументы беларускіх улад пра раўнавес РФ і ЕС у знешняй палітыцы РБ былі цалкам абгрунтаваныя, хаця палітычныя адносіны надалей аставаліся халоднымі.

У Мінску заклікі Брусэля ў адрас беларускіх улад – шанаваць прынцыпы дэмакратыі – успрымалі больш як пастаянную гульню. А. Лукашэнка рэальна ацэньваў, што не толькі Еўропа ёсць патрэбная Беларусі, але таксама Беларусь Еўропе, хаця б з увагі на найбольш стабільныя транзітныя шляхі спалучаючы ЕС і РФ [16].

Газавыя і малочныя войны паміж Беларусіяй і Расіяй у Брусэлі расцэньвалі як паказальнікі незалежнай беларускай палітыкі і чакалі нейкіх жэстаў, адкрываючых дарогу да непасрэдных палітычных кантактаў з Мінскам [4, с. 20]. У 2007 г. вышлі на свабоду ўсе дзесячы апазіцыі, і ў Брусэлі прызналі, што можна пачынаць дыялог з Прэзідэнтам Беларусі [5, с. 35].

Расейска-грузінская вайна летам 2008 г. паўплывала на пашырэнне кантактаў РБ з ЕС, перш за ўсё па прычыне дыстанцыявання Прэзідэнта Беларусі ад палітыкі Расіі на Каўказе. Хаця парламенцкіх выбараў з верасня 2008 г. Брусэль не прызнала дэмакратычнымі, аднак неўзабаве запрасілі міністра замежных спраў Сяргея Мартынава скласці візіт у Луксембург з мэтай абмеркавання стану суадносін паміж РБ і ЕС [2, с. 282].

Брусэль не дамагалася выканання ніякіх уступных умоваў у галіне дэмакратызацыі. Геапалітычныя інтарэсы ставіліся ЕС вышэй сваіх прынцыпаў [6, с. 78]. Ад Прэзідэнта Беларусі чакалася паслаблення сувязі з Расіяй. Еўрасаюзныя чыноўнікі патрабавалі таксама дазволу на ўдзел заходняга капіталу ў прыватызацыі беларускай гаспадаркі [3, с. 83-84]. Узамен абяцалі знясенне санкцыі і адабрэнне асаблівай ролі Прэзідэнта Беларусі ў палітычным жыцці краіны.

Беларусь стала прадметам угульні паміж РФ і ЕС. Беларускія кіраўнікі вырашылі, па меры магчымасці, кантраляваць гэты працэс і выкарыстаць для сваіх мэтаў [12]. 26 чэрвеня 2009 г. намеснік прэм'ер-міністра Уладзімір Семашко заявіў, што РБ і ЕС плануюць на працягу 3-4 гадоў устанавіць зону свабоднага гандлю [10]. Несумненна, быў гэта камунікат у адрас Расіі, што магчымае ёсць стратэгічнае партнёрства з ЕС. Усё гэта адбывалася ў перыяд адначасовага пагаршэння адносін паміж Мінскам і Масквой. З Брусэля на конт зоны свабоднага гандлю плылі камунікаты падобнага зместу [13].

У першай палове 2009 г. з візітам у Мінску прабывала шмат еўсаюзных камісараў, у тым *Хавьер Солана* і Беніта Фэрреро-Вальднэр. Яны толькі адкрывалі спіс палітыкаў з еўрасаюзных краін, што наведалі Мінск у гэтым годзе. Сваім госцям А. Лукашэнка паўтараў, што адносіны з ЕС мелі для Мінска фундаментальнае значэнне [15].

2 красавіка 2009 г. Еўрапарламент прыняў рэзалюцыю, ў якой між іншым гаварылася, што ў Беларусі наступіў прагрэс у галіне дэмакратызацыі палітычнага жыцця краіны, хаця ў той час не наступілі ў Беларусі ніякія змены ўнутранай палітыкі. На працягу аднаго года Беларусь з «апошняй дыктатуры Еўропы» авансавала на «партнёра Еўрасаюзу».

7 траўня 2009 г. прадстаўнікі 27 краін ЕС і 6 постсавецкіх рэспублік, у тым Беларусь, падпісалі дэкларацыю «Усходняга партнёрства». Прадбачылася там таксама зона свабоднага гандлю постсавецкіх краін з ЕС. У выпадку Беларусі было гэта супярэчна з праектам Мытнага саюзу з Расіяй і Казахстанам. Беларусь ахвотна стала б членам абодвух мытных саюзаў, аднак такога вырашэння не прадбачываў ніводзін з праектаў [17].

У Мінску ацанілі, што Мытны саюз гэта рэальная перспектыва і рэальныя грошы, Усходняе партнёрства гэта толькі абяцанні лепшага ў бліжэй неакрэсленай будучыні [14]. Праўдападобна А. Лукашэнка ўдзельніцтва ў еўрасаюзнай праграме больш успрымаў як інструмент націску ў перамовах з Расіяй.

Тэхнічная дапамога для Беларусі ў рамках Інструмента добрасуседства вызначана Еўракамісіяй на гады 2009-2010, гэта 21 мільёнаў еўра. Тымчасам для Украіны 494, Малдовы – 209, Грузіі – 109, Арменіі і Азэрбайджана – 100. З пункту гледжання Мінска надта цеснае супрацоўніцтва з партнёрам мала прыхільным Беларусі і мала верагодным не было выгадным і магло прывесці да ускладнення адносінаў з Расіяй. Паміж ЕС і РБ заўсёды дамінавала падазронасць і недавер з абодвух бакоў. Абодва бакі ўспрыямалі адносіны між сабою як інструмент у палітыцы з Расійскай Федэрацыяй, толькі ставілі для сябе розныя мэты.

Перад прэзідэнцкімі выбарамі ў Беларусі ў снежні 2010 г. у Мінск прыехалі з новымі прапановамі ад Еўрасаюзу міністры замежных спраў Польшы і Германіі, Радаслаў Сікорскі і Гідо Вестервелле. Прапанавалі крэдыты і тэхналагічную дапамогу ў замен за дэмакратычнае правядзенне выбарчага працэсу, што дазваляла б пашыраць усебаковае супрацоўніцтва з ЕС.

9 снежня 2010 г. падчас сустрэчы кіраўнікоў дзяржаў членаў Мытнага саюзу былі вырашаныя амаль ўсе супярэчнасці паміж РФ і РБ. Быў таксама падпісаны дагавор аб пакліканні Адзінай эканамічнай прасторы. Дамоўленасці з Расіяй у справе паставак нафты і газу давалі ў некалькі раз большы прыбытак беларускай гаспадарцы, чым абяцаныя ЕС крэдыты [11]. Выбар стратэгічнага партнёрства не пакідаў ніякага сумлення.

Падзеі ў Мінску 19 снежня 2010 г., пасля заканчэння прэзідэнцкіх выбараў, прывялі да новай халоднай вайны паміж ЕС і Беларусіяй, новых санкцый і абмежавання кантактаў.

Спіс літаратуры

1. Buchowiec O., Stan i perspektywy integracji Republiki Białorusi i Federacji Rosyjskiej w oczach przeciętnego Białorusina, [w:] Białoruś: trudna droga do demokracji, red. M. Iwanow, Wrocław 2006.

2. Dumała A., Stosunki Unii Europejskiej z Białorusią, [w:] Białoruś w stosunkach międzynarodowych, red. I. Topolski, Lublin 2009.
3. Lachowicz R., Białoruskie elity rządzące – gotowość do dialogu i współpracy z Unią Europejską, [w:] Białoruś – w stronę zjednoczonej Europy, red. M. Maszkiewicz, Wrocław 2009.
4. Sadowski R., Białoruś-Rosja: integracja wschodnioeuropejska, wyd. Ośrodka Studiów Wschodnich, Warszawa 2003.
5. Достанко, Е. А. Республика Беларусь и ЕС. Сотрудничество в рамках Восточного Партнерства в 2008-2009 гг. / Е. А. Достанко // Беларусь в современном мире : материалы VIII междунар. науч. конф., посв. 88-летию образования Белорусского государственного университета. – Минск, 2009.
6. Мельянцов, Д. Беларусь – ЕС: затяжная нормализация / Д. Мельянцов // Белорусский ежегодник-2009. – Минск : Бел. ин. стратег. исслед., 2010.
7. Уляхович, В. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь / В. Уляхович. – Минск, 2009.
8. Шадурский, В. Принцип многовекторности во внешней политике Беларуси / В. Шадурский // Проблемы внешней политики и безопасности. Беларусь – Польша: история в перспективе сотрудничества. – Минск, 2009.
9. Сіліцкі, В. Перспективы эўрапейскай інтэграцыі Беларусі / В. Сіліцкі // Беларусь. Сцэнарый рэформаў / рэд. Р. Вайняня [и др.]. – Варшава, 2003.
10. Беларусь планирует создать свободную зону торговли с ЕС через 3-4 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mygazeta.com/новости/беларусь-планирует-создать-свободну.html>. – Дата доступа: 04.03.2013.
11. Беларусь – Россия: точка возврата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://n1.by/news/politika/belarus-%E2%80%94-rossiya-tochka-vozvrata.html-0>. – Дата доступа: 01.03.2012.
12. Европа готова стать Россией для Беларуси // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – 23.06.2009. – Режим доступа: <http://mygazeta.com/новости/комерсантъ-европа-готова-стать-росс.html>. – Дата доступа: 03.03.2013.
13. Еврокомиссия: ЕС готов предложить Беларуси экономическую интеграцию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mygazeta.com/новости/еврокомиссия-ес-готов-предложить-бел.html>. – Дата доступа: 04.03.2013.
14. Лукашенко: Мы бы не отказались от зоны свободной торговли с ЕС, если бы нам завтра ее предложили... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2009/07/06/ic_media_video_113_3219/ – Дата доступа: 09.04.2014.
15. Президент Беларуси выступает за фундаментальные отношения с ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oko.by/5897-prezident-belarusi-vystupaet-za-fundamentalnye.html>. – Дата доступа: 27.02.2013.
16. Стенограмма интервью Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко телеканалу «Евроньюс» (2 февр. 2009 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press106755.html#doc>. – Дата доступа: 02.04.2014.
17. Таможенный союз усложнил отношения Беларуси с ЕС на 1 млрд евро [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/83697> – Дата доступа: 02.03.2013.

В. С. Михайловский

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
vadim2010minsk@mail.ru)

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ПОЛИТИКЕ: НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Современный политический процесс функционирует на разных уровнях – от локального до глобального. При всей специфике протекания политического процесса в рамках национальных государств есть общие факторы, которые оказывают воздействие на политику. К таким «вызовам» относится развитие массовой культуры, которая создает особое политическое пространство современности.

Согласно американскому социологу Д. Беллу массовая культура – это своего рода организация обыденного сознания в информационном обществе, особая знаковая система или особый язык, на котором члены информационного общества достигают взаимопонимания [1, с. 647]. Массовая культура является особым способом (предпосылкой) быстрого налаживания взаимопонимания как между отдельными личностями, так и между нациями и этносами. Это возможно в силу общности потребностей и ценностей, общности «культурного кода» современного человека на глобальном уровне. В этом позитивное значение массовой культуры.

Массовая культура представляет собой феномен распространения культуры именно Запада. В своей основе эта культура является гуманистической и демократической, несет образцы должного поведения органичные белорусам. Однако она воспроизводится как составная и неотъемлемая часть глобального капиталистического порядка, что деформирует ее позитивное предназначение. Идеальный человек для капиталистического порядка не гуманист и демократ, а лояльный потребитель. Массовая культура – это культура потребления, цель которой поддерживать в массовом сознании ощущение нехватки различных благ.

Массовая культура западного общества в Беларуси есть способ включения ее в глобальную систему потребления, а следовательно, в глобальный капиталистический порядок. Это экономическая цель в рамках функционирования глобального капитализма и расширения рынков сбыта. Потребление – это объективное явление. Человечество потребляло всегда. Однако сегодняшняя мировая ситуация отличается тем, что потребление, как отмечал французский философ Ж. Бодрийяр, не является результатом свободного выбора, а формируется внешним принуждением. Поэтому, исследуя проблемы потребления, не стоит фокусироваться только на этической проблеме в рамках «процесса наслаждения». Проблема потребления должна рассматриваться «в политическом плане», и «отправным пунктом» анализа должно стать исследование потребления «стратегически» как механизма власти [2, с. 101–102]. Экономическая функция (задача) мас-

совой культуры должна привести в итоге к реализации интереса транснационального капитала как основного получателя доходов от современного глобального потребления.

Отдельному человеку сложно противостоять натиску транснациональных корпораций, государство же способно включить механизмы защиты, начиная от массового просвещения и заканчивая экономическими барьерами. Однако действовать государство может только в интересах граждан и на основе легитимности, подрыв которой и становится политической функцией (задачей) массовой культуры.

Массовая культура открывает огромные возможности для воздействия на обыденное сознание и формирование определенных ценностных ориентаций в экономике и моделей поведения в политике. Роль массовой культуры в политике разных стран зависит и от стартовых позиций обществ, и от глубины включения в глобальные процессы. Реализация господства транснационального капитала в Республике Беларусь посредством массовой культуры обладает своими особенностями. И главное, что для Беларуси этот процесс еще не завершен, а значит, возможен его поворот вспять.

Цель транснационального капитала не только продать товар, но и купить труд белоруса за те деньги, которые он потом потратит на покупку этого товара. Белорус как глобальный потребитель должен стать и глобальным работником. Здесь возникает особенность белорусской ситуации. О белорусах, включенных в глобальное потребление как культуру, нельзя сказать, как о включенных в глобальное потребление как экономику. Речь идет не только об отсутствии повсеместного производства транснациональных корпораций, но и о возможности белорусской экономики удовлетворить белорусскую культуру потребления национальным продуктом. Парадокс в том, что укоренение ценности потребления оборачивается для Беларуси фактором экономического роста. Формула «думаем глобально – потребляем национально» означает и развитость экономики, и ее безопасность. Подобная ситуация – успех Беларуси и вызов ей. Нынешняя белорусская экономическая политика – это стратегия избегания «ловушки бедности» без культурной изоляции страны. Подобная политика – роскошь для современных государств, что и определяет попадание Беларуси под «прицел» неоимпериалистической экспансии.

В современном мире империалистического агрессора как объективного «врага» нет. Есть лишь многочисленные программы «развития», предлагаемые (навязываемые) странами Запада и международными финансовыми организациями в интересах транснационального капитала. Это и может быть понято как неолиберальный империализм.

Для эффективного преодоления государственного суверенитета транснациональному капиталу необходимо закрепить в белорусском обществе неолиберальный дискурс как универсальный. Необходима фальшивая политическая действительность, которая и транслируется посред-

ством массовой культуры. Универсализм позволяет транснациональному капиталу получить массовое согласие «на моральное право господствовать» [3, с. 47]. Идеология капиталистического универсализма обосновывает всю сложившуюся систему капиталистических отношений как воплощение здравого смысла [4, с. 144] и, таким образом, является фактором ее легитимации.

В идеале навязанный неолиберальный дискурс должен привести к публичной критике властей за недостаточное включение страны в мировой капиталистический порядок. Государство должно попасть в «ловушку конституционализма», выполнять требования населения и еще больше усугублять экономическую ситуацию, подвергаясь критике и требованиям дальнейших реформ.

Республика Беларусь находится на «пороге» такой ситуации. Самый простой способ контролировать белорусское дискурсивное пространство – это «переделать» язык и заполнить массовое сознание словами с неопределенными конъюнктурными смыслами. Такими словами являются «свобода», «демократия», «требования времени», «структурная перестройка экономики», «приватизация», «разгосударствление», «дебюрократизация».

Массовая культура потребления – это культура быстрого неразборчивого потребления. Она навязывает страх не успеть прожить жизнь и остаться неудачниками. Это настроение транслируется и на политическое пространство, где быстрые неразборчивые реформы сродни товарам. Повторяющийся дискурс «кризиса», «борьбы за инвестиции» и «места в мировой торговле» приводят к спешности, а следовательно, непродуманности реформ. Поэтому умение в подобной ситуации остаться преданным выбранному продуманному курсу есть свидетельство политической зрелости государственной элиты.

Вместе с тем не следует так однозначно оценивать роль массовой культуры в политике. Массовая культура как технология возможна и эффективна для трансляции иных норм политического участия и ценностей политического поведения. Решающую роль в такой позитивной трансформации массовой культуры может сыграть привлечение критического потенциала в общественный и политический дискурс.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 956 с.
2. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака = Pour une critique de l'économie politique du signe / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. – М. : Акад. Проект, 2007. – 335 с.
3. Валлерстайн, И. Европейский универсализм: риторика власти / И. Валлерстайн // Прогнозис. – 2008. – № 2. – С. 3–56.
4. Hahn, N. S. C. Neoliberal imperialism and pan-African resistance / N. S. C. Hahn // J. of World-System Research. – 2007. – Vol. 13, № 2. – P. 142–178.

И. Б. Михеева

(Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь,
iryna.mikheyeva@gmail.com)

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ БЕЛАРУСИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Наблюдаемый сегодня постепенный перенос политико-идеологических и научно-исследовательских акцентов с геополитической оптики на оптику геокультурную при разработке оптимальных программ позиционирования того или иного государства на международной арене актуализируется в силу ряда обстоятельств онтологического и гносеологического характера. Прежде всего, значимость такой переориентации обусловлена самим фактом динамичного становления и перманентной реконфигурации новых интеграционных пространств на евразийском, европейском и общемировом пространстве, что предопределяет необходимость для государств различных регионов эффективно отстаивать и укреплять свою международную правосубъектность. Под последней понимается способность государства как субъекта международного права быть полноценным участником международных правоотношений, то есть самостоятельно и автономно осуществлять юридически значимые действия, среди которых выделяются, в первую очередь, участие в создании международно-правовых согласованных норм, заключении международных договоров, работе международных организаций и др. Иными словами, субъектность государства в широком смысле этого слова синонимична его суверенности и заключается в способности и возможности быть независимым и признанным игроком на (гео)политической, (гео)экономической и (гео)культурной арене регионального и международного масштаба.

Вместе с тем, ситуация стремительной динамики международного контекста, в который встроена, в том числе, и белорусская действительность и который порождает разноплановые тенденции и процессы, оказывающие непосредственное влияние на внутреннее и внешнее развитие страны, требует постоянного мониторинга и изучения. Усиливающиеся кризисные явления мирового и регионального масштаба, перманентное возникновение все новых вызовов экономического и политического свойства, увеличение числа различных угроз национальным интересам и политическому суверенитету Беларуси требуют выработки оперативных и адекватных программ действий, в том числе и прежде всего, в формате научных разработок и рекомендаций. Одним из современных эвристических методологических подходов к прояснению основ и перспектив мировой динамики и роли в ней Республики Беларусь, как раз и выступает геокультурная парадигма.

Понятие «геокультура», а также его производные («геокультура развития», «геокультура миросистемы», «геокультурное пространство», «геокультурные общности» и т.п.) были введены в научный оборот и содержательно разработаны американским исследователем И. Валлерстайном [1] и рядом других ученых, в том числе российских (В. П. Цымбурский, В. Н. Стрелецкий, Д. Н. Замятин, Г. Н. Нурышев, С. Н. Артановский, С. Н. Иконникова, М. С. Каган, А. С. Кармин и др.) Сегодня в исходный концепт включают широкий спектр содержательных компонентов, понимая под геокультурой и «культурное основание всей господствующей капиталистической миросистемы, которым был и остается либерализм, имеющий планетарный характер» [2], и «способ политического проектирования, основанного на мобилизации культурных признаков» [3], и «результат развития образов в культуре, а также традицию осмысления этих образов, формирующих геокультурное пространство» [4], и «схему устойчивых культурных реалий и представлений, которые формируются на определенной территории в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования» [5], и одновременный «и процесс, и результат пространственной самоорганизации культурных комплексов и их носителей» [6], и «сочетание объектов культуры, синтезируемых из разнообразных природных, социальных, материальных и идеальных элементов» [7] и пр.

Исходя из вышеобозначенного, геокультурный подход можно в целом охарактеризовать как попытку комплексного анализа и практического совершенствования «культурной репрезентации пространства» страны (как пространства политико-экономического), активно и самостоятельно выполняющей свою социокультурную роль в сообществе соседних государств. В этом смысле геокультурная парадигма представляет собой систему культурных, или «мягких» (*soft power*) методик-рекомендаций по влиянию (или даже экспансии) данного государства на геополитическое окружение. В этом смысле можно определить геокультуру как геополитику «на культурных основаниях», а геокультурный подход рассматривать как дополняющий подходы геополитический и геоэкономический и в единстве с ними претендующий на достаточно полное отражение объективной картины позиционирования той или иной страны на международной арене.

Безусловно, геокультурная исследовательская парадигма должна быть использована в более широком контексте методологического аппарата и проблемно-тематического поля социальной философии, философии истории, философии культуры, политической философии и политологии, философской антропологии в формате общенаучной диалектики и ее конкретизации в совокупности историко-эволюционных, герменевтических, системно-синергетических, статистических и компаративистских методов. Именно таким образом выстроенная методологическая база позволила бы

в дальнейшем формулировать продуктивные выводы и рекомендации для оперативной разработки востребованных стратегических программ по активному позиционированию и успешному участию страны в интеграционных процессах европейского, евразийского и общемирового уровня, реальному межкультурному, социально-экономическому и научно-техническому взаимодействию белорусского государства со странами различных регионов, укреплению позитивного имиджа страны. Полученные в ходе подобных исследований результаты могут быть использованы в качестве теоретико-методологической основы при обосновании и практической реализации национальных социально-политических программ, обеспечивающих устойчивую динамику белорусского общества, гармоничное развитие человека, продуктивное международное сотрудничество РБ с другими странами в региональном и мировом масштабе.

Конкретное использование геокультурной парадигмы при исследовании и моделировании места и роли Беларуси в современном мире может быть выражено в разработке перспективной структурно-динамической модели геокультурной субъектности белорусского государства. С этой целью представляется целесообразным сосредоточить исследовательский интерес на анализе ряда феноменов и процессов внутреннего и внешнего плана в широком диапазоне от исторических основ национального самосознания до современных программ выстраивания имиджа белорусского государства. На наш взгляд, основными направлениями изучения должны выступить следующие проблемно-тематические блоки: генезис ведущих мировоззренческих и идеологических моделей белорусского национального самосознания, становление и развитие центральноевропейских доминант белорусской культуры в аспекте их продуктивного потенциала для укрепления геополитических и культурно-цивилизационных позиций страны, состояние и перспективы комплексного партнерства Республики Беларусь и Европейского союза для оптимизации реального межкультурного взаимодействия и укрепления позитивного странового имиджа.

Список литературы

1. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб., 2001. – 416 с.
2. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ / И. Валлерстайн // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск, 1998. – Вып. 1. – С. 105–123.
3. Цымбурский, В. Л. Это твой геокультурный выбор, Россия? / В. Л. Цымбурский // Полис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.polistudies.ru/universum/esse/7zmb.htm>. – Дата доступа: 25.09.2015.
4. Замятин, Д. Н. Географические образы в гуманитарных науках / Д. Н. Замятин // Человек. – 2000. – № 5. – С. 81–88.

5. Нурышев, Г. Н. Геокультура – теоретико-методологические основания; Глобальная геополитика и геокультура / Г. Н. Нурышев // – Экономика и экономический менеджмент [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economics.openmechanics.com>. – Дата доступа: 25.09.2015.

6. Стрелецкий, В. Н. Геопространство в культурной географии / В. Н. Стрелецкий // Гуманитарная география. Вып. 2. – М., 2005. – 512 с. – С. 207.

7. Узлов, Ю. А. Геокультура как фактор развития цивилизации / Ю. А. Узлов // Общество: философия, история, культура. – 2012. – № 4. – С. 48–54.

И. Е. Моисеев

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, moiseevigor53@gmail.com)

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКИЙ ДИАЛОГ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И СТРАН БАЛТИИ**

Для Беларуси построение добрососедских, взаимовыгодных отношений со странами Балтии диктуется уже только очевидным географическим соседством (Литва и Латвия). Но если к развитию торгово-экономического сотрудничества стороны относятся весьма бережно, выводя его за рамки весьма непростой политической конъюнктуры, то межпарламентское взаимодействие довольно часто приносилось в жертву.

Контакты «нового времени» (уже не советского содержания) между представителями парламентов Беларуси Литвы и Латвии начались еще до обретения суверенитета, с 1990 года их националистические фракции встречались для обсуждения перспектив выхода из состава СССР. Затем в ходе обмена визитами в октябре 1991 года Председатель Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис и Председатель Президиума Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевич подписали Декларацию о принципах добрососедских отношений, а в конце года Верховные Советы двух государств обменялись взаимным признанием независимости (за год до установления дипломатических отношений). В декабре 1991 года в ходе официального визита в Латвию белорусской стороны председатели Верховных Советов двух республик С. Шушкевич и А. Горбунов подписали подобную Декларацию о принципах добрососедских отношений. Таким образом, можно констатировать, что парламенты наших стран стояли у истоков построения межгосударственных отношений, но затем их роль стала вспомогательной, эпизодической, третьестепенной, но не по вине белорусской стороны.

Если до 1994 года развитию отношений между Беларусью и странами Балтии мешал ряд конфликтных ситуаций, как в реальной политике, так и в области идеологизации истории, то после избрания первого Президента Беларуси произошло заметное оживление контактов по всем направлениям, если не прорыв (исключительно благодаря конструктивным инициативам новой управленческой команды в Минске), в том числе и по линии

межпарламентского сотрудничества. Делегация Сейма Латвии впервые побывала в Республике Беларусь в феврале 1995 г., а в апреле 1995 года белорусская парламентская делегация во главе с Председателем Верховного Совета Республики Беларусь М. Грибом впервые посетила Литву. Ответный визит в Беларусь делегации Сейма Литвы во главе со спикером литовского парламента Ч. Юршенасам состоялся через год.

Однако проведение в Беларуси конституционного референдума и роспуск Президентом Верховного Совета 13-го созыва в 1996 году было воспринято в странах Балтии критически, чему способствовало непризнание Национального собрания Республики Беларусь со стороны политических структур ЕС. Например, вице-спикер Сейма Литвы А. Кубилюс заявил в марте 1997 г., что у литовских парламентариев нет партнеров в Беларуси.

Вместе с тем латвийские парламентарии отказались от политики изоляционизма по отношению к Беларуси. Делегация Сейма Латвийской Республики на Каирской сессии Межпарламентского союза в сентябре 1997 г. поддержала восстановление полномочий в нем группы Национального собрания Беларуси. В сентябре 1998 г. делегация парламентариев Сейма Латвии посетила Республику Беларусь, а через месяц парламентская группа Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь присутствовала в качестве наблюдателя за ходом парламентских выборов и референдума в Латвии. Следующий визит латвийских парламентариев в Беларусь состоялся в мае 2001 г.

Следует отметить, что взаимодействие Сейма и Национального собрания поддерживалось усилиями главным образом парламентских групп латвийско-белорусского сотрудничества. Представители латвийской группы неоднократно участвовали в наблюдении за избирательными кампаниями в Беларуси, адекватно оценивая увиденное.

Работа латвийских коллег проходила в непростых условиях. Заместитель Председателя Сейма Латвии Р. Разукс назвал майский визит 2001 года частной инициативой и рекомендовал латвийским парламентариям воздержаться от встреч с официальными представителями Минска. Несмотря на указанные рекомендации в 2002 году представители парламентских групп обменялись визитами. Однако в 2003 году в рамках реализации политики «неконфронтационного дистанцирования» руководство Сейма надолго заморозило контакты с белорусской стороной. А в марте 2006 года была предпринята попытка «размыть» группу латвийско-белорусского парламентского сотрудничества, радикально изменить характер ее деятельности. В ее состав были введены депутаты, инициировавшие переименование в группу «поддержки демократических процессов парламенте и обществе Беларуси». Здоровое ядро группы было вынуждено ее оставить, чтобы восстановить прежнюю.

Летом 2008 г. по приглашению Сейма Латвийской Республики в Риге с рабочим визитом находилась парламентская делегация Республики Бела-

реть, а в мае 2010 г. прошел визит в Минск латвийской парламентской делегации. Следующий визит латвийских парламентариев в Минск удалось организовать только в сентябре 2013 года, а ответный визит их белорусских коллег в Ригу в июне 2014 г.

Как и в случае с Латвией оживить межпарламентское сотрудничество с литовской стороной удалось опираясь на учрежденную в 2000 году в Сейме Литвы группу по развитию добрососедских отношений с Беларусью. Благодаря проведенной ею работе в июне 2003 года прошел фактически первый официальный визит в Вильнюс делегации Национального собрания Республики Беларусь, а октябре 2003 года состоялся ответный визит в Беларусь членов Группы во главе Б. Брадаускасом. В апреле 2004 г. для контактов была использована площадка международной конференции «Расширяющаяся Европа и проект «Расширенной Европы» в Вильнюсе. Очередные обсуждения вопросов двустороннего сотрудничества в составе групп состоялось в ноябре 2007 г., июне 2009 г. и июне 2013 г. в Минске. Кроме того, в ноябре 2009 г. в г. Гродно прошла неформальная встреча с литовской парламентской делегацией, состоявшей из представителей различных фракций и комитетов Сейма.

Достаточно краткая историография белорусско-эстонских межпарламентских контактов вполне отражает значительно меньшую взаимную значимость двусторонних отношений наших стран в целом в сравнении с Литвой и Латвией. Вместе с тем нельзя не отметить их высокую интенсивность. Первый официальный визит в Беларусь делегации Парламента Эстонии (Рийгикогу) состоялся в июле 2009 г. В сентябре 2010 г. по приглашению группы дружбы Парламента Эстонии с Парламентом Беларуси состоялся первый в истории двусторонних отношений официальный визит в Эстонию делегации Парламента Беларуси в составе членов рабочей группы Национального собрания Республики Беларусь по сотрудничеству с Парламентом Эстонской Республики, а в октябре 2011 г. ответный визит в г. Минск эстонской стороны. В феврале 2013 г. в г. Таллинне состоялся круглый стол на тему «Укрепление дружественных связей между странами Балтии и Республикой Беларусь», в котором приняли участие депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. А уже в апреле того же года рабочие парламентские группы встретились в Минске. В ходе прошедших встреч поднимался самый широкий спектр вопросов от профильных как, например, о получении Парламентом Беларуси статуса наблюдателя в Парламентской конференции Балтийского моря, до торгово-экономических (в том числе создание Эстонско-Белорусской торгово-промышленной палаты), проблем экологии, туристического обмена и др., что говорит о дефиците инструментов и площадок взаимодействия (характерно только для Эстонии, т.к. с Литвой и Латвией по всем направлениям, кроме политических, двусторонние отношения развивались весьма интенсивно). Стороны выразили заинтересованность в развитии дальнейших контактов.

В условиях готовности Брюсселя и Страсбурга наладить с Минском полноценный политический диалог есть все основания предполагать, что межпарламентское сотрудничество между Беларусью и странами Балтии получит адекватное развитие. Фундамент для этой работы заложен многолетними кропотливыми усилиями белорусской стороны и конструктивно настроенными парламентариями Литвы, Латвии и Эстонии.

О. С. Морозова

(Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия, osmorofova80@mail.ru)

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕРРОРИЗМ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В настоящее время проблемы европейской безопасности обострились с новой силой, и перед исследователями актуализировались задачи изучения причин и последствий усиления напряженности, в том числе проявляющейся и в форме террористических актов.

Использование термина «терроризм» исторически было связано с деятельностью в России представителей радикальных политических движений, таких как эсеры и анархисты в конце XIX – начале XX вв. В последующем, на протяжении XX века СМИ значительно расширили употребление этого понятия, обозначая так фактически все виды политического насилия. Нет единства и среди исследователей: в научной литературе можно встретить более 100 определений терроризма.

Один из наиболее авторитетных исследователей, американский социолог Чарльз Тилли в своей работе «Террор, терроризм и террористы» утверждает, что определение терроризма должно быть основано на характеристиках преступников и жертв [1].

Согласно этой точке зрения, во-первых, терроризм предполагает насилие, направленное против гражданских лиц. То есть жертвами терроризма являются граждане, не активно или официально участвующие в насильственных конфликтах.

Во-вторых, важно различать характеристики лиц, совершивших террористические действия. Это в любом случае негосударственные субъекты, примерами которых могут быть как транснациональные террористические организации, такие как Аль-Каида или группы, действующие на региональном уровне, например, ЭТА – баскская леворадикальная, националистическая организация сепаратистов, выступающая за независимость Страны басков – региона, расположенного на севере Испании.

До сих пор не существует общепринятого определения терроризма, более того, одних и тех же людей или организации называют «террористами» и в то же время «борцами за свободу» [2].

Важно проанализировать мотивы терактов. Как представляется, существуют различия, качественно отличающие насильственные преступления, совершенные отдельными лицами и группами на почве стремления к экономической выгоде от насильственных преступлений, совершенных террористическими организациями. Например, это отличие ХАМАС, действующей на палестинских территориях от сицилийской мафии на юге Италии. Оба – негосударственные субъекты, использующие насилие в отношении гражданского населения, но различие заключается в целях организаций. ХАМАС хочет уничтожить израильское государство, и утверждает, что борьба за создание палестинского государства – его политическая цель. А организованные преступные организации, такие как мафия, не имеют таких политических намерений.

Таким образом, основным условием для квалифицирования акта насилия в качестве терроризма является наличие мотивированного желания влиять на политический результат. Однако это не означает, что террористы не могут также участвовать в организованной преступности как талибы в Афганистане, получающие огромные прибыли от торговли наркотиками.

Это последнее условие исключает некоторые другие виды насилия. Например, преступления на почве ненависти без какой-либо известной мотивации, а также насильственные преступления, совершенные психически нездоровыми индивидами, которые не имеют конечной политической подоплеки и не подпадают под понятие терроризма.

В научной литературе встречается предположение, что подъем уровня жизни, появление образовательных возможностей у экономически маргинальных членов общества снизит не только количество преступлений против собственности и вообще нестабильность в обществе, но и предотвратит теракты как вид политического насилия.

Тем не менее связь между бедностью и терроризмом является неоднозначной. Многие из тех, кто совершил теракт 11 сентября 2001 года или же большинство террористов-смертников были образованными, принадлежали к среднему классу и не испытывали крайней нужды.

Согласно теории канадского конфликтолога Анатолия Раппопорта, в истории человечества прослеживается четыре волны террора. Первая волна началась в конце XIX в., это был террор революционеров-народовольцев. Вторая волна – антиколониальный террор, который начался в 20-х гг. XX в. С 60-х гг. развернулась волна анархического, а с конца 70-х гг. – религиозного террора. Последняя четвертая волна отмечена тем, что «люди, которые осуществляют теракты, не просто принадлежат к какой-то религии, а действуют от имени религии». В качестве этой религии, начиная с исламской революции 1978 года, выступает мусульманство. Террористы вдохновляются исламом, причем той его трактовкой, которая выгодна идейным организаторам преступных сообществ. Действительно, подавляю-

щее большинство мусульманских лидеров осуждает террор, они выступают против выхватывания из контекста отдельных фраз из Корана и призывов к насильственным формам борьбы. Опять же, нельзя всех мусульман считать религиозными фанатиками, а в каждом арабе видеть потенциального террориста. В этом плане необходима активная работа, прежде всего, с исламскими религиозными богословами, которые должны показывать верующим гуманистическую, мирную сущность ислама. Именно таким образом, через очищение ислама изнутри возможно преодоление радикализма среди верующих и возобновление доверия к мусульманам. Мирное сообщество должно понять, что, несмотря на то, что мы живем в эпоху постиндустриального общества, в период расцвета науки техники, религия не просто вернулась в глобальную политику и международные отношения, но и по масштабам влияния соперничает с экономическими и политическими процессами. Поэтому игнорирование этой темы приведет к еще более опасным последствиям.

Традиционные патриархальные устои или же либеральная демократия, имеющая уже многолетний опыт, в современной Европе подверглись серьезной деформации. На протяжении короткого временного интервала сместились акценты в восприятии и оценке семейных ценностей, смысловых ориентиров, религиозных постулатов христианства. И в этом быстро меняющемся мире не так просто найти опору, которая позволила бы человеку обрести гармонию в принятии себя и общества. Иногда простые, четкие, безапелляционные истины, которыми оперируют идейные лидеры террористических организаций, оказываются востребованы как раз в тех ситуациях, когда многообразие мира пугает человека. Определенный идеологический вакуум заполняется простыми конструкциями, где дихотомия «добро – зло», «плохо – хорошо» объясняется предельно конкретно.

Закрытые и законспирированные тайные общества, создающие ощущение принадлежности к когорте избранных, привлекают ореолом таинственности и романтики.

А молниеносно распространяемая современными СМИ информация о терактах позволяет их зачинщикам очень быстро не только стать известными, но и многократно усиливает эффект от трагических событий. Таким образом, дестабилизация обстановки в стране и мире, паника, атмосфера страха, – все то, чему служит террористическая деятельность, – достигается в очень короткие сроки и имеет серьезные последствия.

В условиях кризиса европейской безопасности возможны три шага в направлении борьбы с причинами терроризма. Во-первых, проведение активной государственной политики в сфере социализации личности, начиная с детского возраста, включение молодежи в деятельность различных общественных институтов, а также обширная разъяснительная работа, развенчивающая романтический миф о террористе. Во-вторых, необходимо усилить работу по ликвидации источников финансирования террора

и предупреждению появления новых каналов поступления средств. В-третьих, очевидно, что Евросоюз испытывает сейчас проверку на прочность, поскольку перед лицом терроризма ряд стран готов отказаться от принципа европейской интеграции и закрыть национальные границы. И в этих условиях сохранение общности между государствами – членами ЕС крайне важно, поскольку позволяет аккумулировать и координировать усилия в сфере борьбы с терроризмом.

Список литературы

1. Tilly C. Terror, terrorism, terrorists. Sociological Theory. – 2004. – № 22(1). – P. 5–13.
2. Davis P., Jenkins B. Deterrence and Influence in Counterterrorism. – 2002. – № 4.

Е. О. Мочалова

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, alena.machalava@mail.ru)

**СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ПРИ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Для современной гуманитарной науки актуальна проблема соотношения традиционных структур национального и общечеловеческого. Расширение межкультурных контактов и глобализация мультикультурной земной цивилизации делают необходимым изучение элементов культуры, находящихся отражение в языке любого народа, как в национально-культурном, так и в сопоставительно-переводческом аспекте.

Актуальность решаемой проблемы определяется непрерывным глобальным процессом взаимовлияния языка и культуры. Определение эффективных средств передачи белорусской культурно-значимой специфики в англоязычных текстах перевода позволяет выявить актуальные тенденции развития языков и углубить наши познания в теории номинации. Изучение лексических единиц, отражающих национальные особенности культуры народа – носителя языка, представляется важным в связи со стремлением к адекватному пониманию ментальности представителей данного народа на фоне противоположных тенденций к глобализации и сохранению национальной специфики.

Данное исследование имеет междисциплинарный характер и выполняется на стыке языкознания и переводоведения. Такого рода исследования позволяют раскрыть не только внутриязыковые особенности сопоставляемых языков, но и выявить и охарактеризовать специфику языковой картины мира представителей определенных языковых групп. Именно этим и обусловлена важность сопоставительных исследований для общества

периода глобализации. Научная новизна определяется исследованием малоизученных проблем, связанных с особенностями передачи национально-маркированной лексики белорусских художественных произведений на английский язык.

Одним из главных факторов, влияющих на перевод, оказывается языковая картина мира. В процессе создания перевода «сталкиваются» несколько языковых картин мира: языковая картина мира, свойственная автору создаваемого текста; языковая картина мира адресата оригинального текста; языковая картина мира переводчика (переводчиков); языковая картина мира адресата перевода. Таким образом, сегодня в центре внимания оказываются культурные аспекты перевода, контексты, в рамках которых он осуществляется.

Национально-культурный код языка составляют лексические единицы, в значении которых особенно отчетливо проявляется связь языка и культуры. Общие термины, используемые для обозначения таких лексических единиц в настоящее время, – «культурно-маркированная», «национально-специфичная», «национально-маркированная» лексика. В качестве теоретической основы по исследуемой проблеме используем работы по переводоведению В.С. Виноградова, Я.И. Рецкера, С.И. Влахова, С.П. Флорина, по межкультурной коммуникации В.В. Кабакчи, по лексикологии И.В. Арнольда, Е.С. Кубряковой, В.И. Заботкиной.

Материал данного исследования отобран из повести В. Быкова «Альпийская балада» [1] и ее перевода на английский язык «Alpine ballad» [2], рассказов белорусских писателей из сборника «Colours of the native country: Stories by Byelorussian Writers» [3].

Наиболее распространенными лексическими трансформациями при переводе реалий в исследованных произведениях являются транскрибирование и транслитерация (21,3 %).

Транскрибирование и транслитерация применялась при передаче кличек, имен и фамилий практических всех персонажей произведения «Альпийская балада»:

– Глух, нэсі солону. Ты, Жупан, тэж. – «*Glukh, bring me some straw. And you, Zhupan*». Вышэй ад Галадая ўзяўся рукою Жук, над ёю сашчапіліся вузлаватыя Янушкавы пальцы, затым – далонь Срэбнікава, за ёй шырокая Цярэшкава пяцярня. *The Beetle grasped the handle above Golodai's hand, then Yanushka's knotted fingers curled round it, above came Srebnikov's hand and lastly Tereshka's big fist.* Имя только одного персонажа переведено калькированием, т.е. было подобрано лексическое соответствие белорусскому Жук в английском языке: *Маленькі чарнявы хлапец на мянушцы Жук – The sharp-tongued little prisoner nicknamed the Beetle.*

Географические названия, как правило, заменялись эквивалентами в соответствии с географическими справочниками или, в случае небольших населенных пунктов, применялась транскрибирование и транслитерация:

Надпіс той быў, вядома, мясячнай даўнасці, калі армія яшчэ наступала на Зміеў у а́бход Харкава. – It had been done about a month before, when the army was still approaching Zmiyev after having bypassed Kharkov.

Что касается имен нарицательных, следует отметить, что довольно частые их транскрибирование и транслитерация связаны с сюжетом (ряд персонажей не владеет белорусским языком, поскольку события происходят за пределами страны): – *А, сын, – трошкі здзіўлена падказаў ён. – «Syn,» he guessed, a little puzzled. – Не боль – рана. Па-пуску гэта – рана. “It’s not illness, it’s a wound, rana in Russian.”*

Характерной особенностью данного произведения является наличие внешних по отношению к рассматриваемым английскому и белорусскому языкам лексических единиц, которые при переводе, в отличие от оригинала, не подвергались фонетической адаптации:

Фашысты многага дасягнулі ў сваім энтмэншунгу – самай подлай з усіх чорных спраў на зямлі. *The fascists had gone very far with their Entmenschung – dehumanisation – the foulest of all dark deeds ever performed on this earth.*

Проанализировав приемы перевода ономастических реалий в рассказах белорусских писателей из сборника «Colours of the native country: Stories by Byelorussian Writers» мы пришли к следующим выводам:

При переводе 46 проанализированных нами антропонимов, а именно имен собственных, использовался прием транскрипции и транслитерации с учетом традиционно сложившегося написания этих слов (*Хвелька з Рукиэніц – Phelka from Rukshanitzu, Мікіта – Mikita, Раман Мітамінкевіч – Raman Mitaminkevich*). Расхождения при транскрипции/транслитерации ономастических реалий обусловлены отсутствием четко установленных списков соответствий имен собственных, ограниченным количеством переводных словарей, изменениями в правилах транслитерации (белорусский – английский), переводом на английский язык произведений белорусских авторов через язык-посредник (русский). Например, «ў» в различных именах передаётся через английские буквы «u» и «v»: Карнілаў – Kornilov, Астап Гаўрылавіч – Astop Gavrilovich, Слава Загароўскі – Slava Zagarovsky, Надзежда Іванаўна – Nadzezdza Ivanauna, Аўгіння – Auginnya, Мураўёва – Murayov’s – род Яноўскіх – Janouski family.

Межкультурные и межъязыковые контакты дают возможность заимствования имен и названий из одного языка в другой. В справочной литературе дается информация о традиционно закрепившихся соответствиях исторических имен собственных. В произведениях белорусских авторов встречаются разные по национальной принадлежности наименования (*Буцьфал – Vicesphalo, Расінант – Rosinant, Люцынар – Lucifer, цэрбер – Cerberuse, донжуан – Don Juan, пушкінская Тацяна – Pushkin’s Tatyana*), поэтому нужно подчеркнуть важность их упорядочивания и систематизации.

В ходе исследования был осуществлен поиск наиболее адекватных способов перевода на английский язык формально-содержательных особенностей белорусского художественного текста с сохранением их функций, когда объектом исследования выступают культуронимы. Проведен анализ перевода вариантов ономастических реалий на английский язык; выявлены как продуктивные, так и менее продуктивные способы передачи данного пласта лексики с белорусского языка на английский. В результате анализа были выделены основные разновидности переводческих трансформаций, применяемых при переводе данной группы реалий.

Список литературы

1. Быкаў, В. У. Альпійская балада: Дажыць да світаньня: апавесці / В. У. Быкаў. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 333 с.
2. Вуков, V. V. Alpine Ballad / V. V. Вуков. – М. : Сов. писатель, 1964. – С. 189.
3. Colours of the native country: Stories by Byelorussian Writers. – Minsk : Belarus, 1972. – 267 p.

Н. Л. Мысливец

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, n.myslivets@gmail.com)

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ**

Самосознание любого общества начинается с истории. На самых различных этапах своего развития племени, народы, нации стремились сохранить память о прошлом: в форме устных преданий и героического эпоса, различного рода письменных текстов и художественных произведений, памятников изобразительного искусства и научных трудов. Сохранение исторической памяти способствовало осознанию людьми того факта, что они составляют единый народ, объединяемый общностью исторической судьбы, традиций, культуры, языка, обеспечивало их этническую и культурную самоидентификацию. Как свидетельствует многовековая история человечества, национально-историческое сознание является важнейшим оборонным фактором. Если его разрушить, то народ останется не только без прошлого, без своих исторических корней, но и без будущего.

Историческое сознание является одной из форм общественного сознания и представляет собой сложное, многофункциональное, специфическое образование. Известный российский социолог Ж.Т. Тощенко определяет историческое сознание как «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в

целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [1, с. 3].

Научная ценность исследования исторического сознания выражается в получении новых знаний о человеке как социальном существе, об обществе как социокультурной системе, о роли духовной культуры как среды, которая обуславливает социализацию личности, регуляцию поведения индивидов и социальных групп, трансляцию норм и правил человеческого общежития. Практический смысл социологического изучения исторического сознания состоит, прежде всего, в получении обоснованных представлений, необходимых для оптимизации социального управления. Поэтому первостепенное значение имеет анализ его содержания и происходящих в нем изменений, выявление многофакторной обусловленности его формирования, оценка его роли в деятельности социальных групп и общностей.

Одним из важнейших субъектов исторического сознания является молодежь. Под историческим сознанием молодежи понимается совокупность знаний и представлений молодых людей о прошлом, способов интерпретации прошлого в настоящем, форм использования опыта прошлого для самоидентификации в настоящем и ориентации на будущее [2, с. 89].

Наиболее влиятельными источниками, формирующими историческое сознание, являются труды профессиональных историков, мемуаристика, произведения устного народного творчества, художественная литература исторической направленности, театральные постановки, музейные экспозиции, а также система образования, средства массовой информации, религиозные представления людей. На всех этапах развития общества одним из ключевых институтов исторического сознания, наряду с государством, системой образования, институтами культуры, является семья.

Историческое сознание учащейся и студенческой молодежи, как и историческое сознание других социальных субъектов, формируется под воздействием всех перечисленных факторов. Однако первоочередное влияние на его состояние и развитие оказывают знания, полученные на уроках истории, обществоведения, литературы в школе, а также социально-гуманитарные дисциплины, изучаемые в вузе. Объективность и достоверность таких знаний в значительной степени определяются как содержанием учебной литературы, так и позицией школьных учителей, преподавателей вузов. Однако нельзя не признать, что этих источников недостаточно для реализации системного подхода к формированию исторического сознания молодежи.

Ни школа, ни колледж, ни университет не решают в полной мере проблему формирования исторического сознания. Во многом сложившаяся ситуация обусловлена тем, что исторический процесс чаще всего предстает перед обучающимися как набор дат, имен, событий. Это приводит к тому, что им не удается проследить каузальные связи в истории, понять закономерности развития, спрогнозировать их перспективы.

Все большее влияние на процесс формирования исторического сознания современной молодежи приобретает внеучебный контекст как источник существования различных типов знания о прошлом. Значительной в формировании исторического сознания подрастающих поколений является роль художественной литературы, искусства, театра, живописи, кино, телевидения и особенно СМИ. Как показывает накопленный опыт, эти институты способны оказывать существенное влияние на общественное мнение, симпатии и антипатии людей, но не могут служить источником серьезных исторических знаний. Для этого необходима систематизация научной информации, отражающей различные аспекты формирования исторического сознания молодежи, раскрывающая роль и значение института школы и личности учителя, средств массовой информации. Результатом такого изучения должна стать разработка рекомендаций по оптимизации процесса формирования патриотического исторического сознания молодежи.

Историческое сознание современных школьников мало отличается от исторического сознания других социально-демографических и социально-профессиональных групп. Можно предположить, что напряженность между поколениями, которая с определенной периодичностью встречается в обществе, своим истоком имеет не различия в оценке прошлого, а несовпадение мнений представителей молодого и старшего поколений в оценке настоящего, различия их эстетических идеалов и моральных норм.

Историческое сознание молодежи, несмотря на его своеобразие, нельзя отделять от общего исторического сознания этноса или нации. Согласно многочисленным исследованиям, оно продолжает сохранять стереотипы предшествующих поколений, актуализирует семейную память, ориентируется в первую очередь на историю своего народа и государства.

Применительно к историческому сознанию учащейся и студенческой молодежи наблюдается тенденция изменения статуса прошлого. Несмотря на осознание единства прошлого, настоящего и будущего, исторические интересы молодых людей ориентированы преимущественно на современную историю. Информационная эпоха, как эпоха общества риска, только усиливает эти ценности. Прошлое как социальный опыт, необходимый в процессе повседневной деятельности, трансформируется в прошлое как совокупность исторических знаний и представлений, востребованных прежде всего в качестве элемента учебной деятельности.

Как свидетельствуют результаты исследований, существует множество «белых пятен» в историческом сознании современной учащейся и студенческой молодежи. В первую очередь это относится к событиям, фактам, деятелям советского периода. Парадоксальность исторического сознания молодежи проявляется и в отсутствии последовательности в оценке событий и конкретных исторических лиц, затрудненности в национально-культурной самоидентификации.

Накопленный опыт наглядно демонстрирует, что недооценка роли управления формированием исторического сознания молодежи ведет к резкому снижению уровня патриотических чувств, гражданской ответственности, что в конечном итоге может привести к дестабилизации социального развития. Вследствие этого проблему формирования исторического сознания молодежи следует рассматривать как одну из первоочередных задач государственных и общественных структур, реализующих единую стратегию молодежной политики.

В настоящее время формирование исторического сознания молодежи сопровождается диалектическим взаимодействием сложных, противоречивых процессов. Научно взвешенные подходы соседствуют с историческим дилетантизмом, эмоциональной экспрессивностью и нигилизмом. В таких условиях особая роль отводится историко-социологическим исследованиям, которые могут позволить преодолеть раскол массового исторического сознания, его все более усиливающийся мифологизированный характер, создавая таким образом надежную платформу для решения проблемы формирования исторического сознания молодежи.

Список литературы

1. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–15.
2. Мерзлякова, И. Л. Об историческом сознании современной студенческой молодежи / И. Л. Мерзлякова, А. А. Линченко, Э. В. Овчинникова // Социс. – 2014. – № 12. – С. 89–96.

Н. В. Мясникова

(Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Украина, nnatali-myas@rambler.ru)

СТРАТЕГИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЫБОРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ВЗГЛЯД ИЗ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

В 2004 и 2007 гг. состоялось одно из самых масштабных расширений ЕС. Элитами стран Центральной и Восточной Европы вступление в ЕС понималось как «возвращение в Европу» из той системы, ядром которой была еще не так давно Россия. В то же время это расширение географически приблизило Европейский Союз к России, что обозначило претензии Евросоюза на особое положение в новом мироустройстве.

Появление непосредственной границы между ЕС и Молдовой, Украиной послужило импульсом к активизации политики ЕС в отношении восточных соседей. Молдова была включена в программы евроинтеграции, а в апреле 2014 г. РМ получила безвизовый режим с ЕС. Одновременно,

ввиду экономического кризиса, Европейский Союз был вынужден взять паузу в своем расширении на Восток.

Однако Европа не отказалась от сформированной в начале 2000-х гг. и направленной на создание так называемого «кольца друзей» идеи «Восточного партнерства». Суть идеи состояла в установлении политики добрососедства и сближении стран Южного Средиземноморья, а также Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины. Здесь следует отметить, что идея «Восточного партнерства» уходит своими корнями к инициативе «Восточного измерения» – общей внешней политики и политики в области безопасности Европейского Союза [1].

Особое место в политике добрососедства занимают Молдова и Украина, претендующие на членство в ЕС, но вместе с тем тесно связанные с Россией и имеющие особое значение для нее.

Связь Молдовы и России имеет глубокие исторические и политические корни. Формирование и становление молдавской государственности происходило при непосредственной поддержке и помощи Российского государства. Под покровительством России складывалась и молдавская самобытная культура. Православная церковь, книгопечатание, славянская письменность, культурные традиции – все это из века в век объединяло молдавский и русский народ. И даже период румынской оккупации с 1918 по 1939 гг. не изменил пророссийского вектора молдаван. Воссозданная в 1940 г. в рамках советской республики Молдавия, продолжила свое развитие под покровительством РСФСР. Молдавия в составе СССР стала одной из самых перспективных республик в сфере сельского хозяйства, тяжелой и легкой промышленности, развития науки и технологий.

Пришедший к власти в 1990 г. Народный фронт, изменил традиции давней дружбы с Россией и избрал для Республики Молдова курс на объединение с Румынией и проевропейскую ориентацию.

Первое соглашение между Молдовой и ЕС было подписано 28 ноября 1994 г., но ввиду неразрешенности молдово-приднестровского конфликта вступило в силу только 1 июля 1998 г. В течение 10 лет этот документ должен был обеспечивать сотрудничество стран в политической, экономической, правовой, культурной и научной областях. Несмотря на то, что первичный вариант евроинтеграции требовал от молдавского правительства значительных реформ во всех сферах (при наличии серьезных внутренних проблем) и обещал не так много выгод, которые можно было бы продемонстрировать собственному электорату, правительство представляло евроинтеграцию как единственный перспективный путь развития государства.

Но путь Евроинтеграции Молдовы оказался гораздо сложнее, чем это представлялось электорату. В частности, в Докладе Еврокомиссии в 2012 г. настойчиво указывалось на необходимость кардинальных реформ в судебной и правоохранительной системах, в сфере борьбы с коррупцией

на государственном и общественном уровне. Итоги доклада ясно дали понять, что ввиду этих недостатков, перспективы членства Молдовы в ЕС достаточно туманны [1].

Но сотрудничество продолжилось в экономическом взаимодействии. В рамках программы Deep and Comprehensive Free Trade Area (DCFTA) предполагалось создание «углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли» между странами Восточного партнерства и ЕС. Одним из первых решений ЕС стала отмена квот на импорт молдавского вина [1]. Обсуждалась возможность отмены квот и для животноводческой продукции. Ввиду политического и экономического сближения Молдовы и ЕС, начиная с 2014 г. заметно сократились для молдавских товаров российские рынки сбыта.

На самом деле DCFTA привела сельскохозяйственную отрасль Молдовы к крайне негативным последствиям. Брюссель добился максимальной либерализации молдавского рынка для европейских товаров и установил жесткую систему квотирования для молдавского экспорта. Так, например, согласно установленным квотам, Молдове было позволено поставлять в Европейский Союз лишь 40 граммов яблок на одного жителя ЕС в год [1]. Кроме того, молдавские товары не выдерживают конкуренции с европейскими, что поставило молдавских производителей в крайне трудное положение.

Лето 2015 г. стало «моментом истины» для молдавских аграриев. Традиционные российские рынки сбыта оказались закрытыми для молдавского крестьянина, а европейские – недоступными. Тысячи тонн сельскохозяйственной продукции были уничтожены из-за невозможности сбыта и переработки, а множество фермерских хозяйств разорено.

Еще одним шагом Брюсселя на пути интеграции Молдовы в Евросоюз стала помощь диверсификации молдавского импорта газа и электроэнергии. Еврокомиссия поддержала на политическом, организационно-техническом и финансовом уровнях строительство газового и электроэнергетического интерконнекторов, которые свяжут Молдову с энергорынками ЕС. В частности, трубопровод Яссы-Унгены позволит снизить зависимость Молдовы по импорту газа от России (на сегодня 100 %), обеспечив примерно на треть ее потребности. Однако эти меры имеют двустороннее значение: в рамках евразийского сотрудничества цена на российский газ была бы в разы ниже той, которую предлагает Европа в данном проекте. Сегодня «европейская» цена на газ для молдавских жителей и производителей уже оказалось разорительной.

Отдельно следует отметить весомую финансовую поддержку Молдовы со стороны ЕС. К 2015 г. вливания превысили 100 млн евро в год. В этом отношении страна лидирует среди других государств Восточного партнерства в размере помощи на душу населения. Формально объемы помощи увязывались с определенной программой реформ, но при существующей в Молдове партийно-политической системе финансовые вливания

предназначались для возмещения возможных потерь молдавских элит от этих реформ и служили стимулом для поддержания ими проевропейского курса. Таким образом, помощь определялась не столько конкретными потребностями отдельных министерств или отраслей экономики Молдовы, сколько представляла собой политический жест со стороны ЕС [1].

Наряду с этими вливаниями Еврокомиссия вместе с Европейским инвестиционным банком и Европейским банком реконструкции и развития по специальной программе льготного кредитования модернизации малых и средних предприятий после подписания соглашения о политической ассоциации и создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли выделило 1 млрд евро. Который, как выяснилось в 2015 г., вскоре исчез на зарубежных счетах молдавских политиков.

Прагматическая политика ЕС в отношении стран восточного партнерства и Молдовы в частности отражается в данных социологических опросов жителей Молдовы. На 2014 г. примерно равное (по 40 %) количество сторонников европейской и евразийской интеграции [1]. Геополитические ориентации в значительной степени объясняются осознанием прагматических выгод: большинство граждан Молдовы выступает «за» экономическое партнерство и с ЕС, и с Россией. В то же время носители пророссийских настроений не возражают против получения румынского гражданства, так как это облегчает трудоустройство в странах Европы. Более 100 000 румынских паспортов в год выдается гражданам Молдовы, что вызывает беспокойство Европы в части миграции населения.

Отдельной проблемой в процессе евроинтеграции Молдовы является Приднестровье. Действующий формат урегулирования молдово-приднестровского конфликта «5+2» не оправдывает себя. Более того, ситуация между сторонами обостряется с введением со стороны Молдовы и Украины мер экономической блокады Приднестровья, блокирования счетов приднестровских банков, введения дополнительных таможенных пошлин для экономических агентов Приднестровья. В этом отношении Молдова и Украина действуют согласно курса евроинтеграции. Вектор Приднестровья противоположен относительно устремлений соседних государств и направлен на евразийскую интеграцию, что на фоне пророссийских настроений молдавских аграриев, создает физическое противодействие проевропейским настроениям правительства Молдовы.

В результате стремительного углубления экономического кризиса на политической арене РМ широкую поддержку населения обретают пророссийские «Наша партия» и «Партия социалистов». Более полугода им удается собирать масштабные митинги общественности, что создает теперь реальную угрозу не только проевропейскому правительству, но и грозит общественным взрывом.

В целом можно констатировать, что в настоящее время Молдова находится в состоянии турбулентности, а курс евроинтеграции для дей-

ствующего молдавского руководства является провальным. Фактически в молдавском политическом пространстве столкнулись два идеологических направления: европейское и евразийское. Евразийское основано на российском факторе, где определяющим является установление выгодных для Молдовы и ее населения экономических связей с Россией. Европейский выбор зависит от внутривнутриполитического расклада, от способности нынешнего проевропейского правительства получить поддержку электората, а также от готовности Евросоюза на постоянной основе содействовать этому своей финансовой, организационно-технической и политической помощью. А ЕС на фоне наращивания публичной проевропейской дипломатии и финансовой поддержки по-прежнему пытается влиять на структурирование внутривнутриполитического пространства Молдовы.

Список литературы

1. Longhurst, K. *Introducing the Eastern Partnership – Implications for the European Neighbourhood Policy // Forging a new European Ostpolitik – an Assessment of the Eastern Partnership* ed. by Longhurst K. Warsaw, 2009. URL: http://www.civitas.edu.pl/pub/CfSS/Studia_i_Analzy_tom_9.pdf
2. Виту, Л. ЕС и Молдова: туманные перспективы и явные недочеты / Л. Виту / Institute for Development and Social Initiatives [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.viitorul.org/lib.php?!=en&idc=296>
3. Обеспечение европейской интеграции главный вектор внешней политики Молдовы – спикер [Электронный ресурс] / ИА Новости-Молдова. – 30.12.2010. – URL: <http://www.newsmoldova.ru/polities/20101230/188656599.html>
4. Достанко, Е. Политика соседства ЕС: инструменты сотрудничества для Украины, Молдовы, Беларуси / Е. Достанко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2004. – № 3. – С. 40.

О. Я. Надыбская

(Одесский государственный университет внутренних дел, г. Одесса, Украина, ksenadcom@gmail.com)

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАНИНА И ОБЩЕСТВА

Одной из главных функций любого вида государства и государственности как особого вида социального бытия нации, государства как формы защиты общественности и личности является всестороннее обеспечение духовной, общественной, экологической, социальной и информационной безопасности гражданина и общества, а следовательно – защиты их прав и свобод во всех сферах социального функционирования.

Названные выше приоритетные доминанты развития общества невозможно обеспечить без учета трех краеугольных концептов обществен-

ного развития, которыми в наступившем тысячелетии являются синтезированные в определенный смысловой универсум политика, право и информация.

С историко-философской точки зрения информация всегда была категорией политической, определяла во все эпохи, хотя, возможно, не с такой демонстративной очевидностью как сейчас, способы управления государственными процессами, способы политической реализации определенных идейных констант, а еще – была и является категорией правового регулирования государственной и общественной жизни.

Для человека XXI века информация, благодаря развитию технического прогресса часто становится второй (а в отдельных случаях – почти первой) атмосферой, становится способом социально-психологического бытия в реальности.

По сути, речь идет о необходимости разработки универсальной и многоаспектной программы информационной защиты общества. Программы, которая имела бы сложную имманентно синтезированную цель, с одной стороны, гарантировать личности и обществу права и свободы информационной самореализации, а с другой – защищала бы их развитие от негативных разрушительных воздействий и тех явлений, которые в мировой гуманитарной науке получили определение «информационная война».

Вследствие очевидной актуальности этой проблемы остановимся на анализе самого понятия «информационная война» в той формулировке, в которой оно и присутствует в мировом информационном пространстве.

Информационная война является одной из негативных, но закономерных особенностей мира постиндустриальной глобализированной эпохи. Важной ее энциклопедической характеристикой мы считаем собственно основную цель любой информационной войны, которой является «достижение информационного превосходства путем нанесения ущерба информации» [1]. Если рассматривать политико-правовую защиту информационного пространства, то очевидной, на наш взгляд, является выработка действенных методов и способов недопущения различных агрессивных воздействий на информационное пространство страны, недопущение подмены традиционных национальных духовных ценностей их симулякрами это и есть особенно распространенным оружием в современном информационном противостоянии. Именно поэтому следует привлекать новейшие разработки по многим отраслям национальной науки о человеке. Таким образом будет предотвращено полномасштабное предотвращение обществом и личностью вредных информационных симулякров.

Столь же важным в условиях глобализационного информационного противостояния представляется и приоритет «защиты собственной информации, процессов, которые основаны на информации и информационных системах». Собственно, это прямой вопрос обеспечения национальной безопасности.

Следует также отметить, что такая защита является стратегической целью функционирования государственных институтов, ведь термин «собственная информация» в XXI веке во многом означает «собственная идентичность», собственная неповторимость, а в конечном итоге – свое место и роль в мировой цивилизационной симфонии. Потеря такой «собственной информации», это не только потеря идентичности, но и – в равной степени – потеря уникальности, одной из неповторимых частей человеческой цивилизации. Вот почему в политико-правовом контексте при выработке и регулировании информационных приоритетов развития первоочередное внимание следует уделять защите духовности, языка, культуры, традиций, обычаев. Каждая из этих категорий – сама по себе уже уникальный информационный текст, в котором хранятся коды бытия нации. В данном контексте также речь идет именно о «собственной информации» большого текста созданного поколениями предков.

Тем более, что в мировом гуманитарном дискурсе уже достаточно длительное время существует понятие «культурный фильтр» [2], которое по своему наполнению также способно иметь, конечно, в синтезе с политико-правовыми регуляторными механизмами, особую миссию, которая защищает национальное информационное пространство.

Культурно-информационный фильтр выступает особой ценностно-смысловой категорией, сам смысл существования и функционирования которой и состоит с одной стороны в опоре на мораль, традиции и нравственность, а с другой – в возможности сделать эти константы трансцендентального бытия факторами защиты национального информационного пространства благодаря активизации культурных единиц.

В условиях глобализационного информационного противостояния невозможно, на наш взгляд, выпустить из поля зрения и такую смысловую характеристику информационных войн: «спецслужбы стран ведут свои войны непосредственно в Интернете ... Исходя из содержания и роли информации в современном мире, американский исследователь Маршалл Маклюэн выводит интересный тезис ... «Истинно тотальная война – это война с помощью информации». Именно Маклюэн ... еще 30 лет назад провозгласил, что в наше время экономические связи и отношения все больше принимают форму обмена знаниями, а не обмена товарами. А средства массовой коммуникации сами являются новыми «природными ресурсами», увеличивающими богатства общества» [1].

Что касается информационного пространства, то Интернет как безграничный простор информации и действительно в последнее время часто становится ареной информационного противостояния, в котором смещаются приоритеты, трансформируются формы интеллектуального взаимодействия, а следовательно, важной проблемой для современности является выработка стратегии защиты информационного национального пространства именно в Интернете.

Поэтому, вполне закономерно, будет расти роль научно-образовательного фактора в информационном пространстве, будет расти потребность и умение, не запрещая (кроме случаев, предусмотренных действующим законодательством) чужой пропаганды, менять социальную и психологическую атмосферу в обществе, информируя его. В таком контексте ощутимым становится единство общекультурного, образовательного и информационного факторов общественного развития. Такое единство также должно обеспечиваться и с политико-правовой точки зрения.

Упомянутая нами выше политико-правовая стратегия выработки информационных приоритетов предполагает соответствие современным и будущим духовно-социальным потребностям информационного продукта, выработка которого должна обеспечиваться на государственном уровне. Маршалл Маклюэн совсем не случайно говорит об информационных потоках как о «природных ресурсах». В таком определении видим не только прямое обозначение информации как ресурса, который способен преобразовывать социальное, научно-техническое пространство, но и видим указание на то, что именно информационные ресурсы способны защищать или способствовать защите духовной сферы определенного народа. Информационный ресурс как запас духовно-интеллектуальной прочности в информационном пространстве играет решающее значение, ведь «главная задача информационных войн заключается в манипулировании массами. Цель такой манипуляции ... состоит во внесении в общественное и индивидуальное сознание враждебных, вредных идей и взглядов. Дезориентации и дезинформации масс, ослаблении определенных убеждений, устоев ... запугивании противника своим могуществом» [1].

Среди наиболее эффективных в данном понимании механизмов страхования от дезориентации и дезинформации людей мы видим, кроме качественных научно-образовательных, просветительских и социокультурных проектов, выработку таких политико-правовых установок и условий, которые бы противостояли системным дезинформационным и дезориентационным проектам.

Вполне очевидно из вышесказанного, что, если информация в XXI веке является базисной константой для социального, культурного и экономического развития, то дезинформация, в свою очередь, является мощным инструментом регресса, является способом нивелирования всего прогрессивного.

Список литературы

1. Информационная война / Википедия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. (1 файл). – Режим доступа: http://uk.wikipedia.org/wiki/Інформаційна_війна. – Название с экрана.
2. Культуралогія : энцыклапед. даведнік / уклад. Э. Дубянецкі. – Менск : Бел. энцыклапедыя, 2006. – 384 с.

Л. Е. Назаренко

(Гродненский государственный аграрный университет, г. Гродно, Беларусь, logos@ggau.by),

П. Г. Богдан

(БИП – Институт правоведения, г. Гродно, Беларусь)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Одной из наиболее актуальных проблем современности является проблема международного терроризма. Президент нашего государства А. Г. Лукашенко отметил опасность данного явления. «Террористические проявления провоцируют масштабные социальные конфликты, наносят ущерб межгосударственным отношениям, дестабилизируют общественно-политическую ситуацию» [1].

Современный международный терроризм имеет длительную историю. Он зародился в древности из насильственной деятельности правящих элит против неугодных рабов и чиновников, не желающих принимать существующей власти. Тогда он носил, в основном, внутригосударственный характер. В противовес тирании государства возникали негосударственные субъекты терроризма.

Одним из первых таких субъектов была секта сикариев, возникшая в I веке н. э. в Иудее. Ее адепты убивали представителей еврейской знати, выступавшей за мир с римлянами, настраивая низы против верхов, и были прообразом современных радикальных террористических организаций.

Внутригосударственный терроризм неизбежно перетекал в международный. В XI–XIII вв. на Древнем Востоке появилось братство ассасинов – исполнителей, заранее спланированных и тщательно подготовленных убийств. Секта практиковала искусство тайной войны. За период своей деятельности ассасины убили сотни султанов и халифов, дестабилизировав политическую обстановку на обширном геополитическом пространстве Востока.

В средневековой Европе на смену государственному приходит религиозно-инквизиционный терроризм. В период зарождения христианства правящая элита Римской Империи, увидела в нем угрозу для страны и начала гонения на первых христиан. Терроризм получает идеологическую основу. Через столетия сама католическая церковь, стала субъектом политического насилия. В ходе крестовых походов и колониальных завоеваний, а позже и в европейских религиозных войнах она осуществляла массовое обращение в христианство многочисленных народов и террористическими методами вела непримиримую борьбу с инакомыслием.

Массовый террор эпохи Великой французской революции стал классической моделью управления страхом. Впервые тогда человечество столкнулось с политическим терроризмом. Теперь его цель – смена власти и установления конституционного строя.

Систематические террористические акции начинаются во второй половине XIX столетия. Спецификой данного периода становится формирование в европейских странах социально-классового терроризма, создание организованных, разнородных группировок. В XIX веке террористы уничтожали конкретных лиц из политических элит. Ими были убиты президенты Мак-Кинли и Гарфилд (США), С. Карно (Франции), премьер-министр А. Кановас (Испании); в Австро-Венгрии убита императрица Элизабет; в Италии – король Умберто. Это существенно меняло политическую картину мира в преддверии XX в.

В первой половине XX в. сложились международные связи терроризма, расширилась его география. Он охватил Европу, Латинскую Америку, Азию и превратился в особый фактор политического противостояния на межгосударственном уровне. Особенностью этого периода было то, что террористы стали получать материальную и идеологическую поддержку от стран – противников атакуемого экстремистами государства. Например, перед первой мировой войной Япония и Австрия выделяла большие суммы денег, для террористических акций в Российской Империи (партии эсеров, польские и грузинские националисты) [4].

С окончанием войны террор взяли на вооружение национал-сепаратисты и фашистские движения в Германии, Франции и Венгрии, Румынии. Но тогда еще мирное население не являлось их объектом.

Вторая мировая война, опыт Холокоста и Хиросимы изменил отношение к цене человеческой жизни. После войны окончательно складывается практика современного международного терроризма. Теперь его субъект – мощная профессиональная организация, опирающаяся на поддержку государства-спонсора терроризма. Терракт становится механизмом давления на власть через общественное мнение и международное сообщество. В Европе действовал ряд террористических сепаратистских движений левого толка. Крупнейшие из них – «Ирландская республиканская армия» («ИРА»), с целью присоединения к Ирландии провинции Ольстер и «Страна басков и свобода» («ЭТА») в Испании, отстаивавшая независимость провинции Басконии.

Различные террористические группировки сформировались в недрах молодежных бунтов, прокатившихся по западным странам в 1968 г. На фоне всеобщего протеста появляются левые террористы прокоммунистической направленности. В Германии – «Фракция Красной армии», «Движение 2 июля», в Италии – «Красные бригады» и пр.

С 1960-х гг. и до начала XXI в. динамично разрастался ареал международного терроризма на Ближнем Востоке. Арабо-израильский конфликт возник из-за притязаний на территорию Палестины между арабскими радикальными группировками и сионистским движением, а затем государством Израиль. После 1948 г. он перерос в противостояние между Израилем и всеми остальными арабскими странами в регионе. Особенностью

терроризма в этом конфликте было то, что впервые в нем начали использоваться смертники, а террористические действия проводились против гражданского населения [2, с. 12].

В 1970-х гг. окончательно сформировалась система международного терроризма. В это время он захлестнул практически все регионы мира. К примеру, латиноамериканский терроризм вышел за пределы отдельных государств, и приобрел трансграничный характер, и общепланетарный охват. С начала 60-х годов в странах региона стала зарождаться волна партизанских движений, основывавшихся на маоистском тезисе «винтовка рождает власть». Уругвайская организация «Тупамарос» практиковала похищения известных политиков и иностранцев. В Бразилии крупнейшей террористической группировкой был «Авангард революционной армии» (ВАР), которую создал Хуан Карлос Маригелла, теоретик городской герильи. ВАР совершала нападения на склады оружия, банки, иностранные фирмы, похищала иностранных дипломатов и, обязательно, с выдвиганием политических требований. [2, С. 99]. Специфической чертой того времени является сближение террористических организаций и государств-спонсоров с целью дестабилизации Запада. Так, опасный международный террорист венесуэлец Ильич Рамирес Санчес проходил подготовку в советском и кубинском учебных лагерях [3, с. 56].

В это же время в исламском мире начался поворот от светских ориентиров к исламским ценностям. Приход к власти в Иране аятоллы Хомейни в 1978 г. открыл эпоху религиозного фундаменталистского терроризма, отличающегося переходом к священной войне с неверными без границ – джихаду. В 1988 г. была создана крупнейшая ультрарадикальная организация ваххабитского направления ислама Аль-Каида, осуществляющая боевые операции по всему миру. Созданию и развитию ее во многом способствовали США, стремившиеся вытеснить СССР из Афганистана.

Атака на США 11 сентября 2001 г. стала знаковой в истории современного международного терроризма. После тех трагических событий была создана международная антитеррористическая коалиция, объявившая международный терроризм главной опасностью для мирового сообщества. Сегодня террористическая организация «Исламское государство» (ДАИШ) фактически создала квазигосударство на территориях Ирака, Сирии и Ливии и стала главной угрозой миру.

Итак, международный терроризм выростал из внутригосударственного терроризма, который всегда преследовал внешнеполитические цели, а затем выделился в особый феномен. Постоянно расширялся масштаб, ужесточались методы и совершенствовались средства насильственной политической борьбы. Катализатором терроризма всегда остаются войны и внутрисполитическая нестабильность государств.

Список литературы

1. Лукашенко – руководителям органов безопасности и спецслужб СНГ: Сегодня нас пытаются разъединить [Электронный ресурс] // Народная воля. – Режим доступа: <http://www.nv-online.info/by/484/politics/84892/>. – Дата доступа: 20.02.2016.
2. Юшина, С. В. Терроризм: исторический путь развития и современное состояние / С. В. Юшина // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 2. – С. 55–58.
3. Терроризм и террористы : ист. справочник / под общ. ред. А. Е. Тараса. – Минск: Харвест, 1999.
4. Батыщева, И. В. История возникновения и развития терроризма [Электронный ресурс] / И. В. Батыщева, А. А. Рябикина. – Режим доступа: <file:/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-terrorizma.pdf>. – Дата доступа: 25.01.2016.

Н. В. Нечаева-Юрийчук

(Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича,
г.Черновцы, Украина, nynataliya@ukr.net)

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ**

Изменения, произошедшие в Украине на протяжении последних лет, привели к росту тревожности в общественном сознании, разрушению устаревших исторических, политических, национальных и иных стереотипов. Практически впервые за многовековую историю перед украинским обществом предстала задача сохранения собственной государственности в существующих границах. И впервые мировое сообщество сделало свой выбор в пользу Украины, поддерживая её экономически, политически и, в определённой степени, информационно. Причём информация в условиях современной войны превратилась в стратегическое «оружие», при помощи которого разрушаются и создаются стереотипы, влияющие на расстановку сил.

За годы независимости с информационного поля Украины практически исчез термин «пропаганда». Поколение, рождённое после распада СССР в 1991 году, не знакомо с тем психологическим давлением, которое оказывала советская пропаганда на общество. В современном мире (особенно на постсоветском пространстве) сам термин «пропаганда» используется не так уж часто, что, по нашему мнению, связано с горьким историческим опытом. Последнее, однако, не умаляет влияния пропаганды на общественное сознание в современных государствах, в том числе Украине и России.

Именно поэтому автор делает попытку определения роли пропаганды в формировании современных этнополитических стереотипов на примере украинско-российских отношений. В данном контексте возникает вопрос: что такое пропаганда? В словаре русского языка Владимира Даля

данный термин объясняется как «распространение какого-либо толка, учения» [3]. В толковом словаре украинского языка пропаганда определяется как: 1) «распространение и постоянное, глубокое и детальное разъяснение каких-либо идей, взглядов, знаний»; 2) «идейное влияние на широкие массы или определённые группы людей, имеющее политический или религиозный характер» и 3) система средств массового распространения идей, взглядов и т. п. [2]. Несмотря на некоторые различия, смысл понятия в обоих языках неизменна – распространение с конкретной целью определённых идей, установок, моделей поведения при помощи различных средств.

Само слово «пропаганда» воспринимается современным украинским обществом неоднозначно: для некоторых оно означает целенаправленную политику правительства, для иных – исторический феномен... Причём часть населения воспринимает пропаганду как абсолютно нейтральное явление, для других она имеет ярко выраженный негативный окрас, а у остальных может вызывать даже положительные эмоции.

Первым в научный оборот термин «стереотип» ввёл американский журналист и социолог В. Липпманн. В своей работе «Общественное мнение» он раскрыл суть понятия, его характерные черты, причины появления. В. Липпманн утверждал, что человек в своём взаимодействии с окружающим миром создаёт образ, который не всегда соответствует действительности, но в то же время помогает человеку сформировать представление о мире в целом [4]. Формирование стереотипов происходит благодаря тому, что для человеческого мышления характерен принцип «экономии усилий»: нам гораздо проще представить уже знакомый образ, чем формировать новый. Групповые стереотипы являются своеобразным оплотом традиций, которые способствуют формированию чувства безопасности каждого члена группы. Благодаря этому каждый член группы готов защищать общие (групповые) ценности [4].

Этническим и этнополитическим стереотипам принадлежит особое место среди стереотипов: ведь каждый этнос имеет собственные поведенческие стереотипы, которые навязываются всем членам сообщества от рождения и до смерти. Благодаря этому представители той или иной этнической группы знакомы с правилами поведения в различных ситуациях, чётко определяют «добро» и «зло», «белое» и «чёрное». В ходе развития этноса его стереотипы изменяются соответственно условиям, как политическим, так и культурно-бытовым. Таким образом формируются этнополитические стереотипы, когда этнические модели поведения накладываются на политический контекст.

Украинская история богата на развенчание и формирования стереотипов: каждая новая власть пыталась насадить собственные представления о морали, праве, управлении и т.п., что привело к деформации общественного сознания и углубления процессов стереотипизации мышления украинского общества, особенно в региональном разрезе.

В XXI веке распространение идей, способствующих формированию новых этнополитических стереотипов, не прекратилось. Ярким и одновременно трагическим примером активного использования пропаганды стала война на Востоке Украины, начавшаяся в апреле 2014 года. С тех пор продолжается не только военно-техническое, но и информационное противостояние, одной из целей которого является формирование новейших этнополитических стереотипов среди украинцев, россиян, а также мирового сообщества относительно участников конфликта.

Среди каналов распространения пропагандистских идей популярными являются массовые мероприятия, выступления лидеров, медиа и т.д. Одной из целей, стоящих сегодня перед российской властью, является формирование среди граждан РФ двуликого образа украинца: как врага и преступника (если он против аннексии Крыма, донецкого и луганского сепаратизма) и «своего» (если он русскоязычный и «нуждается в помощи»). Распространение идеи о преступности действий украинской власти реализуется различными средствами, среди которых наиболее яркими и результативными в контексте формирования необходимой российской власти картинки являются видеоряд, выставки и т.п. В 2014-2015 годах в Москве (РФ), Террачини (Италия), Лондоне (Великобритания), а также в других городах мира были организованы фотовыставки о событиях 2 мая в Одессе. Организаторы выставки в Лондоне подчеркнули, что целью данного события было «привлечь внимание британцев и европейцев в целом к преступлениям украинской власти против собственного народа» [1].

В то же время необходимо отметить, что пропаганда преимущества собственного государства (нации) над другими присутствует и в виртуальном пространстве, где она обретает различные формы, начиная от серьёзной «аналитики» и заканчивая юмором, переходящим в сатиру. Особой популярностью среди молодых людей пользуется проект «Countryballs» («Страны-шары»), появившийся в интернет-пространстве в 2009 году. Благодаря необычной форме проект быстро обрёл популярность и ныне в нём участвуют пользователи из разных стран мира. Практически каждое событие мирового масштаба представляется либо в форме комикса, либо мультипликации. При помощи мемов их авторы передают различную информацию в обход официальных каналов, что особенно актуально для государств авторитарных, где оппозиционеры лишены возможности свободно выражать своё мнение. Анализируя комиксы и мультипликацию, созданную гражданами различных государств, приходим к выводу, что таким образом достигается консолидация общественного мнения против политики конкретного государства, распространяются устаревшие этнополитические стереотипы или создаются новые. Необходимо также отметить, что к проекту могут подключиться все желающие. Соответственно, мемы, к сожалению, часто «используют» ненормативную лексику, что также способствует утверждению либо отрицательного, либо позитивного образа

того или иного народа. Поскольку данный проект виртуальный, предлагаем один пример, в котором отображено видение украинско-российского конфликта его создателя:

Источник: <http://cs540109.vk.me/c7006/v7006662/1d87bSlgqu9SR10E.jpg>

Подводя итоги, отметим, что изменение этнополитических стереотипов происходит под влиянием ряда факторов, однако при помощи пропагандистских методов можно способствовать утверждению в обществе абсолютно конкретных целей, взглядов, моделей поведения, которые будут передаваться из поколения в поколения до новых политических потрясений. Примером этому может служить современная Россия, в которой через различные каналы распространяются идеи мессианства России, формируются образы врагов России, к которым на современном этапе принадлежит и Украина. Именно поэтому информационно-пропагандистский фактор играет большую роль в борьбе за государственный суверенитет, ведь часто именно от того, кого и что «слушает», «смотрит», «читает» гражданин того или иного государства, зависит, на чьей стороне он выступит во время конфликта.

Список литературы

1. В Лондоне проходит выставка о трагедии в Одессе 2 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=22405>
2. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. – Київ: Наукова думка, 1970–1980 [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://ukrlit.org/slovnnyk/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0>

3. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=34425>

4. Lippmann, W. Public Opinion (1921) [Электронный ресурс] / W.Lippmann. – Режим доступа: <http://wps.pearsoncustom.com/wps/media/objects/2429/2487430/pdfs/lippmann.pdf>

В. А. Одиноченко

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, г. Гродно, Беларусь, adzin28@gmail.com)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ О ВЫЗОВЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Прежде всего обозначим направленность наших рассуждений. В трактовке глобализации как вызова мы исходим из положения А. Тойнби: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние [1, с. 119-120]. Беларусь – молодое государство. На пути его формирования с неизбежностью возникают проблемы, в том числе и порождаемые процессом глобализации. Их успешное решение – показатель жизнеспособности общества.

Православная церковь – наиболее многочисленная религиозная организация в Беларуси. Ее история на наших землях насчитывает более тысячи лет. Также она рассматривается как основа белорусской культурной традиции. Принятый в 2002 году Закон о свободе совести и религиозных организациях, исходит из «признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [2, с. 4]. Следует учитывать, что православная церковь в Беларуси не является самостоятельной. Это часть Русской православной церкви. С 1989 года она имеет статус экзархата. Ее современное состояние определяют две тенденции в религиозной сфере Беларуси: во-первых, рост количества православных общин, во-вторых, рост количества религиозных направлений. Усиливается взаимодействие православной церкви в Беларуси с иными традициями, прежде всего издавна существующими на наших землях католической и протестантской.

Глобализация обычно понимается как процесс усиления взаимосвязи между различными регионами мира. Называют три ее вида: экономическую, политическую и культурную. Но также многие исследователи выделяют религиозную глобализацию, которая имеет свою специфику. Она связана с распространением мировых религий, которые обращены ко всем

людям, независимо от их национальности и культуры. Христианство, которое исповедует большинство верующих Беларуси, имеет ярко выраженный глобальный миссионерский характер. Оно опирается на слова из Библии: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19-20). В этой связи возникает проблема применимости к Беларуси понятия «каноническая территория», которое употребляет Русская православная церковь. Католическая церковь, в силу уже своего названия (от греч. *katholikos* – *вселенский*) обращена ко всем людям. Что касается протестантов, то как показал опыт, они отказываются считаться с какой-либо канонической территорией, поскольку полагают, что смысл этого понятия противоречит Библии. Следует учитывать, что католичество и протестантство имеют долгий опыт самоотверженной миссионерской деятельности по всему миру.

Рассмотрение глобализации как вызова в Русской православной церкви обусловлено современной ситуацией в России. После распада Советского Союза в стране остро встала проблема поиска своего места в мире и сохранения специфики русской культуры. Поэтому особое внимание в Русской православной церкви уделяется вызову культурной глобализации. На состоявшемся 10 ноября 2015 года XIX Всемирном русском народном соборе подчеркивалось, что в наши дни особенно актуальным является «уважение национальной самобытности, которая отрицает концепцию «плавильного котла» и те модели глобализации, что предполагают нивелирование этнокультурного многообразия» [3]. 29 января 2016 года на открытии IV Рождественских парламентских встреч в Совете Федерации Патриарх Кирилл подчеркивал, «что речь идет, в конечном итоге, о сохранении в эпоху глобализации нашей многонациональной российской цивилизации, о духовной безопасности государства, о гармоничном развитии личности» [4].

В Русской православной церкви исходят из наличия особой православной цивилизации, которая «объединяет не только православных верующих со всего мира, но и все те народы, чья идентичность сложилась под влиянием православной духовности. Эта цивилизация включает в себя страны, где Православная Церковь является господствующей: Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию, Румынию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Македонию, Грецию, Кипр. В нее входят также православные верующие, проживающие в других странах мира и в диаспоре» [5, с. 395].

Концепция локальных цивилизаций является в настоящее время одной из наиболее распространенных в культурологической и политологической мысли. Она позволяет избежать так называемого «культурного империализма», когда нормы западной культуры предлагаются в качестве образца. Однако акцент в этой концепции делается на различиях между цивилизациями, поэтому именно в ее контексте возникает проблема взаимодействия между ними. Патриарх Кирилл – «последовательный сторон-

ник идеи «диалога цивилизаций», направленной на создание многополярного мира, в котором каждый народ и каждая религиозная традиция должны занять подобающее им место. Православная цивилизация должна участвовать в диалоге и с западной, и с исламской цивилизациями» [6, с. 396].

Также должна быть обсуждена проблема принадлежности Беларуси к православной цивилизации. На наших землях существовало несколько государств, в которых христианские конфессии занимали различное место. Это породило традиционную поликонфессиональность и толерантность белорусского общества. В обстановке глобализации нам необходимо учитывать цивилизационный аспект межрелигиозного диалога в Беларуси.

Политический аспект православной цивилизации выразился в концепции Русского мира. По словам патриарха Кирилла, «Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром. Русский мир – это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. Русский мир – от киевской купели крещения. Русский мир – это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами – и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную» [7]. Следует отметить, что концепция Русского мира во многих постсоветских странах вызывает неприятие. Об этом говорит и патриарх Кирилл: «К сожалению, наши противники используют слова «Русский мир» как некий жупел, как пугало, заявляя, будто это некая доктрина, которая служит исключительно внешнеполитическим интересам Российской Федерации. Однако нет ничего более далекого от истины, чем отождествлять Русский мир исключительно с Российской Федерацией» [8].

В заключение отметим, что наиболее актуальной для Беларуси сейчас является ценность национального государства, его сохранение и развитие. Именно в этом контексте, на наш взгляд, должна сейчас обсуждаться проблема глобализации во всех ее аспектах.

Список литературы

1. Тойнби, А. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
2. О свободе совести и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь от 6 нояб. 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 123. – С. 4–15.
3. Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси : Соборное слово XIX Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4267548.html>. – Дата доступа: 28.02.2016.
4. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Рождественских парламентских встреч в Совете Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4362065.html>. – Дата доступа: 28.02.2016.

5. Илларион (Алфеев) Патриарх Кирилл: жизнь и мирозозерцание / Архиепископ Волоколамский Илларион (Алфеев). – М. : Эксмо, 2009. – 560 с.

6. Сила нации – в силе духа. Книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла / сост. А. В. Велько. – Минск : Белорусская Православная церковь, 2009. – 400 с.

7. Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь [Электронный ресурс] / Патриарх Кирилл. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html>. – Дата доступа: 28.02.2016.

8. Патриарх Кирилл: Русский мир – это одновременно и Украинский мир, и Белорусский мир [Электронный ресурс] / Патриарх Кирилл. – Режим доступа: <http://news.tut.by/politics/456869.html>. – Дата доступа: 28.02.2016.

А. В. Пахомова

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
nikaanast@gmail.com)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ЯПОНИИ СО СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В XXI ВЕКЕ

Сегодня, несмотря на свой огромный экономический потенциал, Япония не является региональным лидером. В основе сегодняшних проблем развития сотрудничества Японии со странами Юго-Восточной Азии лежат последствия агрессивной концепции внешней политики Японии во Второй мировой войне, заключающейся в осуществлении меморандума Танака 1927 г., в котором говорилось о необходимости завоевания стран ЮВА.

После окончания Второй мировой войны Япония потеряла ключевые позиции в Азиатском регионе. Безусловно, это ставит перед ней задачу налаживания партнерских отношений с региональными державами.

На сегодняшний день Япония является одним из главных внешнеторговых партнеров стран ЮВА и вторым крупнейшим торговым партнером АСЕАН в Азии. Основным конкурентом Японии в этом регионе является Китай, доля которого во внешнеторговых связях стран ЮВА продолжает неуклонно расти, сокращая при этом долю Японии. Наиболее приоритетными направлениями сотрудничества Японии со странами юго-восточной Азии являются торгово-экономические отношения и сфера безопасности.

Сотрудничество Японии со странами ЮВА в сфере безопасности диктуется важным для Японии геостратегическим расположением этих стран. Повышенное внимание Япония уделяет пиратству, в частности в Малаккском и Сингапурском проливе, через которые проходит подавляющая часть японского импорта. В целях борьбы с пиратством в ЮВА Япония финансирует усилия Международной морской организации (ИМО), отслеживающей и изучающей пиратство, а также проводит учебные курсы для морских правоохранительных органов из стран АСЕАН, Китая и Южной Кореи [4], [6], [25].

В данной статье будут рассмотрены основные аспекты развития экономических отношений Японии со странами ЮВА, которые не только

представляют собой быстрорастущий рынок сбыта для японских товаров, но также привлекают наличием природных ископаемых, дешевой рабочей силой и удобными транспортными коммуникациями.

Основной площадкой развития отношений Японии со странами юго-восточной Азии является АСЕАН. Экономическое сотрудничество между Японией и АСЕАН стало активно развиваться с 2000 года. В ноябре 2002 г. была подписана Совместная Декларация о всеобъемлющем экономическом партнерстве Японии и АСЕАН; в октябре 2003 г. было подписано рамочное соглашение; в 2005 г. начались переговоры. В результате длительных переговоров в ноябре 2007 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве Японии и АСЕАН (JASER) [7].

К сожалению, данное соглашение (JASER), не спасало от быстрорастущей доли Китая на рынках ЮВА. Поэтому Япония заключала дополнительные двусторонние соглашения об экономическом сотрудничестве с этими странами, используя их в качестве инструмента укрепления своей позиции в ВТО и защиты своих экономических интересов в регионе.

Первое двустороннее соглашение было подписано с Сингапуром в 2002 г., так как Сингапур является центром АСЕАН. Подобные соглашения были подписаны с Таиландом (2007 г.), Вьетнамом (2008 г.), Малайзией (2005 г.), Брунеем (2007 г.), Индонезией (2007 г.) и Филиппинами (2006).

Необходимо также отметить, что в ноябре 2015 г. на 27 саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре Синдзо Абе заявил о том, что Япония готова облегчить условия предоставления странам юго-восточной Азии займов и кредитов в йенах. С помощью этого шага Япония пытается стимулировать свою экономику за счет экспорта и инвестирования в инфраструктуру стран АСЕАН. Займы и кредиты должны предоставляться через Японское агентство международного сотрудничества и Азиатский банк развития. К тому же, данный шаг позволит Японии конкурировать с китайскими условиями кредитования, осуществляемыми посредством Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Япония и так уже потеряла индонезийский контракт по строительству высокоскоростной железной дороги, который Индонезия заключила с Китаем. За счет Китая начались работы по прокладке газопровода между Бирмой и провинцией Юньнань, а в соседней Камбодже Китаем выиграны тендеры на семь гидроэнергетических проектов. Более того, Пекин уже формирует особый фонд в размере 10 млрд долл. для создания современных автострад между АСЕАН и южным Китаем. Чтобы сделать условия кредитования наиболее выгодными, Синдзо Абе предложил странам АСЕАН 1,2 трлн йен на ближайшие пять лет в виде займов, направленных на общественные инфраструктурные проекты и 180 млрд йен на проекты частного сектора [17].

Еще одним аспектом особого интереса Японии к странам этого региона является задача не допустить возникновения тяжелых экономических кризисов, подобных кризису 1997–1998 гг. Поэтому Токио стал инициатором

ром и одним из главных источников финансирования «Чиангмайской инициативы», системы своп-соглашений по взаимной поддержке национальных валют. В ноябре 2008 г. было принято решение, вступившее в силу в марте 2010 г., о расширении «Чиангмайской инициативы» и создании подобия «азиатского валютного резервного фонда» в размере 120 млрд долл. для борьбы с финансовыми кризисами, который на 80% финансируется восточноазиатской «тройкой».

Япония также является крупнейшим источником ОПР (официальной помощи в целях развития), обеспечивая 50,6 % всей ОПР для стран АСЕАН. Предоставляя ОПР странам ЮВА, Японии удается поддерживать свое влияние в регионе и статус страны-донора. Кроме того, по мнению исследователя Е. Б. Ковригина, ОПР можно уподобить легальной политико-экономической разведке, предоставляющей возможность близко познакомиться с культурой страны-реципиента, повлиять на складывающуюся инфраструктуру и изучить экономический потенциал. Очевидно и то, что безвозмездная помощь японскими машинами и оборудованием в дальнейшем будут требовать замену комплектующих, приобретение запасных частей, ремонт, обслуживание, обучение персонала и другие услуги, за которые уже нужно будет платить. Фактически ОПР представляет собой эффективный инструмент коммерческой экспансии японских корпораций в странах ЮВА [26].

Одним из примеров крупного японского инвестиционного проекта является транспортная сеть на реке Меконг. С 1992 г. Япония вкладывает миллионы долларов в выработку электроэнергии и развитие коммуникаций в районе этой реки.

В июле 2015 г. на VII саммите Меконг-Япония, проходящем в Токио, Япония выдвинула новую стратегию сотрудничества, рассчитанную на три года. Данная стратегия призвана заменить предыдущую, анонсированную Токио в 2012 г. Согласно новой стратегии Япония выделяет уже не 600 млрд йен, а 750 млрд йен странам субрегиона Меконг (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Вьетнам). Данное заявление было сделано на фоне роста влияния китайской инициативы – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. К тому же Токио рассчитывает на поддержку этих стран в своем стремлении усилить влияние Японии в Совете безопасности ООН. В соответствии с новой стратегией, в основе построения сотрудничества Японии со странами субрегиона Меконг должен лежать не «количественный», а «качественный» фактор [18].

Это значит, что, во-первых, акцент должен делаться на одновременном развитии и индустриальной и «мягкой» инфраструктуры, то есть особое внимание должно уделяться не только строительству железных дорог и других путей коммуникации, но и сооружению учреждений, необходимых для поддержания в этих странах экономических, медицинских, культурных и социальных стандартов.

Во-вторых, особое значение для Японии имеет вопрос координации сотрудничества, так как Япония заинтересована в вовлечении всех заинтересованных сторон, включая не только страны субрегиона Меконг, но и международные организации, НПО и частный сектор [18], [22].

Координация вопросов по экономическому сотрудничеству также осуществляется в рамках форумов АСЕАН+3 (Китай, Корея, Япония), АСЕАН+6 (Австралия, Индия, Китай, Корея, Новая Зеландия), АСЕАН+1. Кроме того, Япония является участником Тихоокеанского экономического совета (ТЭС), Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС), Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), а также Восточно-азиатского саммита.

Таким образом, просмотрев ряд заключенных двусторонних соглашений об экономическом сотрудничестве с такими странами, как Сингапур, Малайзия и Филиппины, можно сделать вывод, что внешнеэкономическая стратегия Японии в начале XXI века была достаточно успешной, так как удалось усилить экономическое взаимодействие Японии с АСЕАН, и тем самым сохранить статус одного из основных игроков в регионе. Однако с другой стороны, Японии до сих пор не удается удержать экономическую экспансию КНР в ЮВА.

Список литературы

1. A weak domestic economy is spurring Japanese firms to expand abroad [Electronic resource]. – The Economist, 01.11.2014. – Mode of access: <http://www.economist.com/news/finance-and-economics/21629566-weak-domestic-economy-spurring-japanese-firms-expand-abroad-outward-bound>. – Date of access: 10.03.2015.
2. Dr. Nobuhiro Aizawa, Japan's Evolving Relationship with Southeast Asia: Prospects for US-Japan Cooperation [Electronic resource]. – EastWestCenter, 05.03.2014. – Mode of access: <http://www.eastwestcenter.org/events/japans-evolving-relationship-southeast-asia-prospects-us-japan-cooperation>. – Date of access: 10.03.2015.
3. Emilio de Miguel, JAPAN AND SOUTHEAST ASIA: FROM THE FUKUDA DOCTRINE TO ABE'S FIVE PRINCIPLES [Electronic resource]. – UNISCI Discussion Papers, № 32 (Mayo / May 2013). – Mode of access: <http://revistas.ucm.es/index.php/UNIS/article/viewFile/44792/42219>. – Date of access: 10.03.2015.
4. Japan and Southeast Asia. Three Pillars of a New Strategic Relationship [Electronic resource]. – The Tokyo Foundation, 30.05.2013. – Mode of access: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2013/japan-and-southeast-asia>. – Date of access: 10.03.2015.
5. Japan Banking on Southeast Asian Consumers The Diplomat, 04.07.2014. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/07/japan-banking-on-southeast-asian-consumers/>. – Date of access: 10.03.2015.
6. Japan Pushes for Stronger Ties with Southeast Asia [Electronic resource]. – The Diplomat, 28.05.2014. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/05/japan-pushes-for-stronger-ties-with-southeast-asia/>. – Date of access: 10.03.2015.

7. Japan's Foreign Policy that Takes a Panoramic Perspective of the World Map (Diplomatic Bluebook 2014 Summary) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2014/html/chapter2/asia_oceania.html. – Date of access: 30.12.2015.
8. Japan-Cambodia Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/cambodia/data.html>. – Date of access: 30.12.2015.
9. Japan-Indonesia Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/indonesia/data.html>. – Date of access: 30.12.2015.
10. Japan-Laos Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/laos/data.html>.
11. Japan-Malaysia Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/malaysia/data.html>. – Date of access: 30.12.2015.
12. Japan-Myanmar Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/myanmar/data.html>. – Date of access: 30.12.2015.
13. Japan-Philippines Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/philippine/data.html>. – Date of access: 30.12.2015.
14. Japan-Singapore Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/singapore/data.html>.
15. Japan-Thailand Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/thailand/data.html>. – Date of access: 30.12.2015.
16. Japan-Viet Nam Relations (Basic Data) [Electronic resource]. – Ministry of Foreign Affairs of Japan. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/vietnam/data.html>. – Date of access: 30.12.2015.
17. Kyodo. Abe offers ASEAN easier yen loans to counter Beijing's moves [Electronic resource]. – The Japan Times. – Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/11/21/national/southeast-asia-set-launch-unified-economic-community/#.VoBtLMbpVZN>. – Date of access: 30.12.2015.
18. Masaaki Kameda. Japan, Mekong ink new I750 billion aid deal [Electronic resource]. – The Japan times, 04.07.2015. – Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/07/04/national/politics-diplomacy/japan-mekong-ink-new-I750-billion-aid-deal/#.VoEX1sbpVZN>. – Date of access: 30.12.2015.
19. Ministry of Foreign Affairs of Singapore. Singapore – Japan [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.mfa.gov.sg/content/mfa/countries_and_region/northeast_asia/japan.html. – Date of access: 30.12.2015.
20. Nobuhiro Aizawa, Japan's Strategy toward Southeast Asia and the Japan-U.S. Alliance [Electronic resource]. – The CSIS – Mode of access: http://csis.org/files/publication/140422_Aizawa_JapansStrategySoutheastAsia.pdf. – Date of access: 10.03.2015.
21. Playing Catch-up with China [Electronic resource]. – The CSIS – Mode of access: http://csis.org/files/media/csis/pubs/0603qjapan_seasia.pdf. – Date of access: 10.03.2015.
22. Prashanth Parameswaran. The Real Importance of Japan's New Strategy for the Mekong [Electronic resource]. – The Diplomat, 07.07.2015. – Mode of access:

<http://thediplomat.com/2015/07/the-real-importance-of-japans-new-strategy-for-the-mekong/>. – Date of access: 30.12.2015.

23. Shinzo Abe has compelling diplomatic as well as economic reasons to push into South-East Asia [Electronic resource]. – The Economist, 01.06.2013. – Mode of access: <http://www.economist.com/news/asia/21578714-shinzo-abe-has-compelling-diplomatic-well-economic-reasons-push-south-east-asia-hand>. – Date of access: 10.03.2015.

24. Shiraishi Takashi, Abe's Visit to Southeast Asia and Japan's Five New Diplomatic Principles [Electronic resource]. – Nippon, 30.01.2013. – Mode of access: <http://www.nippon.com/en/editor/f00016/>. – Date of access: 10.03.2015.

25. Yoichiro Sato. SOUTHEAST ASIAN RECEPTIVENESS TO JAPANESE MARITIME SECURITY COOPERATION [Electronic resource]. – <http://apcss.org/Publications/Maritime%20security%20cooperation%20JapanSE%20Asia%20Sato.pdf> – Date of access: 30.12.2015.

26. Ковригин, Е. Б. Япония – АСЕАН: Эволюция официальной помощи развитию [Электронный ресурс] / Е. Б. Ковригин. – Режим доступа: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/2_2014/SE.2014.2.040-074.Kovrigin.pdf – Дата доступа: 30.12.2015.

В. Л. Петрушак

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, valentin70060@mail.ru)

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ОБЩНОСТЬ

Важнейшей категорией исторического процесса на уровне геополитики необходимо считать определенные геоцивилизационные территории Земли. По существу, *геоцивилизация* – это совокупность цивилизаций и культур определенных этносов, проживающих на определенной географической территории Земли, необходимой для поддержания геополитического баланса человечества.

Определенную негативную роль в процессе цивилизационной идентификации восточнославянских стран играют господствующие в политологии и философии дуалистические концепции цивилиологии, которые выделяют только западный и восточный типы цивилизаций, беря за основу различия в уровне и способах производства. Так, А.С. Ахиезер полагает, что различия западной и восточных цивилизационных типов основаны на двух принципиально разных типах воспроизводства. Так восточный тип, который включает мусульманскую, индийскую индуиско-буддийскую и китайскую конфуцианско-даосистскую и проходящую процесс становления африканскую цивилизации, связан со статичным, направленным на сохранение исторически сложившейся культуры и традиции. В свою очередь западный тип, к которому относят западноевропейскую и североамериканскую, а также формирующуюся латиноамериканскую цивилизацию,

предполагает «интенсивный, связанный с Прогрессом социальных отношений, культуры и самой воспроизводственной деятельности и т.д.» [1, с. 107]. При таком понимании геополитического мироустройства вне типологии рассмотрения находятся восточнославянские страны. Они понимаются либо как принадлежащие к западной цивилизации, либо к промежуточной. Причем промежуточность понимается как особая переходная форма «от Традиционной к Либеральной суперцивилизации... характеризующиеся мучительной неспособностью выйти за рамки промежуточного состояния» [1, с. 360]. Необходимо отметить, что утверждение о переходе от традиционной к западной цивилизации у восточных славян само по себе является недоказуемым. Дело в том, что подобные нововведения либо вызвали в прошлом социальные потрясения, либо приобретают свою специфику, отличную от западных образцов.

В целом, дуалистический подход к этой проблеме в своей основе базируется на законе исключенного третьего логики Аристотеля. Так Аристотель утверждает, что «равным образом не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо, что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать» [2, с. 75]. Эффективность бинарной логики познания Аристотеля, еще в XIX веке обоснованно подверг сомнению Г. Гегель, который остроумно замечает: «Положение об исключенном третьем утверждает, что нет ничего такого, что не было бы ни А, ни не –А, что нет такого третьего, которое было бы безразлично к этой противоположности. В действительности же имеется в самом этом положении третье, которое безразлично к этой противоположности, а именно само А. Это А не есть ни +А, ни –А, но равным образом есть и +А, и –А» [3, с. 64]. Перефразируя Гегеля можно было бы сказать, что Россия не есть ни Запад, ни Восток, но равным образом есть и Запад, и Восток, т.е. Евразия.

В действительности, противоречивость дуалистического подхода ярко видна на примере современной России, две трети территории которой находятся в Азии (Сибирь и часть Урала и Северного Кавказа). Подобные пропорции территориального расположения были характерны для Российской империи и СССР, что формировало особенности форм жизни, бытия и религиозных верований народов евразийского пространства. Учет этих особенностей дает основание считать страны восточнославянской цивилизации принадлежащими к третьему северному (евразийскому) цивилизационному типу, который включает элементы цивилизационного бытия, как Запада, так и Востока, но не сводится к ним.

В результате такого рассмотрения вырисовывается цивилизационное триединство человечества, вытекающее из основ бытия народов-носителей, которые формируют определенный тип локальных цивилизаций. Методологическую основу такого понимания социальной действительности заложил выдающийся русский философ XIX века В. Соловьев. Он отметил, что в истории действуют три силы. Первая, как воплощение стран Востока,

заключается в формировании всеобщей системы отрицательного всеединства, тормозящего развитие. Другая сила, как проявление Запада, пытается дать везде свободу частным формам жизни, что ведет к всеобщей борьбе индивидов друг с другом. Однако в истории действует и третья сила, связанная с восточнославянским миром. Будучи структурообразующим фактором цивилизационного бытия человечества в целом, она «дает положительное содержание двум первым, освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов, созидает, таким образом, целость общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю тихую жизнь» [4, с. 20].

Важнейшая особенность развития – срединное геополитическое положение восточнославянской цивилизации между цивилизациями Востока и Запада. Это обстоятельство породило феномен пограничной, промежуточной в социокультурном плане личности и культуры на данной территории. Так, например Ч.С. Кирвель обращает внимание на то, что «постоянно, так или иначе воспроизводящийся модус переходности – это важнейший фактор бытия восточнославянского культурно-исторического типа» [5, с. 223]. Свое наивысшее выражение состояние переходности находит в динамике развития России. «Россия, – как отмечал А.С. Панарин, – центральное место планеты не только в геополитическом смысле, но и в историософском. Здесь находятся стяжки не только мирового западно-восточного пространства, но и формационного времени» [6, с. 41].

Благодаря срединности своего геополитического положения, восточнославянский мир играл роль уравнивающей силы, препятствовавшей столкновению и перманентному военному противостоянию стран Востока и Запада. Блестящее подтверждение этой особенности данной цивилизации можно найти в проведенной Россией военной операции в Сирии.

Список литературы

1. Ахиезер, А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) : в 2 т. / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997–1998. – Т. 2 : Теория и методология : словарь. – 2-е изд., перераб. и доп., 1998. – 804 с.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Собр. соч. : в 4 т. / пер. с древнегр. Д. Рожанского. – М. : Мысль, 1984. – Т. 1. – С. 63–550.
3. Гегель, Г. Наука логики / Г. Гегель // Собр. соч. : в 3 т. / отв. ред. М. М. Розенталь. – М. : Мысль, 1971. – Т. 2 : Учение о сущности. – 284 с.
4. Соловьев, В. С. Три силы / В. С. Соловьев // Собр. соч. : в 2 т. / сост. и общ. ред. А. Ф. Лосев и А. В. Гулыга ; АН СССР. Ин-т философии. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1 : Философская публицистика. – С. 19–31.
5. Кирвель, Ч. С. Современные глобализационные процессы: проблемы и противоречия / Ч. С. Кирвель // Веснік ГрДУ. Сер. 1 : Гуманітарныя навукі. – 2001. – № 1. – С. 34–58.
6. Панарин, А. С. Россия в циклах мировой истории / А. С. Панарин. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 288 с.

Д. В. Полежаев

(Волгоградская государственная академия последипломного образования,
г. Волгоград, Россия, polezh@mail.ru)

МЕНТАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Глобализация как неизбывный современный процесс общемирового масштаба имеет и свое частное, аспектное проявление. В каждом из аспектов, как известно, проявляются особенности и характеристики «большого» феномена. Философско-методологическое осмысление тех или иных современных и исторических социально-политических явлений через призму философских категорий «части» и «целого» позволяет исследователям взглянуть обобщенно на различные явления жизни человека и общества, кажущиеся, на первый взгляд, уникальными.

Философско-политическое осмысление любых социальных феноменов видится необходимым с точки зрения достижения в некотором смысле всеобщего знания о взаимодействии общества и человека, а также человек и мира [5, с. 66–82], об особенностях и причинно-следственных взаимосвязях этого взаимодействия. Под политикой вообще понимают науку о задачах и целях государства и о средствах, которые имеются в его распоряжении или необходимы для выполнения этих целей [2, с. 352]. Так философия политики может быть убедительно понята как мировоззренческое измерение наиболее всеобщих черт и сторон политических явлений, событий, процессов и соответствующих им научных понятий и категорий.

Взаимодействие культур и цивилизаций вполне убедительно рассматривается через призму феномена менталитета – как взаимодействие систем внутренних (характерных для данного конкретного общества и в условиях наличной культуры) глубинно-психических социально-культурных установок общества, социальной группы или отдельного индивида [3], то есть как *ментальный диалог*. И именно ментальный диалог является первоочередным в плане исторической, культурной и даже политико-идеологической значимости; а последний аспект в современных условиях глобального позиционирования новых политических псевдоблоков, их социально-экономических сторонников и приспешников представляется нам наиболее актуальным.

Диалог ментальных пространств, рассматриваемый современными исследователями как диалог идентичностей, устойчивых в историческом протяжении, важен сегодня, в первую очередь, с точки зрения самоопределения, в т. ч. в политическом ключе. Какие политические предпочтения являются ведущими для индивида или большого сообщества людей, в т. ч. в государственном масштабе. Вообще диалог рассматривается традиционно как философская категория [2, с. 135], как разговор и обмен мнениями с заинтересованным оппонентом.

Феномен диалога, в том числе политического, может рассматриваться и пониматься в современном социально-гуманитарном знании как пересечение установок менталитета – в социально-культурном и в функциональном планах. Действительно, элементы (научные действия и пути) сравнения, обобщения и т.п. работают преимущественно на уровне *восприятия* – в качестве автоматизмов, *оценивания* (аффекта – если говорить об индивидуально-личностном уровне ментальности), реализуемого на базе наличной шкалы ценностей, и *поведенческих* моделей (социальных аттитудов), которые выстраиваются на уровне стереотипов действия. Все эти элементы, будучи – в рамках нашей концепции [4] – ментальными функциональными составляющими, фиксируются на исторически относительно длительном историческом отрезке (для индивида «историческое время» становится индивидуальным). Затухая, они могут быть вновь вызваны к жизни, актуализированы в прежнем или несколько измененном виде при вызовах цивилизационного, культурного, технологического, информационного и иного характера.

Формы человеческого сознания, культуры всегда интересовали исследователей преимущественно в плане выражения в них социальных связей. Однако общим предметом должно стать в точном смысле – сознание людей в его единстве (и, одновременно, разнообразии). Ученый, рассматривающий движение самых различных общественных феноменов – экономики, политики, структуры классов или групп, верований, политические кризисы, – должен в итоге увидеть, как они сливаются в человеческом сознании. Любые явления жизни людей неизбежно должны пройти через их сознание (в широком смысле включая и «бессознательное» – индивидуальное и массовое). Плодотворным является анализ явлений коллективной психологии в их историческом протяжении, направленный на раскрытие глубин и движений социальной структуры. Социально-исторические факты жизни человека и общества суть факты «психологические», потому что историю творит сам человек, и социальная целостность, раскрытие которой представляет собой конечную цель науки, выражает себя именно через человеческое сознание – в нем и «смыкаются» все социальные феномены в различных их проявлениях.

Направление, на которое стоит обратить особое внимание – это исследование ментальной истории общества и человека в обществе. Историю ментальностей (или менталитетов – если речь идет о системе социальных установок общества) можно рассматривать как сохранение и видоизменение «разлитых» в определенной социальной среде умонастроений, неявных установок мысли и ценностных ориентаций, автоматизмов и навыков сознания, текущих и вместе с тем очень устойчивых внеличных его аспектов. История ментальностей вскрывает как бы «потаянный» план общественного сознания, подчас не выраженный четко и не формулируемый эксплицитно. Исследователь ментальностей имеет дело не с философскими, религиозными или политическими убеждениями или доктринами.

нами как таковыми, – его занимают не теории, а та «почва», на которой данные теории произрастают. В центре внимания исследователя ментальных феноменов – образ мира, который заложен культурой в сознание людей данного общества и преобразуется ими спонтанно, по большей части вне контроля их «дневного сознания».

Ментальный подход – это способность взглянуть на исторические события прошлого, на существующее состояние вещей и на перспективы развития через призму феномена менталитета. Россия как во многом неповторимый в культурно-историческом отношении феномен предполагает учет в этом процессе национально-государственных, национально-этнических особенностей, особенностей конкретных регионов страны, а также ментальности личности – индивида, обладающего минимально необходимой свободой. Менталитет (ментальность) понимается нами как система внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества (личности), формирующаяся и изменяющаяся в течение «времени большой длительности», как под воздействием внешних условий, так и путем внутренне обусловленного саморазвития.

Ментальный подход – это поиск онтологических оснований духовности и следующих из этого опор нашей социально-экономической и политической защиты. Ментальный подход – это поиск острых углов, проблем, являющих сущность цивилизации и культуры, общественного мироустройства, сознания, мировидения и мирочувствия. В структурном или последовательно развертываемом содержательном отношении ментальный подход может быть представлен как: 1) анализ социальной действительности – в рамках ментального подхода невозможный «сам по себе» или «для себя», – только для дальнейшего синтеза (в том числе политического) или аспектного рассмотрения отдельных проблемных узлов и особенностей их протекания социальных процессов; 2) анализ исторической традиции (фольклорная народная традиция, массовые представления, письменная традиция, ученая традиция – религиозная, философская, литературная и ее отражение в народной среде); 3) анализ исторических фактов и их интерпретация.

Принципиальная открытость и незавершенность ментальных исследований напрямую связана с вопросами культурной и поведенческой мобильности индивида, социальной группы и др., значимыми с точки зрения определения оснований экономического и политического сознания и отражения его в менталитете. Это связано со сложностью и многоуровневостью взаимосвязей, характерных для менталитета. Отдельная ментальная установка, в т.ч. политическая, а следовательно, и содержание менталитета, – явление достаточно сложное. Оно включает в себя содержательный, эмоциональный и волевой элементы. Первый связан с необходимостью обладать некоторой суммой знаний о разных сторонах действительности. Во-вторых, к знаниям и представлениям присоединяются социальные чувства, выражающие отношение к действительности. Слияние знаний с чув-

ствами – показатель устойчивости установки. Третий элемент – побуждение к действию. Когда установка реализуется, волевой элемент ее проявляется в активности личности. Иначе говоря, система установок не сумма мыслей и чувств, она – основа деятельного отношения личности к различным сторонам жизни. Сформированная фиксированная установка на основе опредмеченного опыта личности «работает» не только в какой-либо конкретной ситуации, смоделированной заранее, но и во всех ситуациях, сопряженных с определенным уровнем и сферой применения возможностей человеческого разума.

Ментальное осмысление социальной истории и истории отдельного человека все более уверенно выступает на передний план современной науки. Духовное видение мира, а не только в значительной степени формальная констатация свершившегося, – вот в чем заключается истинный долг исследователя. Восстановление «великой переменной величины» – исторического человека, – главная не разрешенная сегодня задача современных ученых-обществоведов, которая, надеемся, будет разрешена в ближайшем будущем. Анализ современной ситуации в исторической науке помог бы обнаружить основные ее тенденции и выработать некое общее направление, которое бы ничего не отрезало, но вместе с тем позволило наметить ведущие ориентиры для дальнейшего развития исторической мысли.

Список литературы

1. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – 328 с. (Сер. «Библиотека студента. История»).
2. Краткая философская энциклопедия. – М. : Изд. группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с.
3. Полежаев, Д. В. Идея менталитета в русской философии «золотого века» : моногр. / Д. В. Полежаев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.
4. Полежаев, Д. В. Русский менталитет: социально-философское осмысление : моногр. / Д. В. Полежаев ; ВГИПК РО. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 370 с.
5. Резник, Ю. М. Человек и мир: грани со-бытия / Ю. М. Резник // Личность. Культура. Общество. – 2014. – Т. XVI, № 3-4 (83-84). – С. 66–82.

С. А. Полетаев

(Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске, Беларусь, minsk-rgsu@mail.ru)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ БЕЛАРУСИ

В последние годы стремительно возрастает роль науки в социально-экономическом развитии стран. Однако исключительную актуальность приобретают не только сами научные знания, а прежде всего их овеществ-

ленный результат, выражающийся в инновационных продуктах, технологиях производства и управления, соответствующих материальных и социальных благам, получаемых обществом от их внедрения. Для того, чтобы полученные знания приобрели позитивный результат, обществом должны быть создана среда, восприимчивая к внедрениям научных разработок.

В Республике Беларусь научная и внедренческая деятельность в настоящее время организована в рамках 12 Государственных комплексных целевых научно-технических программ на 2011–2015 гг., в том числе Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. (далее – Программа). Ожидаемыми результатами от ее реализации является формирование нового сегмента национальной экономики – высокотехнологичных наукоемких предприятий и производств, соответствующих V и VI технологическим укладам. Однако анализ проектов, реализуемых в рамках данной программы, показывает, что часть из них можно отнести лишь к IV технологическому укладу, что не способствует концентрации государственного финансирования на прорывных технологиях, обеспечивающих конкурентоспособность белорусской экономики на мировых рынках. Это связано с тем, что разработка и выведение на рынок инноваций требует значительно больших организационных и финансовых затрат, чем модернизация, проводимая за счет приобретения нового оборудования и создания производств на основе успешно существующих в других странах технологий. Риски финансирования инновационных проектов гораздо выше, чем инвестирование в обыкновенную реконструкцию и модернизацию, так как успешный результат от внедрения инноваций не может быть гарантированным. Законодательство Республики Беларусь и практика государственного управления позволяют широко трактовать понятие «инновационной деятельности» и нередко приводят к смешиванию понятий «инновация» и «модернизация». Это дает возможность успешно отчитываться о выполнении и перевыполнении программ инновационного развития, но не ведет к внедрению новейших научно-технических достижений и не всегда способствует развитию экономики Беларуси в качестве инновационно-ориентированной. Нередко «инновационные проекты» Программы являются по сути догоняющими, аналоги которых уже существуют на рынке, что ведет к риску консервации технологического отставания от лидеров в данной отрасли.

Одной из главных проблем в развитии экономики Беларуси по инновационному пути является достаточно широкое применение устаревших технологий. Число организаций, осуществляющих технологические инновации, сократилось с 443 в 2011 г. до 411 в 2013 г., а удельный вес организаций осуществляющие технологические инновации в общем числе организаций промышленности, сократилось за этот же период с 22,7 до 21,7 % [1, с. 396]. Объем отгруженной инновационной продукции возрос с 14,4 % в 2011 г. до 17,8 % в 2012 г., но в 2013 г. остался на прежнем уровне (17,8 %).

Удельный вес экспорта в общем объеме отгруженной инновационной продукции сократился с 62,3 % в 2011 г. до 60,1 % в 2013 г. [1, с. 401, 402].

Разработка и реализация инновационной политики, направленная на преодоление технологического отставания требует определения основополагающих причин, порождающих и поддерживающих применение устаревших технологий. По мнению сотрудников отдела инновационной политики Института экономики НАН Республики Беларусь В. Гончарова и А. Коршунова, одна из главных причин в том, что белорусские предприятия, даже инновационно активные, при недостаточном развитии отраслевой и фирменной науки получают слабую подпитку со стороны внешних разработчиков. Поэтому используемые технологии не обновляются и устаревают. При этом производственники заинтересованы в монопольном положении той или иной разработки. В результате образуется «ловушка технологий», которая, когда интересы участников направлены на то, чтобы нововведения не появлялись. То есть в промышленности реализуется в основном последовательная линейная модель инновационного процесса, при практической реализации которой среди основных участников отсутствует должная координация и взаимодействие. Действующую белорусскую модель НИС можно охарактеризовать как административно-командную модель, функционирующую в рамках двойственных множеств взаимодействий: государство – наука, государство – промышленность, наука – промышленность [2, с. 27].

Система управления инновациями в Беларуси реализуется по отраслевому (ведомственному принципу), используется преимущественно «вертикальный подход». Существующая национальная инновационная система перегружена институтами и программами и по этой причине является трудно управляемой. «Вертикальный подход» затрудняет развитие эффективных горизонтальных связей в системе государство – образование – наука – инновационная инфраструктура – предприятие (бизнес). Хорошо понимали это и разработчики Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., которая содержит раздел с комплексом мероприятий:

- создание эффективной и дееспособной инновационной инфраструктуры;
- формирование многочисленного слоя инновационных предпринимателей;
- развитие государственно-частного партнерства в инновационной деятельности;
- стимулирование расходов на исследования и разработки предприятий государственного и частного сектора и др. [3, с. 11].

Принят Закон Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» от 10.07.2012 г. № 425-3, обеспечивающий правовое регулирование всех этапов инновационного

процесса. Но системной проблемой недостаточное развитие малых инновационных предприятий, а это – важнейший элемент НИС. Правительство пытается стимулировать развитие малых инновационных предприятий при университетах и в научно-технологических парках. В течение длительного времени отмечается низкий спрос промышленности на новые технологии. Согласно данным Национальной академии наук Беларуси, только в 2012 г. в ее рамках было разработано 252 новых и 8 высоких технологий, тогда как компаниями были приобретены лишь 17 [4].

Вместе с тем, главной проблемой является директивное планирование, которое было необходимо для запуска инновационных процессов и выражающее идеологию линейной модели инновационной деятельности, тогда как в технологически развитых странах в основном используется программно-сетевой подход. В результате инновационная политика все более становится продуктом партнерства, а не предписаний государства. Отсюда следует, что НИС необходимо рассматривать как целостную систему социальных субъектов и институтов, ориентированных в своей работе на реализацию инновационных проектов. По мнению академика НАН Республики Беларусь Е.М. Бабосова, «инновация представляет собой основанное на новых идеях и научных знаниях овладение творческими способами обучения и воспитания, <...>, создание новых технологий и технических новшеств, их воплощение в новых видах товаров и услуг, <...>, способствующее совершенствованию социальных процессов» [5, с. 4].

Инновационная деятельность – многоаспектный социальный процесс, где каждая отрасль социальной сферы играет незаменимую роль. Образование определяет качество человеческого капитала, здравоохранение увеличивает срок его использования, культура повышает эффективность человеческого и социального капитала в развитии НИС Беларуси.

Список литературы

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2014. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2014.
2. Гончаров, В. Тройная спираль инноваций: белорусская адаптация модели / В. Гончаров, А. Коршунов // Наука и инновации. – 2014. – С. 139.
3. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. – Режим доступа: www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/innovation/inn2/.
4. Отчет Национальной академии наук Беларуси за 2012 г. Постановление Общего собрания НАНБ от 12 дек. 2013 г. № 2. – [б. м. и., б. г. и.]
5. Бабосов, Е. М. Проблемы и стратегия инновационного развития и социальной консолидации современной Беларуси / Е. М. Бабосов // Человеческий капитал. – 2012. – № 1.

Ю. А. Полещук

(Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь, Polishuk@tut.by)

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

Сегодня подготовка конкурентоспособного специалиста предполагает не только наличие профессиональной компетентности, но и высокого уровня профессионального воспитания. Перед высшей школой стоит задача подготовить образованную, нестандартно мыслящую, нравственно зрелую личность, способную сознательно и ответственно выполнять гражданские обязанности перед государством.

Гражданско-патриотическое воспитание в современной Беларуси выступает как ключевое при обеспечении устойчивого социально-политического, экономического развития и национальной безопасности. Это одна из значимых и сложных сфер воспитания, поскольку в ней формируются не только мировоззренческие ориентации, идеалы и принципы, но и происходит становление необходимых личностных качеств, обеспечивающих жизнедеятельность молодого гражданина в условиях современного общества.

Развитие рыночной экономики в Республике Беларусь требует от молодежи мобильности, инициативности, способности самостоятельно принимать решения в различных ситуациях. Вовлечение в систему общественного и производственного управления предполагает наличие активной жизненной и гражданской позиции, гражданского самоопределения, осознания внутренней свободы и ответственности за собственный политический и моральный выбор [1].

Современная социальная ситуация диктует необходимость формирования гражданской позиции в новом ценностно-смысловом, функциональном и содержательном наполнении. Происходящие в обществе перемены влияют на целостный социальный облик будущих специалистов, их ценностные ориентации, интересы и установки. Сегодня актуальны специалисты, понимающие социокультурные изменения в обществе, ориентированные на личный и профессиональный успех, на ценности престижа профессии, способные к профессиональному росту.

Образовательная и воспитательная среда вуза призвана создавать условия для формирования ценностных ориентаций студентов в контексте профессиональных ценностей. Ценностные ориентации являются одним из наиболее устойчивых компонентов, которые определяют личностно-психологическую готовность к будущей профессиональной деятельности.

Ценностные ориентации связывают внутренний мир индивида с общественным сознанием и базируются одновременно и на личностном, и

на социальном опыте. В системе ценностных ориентаций находят отражение доминирующие ценности общества. В то же время массовые ценности складываются из определенных ценностей отдельной личности. С одной стороны, ценностные ориентации выступают связующим звеном между обществом и личностью, с другой – являются регулирующим фактором ее поведения.

В психологии, политологии, социологии изучение ценностных ориентаций можно рассматривать с точки зрения различных концепций [2]. В контексте данного исследования использовалась теория ценностей М. Рокича. Автор различает два класса ценностей:

- терминальные – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;
- инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства [3]. Для диагностики ценностных ориентаций М. Рокич разработал методику «Ценностные ориентации», основанную на прямом ранжировании ценностей.

Эмпирическое исследование ценностных ориентаций осуществлялось в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка. Респондентами выступили 109 студентов 1–5 курсов.

Среди терминальных ценностей у испытуемых доминирующими оказались ценности личной жизни, которые включают ценности здоровья, материальные ценности, ценности личной свободы, активной жизни. Они максимально выражены у студентов второго, третьего и пятого курсов (более чем на 70 %). На втором месте – ценности взаимоотношений (любовь, друзья, семья), которые наиболее полно проявились у студентов третьего курса (70 %). Третье место занимают ценности профессиональной самореализации (интересная работа, общественное призвание, развитие), которые относительно равномерно выражены с первого по пятый курсы. Ценности личностной самореализации в своем содержательном аспекте включают познание, духовное и физическое совершенствование, продуктивную жизнь, они наиболее значимо проявились на четвертом (63 %) и пятом курсах (61 %).

Лидирующие позиции (1-2) среди инструментальных ценностей заняли этические ценности (ответственность, высокие запросы, независимость, самоконтроль, широта взглядов) и ценности дела (аккуратность, исполнительность, образованность, рационализм, эффективность в делах). Этические ценности занимают центральное место у студентов первого и второго курсов, в то время как ценности дела – у обучающихся на третьем и пятом курсах. Студенты четвертого курса на первое место поставили индивидуалистические ценности, к которым относятся независимость, непримиримость к недостаткам, рационализм, смелость в отстаивании свое-

го мнения, твердая воля. Эти же ценности занимают третью позицию у студентов первого и второго курсов. Четвертое место у респондентов второго и третьего курсов занимают ценности самоутверждения, студенты первого и пятого курса называют здесь ценности принятия других. Ценности принятия других находятся на третьем месте у третьекурсников, на четвертом – у студентов пятого курса, на пятом месте – у представителей второго и третьего курсов.

Применение ранговой корреляции Спирмена позволило выявить тесноту (силу) и направление корреляционной связи между двумя классами ценностей. Наличие прямой, слабо пропорциональной связи между терминальными и инструментальными ценностями ($p \leq 0,05$) может свидетельствовать о том, что у студентов сформированы те личностные характеристики, которые будут выступать важнейшим инструментом достижения главных личностных целей.

Однако ценности профессиональной самореализации оказались для испытуемых менее значимыми, чем ценности личной жизни, в этой связи необходим поиск путей их формирования в процессе профессионального обучения.

В процессе психологического сопровождения развития профессионально-ценностных ориентаций предлагаются следующие формы работы:

- совершенствование содержания учебного материала через включение противоположных сторон, свойств в изучаемых предметах и явлениях; существование в науке множества различных и противоречивых точек зрения;
- формирование у студентов принятия на себя ответственности за выбор собственных ценностей, взглядов и своего образа жизни, в том числе с позиции будущего профессионала;
- профилизация преподавания общеобразовательных дисциплин в контексте устойчивого социально-политического развития;
- в процессе преподавания дисциплин изучение истории данной науки и достижений белорусских ученых, расстановка акцентов на их личностных и профессиональных качествах;
- применение активных форм и методов обучения (использование деловых и ролевых игр, групповых дискуссий, тренинговых занятий);
- самопознание личности через методы психологической диагностики и дальнейшее развитие личностных и профессионально важных качеств студентов;
- общественно-полезный труд, связанный с будущей профессией;
- развитие творческой инициативы студентов через их участие в проектной деятельности.

Сформированность ценностных ориентаций и профессиональных ценностей позволит в процессе обучения подготовить личность, успешно конкурирующую в социально-экономических и политических преобразованиях, происходящих в современном мире.

Список литературы

1. Бойко, С. И. Вопросы ценностной ориентации и социализации в процессе преподавания политологии и основ государственного управления / С. И. Бойко, Ю. А. Полещук // Методология и стратегии развития современного образования : материалы Междунар. науч. конф., посв. 85-лет. Национального института образования, г. Минск, 11 дек. 2014 г. – Минск : Нац. Ин-т образования, 2015. – С. 126–132.
2. Северухина, Д. Д. Концепции ценностных ориентаций в психологии и политологии / Д. Д. Северухина // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Ч. 1 : Методология системогенетического подхода. Конструктивные и деструктивные тенденции профессионального становления и реализации личности : материалы VII междунар. науч.-практ. конф., 20-22 окт. 2015 г., г. Ярославль / под ред. Ю. П. Поваренкова. – Ярославль : Изд-во ООО «Агентство литеера», 2015. – С. 280–282.
3. Rokeach, M. The nature of human values / M. Rokeach. – N.Y. : Free Press, 1973. – 438 p.

Н. В. Полякова

(Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, belnata70@yandex.ru)

**ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНГАЖИРОВАННОСТИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Как принято полагать, именно «дело Дрейфуса» заложило основу традиции политической активности интеллектуалов, позволив им превратиться из непримечательных работников умственного труда в активных защитников республиканских идеалов. События вокруг этого процесса выступили своеобразным пусковым механизмом тех идеологических и теоретических дискуссий, которые продолжались во французском и, в целом, в европейском социогуманитарном пространстве на протяжении всего XX века: появление новой публичной фигуры интеллектуала, произошедшее на рубеже веков на линии максимального напряжения литературы и политики, стало центральной темой для современной европейской культуры [1]. Интеллектуал как представитель определенной социо-профессиональной группы, его социальный статус, его место в актуальной политике – вот те проблемы, которые определили содержательную тематику многих современных теоретических дискуссий и общественных обсуждений. При этом понятие «интеллектуал» изначально вбирает в себя ярко выраженную социально-критическую составляющую, опирающуюся на предшествующую традицию: «Французы в европейском интеллектуальном разделении труда предстают прежде всего «критиками» всего и вся. Все французское Просвещение проходит под знаком непрекращающейся социальной критики. Прежде всего, критики собственных политических институтов. Этот социально-политический запал со временем не исчез, но в каком-то смысле стал лишь еще более изощренным и многообразным» [2, с. 236-237].

На французской почве зарождается еще один важный аспект этого нового феномена: тема «предательства интеллектуалов» и связанные с ней проблемы призвания интеллектуалов и их ценностных приоритетов. В 1926 году французский историк и философ Жюльен Бенда опубликовал свой программный памфлет «Предательство интеллектуалов», в котором обозначил функцию интеллектуалов в политике как функцию напоминания об идеалах нравственности и справедливости. Буквально через несколько лет еще один французский автор, философ и известный публицист социалистической ориентации, Поль Низан в своей книге «Сторожевые псы» (1932) подверг критике такую позицию. Прикрываясь идеалами неангажированности, интеллектуалы, по его убеждению, на самом деле всегда служат целям политики: «На любой философии, даже если на первый взгляд это кажется иначе, в действительности сказывается грубая актуальность» [3, р. 2130]. Так была рельефно обозначена основная коллизия, вокруг которой разворачивались все последующие дискуссии о ценностном выборе представителей интеллектуального сообщества.

Во второй половине XX столетия социальный статус интеллектуала несколько меняется: под воздействием политических эффектов Мая-68 еще более усиливается публичная составляющая, которая определяет позиции критического (или ангажированного) французского интеллектуала, ярким воплощением чего был, например, Ж.-П. Сартр. «Интеллектуальное реноме Сартра, Барта, Фуко, Делеза и даже отчасти Леви-Стросса или Бурдьё было обязано успеху у читающей интеллектуальной публики, родственному литературной славе, но не тождественному ей, который мог быть обеспечен только в пространстве публикаций, гораздо более обширном, нежели сектор специализированных академических статей и монографий», – так описывает российский исследователь предварительные условия успехов интеллектуалов во второй половине XX столетия [4, с. 16-17].

Начало XXI века ознаменовалось выходом на авансцену современного мира фигуры публичного интеллектуала как нового активного участника не только внутренней, но и международной политики. Сам термин «публичный интеллектуал», возникший первоначально на американской почве, служил для обозначения университетских профессоров, которые что-то «объясняют» образованной публике, то есть иными словами – экспертов. В европейской же традиции подразумевалось, что интеллектуалы не должны ограничиваться участием в том, что французы метко называют «*la vulgarisation*» (популяризация, распространение. – *Н.П.*). Здесь интеллектуал традиционно призван был обрисовывать нормативные варианты развития событий, однако в идеальном варианте таким образом, чтобы граждане могли самостоятельно приходить к выводам этического и политического характера о том, что им делать с той или иной социальной проблемой. Сегодня определенных деятелей интеллектуального сообщества принято обозначать как публичных интеллектуалов постольку, поскольку

они, помещая себя в актуальный политический контекст, представляют себя уже в первую очередь как непосредственных акторов и даже лидеров публичного пространства. В условиях глобализованного мира и множественных его вызовов одной из ключевых задач интеллектуалов стало не только включение в теоретические дискуссии по тем или иным болевым вопросам современности, не только функция объяснения и обоснования, но и активная публичная деятельность – принятие на себя, в частности, непростой роли «культурных переводчиков и политических посредников» [5].

В первые десятилетия XXI века интеллектуалы вновь инициировали широкую публичную дискуссию и активно включились в обсуждение актуальных общественно-политических проблем по разным поводам и на разных уровнях. Современные информационные технологии позволили им глобально расширить аудиторию и значительно увеличить скорость реагирования на злободневные проблемы (например, посредством собственного аккаунта в различных социальных сетях или электронных журналов), а активное участие в различных телевизионных шоу и новостных программах сделало некоторых из них культовыми, легко узнаваемыми фигурами современности («говорящими головами»). Подобные «публичные интеллектуалы» лучше всего чувствуют себя на площадке различных СМИ, а также активно используют возможности Интернета и социальных сетей. Они вынуждены «ловить волну» модных тем и актуальных «политических проблем» («демократия», «права человека», «терроризм» и т.д.), которые уже ранее кто-то создал или сформулировал, конкурируя в этом с журналистами и политиками. Расширение аудитории, диапазона социальных функций и стратегий, освоение современных коммуникативных каналов и информационных технологий – все это, с одной стороны, способствовало обновлению социального статуса интеллектуала и его выходу на арену большой международной политики, а с другой – породило новые проблемы и противоречия в интеллектуальном сообществе.

На современном этапе западные интеллектуалы перестали быть широко востребованными в качестве именно великих «свидетелей обвинения»: «Сегодня мы наблюдаем иную картину, когда критические работы имеют слабое распространение и редко читаются, кроме тех случаев, когда они, попав в поле зрения средств массовой информации, удовлетворяют запросы в культурной продукции части населения», – вынужден был констатировать в одном из своих интервью французский философ Ж.-Ф. Лиотар [6, с. 302]. В условиях постсовременности интеллектуалам неизбежно приходится, восстанавливая собственные традиции, заново возвращаться к обсуждению проблемы своих ценностных приоритетов и поиску компромисса между эмансипацией и принадлежностью к определенной культуре. В конечном итоге, писатели, историки, философы и публицисты, создавая яркие тексты и упорядочивая существующие в современном мире «системы ценностей», призваны скорее легитимировать те или иные нацио-

нальные и наднациональные проекты, чем становятся прямыми защитниками одной из сторон в разнообразных политико-идеологических и культурных конфликтах.

Список литературы

1. Шарль, К. Писатели и дело Дрейфуса: литературное поле и поле власти / К. Шарль // Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 134–178.
2. Губин, В. Д. Национальные образы философии / В. Д. Губин, В. И. Стрелков. – М. : РГГУ, 2003. – 323 с.
3. Dictionnaire des philosophes. 2 vols. / Ed. D. Huisman. – Paris : Presses Universitaires de France, 1993. – Vol. II. – 3104 p.
4. Бикбов, А. Осваивая французскую исключительность, или Фигура интеллектуала в пейзаже / А. Бикбов // Логос. – 2011. – № 1 (80). – С. 3–27.
5. Мюллер, Ян-Вернер. Провал европейских интеллектуалов? [Электронный ресурс] / Ян-Вернер Мюллер // Русский журнал. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaaya-povestka/Proval-evropejskih-intellektualov>. – Дата доступа: 27.02.2016.
6. Лиотар, Ж.-Ф. Что есть истина? / Ж.-Ф. Лиотар // Керни Р. Диалоги о Европе. – М. : Весь мир, 2002. – С. 296–310.

А. В. Посталовский, О. В. Посталовская

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
postalnio@tut.by)

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ КАК ФАКТОР
НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Современный этап развития общества характеризуется активным включением средств массовой информации и информационно-коммуникативных технологий в повседневную жизнь человека. Информация как комплекс сведений и знаний об окружающем мире, методика и технология ее передачи, а также процедура ее распространения и донесения до аудитории становятся важнейшим инструментом функционирования общественных систем. Развитие научно-технического прогресса и усложнение форм межличностных отношений привели к тому, что современные СМИ перестали выступать просто средством донесения информации до индивидов, как это было ранее.

В настоящее время и традиционные СМИ (газета, радио, ТВ), и информационные ресурсы сети Интернет превратились в особый инструмент воздействия на формирование поведенческих установок, личностного мировоззрения и ценностных ориентаций индивида. Развитие Интернет-технологий, сетевых онлайн-ресурсов и социальных сетей привели к жизненной необходимости потребления человеком информации и новых знаний о по-

вседневности. В данных условиях возрастает ответственность традиционных и электронных средств массовой информации в обществе, которые посредством информационного воздействия и содержания информационного контента способны, так или иначе, влиять на происходящие в стране и в мире процессы. Иными словами, современные СМИ являются действенным инструментом управления реакцией и поведением индивидов в обществе.

В условиях глобализирующегося мира, когда экономические, информационно-коммуникационные, социокультурные и т.д. границы становятся все более «прозрачными», интеграция международных отношений расширяется и усиливается, страны мира становятся все более взаимозависимыми и, соответственно, более уязвимыми для новых дестабилизирующих факторов и внешних угроз, которые становятся транснациональными по форме и глобальными по своей сути. Содержание и структуру ключевых угроз определяют, например, нестабильность и напряженность в международных отношениях, разрастание недоверия, определенное разрушение мирового порядка, игнорирование норм международного права, попытки действовать в обход общепризнанных международно-правовых норм и принципов, используя временные трудности отдельных стран и народов, провокации, шантаж, экономическое, политическое и информационное давление, «газовые», «мясные», «молочные» и т.д. «войны», «цветные» и «бархатные» революции, попытки дестабилизировать внутреннюю ситуацию в суверенных государствах, усиливающаяся тенденция к силовому вмешательству, попытки поставить под контроль целые страны, внедрение (искусственное навязывание) чуждых целей, идеалов, ценностей и норм, разрушение традиций, включая искажение и пересмотр истории. Нельзя снимать со счетов усиливающуюся борьбу Евросоюза и России за влияние на страны Восточного партнерства.

Сложившаяся система нового мироустройства и усиливающиеся процессы глобализации мирового пространства детерминируют появление качественно новых видов социально-дестабилизирующих факторов, что предполагает изучение их восприятия в общественном сознании и т.д. Население зачастую не обладает компетенцией и навыками анализа навязанных внешней средой ситуаций, социальных угроз и т.д., не всегда хорошо ориентируется в их социальном контексте и, следовательно, не всегда может дать адекватную оценку, выбрать эффективную стратегию адаптации или противодействия. Необходимо создавать возможности для осознанного, а не навязанного понимания населением сущности и деструктивных последствий современных вызовов и угроз, разрабатывать новые технологии. Это, в свою очередь, определяет необходимость формирования социальных компетенций и повышения политической, экономической, информационной культуры населения для адекватного понимания гражданами происходящих социально-экономических процессов, временного характера ряда проблем и адекватной оценки предпринимаемых действий.

Актуальность проблемы связана также с угрозами информационно-психологического воздействия, деструктивного и противоправного использования глобальных сетевых информационно-коммуникативных технологий, например, для манипулирования общественным мнением и сознанием, для оказания политического давления и вмешательства во внутренние дела государства и общества, для осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на дискредитацию власти и подрыв суверенитета страны и т.д.

Информационное воздействие представляет собой форму оказания влияния на сознание личности, осуществляемое с применением ресурса СМИ в целях изменения сформировавшихся оценок, мнений, убеждений, ценностей, жизненных стратегий, национальной и культурной идентичностей для последующего изменения ее поведенческой реакции на происходящие события. Позитивное информационное воздействие характеризуется положительным влиянием на формирование личностных установок и ценностных ориентаций. Примерами позитивного информационного воздействия может выступать патриотическое воспитание, политика образования и просвещения, направленные на предотвращение национальных, религиозных и социальных конфликтов. Негативным информационным воздействием выступает заведомо ложная и провокационная информация на сознание личности с целью изменения мировоззрения индивида и последующим управлением его поведенческой реакцией. Ресурсы и технические возможности Интернета и социальных сетей позволяют осуществлять наполнение и передачу информационного контента, влияющего на взгляды, оценки и суждения населения, как в негативном, так и в позитивном плане. Например, ресурсы СМИ и социальных медиа активно используются противоборствующими сторонами в политическом конфликте.

Как правило, начальной фазой информационного противостояния выступает увеличение материалов и иных форм информационной активности (нагнетание обстановки) с целью привлечения внимания к возникающему противоречию или проблемной ситуации. Следующим этапом выступает «завоевание аудитории» либо консолидация потребителей информационного продукта вокруг рассматриваемого противоречия. Третий этап заключается в массивной информационной обработке аудитории, насыщении информационного пространства материалами и сведениями, позволяющими привлечь часть аудитории на свою сторону. Заключительным этапом является управляемая стороной конфликта итоговая реакция аудитории.

Главенствующее положение в информационном поле позволяет доминирующей стороне управлять развитием конфликтной ситуации либо способствовать ее разрешению и урегулированию. Наиболее ярким примером негативного информационного воздействия СМИ и социальных медиа выступают события в Украине 2013–2014 гг., именуемые как «Евро-

майдан», который, в конечном итоге, привел к вооруженному конфликту в восточных регионах страны и отчуждению части территории государства. Развернувшаяся в СМИ и социальных сетях дискуссия относительно вектора пути геополитического развития, а также дебаты, посвященные подлинной национальной идентичности украинцев и претензий на «истинную титульность» нации выступили источником противоречий между западными и восточными областями страны, переросших в вооруженные столкновения между Украиной и непризнанными республиками ДНР и ЛНР. Украинский вариант гражданского социально-политического конфликта показал, что в процессе информационного искусственного нагнетания конфликтной ситуации наиболее уязвимыми для провокаций и подверженными последующими изменениями выступают такие компоненты, как национальная и культурная идентичность, жизненная стратегия личности, ценностные ориентации личности.

Таким образом, пересмотр ценностного мира под воздействием информационных потоков приводит к изменению сложившейся ранее вследствие устоявшейся картины личностного ценностного мира, поведенческих установок и последующей изменяющейся под влиянием информации реакции индивида на происходящие события, выступает действенным фактором нестабильности в современном обществе.

Б. А. Прокудин

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, probor@bk.ru)

«РАЗУМНЫЙ» ЭГОИЗМ НИКОЛАЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО И АЙН РЭНД

История романа американской писательницы Айн Рэнд (урожденной – Алисы Зиновьевны Розенбаум) «Атлант расправил плечи» странным образом повторяет историю романа «Что делать?» Николая Гавриловича Чернышевского. Странно видеть рядом имена романтического социалиста и страстной ненавистницы социализма, однако сходство их текстов – поразительно. Оба романа оказали колоссальное воздействие на общество, оба романа содержат социально-политические идеи, оба романа воспевают «разумный» эгоизм.

Чернышевский в 1864 году написал плохой роман. Плохой он был в литературном плане. Герои получились картонными, диалоги – надуманными, пафосными, сюжет – неправдоподобным. Сплошная пропаганда. И это – в век высочайшего развития русской литературы, когда поблизости творили Толстой и Тургенев. Но, как писал П.А. Кропоткин, ни у одного самого литературно безупречного романа Тургенева или Толстого не было такой огромной армии читателей, как у плохого романа «Что делать?». Потому что люди искали в нем не красот, а программы. Не философских

вопросов, а житейских ответов. И находили. «Что делать?» стал энциклопедией или справочной книгой для молодежи. Под неуклюжей формой романа оказалось подробное руководство по переустройству всех общественных отношений.

«Атлант» такой же. Литературно он очень плох. Главная героиня Дэг-ни Таггерт в своем неправдоподобии бьет Веру Павловну по всем фронтам. Если в картоне, из которого сделаны Кирсановы и Лопуховы есть органика, то Голты и Резрдэны сделаны из самой ядовитой пластмассы. Здесь, как и в «Что делать?», нет исследования жизни, только пропаганда. Тысяча страниц. «Атлант» – самая толстая в мире агитационная листовка. Но «Атланта», как и «Что делать?» нельзя судить литературными мерками. Писать романы для Рэнд и Чернышевского было уловкой. Они хорошо понимали, сколько читателей может быть у научного трактата, и сколько у романа, поэтому облачали свои идеологии в романские одежды. И неизменно выигрывали. Айн Рэнд дала своим читателям простые ответы, которые не может давать литература. Айн Рэнд придумала Евангелие юных капиталистов, как когда-то Чернышевский придумал Евангелие для русских нигилистов. Первое «перепахало» Роналда Рейгана и Хилари Клинтон, а второе – Дмитрия Каракозова и Владимира Ленина.

Парадоксальным образом противоположное по своим социально-политическим выводам мировоззрение Чернышевского и Рэнд воздвигнуто на едином фундаменте разума и эгоизма. Оба выступают против мистицизма и альтруизма во всех проявлениях и пропагандируют «разумный эгоизм», который, по их мнению, является залогом всеобщего счастья и процветания. Только понимают они его по-разному.

В основе «теории разумного эгоизма» Чернышевского лежит традиционная утилитаристская посылка, что человек так устроен, что любит приятное, и не любит неприятное. В общем, и современная наука говорит, что человек совершает поступки только ради удовольствия. А всякие «возвышенные» деяния наука объясняет эволюционно. Мол, человек настолько развит, что может не только совершать максимально сложные действия, но и максимально откладывать вознаграждение. Отложенные удовольствия могут принимать характер возвышенности, но это лишь на первый взгляд. Чернышевский говорил то же самое: не нужно придумывать человеку всяких «высоких» мотиваций. Все это «игра эгоизма». Эгоизм – единственное побуждение, управляющее действиями человека.

Только в мире, с его точки зрения, есть два типа эгоистов: «неразумные» и «разумные».

Чернышевский был убежден, что в его время, в середине XIX в., большинство населения планеты – «неразумные» эгоисты. Они стремятся достичь удовольствия за счет других: стремятся к богатству, обкрадывая бедных; стремятся к власти, унижая других; стремятся к счастью, делая несчастными окружающих. Это очень глупо. «Неразумные» эгоисты поступа-

ют так «скверно», потому что не сознают своих «истинных» интересов. То есть они еще не вполне люди. Они только притворяются людьми: одеваются в дорогие костюмы и умеют управлять автомобилями, но все это лишь конспирация.

Разумные «новые люди», то есть уже вполне люди, понимают, что существуют интересы большинства, и всегда выигрывает тот, кто делает хорошее другим. Потому что добром в обществе считается то действие, которое отвечает интересам (эгоизму) большинства. Дорожку от снега расчистил для народа – доброе дело. А если умер за родину, вообще герой. Ибо поступок героя в наибольшей степени отвечает эгоизму большинства.

«Разумные» эгоисты, с точки зрения Чернышевского, – это люди, умеющие получать удовольствие от того, что отвечает интересам большинства. Чернышевский считал, что все люди когда-то поймут, что им по-настоящему приятно. Осознают свои истинные интересы. Ведь это часть эволюционного процесса. Когда общество будет построено по уму, как в его Хрустальном дворце, то есть без суеверий, эксплуатации, войн, нищеты и других пережитков неандертальского существования, все станут «разумными» эгоистами. И мы войдем в разумно устроенный технократический рай.

То есть эволюцию Чернышевский понимал почти так же, как современные ученые, как движение человеческого вида от простого удовольствия к сложному, только с оговоркой, что удовольствием «новых людей» будет не максимально сложное и отложенное вознаграждение, а удовольствие от удовлетворения интересов большинства населения.

Айн Рэнд бунтует против «интересов большинства». Она считает это главным самообманом человечества. Для Рэнд существуют только индивидуальные интересы. Героиня «Атланта» под конец романа коротко формулирует свое моральное кредо: «Клянусь жизнью, что не буду жить для кого-то другого и не попрошу кого-то другого жить для меня». Может показаться, что в этой фразе мы видим возвращение к «неразумному» эгоизму, о котором писал Чернышевский, пещерному индивидуализму человека, не сознающего своих «истинных» интересов. Но это не так.

Дело в том, что Рэнд совсем иначе понимает «истинные» интересы человека, и понимает их в ницшеанском ключе. Сама Рэнд в интервью не раз отрицала влияние на нее Фридриха Ницше, но бесконечные инвективы в сторону христианства, которые звучат в программной речи Джона Голта, альтер-эго писательницы, из романа «Атлант расправил плечи», не оставляют нам шансов на сомнение. Христос говорил вам: любите ближних, а я говорю: любите себя, учит слушателей Голт. Христос говорил вам: жертвуйте собой ради других, а я говорю вам: не жертвуйте. По мнению Голта, проповедники альтруизма и милосердия, христиане, мистики всех мастей и идеологи коллективизма, социалисты, придумавшие «интересы большинства», мешают развитию свободных личностей и экономики. Идея понятна, но чтение речи Джона Голта оставляют чувство странной недосказанности. Как будто в своих атаках на христианство Рэнд не доходит до конца,

как будто на кончике ее рапиры припаян медный шарик. Ты ждешь, что фраза «Христос говорил вам: жертвуйте собой ради других» закончится логичным противопоставлением, а я говорю: «жертвуйте другими ради себя». Вот что было бы логично. Но Голт осекается и отходит. Почему? Ницше в работе «Антихрист» писал, что христианское милосердие – это декаданс. Милосердие, поддерживая слабых, не дает развиваться сильным. Ницше был последовательным, он говорил: «что падает, то нужно еще и толкнуть». Так говорил Заратустра и недоговаривал Джон Голт. Одним словом, «разумный» эгоизм Айн Рэнд, ее «объективизм», это совмещение утилитаризма Милля и антихристианства Ницше, у которого выбили зубы. Но «облегченное», толерантное, ницшеанство невозможно в природе. Потому что, если ты отстаиваешь право «жить не ради других, а ради собственного счастья», то ты отстаиваешь право жить за счет других. Ибо не существует промежуточного состояния, за исключением жизни в одиночестве на необитаемом острове.

Таковы два вида «разумного» эгоизма. Первый при ближайшем рассмотрении имеет ярко выраженные черты альтруизма (если не по форме, с пафосом которой боролся Чернышевский, то по содержанию), второй, «разумный» эгоизм Айн Рэнд, напоминает версию упрощенного ницшеанства, в котором место сверхчеловека, аскета и творца, занимает коммерчески успешный предприниматель.

Е. К. Прокудина

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, prokudina-elena@yandex.ru)

«КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС» И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Вопрос о роли и значении интеллигенции в жизни современного российского общества уже мало кого волнует. Этот сюжет, столь характерный для русской публицистики в XIX и XX веках, в XXI веке практически исчез со страниц печати.

В чем причина? В том ли, что все труднее выделить этот слой в структуре современного российского общества, или рассуждения об интеллигенции слишком демонстрирует нашу «русскость», а может быть вопрос о людях, способных оказать прогрессивное влияние на умы современников, уже не актуален?

Во времена так называемой «перестройки» и первых лет коренных социально-экономических реформ в нашей стране интеллигенция играла ведущую роль в формировании общественного мнения. Затем эта роль стала уменьшаться, на первый план вышли экономисты, финансисты, чиновники-реформисты и олигархи, которые, как высказывался один из чеховских героев, не говорили, а «дело делали».

Сегодня будущее нашей страны осмысливается в контексте технологического прорыва. Россия должна суметь встроиться в глобальную экономику и занять там место, которое ей будет предназначено. Во властных и экономических кругах все более популярными становятся идеи, которые связывают потенциал развития страны с наличием определенной социальной группы – «креативного класса». Как в представлениях рубежа XIX-XX веков интеллигенция была двигателем прогресса, так на рубеже XX-XXI веков таким двигателем мыслится креативный класс. Напрашивается желание сравнить эти две, на первый взгляд, родственные социальные группы.

Вопрос о роли интеллигенции в жизни страны имеет длительную историю обсуждения на страницах российской печати, особенно во второй половине XIX века. О содержании этих дискуссий можно судить по статьям наиболее популярных мыслителей и публицистов того времени – П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Кривенко.

В 60-е годы XIX века П.Л. Лавров в «Исторических письмах» писал о необходимости личного вклада интеллигента в борьбу за прогресс: «Если каждый человек, критически мыслящий, будет постоянно активно стремиться к лучшему, то, как бы ни был ничтожен круг его деятельности, как бы ни была мела сфера его жизни, он будет влиятельным двигателем прогресса» [2, с. 99]. Главной чертой таких личностей Лавров считал убежденность в необходимости борьбы за справедливое общество. Достигнув высокого уровня интеллектуального развития, они обязаны были сохранить обостренное чувство социальной справедливости, руководствоваться общественным интересом и глубоко сочувствовать всем «униженным и оскорбленным».

В конце XIX века, после отмены крепостного права, в России стал быстро формироваться слой новых собственников, а точнее, земельной и промышленной буржуазии. Тогда вопрос о взаимоотношении интеллигенции и нового общественного класса активно обсуждался и вызывал большой интерес. Именно в этих спорах формировались взгляды на место интеллигенции в будущем российском социуме.

Каковы итоги этих дискуссий? Один из активных участников обсуждения С.Н. Кривенко в 1881 году писал, что по-прежнему вопросы: что такое интеллигенция и кого считать интеллигенцией, какова ее роль и имеет ли она право на существование – далеко не ясны. Недостаточно определено самое слово интеллигенция, которому придается то политический, то экономический, то образовательный смысл [1, с. 107]. Он подчеркивал, что интеллигенция «не составляет какой-нибудь отдельной партии или экономического класса» [1, с. 108]. Но это не мешает ей иметь общие признаки, по которым ее можно выделить из других социальных групп. Объединена она может быть, по мнению С.Н. Кривенко, только «общими интересами и желаниями, которые сводятся у нее не к политическим и экономическим привилегиям и господству, а к свободе слова, к свободе мысли, совести и деятельности на общественную пользу» [1, с. 112].

В статьях конца XIX века, когда буржуазное влияние на хозяйственную жизнь становилось все более заметным, то и дело возникал вопрос, можно ли отнести к интеллигенции купцов, фабрикантов, заводчиков, если они люди образованные. Интеллигенция они или буржуа?

Тот же Кривенко писал, что интеллигенция и буржуазия могут, при известных обстоятельствах и до известных пределов, идти рядом, но смешивать их, тем не менее, нельзя и главное обстоятельство, которое позволяет безошибочно отличить интеллигенцию от буржуазии – это то, что она не принимает «вместе с буржуазией непосредственного участия в разрушении народного благосостояния, и по самой своей сущности враждебна буржуазии», потому что враждебна всему тому, что не «клонится к народной пользе и нуждам» [1, с. 112]. Еще более радикально высказывался на эту тему Михайловский. В 1882 году он писал: «Русская интеллигенция и русская буржуазия не одно и то же и до известной степени даже враждебны и должны быть враждебны друг другу; предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова – и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа; наложите на уста интеллигенции печать молчания – и народ будет, наверное, съеден» [3, с. 464].

Обобщая эти высказывания, мы можем представить следующий взгляд на интересующую нас проблему. Интеллигенция предназначена для выполнения важнейшей роли, связанной с обеспечением общественного развития и социального прогресса, ее прерогатива – свобода мысли и критика общественных явлений, свобода деятельности для народного блага.

С. Н. Кривенко отмечал, что «выдвинутая процессом истории и дошедшая до осознания гражданских своих обязанностей, она (интеллигенция. – *Е. П.*) должна всецело отдавать себя общественному делу и, прежде всего, думать об этом деле, а не о себе, не о своем благосостоянии. И существует она «постольку, поскольку нужна народу, и до тех пор существует, пока в ней имеется необходимость» [1, с. 112]. «Стремись улучшить положение большинства, – писал Лавров, – то, чем ты пожертвуешь из сегодняшних благ с этой целью, возвратится тебе в сознании, что ты на одну каплю уменьшил болезнь общества, болезнь и тебе приносящую страдание» [2, с. 93].

Таким образом, главной жизненной задачей интеллигентов XIX века, их исторической миссией была борьба за «народное благо». Как пишет наш современник профессор А.А. Ширинянец: «Политическая культура русской интеллигенции включала широкий спектр переживаний, верований, символов, ориентаций, традиций, установок и ценностей», но основой ее, идей, одухотворяющей этот комплекс «переживаний», была идея «неоплатного долга» перед народом, «народолюбие» [5, с. 93].

А каким себя видит «креативный класс»? В чем его миссия? Создатель теории «креативного класса» Р. Флорида, считает, что в ближайшие 10 лет он будет главной движущей силой мирового экономического роста.

Составляющие его люди «стремятся любыми путями реализовать свою креативность» [4, с. 42] и поэтому, «демонстрируют стойкую приверженность индивидуальному своеобразию и самоутверждению» [4, с. 94].

Как это похоже на «борьбу за индивидуальность» у Н.К. Михайловского и лавровское развитие в «физическом и умственном отношении», вот только нет стремления к «воплощению в общественных формах истины и справедливости». Все похоже, кроме основных для XIX века признаков прогрессивного мышления – открытости и демократизма. Если тогда интеллигенты пытались «всеми силами слиться с народом» и вернуть ему «неоплатный долг», то «креативная» интеллигенция нашего времени замыкается в своих «кластерах» (компактных районах проживания) и, по сути, противопоставляет себя не-креативному серому большинству соотечественников. Б.Ю. Кагарлицкий отмечает, что, если следовать логике высказываний наиболее последовательных апологетов новой идеологии, «креативному классу все должны... Все слои и группы общества должны преклониться перед его креативностью» [6].

Таким образом, при внешнем сходстве интеллигенции прошлого и «креативного сословия» современности, есть принципиальные различия в их мировоззренческих установках и можно сделать вывод, что речь не может идти о преемственности или продолжении традиции.

Список литературы

1. Кривенко, С. Н. Собр. соч. / С. Н. Кривенко. – СПб., 1911. – Т. 2.
2. Лавров, П. Л. Исторические письма / П. Л. Лавров. – СПб., 1906.
3. Михайловский, Н. К. ПСС / Н. К. Михайловский. – СПб., 1909. – Т. 6.
4. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Классика – XXI / Р. Флорида. – М., 2007.
5. Ширинянц, А. А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли / А. А. Ширинянц. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
6. Кагарлицкий, Б. Ю. Загадка «креативного класса» [Электронный ресурс] / Б. Ю. Кагарлицкий. – Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2012/09/16/riddle/>

И. В. Протченко

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
Protchenko@bsu.by)

«ЗЕЛЁНАЯ» ЭКОНОМИКА И ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

В XXI веке идея «озеленения» экономики не только становится все более популярной, но и вызывает оживленные дискуссии. Эксперты некоторых стран считают, что переход к новой экономической модели будет ограничивать возможности роста экономики и препятствовать решению многих социальных проблем.

Необоснованность таких опасений пытались развеять в 2008 г., когда Программа развития ООН по окружающей среде (ЮНЕП) выступила с докладом «Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности». ЮНЕП дает такое определение «зеленой» экономике: это экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение. «Зеленая» экономика – это экономика с низкими выбросами углеродных соединений, которая эффективно использует ресурсы и отвечает интересам всего общества. Для того чтобы будущие поколения не жили в условиях значительных экологических рисков и экологического дефицита, необходимо уже сейчас переходить к «озеленению» экономики. ЮНЕП в своем докладе выделяет 10 отраслей, которые нуждаются в инвестициях, направленных на предотвращение утраты биоразнообразия и повышение эффективности использования энергии и ресурсов. Это – сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, энергетика, рыболовство, лесное хозяйство, промышленность, туризм, транспорт, утилизация и переработка отходов, управление водными ресурсами. В докладе ЮНЕП было подчеркнуто, что «озеленение» экономики не тормозит, а, наоборот, стимулирует экономический рост, создает новые рабочие места, способствует устранению хронической бедности. Также там дано экономическое обоснование необходимости использования государственных и частных инвестиций для преобразования тех секторов экономики, которые критически важны для перехода к глобальной «зеленой» экономике и на конкретных примерах показано, как увеличивается занятость за счет создания «зеленых» рабочих мест, продемонстрировано, каким образом «зеленая» экономика уменьшит хроническую бедность в ряде важных секторов, даны рекомендации для осуществления перехода к «зеленой» политике, требующие уменьшения или устранения экологически вредных или неграмотных субсидий [1].

Для перехода к «зеленой» экономике должны быть созданы способствующие этому условия. К таким условиям относятся соответствующие национальные нормативно-правовые документы. Существующие же сегодня условия благоприятствуют и способствуют сохранению «коричневой» экономики, которая, помимо прочего, в высокой степени зависит от энергии, извлекаемой из ископаемого топлива.

В своем докладе ЮНЕП подчеркивает, что если на протяжении 2012–2050 гг. вкладывать всего 2 % от мирового ВВП не в «коричневую», а в «зеленую» экономику, то с течением времени улучшатся не только долгосрочные экономические показатели, но и благосостояние всего населения мира. При этом запасы возобновляемых ресурсов увеличатся, а риски для окружающей среды уменьшатся. Например, специалисты ЮНЕП подсчитали, что при переходе к «зеленой экономике» мировая потребность в энергии сначала несколько увеличится, но к 2050 г., в основном благодаря су-

щественному повышению энергоэффективности, вернется к нынешнему уровню – то есть будет на 40 % меньше, чем в сценарии обычного развития. Зато связанные с энергетикой выбросы углекислого газа к 2050 г. сократятся на треть по сравнению с их нынешним уровнем, а концентрация этих выбросов в атмосфере достигнет уровня, необходимого для ограничения глобального потепления двумя градусами Цельсия. В некоторых секторах, там, где природные ресурсы значительно истощены (например, в рыбном хозяйстве), произойдет временное снижение занятости и доходов, и это потребует осуществления программ переквалификации рабочей силы [1]. По мнению авторов доклада, для достижения наилучшего результата в «озеленении» экономики должны объединиться мировые лидеры, гражданское общество и бизнес.

Конференция ООН по климату (COP21) в Париже (2015 г.) показала, что достижение согласия по многим экологическим вопросам пока очень сложно, но возможно. Перед участниками саммита стояла задача разработать новое многостороннее соглашение по борьбе с угрозой изменения климата. Причем под изменением климата подразумевается проблема глобального потепления, которую большинство экспертов связывают с выбросом вредных веществ, прежде всего углеводородов, в окружающую среду. Стороны должны были договориться о недопущении повышения средней температуры на планете более чем на два градуса Цельсия путем сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу. Однако переориентация экономики на возобновляемые источники энергии для многих стран принципиально неприемлема. Об этом напрямую говорили лидеры развивающихся стран. Например, Премьер-министр Индии Наренда Моди заявил, что слабым экономикам нужны привычные виды энергии и необходимо проводить большую работу для того, чтобы очистить привычные виды энергии, а не прекращать их использование. Кроме того, развивающиеся страны выразили беспокойство в том, что мировые лидеры не испытывают большого желания финансировать экологические проекты [2].

В результате 12 декабря 2015 г. в Париже представители 196 сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (195 стран и Евросоюз) заключили новое соглашение ООН, которое определит после 2020 года объемы выбросов парниковых газов и меры по предотвращению изменения климата. Конечно же, разногласия между странами сохраняются. Добиться принятия равного подхода среди развитых и развивающихся стран за время проведения конференции так и не удалось. Развитые страны обязались выделять ежегодно 100 млрд долл. США развивающимся странам на борьбу с климатическими изменениями, начиная с 2020 года (когда закончится действие Киотского протокола и начнется действие Парижских соглашений). Однако никаких юридических последствий за невыполнение этих обязательств в соглашении не предусмотрено. Более того, было предложено пересмотреть сам подход к определению развивающихся стран, так как некоторые из них сделали значительный экономический рывок и сами мо-

гут вносить существенный вклад в борьбу с климатическими изменениями (например, Китай, Индия) [3].

На этом противоречия не заканчиваются. Для вступления в силу Парижское соглашение должно быть ратифицировано странами-участниками. В документе не предполагается отказ от ископаемого топлива, общемировые выбросы двуокиси углерода (СО₂) не ограничиваются. Однако все без исключения страны должны принять свои национальные цели по снижению выбросов, технологическому перевооружению и адаптации к климатическим изменениям [4].

Предоставление странам возможности самостоятельно определять для себя допустимый уровень «климатической нагрузки» на экономику облегчил процесс подписания договора. Собственно сам факт подписания можно считать успехом и некой кульминационной точкой усилий ООН за последние более 20 лет в согласовании подхода к вопросу изменения климата. Ведущие страны мира открыто многократно заявляли, что важен сам факт достижения во многом компромиссного решения и не повторения сценария 2009 года, когда стороны не достигли приемлемого решения на саммите ООН в Копенгагене.

Список литературы

1. Навстречу «зеленой» экономике: путь к устойчивому развитию и искоренению бедности : обобщающий докл. для представителей власт. структур // Программа ООН по окружающей среде. – Найроби : ЮНЕП, 2011.
2. Главы государств на климатическом саммите в Париже: миру нужно новое климатическое соглашение / Товариства «Зялёная сетка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://greenbelarus.info/articles/03-12-2015/glavy-gosudarstvena-klimaticheskom-sammite-v-parizhe-miru-nuzhno-novoe>. – Дата доступа: 08.02.2016.
3. Парижское соглашение: история не только о климате / LB.ua [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economics.lb.ua/state/2015/12/22/324079_parizhskoe_soglashenie_istoriya.html. – Дата доступа: 08.02.2016.
4. Greenpeace: парижское соглашение по климату изменит мир / РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20151212/1341080441.html#ixzz3zaDbYBbV>. – Дата доступа: 08.02.2016.

И. В. Радиков

(Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, ivirrad@gmail.com)

СМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРОВ ВЛАСТИ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА И ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Чуть более 30 лет назад многими авторами была предсказана новая тенденция в развитии политического процесса: смещение центров власти

во всех ее проявлениях. Например, Э. Тоффлер (1990 г.), говоря о начале эры смещения власти, имел в виду распад всех существовавших в мире прежде властных структур и зарождение новых. При этом смещение власти, по его мнению, означает не простое перемещение власти, а ее трансформацию. Термин «политическое поле», введенный П. Бурдьё, не подразумевал какой-либо центрированности. Дж. Нейсбит заявлял о «крушении пирамиды» (1982 г.), в числе девяти основных тенденций, определяющих характер эволюции современного общества, называл движение от «централизации к децентрализации» и приводил в своих исследованиях множество фактов, свидетельствующих о распространении «мягких» управленческих моделей, децентрализации процесса принятия решений («Мегатренды»). Р. Страссольдо, рассуждал о том, что концепт «центр-периферия» скоро будет отброшен как полностью irrelevantный изменившимся условиям, а люди научатся «жить в мире без центра» (1980 г.).

Понятие «центр», как это показывает Жан Лапонс, нерасторжимо связано с понятием «власть». Центру в этом смысле отдается роль не только творящей сообщество, но и упорядочивающей его и руководящей им силы. Не случайно образ центра просвечивает сквозь почти любой аналитический дискурс о власти. Это, в частности, подтверждает хрестоматийное веберовское определение власти: «Власть означает любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю, даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана».

Субъектов политической власти множество. Но не каждый субъект власти политической может считаться реальным центром властвования. Сам факт обладания властными полномочиями подчеркивает лишь политическую статусность носителя власти, которая в политической жизни, практике может оставаться формальной, а также деформированной. Поэтому К. Шмитт признавал подлинной властью лишь способность к принятию предельного, чрезвычайного, не подотчетного никаким внешним инстанциям решения, «которое освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле слова абсолютным», побуждает задаться вопросом о месте принятия такого решения, о его локализации в социальном пространстве – и определить это место как центральное.

Центры пытаются властвовать над перифериями; в этом смысле всякая власть стремится к экспансии, к наполнению и пропитыванию собственными эманациями всего социального пространства, к его упорядочиванию согласно заданным параметрам и стандартам. Центр существует постольку, поскольку ищет и в некоторой степени достигает господства над перифериями; усилия центра обычно ограничиваются традициями (как его собственными, так и периферийными), недостаточностью ресурсов и возможностей, а также сопротивлением периферий, пассивным или активным. Отношения центров и периферий – не однонаправленное

доминирование, но сложная циркуляция взаимных ориентаций. Периферии часто во всех смыслах ориентированы на центр, как субъективно, так и в плане действия.

В настоящее время в мировой политике происходит смещение, а не смена центров власти. Спустя 70 лет заканчивается эпоха, провозглашенная Фултонской речью отставного политика У. Черчилля (5 марта 1946 года). Мир по Черчиллю предполагал, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира.

Началом реальной смены или смещения центра власти в мировой политике стал конец гегемонии (господства) сначала двух сверхдержав (биполярный мир), а затем и одной (однополярный мир).

Тенденция к перераспределению сил между основными мировыми центрами все больше набирает силу. Налицо поляризация сил в мире. К. Райс, выступая в Джорджтаунском университете в январе 2006 г., вынуждена была констатировать: что в XXI веке растущие нации: Индия, Китай, Бразилия, Египет, Индонезия, Южная Африка во все большей степени будут определять ход исторического развития. Углубляется напряженность в отношениях между Западом и исламским миром. Завершается 500-летнее владычество Запада, еще недавно казавшееся непоколебимым. Его геополитический вес падает по мере снижения демографических показателей. В 1900 г. на Западе жило 32 % мирового населения, сегодня – 16 % и продолжает быстро сокращаться. В конце XX в. страны БРИКС выполняли функцию снабжения стран G7 дешевым продовольствием, интеллектуальной и рабочей силой, минеральным сырьем, а также товарами массового потребления. Спустя 15 лет развивающиеся страны кардинально изменили расстановку сил в мире. Аналитическая служба World Organization of Creditors (WOC) считает, что в скором времени к БРИКС присоединятся страны Казахстан и Индонезия, а аббревиатура БРИКС изменится на БРИКСИК.

Уже в 2015/16 гг. суммарный объем экономик стран БРИКС может обогнать США, и доля стран БРИКС в мировой экономике превысит 20 %. В то время как страны G7 теряют власть и лидерство, страны БРИКС набирают силу и союзников для смены мирового лидерства. Статистика Всемирного банка показывает, что в период с 2000 по 2012 г. странами со средним уровнем развития, а это 5 млрд человек, т.е. 70 % населения всей планеты – руководят лидеры стран БРИКС.

Необходимым условием трансформации существующих центров власти является, во-первых, появление государства (или союза), недовольных сложившейся расстановкой сил, обладающего решительностью отстаивать свои интересы и способного по своей экономической, технологической и (или) военной мощи бросить вызов доминирующему центру; во-вторых, неспособность существующего центра власти принимать всех устраивающие глобальные политические решения.

Распад прежних властных структур не обязательно приведет к зарождению новых, он может сопровождаться реверсивным движением, возвращением прежних центров власти. О смещении центра власти, например, свидетельствуют вполне вероятные возможности того, что интегрированная Европа может вернуться к национальным государствам в качестве основной формы политической жизни на континенте. Европейский Союз может уцелеть в какой-то форме, но европейская экономика, политика и военное сотрудничество будут управляться преимущественно двусторонними или ограниченными многосторонними партнерствами, имеющими узкую направленность и не включающими в процесс принятия решений всех участников.

История подтверждает: смена мирового порядка (а явления именно такого масштаба мы наблюдаем сегодня), как правило, сопровождалась если не глобальной войной, не глобальными столкновениями, то множеством интенсивных конфликтов локального характера. Отсюда, смещение центров власти, как процесс ее трансформации, будет сопровождаться ожесточенным сопротивлением прежнего гегемона, попытками сохранения своего господства.

Процесс смещения центров власти, как заметил еще Э. Тоффлер, происходит на всех уровнях человеческого общества. Одним из базисных принципов парадигмы постсекулярной эпохи (начиная с последней четверти XX века) становится отход от представлений о государстве как единственном доминирующем центре власти и возможности возвращения религиозного в качестве еще одного такого центра. Состоявшаяся встреча Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы римского Франциска 12 февраля 2016 года свидетельствует о возможности повышения роли христианства в мировой политике.

Внутренние проявления изменений центров властвования обуславливаются процессами демократизации: они объективно расширяют количество политических акторов, тем самым изменяя пирамидальную структуру власти, смещая процесс принятия политических решений в направлении убывания авторитарности.

И. Ю. Рублевский

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
ilyharub@yandex.ru)

БРАЗИЛИЯ И ЕЁ УЧАСТИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ КАК ФАКТОР ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Федеративная республика Бразилия в настоящее время является активным участником геополитических событий и выступает одним из значимых регуляторов мировых процессов на международной арене. Политическая элита страны приложила огромные усилия в конце XX и начале

XXI вв. для того, чтобы сформировать новый имидж страны: успешной в плане развития экономики, инициативной во внешнеполитическом взаимодействии, активной в противодействии внешним угрозам и вызовам, гостеприимной в проведении значимых событий международной жизни.

Текущая внешнеполитическая жизнь Бразилии строится на ее восприятии на международной арене в качестве потенциального мирового лидера в когорте развивающихся стран. До 2015 г. Бразилия смогла создать прочный плацдарм для ее восприятия в качестве регионального лидера; в международных организациях она выступает активным поборником и защитником слаборазвитых стран, и особенно стран с развивающейся экономикой.

С интересами этого государства приходится считаться не только странам Западного полушария, но и всем видным представителям европейского и мирового истеблишмента.

По размерам своей территории и по численности населения Бразилия входит в пятерку крупнейших стран мира (8,5 млн кв. км и 196 млн человек), а по объему ВВП (2,244 трлн долл.) в десятку крупнейших экономик мира [1, с. 15].

К тому же Бразилия является крупнейшей страной своего региона, которая граничит фактически со всеми государствами, за исключением Чили и Эквадора, и в Бразилии проживает треть населения Южной Америки, что не может не отражаться на ее роли в качестве регионального лидера [2].

Сфера внешней политики и международных отношений является фундаментальной основой всех крупных государств, и как многие государства, Бразилия в 4 статье своей Конституции от 1988 г. закрепила принципы невмешательства, самоопределения народов, международного сотрудничества и мирного разрешения конфликтов в качестве базовых во взаимоотношении с другими суверенными государствами [3].

Ввиду своего статуса в качестве потенциального мирового лидера Бразилия руководствуется принципами устойчивого развития, равноправных торговых отношений, борьбы против бедности и терроризма при заключении соглашений и договоров, а также при объявлении своей позиции по тем или иным вопросам на сессиях в международных организациях и учреждениях. Существующая система внешней политики в Бразилии сконцентрирована на активном участии в международных форумах, на оказании содействия развивающимся и слаборазвитым странам, а также на активной экономической внешней политике в противовес интересам США в этом регионе [4].

Мировая рецессия и стагнация экономического развития диктует иные условия восприятия концепции интеграции и единства на международной арене, в частности, активные участники латиноамериканской интеграционной политики (Бразилия, Аргентина, Венесуэла) пересматривают свою роль в действующей внешнеполитической доктрине, а на главный план выходят вопросы национальных интересов. Политика спонсирования отстающих стран региона за счет дешевых «нефтяных» денег отходит на задний план, поскольку лидеры латиноамериканской интеграции натолкну-

лись на ряд серьезных проблем внутри своих государств, таких как – реструктуризация внешнего долга, снижение роста ВВП, повышение уровня инфляции, диверсификация промышленной базы, сокращение социальной налоговой нагрузки, девальвация национальной валюты.

Наряду с имеющимися экономическими трудностями не забывают о себе напомнить давнишние замороженные политические пертурбации: высокий уровень коррупции в среде политической элиты, маргинализация представителей гражданского общества и отсутствия диалога с действующей властью, популизм и недействующая риторика по международным интересам в обход национальных [5].

Бразилия как прагматичный «спонсор» программ региональной и глобальной интеграции нуждается в перезагрузке внутриполитических и экономических процессов для продолжения линии своей внешнеполитической доктрины. К тому же, страны-союзники меняют состав своих политических элит либо близки к этому (в Аргентине на смену киршнеризму пришли либералы во главе с Маурисио Макри, которые в своей политике ориентируются не на старые программы взаимодействия в Латинской Америке, а отвержены проамериканской позиции в угоду обслуживания своего национального долга; в Венесуэле уровень кредитного доверия опустился до «мусорного», напечатанные боливары прилетают в ящиках на самолете, что означает скорый конец политике чавизма в лице неумело скоординированного в действиях Николаса Мадуро), что в итоге приведет к смене приоритетов экономической и политической интеграции в регионе.

В принципе, нас может ожидать следующий сценарий – ряд организаций региона претерпят девальвацию в своей деятельности, а их существование будет носить сугубо декларативный характер (показателен пример УНАСУР – Союз южноамериканских наций – которая создавалась с целью выстраивания и налаживания политической и экономической связи в регионе, но та же УНАСУР дискредитировала себя в лице мирового сообщества, когда вышла на защиту популистской демократии в Венесуэле в условиях массового подавления народных выступлений и акций политической оппозиции), другие же, как МЕРКОСУР, будут вынуждены менять свой подход к изначально сформированной программе действий [6].

Стоит заметить, что именно МЕРКОСУР смогла сохранить истинные цели и достоинства как организации Общего рынка на пространстве латиноамериканских стран. Долгое время именно эта организация затыгивала пояс сотрудничества с ЕС и странами АТЭС в экономической сфере, сетуя на необъективность методов и подходов западных и азиатских стран в выстраивании справедливой тарифной политики.

Как бы то ни было, именно сейчас Бразилия активизировала изменение формата сотрудничества в рамках этой организации в сфере торговли со странами ЕС и Тихоокеанским альянсом (куда не входит Китай).

В сфере глобальных приоритетов для Бразилии актуальным остается вопрос формирования интеграции в рамках БРИКС, но и здесь намечается спад активности ввиду осложнения экономической ситуации в среде участников – Россия, как и Бразилия, стала жертвой нефтедолларовой политики, что сказалось на обеих странах в период массового снижения цен на нефть; Китай вынужден разбираться с рецессией и падением котировок на азиатских рынках, ввиду сокращающихся темпов производства и снижения импорта энергоресурсов, в том числе, из Бразилии и России; Индия и ЮАР остаются на позиции формирования стабильной и устойчивой внутренней политической линии и выстраивания промышленной базы в своих странах.

Тем не менее БРИКС остается действующим не декларативным проектом на международной арене, поскольку с 2008 г. было сделано много для придания этой организации важного статуса ввиду создания институциональных структур и финансовых механизмов, которые призваны стать регулятором экономических и политических процессов в развивающихся странах [7, с. 36].

У всех участников БРИКС имеется общая проблема на фоне перечисленных экономических проблем, а именно, отсутствие единой и действенной программы по борьбе с коррупцией внутри своих стран, поскольку данное явление затронуло интересы не только экономической, но и политической верхушки государств, что вызывает торможение интеграционных процессов и экономического развития [5].

Таким образом, Бразилия на текущий момент времени обязана пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты с учетом реорганизации внутренних политических и экономических процессов, а именно – сфокусироваться на борьбе с инфляцией и обслуживанием внутреннего долга (сейчас составляет 45 % от ВВП страны) [8], провести модернизацию промышленности и отказаться от нефтедолларов как фактора существования экономической среды государства, внедрить наукоемкие отрасли и привести в равновесие спонсирование социальных выплат и программ, вернуться к политике поощрения частного бизнеса и субсидирования экспортноориентированных продуктов; в сфере политики наладить диалог с представителями гражданского общества и оппозиционных партий, провести борьбу с коррумпированными структурами, которые тормозят привлечение иностранных инвестиций, сформировать с учетом действующей международной обстановки новую политическую доктрину взаимодействия и развития в латиноамериканском регионе и на глобальном уровне, отказаться от принципа противодействия США, а прийти к сотрудничеству по необходимым вопросам.

Учитывая эти обстоятельства, можно с уверенностью сказать, что к 2020 г. Бразилия сможет отформатировать все имеющиеся программы сотрудничества и стать образцом устойчивой независимой внешнеэкономической и внешнеполитической линии развития.

Список литературы

1. Paulo Roberto de Almeida «Brics e a Nova Ordem Internacional», (Jorge Tavares da Silva (coord.) (Aveiro: Caleidoscópio-Mare Liberum, 2015, p. 115).
2. «A política externa do Brasil: mais ativa e menos active», Teresa de Sousa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publico.pt/mundo/noticia/a-politica-externa-do-brasil-mais-ativa-e-menos-activa-1671677?page=-1/> – Date of access: 15.02.2016.
3. Constituição do Brasil (red. 2014).
4. CASARÕES, G. Uma política externa à altura do Brasil. O Estado, São Paulo, 9 Set [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.estadao.com.br/noticias/impresso,uma-politica-externa-a-altura-do-brasil,-1072775,0.htm>. – Date of access: 15.02.2016
5. «La corrupción fue tan grande en Sudamérica que se desacreditaron a sí mismos y desperdiciaron grandes oportunidades» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perfil.com/internacional/La-corrupcion-fue-tan-grande-en-Sudamerica-que-se-desacreditaron-a-si-mismos-y-desperdiciaron-grandes-oportunidades-20151025-0008.html> – Date of access: 27.02.2016.
6. Jorge Luís Mialhe «O BRASIL E AS ORGANIZAÇÕES INTERNACIONAIS: Operações de paz, integração regional e o déficit de legitimidade», p. 135 (2014).
7. «Debatendo o BRICS», Instituto da Pesquisa das Relações Internacionais, p. 284, (2015) sob red. A. Patriota, E. dos Santos, Pimentel e outras.
8. «La peor crisis de Brasil en 25 años» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pagina12.com.ar/diario/economia/2-284140-2015-10-19.html> – Date of access: 27.02.2016.

М. А. Саевская

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, masha-saevskaya@yandex.ru)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В. К. ПЛЕВЕ О РУССКОМ САМОДЕРЖАВИИ

В 1902 году В. К. Плеве стал министром внутренних дел, к тому времени он уже имел большой опыт государственной службы и собственный план преобразований во многих областях государственной деятельности. Руководитель политического сыска того времени А. В. Герасимов писал о министре: «Он был крупный человек и знал, куда шел и чего хотел. Его приемники никакой своей политики не имели – плыли по воле волн, принимая решение от случая к случаю» [1].

Вячеслав Константинович не оставил после себя обширных теоретических трудов, но находясь в русле консервативной политической традиции, он стал знаковой фигурой для русских монархистов. Известный идеолог самодержавия того времени, К. Н. Пасхалов писал: «В июне 1904 года погиб от руки подлого убийцы <...> Министр внутренних дел В. К. Плеве, единственный государственный деятель, достойный этого наименования» [2]. Один из руководителей первых монархических партий Российской-

кой империи В. А. Грингмут считал, что Плевел был «единственным препятствием революционному движению» [3].

Современники В. К. Плевел признавали за ним наличие собственной концепции развития государства и единой политической программы, видели в новом министре преобразователя и реформатора. В «Московских ведомостях» писали: «Широкий, ясный взгляд этого непоколебимого ума окидывал всю жизнь народа» [4]. В. А. Грингмут также отмечал, что Плевел «возвышался истинным гигантом своею ясною мыслью» и «глубоким умом...» [3].

Плевел разделял идеи православных мыслителей об особом предназначении Русского государства и считал, что наследственная власть монарха имеет божественное происхождение, а судьба России вверена царю «Божественным Промыслом» [5]. Ставший министром внутренних дел В. К. Плевел вступил в первую православно-монархическую организацию – Русское Собрание. А. Д. Степанов пишет: «Уже самим названием был брошен вызов общественному мнению. Ведь космополитизм в ту пору являлся признаком хорошего тона у русского образованного слоя. Естественно, либеральная печать встретила известие о появлении русского национального кружка в штыки. В адрес его организаторов посыпались насмешки. Однако зубоскальством дело не ограничилось. Был состряпан донос на имя влиятельного в ту пору министра внутренних дел Вячеслава Плевел, который поначалу хотел даже закрыть кружок. Но разобравшись, откуда ветер дует, сам вступил в члены Русского Собрания» [6].

Монархизм В. К. Плевел заключался так же в личной преданности существующей власти, прежде всего, в лице действующего императора. В. И. Гурко замечал, что «Плевел неизменно и щепетильно подчеркивал, что он является лишь проводником и исполнителем царских указаний и иначе как с величайшим почтением о государе, его действиях и словах не упоминал, причем, однако, никогда не прятался за спиной царской власти, чтобы объяснить принимаемые им и не встречавшие общественного сочувствия решения и меры». В беседе с известным в то время англо-еврейским деятелем и публицистом, сотрудником «Times» Люсьеном Вольфом, Плевел высказался, что он «как министр, не либерал и не консерватор: он только верный исполнитель приказаний Его Величества и страж государственной безопасности» [7].

В. И. Гурко справедливо замечал, что В. К. Плевел был убежденным сторонником «сильной и неограниченной монархической власти» [8]. Вместе с тем, Плевел считал, что «самодержавие совместимо с широким местным самоуправлением и гражданской свободой» [5], кроме того он был уверен в том, что Россия уже стоит на пути к народному представительству и «что решение этого вопроса дело недалекого будущего». В своих официальных выступлениях он неоднократно заявлял, что он вообще не считает возможным создавать законы для всей России и Санкт-Петербурга

и что, по его мнению, участие местных сил в обсуждении законодательства являлось необходимым [9]. Главный оппонент министра С. Ю. Витте писал в своих мемуарах о том, что Плеве в молодости «преклонялся перед гр. Лорис-Меликовым, хотевшим положить начало народного представительства» [10]. Однако Плеве полагал, что для начала правительству нужны «сведущие люди», а затем уже выборные представители [9, с. 234]. Он так же считал, что «общественность должна приспособить свои стремления к тем рамкам, которые будут для нее поставлены властью» [5, с. 31].

Для развития идеологической основы монархических устоев Российской империи В. К. Плеве призывал «поработать прежде всего над раскрытием духовной стороны русского самодержавия, намеченной в трудах первых славянофилов, ради очищения автократического принципа и от восточных понятий, и от ереси просвещенного абсолютизма, подставляющего под понятие государства понятие о личности самодержца и заменяющего служебную роль автократического режима на благо народа» [5, с. 31]. В. К. Плеве выделял такое понятие, как русское «историческое самодержавие». Только оно, по мнению государственного деятеля, могло решить стоящие перед государством задачи и должно было «соблюсти справедливое соответствие между всеми» [5, с. 31].

Как опытный государственный деятель, он не собирался сохранять абсолютно неизменной существующую систему государственного устройства. В письме к А. А. Кирееву он писал, что «самые способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении» [11, с. 212]. Однако все должно было развиваться, по мнению министра, «с известной постепенностью», и «только сверху, а не снизу» [12]. Он неоднократно подчеркивал, что всякие решения власти должны быть логически связаны с предыдущими и последующими, «организуя стройную систему, направленную на достижение... сознаваемой цели» [12].

Вячеслав Константинович Плеве был глубоко православным человеком, свято убеждённым в божественном предназначении монархии. По его мнению, только русское «историческое самодержавие» могло решить стоящие перед государством задачи. Как государственный деятель, он стремился к тому, чтобы служить отечеству в соответствии со своим представлением о долге верноподданного. Однако монархизм Плеве вовсе не предполагал восхищения самовластьем и тиранией. Напротив, он отвергал любые формы тоталитарного правления, считая, что исторически сложившееся русское самодержавие не должно иметь ничего общего с западным абсолютизмом или восточным деспотизмом. Будучи сторонником сильной и неограниченной монархической власти, он выступал за широкое развитие местного самоуправления, за постепенное и продуманное развитие народного представительства и усовершенствование государственно-го аппарата.

Список литературы

1. Герасимов, А. В. На лезвии с террористами. Воспоминания / А. В. Герасимов. – М., 1991. – С. 22.
2. Пасхалов, К. Н. Слова и дела / К. Н. Пасхалов // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. – М., 2008. – С. 452.
3. Грингмут, В. А. Вячеслав Константинович Плевел / В. А. Грингмут // Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! – М., 2008. – С. 53.
4. Памяти В. К. Плевел // Московские Ведомости. – 1904. – № 208. – СПб., 1904. – С. 71.
5. Плевел, В. К. Книга русской скорби. Вып. 2 / В. К. Плевел. – СПб., 1908.
6. Степанов, А. Д. Черная сотня. Взгляд через столетие / А. Д. Степанов. – СПб., 2000. – С. 10.
7. Беседа В. К. Плевел с Л. Вольфом // Еврейская старина. – 1916. – № 9. – С. 122.
8. Гурко, В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. – М., 2000. – С. 240.
9. Шипов, Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. – М., 1918. – С. 243.
10. Витте, С. Ю. Воспоминания / С. Ю. Витте. – М., 1960. – Т. 3. – С. 74.
11. Письмо В. К. Плевел к А. А. Кирееву // Красный архив. – 1926. – № 5(18).
12. ГАРФ. – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 4.

В. Н. Семенова

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, vl.semenova@gmail.com)

НЕОФЕОДАЛИЗМ КАК СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ НЕ-ЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВ В XXI ВЕКЕ

Еще в конце 60-х гг. XX в. западные социологи, в частности британец Роланд Робертсон, выдвигали тезис о том, что сфера культуры является решающей для категоризации мира и способна производить изменения не только на уровне больших социальных групп, но и изменения, возникающие на уровне индивидуального сознания. На распространении «универсальных» либеральных ценностей западной демократии и повседневного образа жизни «общества потребления» фактически выстраивались идеи мондиализма и «конца истории». В своей программной статье Фукуяма предсказывал в самом ближайшем будущем «ничем не омраченную победу экономического и политического либерализма» [2, с. 85], а Робертсон видел смысл глобализации во всемирном распространении либеральных ценностей и принципов демократии, выравнивании образа жизни и построении по всему миру общества всеобщего благоденствия.

Мондиалистский сценарий вполне коррелировал с западными постиндустриальными технократическими утопиями, описывавшими в ближай-

шей перспективе: исчезновение глобальных социальных конфликтов; универсализм принципов западной либеральной демократии; деидеологизацию и формирование глобального «общества потребления», выражающего интересы «среднего класса»; безработицу как «обеспеченный досуг». Подобные радужные перспективы ожидали не только развитые государства, но и страны «догоняющей модернизации», которые в результате проводимых экономических, политических и социальных реформ должны были вскоре «подтянуться» под уровень развития западной цивилизации. Данная идея вполне соответствовала просвещенческой парадигме Модерна с ее пафосом окультуривания варварских и диких народов.

В эпоху Постмодерна неомондиалистские проекты «конца истории» временно откладываются, а на первый план выходит неоатлантистская версия конфликта и столкновения цивилизаций.

XXI век, объявленный американскими геополитиками «новым американским столетием», требует отхода от «устаревших» либеральных принципов в международных отношениях. Это подразумевает необходимость сознательного разжигания этнических, религиозных и национальных конфликтов по всему миру, а также усиление глобального столкновения цивилизаций с последующим перспективным разрешением данного конфликта в пользу западного атлантизма.

Соответственно, западная цивилизация (The West) стремится всеми возможными способами подтолкнуть не-западные страны (The Rest) к стратегическому выбору своей культурно-цивилизационной ориентации. «Конец истории», который в американской геополитике никто не отменял, настоятельно требует ускорить процессы культурной самоидентификации не-западного мира. Поэтому радикализация цивилизационного выбора не выглядит таким уж невозможным шагом.

Если раньше Запад ставил своей целью «втягивание» не-западных стран в орбиту своего культурного и идеологического влияния, то сегодня задача заключается практически в обратном: не дать не-западным государствам времени для осмысления происходящего и для поиска компромиссного решения своих цивилизационных проблем, в частности, нахождения возможностей гармоничного сосуществования, например, западных технологий, достижений медицины и образования, и религиозных особенностей не-западных культур. Если в эпоху Модерна Запад мечтал цивилизовать варваров и дикарей, то в эпоху Постмодерна он мечтает свергнуть в варварское состояние практически весь не-западный мир.

Логичным завершением процессов радикализации цивилизационного выбора станет выстраивание новой «линии дружбы», водораздела между цивилизованным миром и не-западными цивилизациями, обреченными на постоянные вялотекущие этнические и религиозные конфликты, деградацию экономической и социальной сферы.

Неофеодализм становится современной политической реальностью для всего не-западного мира. Африканский континент фактически «списан» современной геополитикой, он переходит к неофеодализму из слабого модерна, поверхностного, искусственно привнесенного извне и лишь немного прикрывавшего дремлющую архаику. Погружаются в неофеодализм и страны Латинской Америки, для многих из которых характерна скрытая гражданская война, клановая система контроля территории, коррупция, недейственность государственных и полицейских структур. Растущая популярность исламского религиозного фундаментализма делает возможным архаизацию и части исламского мира.

Для неофеодализма характерна деградация крупных и сложных систем, свойственных индустриальной эпохе; появление автаркичных регионов с местными иерархиями; разрыв внешнеэкономических связей и создание новых полутоталитарных режимов; жесткое социальное расслоение: поддержание достаточно высокого уровня жизни для местной элиты и возможность ее потенциального инкорпорирования в элиты развитых стран и деградация основной массы населения в варварское состояние.

Конечной целью для Запада является радикализация цивилизационных противоречий, выстраивание новой «линии дружбы» и погружение так называемых нецивилизованных стран и народов в «новое средневековье» (неоархаика). Данный сценарий в перспективе способен выстроить благоприятную для Запада мировую политическую конъюнктуру: устранение «лишних» политических игроков; более четкий контур нового врага всего цивилизованного мира («международный терроризм», «исламофашизм» (Норман Подгорец) и т.п.); аккумуляция военно-политических и культурно-идеологических ресурсов западного мира для завершения проекта «конца истории».

Серьезные перспективы для неофеодализма обнаруживаются не только в политической, но и в социально-экономической и духовной сферах развития обществ догоняющей модернизации.

Широкое использование в гуманитарной науке начала XXI века понятий «новое средневековье», «новое варварство», «неофеодализм», «ветнамизация территории», «бразилизация мира» и т.п. призвано отметить парадоксальную логику Пост-современности. На место достижений Модерна, сворачивание которых начинается с середины 70-х гг. прошлого века (в политической сфере – это неоконсервативный поворот, в экономической – неолиберальный) приходят две, на первый взгляд, противоречивые тенденции. С одной стороны, это процессы, связанные с развитием постиндустриального и информационного обществ: информационная революция; «информация и знание» вместо «труда и капитала»; деидеологизация и формирование «общества потребления», выражающего интересы «среднего класса»; безработица как «обеспеченный досуг». Уже отмечалось, что в 60–70-х гг. XX века в программных произведениях Д. Белла, Д. Гэлбрейта, Э. Тоффлера, З. Бжезинского активно продвигались идеи

построения нового «общества всеобщего благосостояния», что удачно коррелировало с мондиалистскими проектами «конца истории», всемирного правового государства, «нового мирового порядка». Вторая тенденция, контуры которой были очерчены в работе Д. Гэлбрейта «Неофеодализм» (1961), проявила себя в 90-х гг. XX века и является оборотной стороной технократических утопий.

Говоря о социально-экономическом развитии в первой трети XXI века, в так называемое время «после либерализма», И. Валлерстайн, наряду с рядом других авторов левой направленности, например Н. Хомским, предсказывает «абсолютное и относительное снижение численности средних слоев в процессе производства, включая отрасли сферы услуг. Наряду с этим будет продолжаться нынешняя тенденция к сокращению государственных бюджетов, которая в конечном итоге несет самую большую угрозу средним слоям населения» [1, с. 39]. Представители так называемого среднего класса сегодня оказываются перед реальной угрозой быть деклассированными. До недавнего времени эта опасность существовала в основном для стран догоняющей модернизации, где процент среднего класса невысок и сохранять необходимые статусные показатели ему достаточно сложно. Однако с середины 70-х гг. XX века в развитых западных государствах (прежде всего, в США и Великобритании) в рамках неоконсервативного проекта начинается «демонтаж демократии», последствия которого становятся очевидными в 90-х гг. В начале XXI века социальная структура, свойственная странам второго и третьего мира, начинает распространяться и на развитые страны Запада. Подтверждением данного тезиса является сокращение средних слоев населения, их неустойчивое положение; всеобщее распространение ненадежного наемного труда и социальной незащищенности; формирование общества «глобального риска» (У. Бек). Наиболее очевидным сценарием развития для стран догоняющей модернизации, а в перспективе и для развитых западных государств может оказаться «новое средневековье», «неофеодализм», удачно сочетающий анархо-капитализм с полицейскими методами внеэкономического принуждения.

В перспективе неофеодализма будет наблюдаться резкий разрыв благосостояния и доступа к благам цивилизации между элитой и основной массой населения, чье существование грозит оказаться не только в плену бедности и нищеты, но и в плену нового варварства и невежества. Неустойчивое положение средних слоев населения заставит последние стремиться поддержать свой существующий status quo «обслуживающего персонала», прежде всего, за счет индивидуального «интеллектуального капитала».

Список литературы

1. Валлерстайн, И. После либерализма / И. Валлерстайн. – М., 2003.
2. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 84–118.

И. Н. Сидоренко

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
Iri_na2000@rambler.ru)

«ПАРТИЗАН» В ЭПОХУ КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОГО

Современный мир стремительно меняется: война из преступления превращается в полицейскую акцию; разрозненные проявления терроризма трансформируются в глобальный терроризм; происходит размывание границ национальных государств, что, в свою очередь, лишает их права на национальный суверенитет; регулярная война, основанная на принципах Публичного европейского права, превращается в новую «справедливую войну», стремящуюся к тотальности и т. д. В целом, все изменения, с которыми сталкивается глобализирующийся мир, можно определить вслед за немецким мыслителем и юристом Карлом Шмиттом кризисов политического.

Одним из основных признаков кризиса политического является то, что большинство современных западных государств и республик постсоветского пространства успешно подменили политику экономикой, торговым сотрудничеством и государственным администрированием. Если на уровне внешней политики еще принимаются политические решения, то на уровне внутренней политики менеджеры от политики впадают в соблазн построить управленчески совершенное государство, которое всегда остается одинаково нейтральным. Так, доминирующим в современном глобализирующемся мире становится особый тип государственного образования, которое представляет собой квази-государство, преследующее не политические цели, а чисто экономические выгоды, напоминая по своему устройству и деятельности коммерческую фирму. Это означает, что принципы и правила организации и функционирования экономической сферы распространяются в современном обществе и на сферу политическую. Поэтому в современном типе государства конечной целью развития является не забота об общем благе, а преследование частного интереса и получение прибыли. Именно в силу этого Шмитт полагает, что полностью сложилось и реализовалось на практике представление о чисто управленческом государстве, которое администрирует, но не правит, и, уподобляясь фирме, видит своей целью не достижение всеобщего блага, а получение различного рода прибыли. Соответственно, у власти в таком глобализирующемся квази-государстве оказываются не политики, а так называемые политические менеджеры и маркетологи, призванные решать экономические и управленческие задачи. Если в традиционном государстве экономическая сфера была подчинена политике и государственным интересам, то в квази-государствах сфера политики подчиняется экономике.

Переживаемую сегодня трансформацию можно конкретизировать как «завершение организованного модерна» и становление общества постмодерна. Для общества «организованного модерна» была характерна

конвенционализация во всех сферах его жизнедеятельности. Вместе с тем, конвенционализация являлась также средством уменьшения общественной неопределенности. Таким образом, до начала 80-х годов XX века социальный мир был, в большей степени, управляемым; тотализация социального надзора вела к исчезновению непрозрачных социальных пространств, а стандартизация поведения обеспечивала укрепление социальной стабильности. В силу этого, войны обществ «организованного модерна» также соответствовали принципу конвенциональности, а их ведение было детерминировано международными нормами и правилами. Это же касается и «холодной» войны, в которой ядерное оружие выступало в качестве противовеса и основания для определенного рода соглашений. Однако сегодня общество «завершенного модерна» трансформируется в общество постмодерна, а зыбкое равновесие мира, основанное посредством конвенциональности, рушится. Отсюда логично предположить, что раз меняется мир, то, следовательно, происходит и трансформация войны. Война из средства политики превращается в саму политику и начинает рассматриваться как «новая конвенция», призванная стать самим миром. Современные войны перестают быть регулярными, превращаясь в иррегулярные «справедливые войны», которые становятся подобны полицейским акциям и приобретают тотальный характер, так как нацелены на тотальное уничтожение, как врага, так и политического как такового. Именно с кризисом политического и возвращением «справедливой войны» возникает в современном мире угроза тотальной войны.

Кто же сегодня, в эпоху размывания национальных культур и ослабления суверенитета национальных государств, способен реализовывать политическое, кто является «солдатом» современной тотальной войны? В работе «Теория партизана» Шмитт отмечает, что именно фигура партизана, заявившая о себе в эпоху Модерна, представляет собой последний оплот традиционного мира и сферы политического [1]. В рамках классического военного права партизан мог быть лишь периферийным явлением, представляя собой либо вид подвижного, но регулярного отряда; либо преступника, стоящего вне норм права, по существу подрывающего правила ведения войны, по отношению к которому не действуют никакие юридические нормы и конвенции. Своеобразная легализация «партизанской войны» и «тотальной войны» происходит уже в эпоху Постмодерна. В частности, современная международная ситуация, события в Ливии, Сирии, Украине демонстрируют усиление «партизанских» и, как следствие, террористических тенденций в ответ на новую волну глобализационных процессов.

Рассматривая основные характеристики партизана, Шмитт выделяет, прежде всего, его нерегулярность. Кроме того для партизана характерна интенсивная политическая ангажированность, что позволяет отличать его от разбойника и преступника, чьими мотивами, прежде всего, выступает личная корысть. Еще одна особенность партизана – повышенная мобиль-

ность, позволяющая наносить неожиданные удары по врагу и быстро скрываться от преследования. Партизан, как говорится, «носит фронт с собой»; военные действия разворачиваются и сворачиваются, где угодно, что ставит противника в тупик. Одновременно с этим, в партизане очень силен теллурический момент, связь с почвой, с автохтонным населением и с географическим своеобразием страны. Именно оборонительный и почвеннический характер партизанских действий создает своеобразную легитимность этому движению. Партизан защищает свой мир и свою землю, поэтому он прав. В практике действий партизана срабатывает особая логика: будучи «вне закона», с точки зрения государства, партизан ссылается на Идею как более высокую форму легитимности, в противоположность обычной законности. В этом смысле, по мнению Шмитта, если партизан не легален, то он действительно легитимен.

В современную эпоху информационно-идеологических и сетевых войн фигура партизана обнажает и свою противоположную сторону, превращаясь, зачастую, в фигуру террориста, возможность и негативные последствия чего Шмитт также предвидел. В качестве характеристик современного глобального терроризма отметим следующие: безграничность и тотальность; детерриторизация и сетевая природа; смешение военных и полицейских задач, что позволяет трансформировать войну в полицейскую акцию под видом «гуманитарной интервенции»; стирание различий между войной и миром, что в принципе, не дает войне завершиться мирным договором. Таким образом, современная война – это тотальная война, и она будет сохранять свой тотальный характер до тех пор, пока партизан или глобальный террорист будут рассматриваться как преступники и, соответственно, выводиться за границы политического. Это не означает, что теракты не являются преступлениями. Задача Шмитта заключается в том, чтобы подчеркнуть, что это политические преступления.

Таким образом, Шмитт акцентирует реальность тотальной войны с терроризмом, которую по определению не возможно ни выиграть, ни проиграть. Вывод однозначен: современный мировой порядок базируется на тотальной войне, а партизан, отражая все характеристики кризиса политического, будет трансформироваться в террориста до тех пор, пока не будет признан как политический субъект. Только тогда, согласно мысли Шмитта, можно поставить границы терроризму как тотальной войне в мирное время, а значит найти решение прекращения этой войны.

Список литературы

1. Шмитт, К. Теория партизана [Электронный ресурс] / К. Шмитт. – Режим доступа: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf>. – Дата доступа: 23.03.2015.

С. Н. Сиренко, А. С. Рыжий

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
ssn27@mail.ru, ryzhy@live.com)

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗОВАННОЙ КРИТИЧНОСТИ

В настоящее время одной из основных площадок социального взаимодействия стал Интернет, при этом социальные сети начинают играть все более важную роль в политике, сфере национальной безопасности, экономике и образовании. Из технического средства они очень быстро превратились в новейший социальный институт, со всеми его признаками. Так, социальные сети служат удовлетворению потребностей членов общества; обладают механизмами регуляции социальных процессов, происходящих внутри сети, инструментами осуществления экономической деятельности. В социальных сетях возможно наличие социальных групп и организаций, призванных удовлетворять потребности своих членов. Социальные сети стали мощным средством в политической деятельности. Практически каждый уважающий себя политик имеет свой аккаунт в социальных сетях и блог-платформах, выкладывает о себе политическую, агитационную и даже личную информацию.

Однако этим новым веб-сервисам, объединяющим людей из разных регионов, стран и континентов, присущи ряд специфических особенностей, делающих их по истине уникальным инструментом социального влияния.

Одной из особенностей является массовость использования и скорость обновления информации в социальной сети. По данным компании Pingdom, число людей, включённых в глобальную сеть Интернет, к концу 2014 года составило 2,5 миллиарда [2], при этом 62 % из них пользуются соцсетями, что является сегодня самой популярной активностью интернет-пользователей. Число пользователей Facebook, хотя бы один раз в месяц посещающих эту соцсеть, в октябре 2015 превысило 1,5 миллиарда человек. Число активных пользователей Twitter в декабре 2015 составило 300 миллионов человек. На Facebook каждый день загружается 300 миллионов новых фотографий. На YouTube каждый день происходит 4 миллиарда просмотров видеороликов. По прогнозам IT-экспертов уже в 2015 году большая часть подключений к Интернету осуществляется с мобильных устройств (мобильных телефонов, смартфонов, планшетных компьютеров, ноутбуков), а не стационарных, что позволит значительной части населения планеты быть постоянно on-line.

Другими особенностями, которые делают социальные сети уникальным инструментом воздействия являются их интерактивность, возможность быстро получить обратную связь, открытость. Не для кого не секрет, что современные социальные сети стали тем самым новым инструментом, который воздействует на умы, желания, поведение масс и об этом утверждении свидетельствуют происходящие процессы в мире.

Феномен флэшмобов, череда революций и протестов произошедших в арабском мире, эффективные действия сетевых структур, способных быстро парализовать огромный государственный аппарат и могущественные ведомства, невозможность эффективно предсказывать и противостоять им показывают, что перед современной социологией и политологией стоят новые вызовы, решение которых их традиционными средствами вряд ли возможно. Современные исследователи (Бородкин, Малинецкий, Ман) указывают, что именно междисциплинарные подходы в их разрешении будут более эффективными [1]. Социальные сети, как один из элементов, были достаточно эффективно использованы в организации массовых волнений в арабских странах, которые в том числе заканчивались сменой руководства страны. Это свидетельствует о том, что социальные сети и микроблоги превращаются из инструмента информирования в инструмент мобилизации [3].

Одной из характеристик социальных сетей, позволяющие понять феномен их сильного влияния, являются самоорганизационные процессы, которые происходят посредством локальных взаимодействий между пользователями сети. Именно эти процессы и делают их столь мощным инструментом социального и политического влияния. Изучать эти процессы возможно с позиции междисциплинарного направления, объединившего в себе достижения математики, информатики и, в том числе, ряда социальных наук – теории самоорганизованной критичности.

Наглядной моделью, позволяющей понять идею самоорганизованной критичности, является куча песка, в которую постепенно добавляют новые песчинки. Постепенно куча растет, но значительных изменений не происходит, пока угол наклона горки не достигнет критического. Тогда незначительное изменение в условиях (добавление одной песчинки) может привести к неожиданно крупным последствиям – сходу масштабных лавин, перестройке всей системы. В этом случае причиной масштабных перестроек является вовсе не последняя песчинка, а то что сама система подошла к критическому состоянию. Лавина в этом случае неизбежна, и причиной для ее схода может стать даже самое незначительное событие. Оказалось, что аналогичных процессов очень много в природе (землетрясения, изменение видов) и социуме (протестные выступления, финансовые кризисы, революции и т.п.).

Процессы схода лавин самих по себе нельзя назвать отрицательными явлениями. Они помогают системе проявлять адаптивное поведение в изменяющихся внешних условиях и длительно функционировать, перестраиваясь. Теория самоорганизованной критичности предлагает для политиков новые подходы для анализа общественной динамики и в том инструменты для воздействия на общество. Вместо сильных воздействий применяется серия небольших, но в нужный момент, а именно, когда система подходит к критическому состоянию.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что развитие социальных сетей открывает перед обществом множество перспектив и дает надежду

на качественный прорыв в самых разных сферах. Феномен социальных сетей сегодня невозможно не учитывать в политике. С точки зрения политики, социальные сети являются интернет-ресурсом с не до конца изученными и раскрытыми возможностями, но потенциал данных веб-сервисов очень велик и роль современных социальных сетей в политических процессах ключевая. Чертой практически всех произошедших выступлений народных масс в странах Северной Африки и Ближнего Востока стало активное использование протестующими глобальной сети Интернет, в частности, различных социальных сетей, для мобилизации протестных настроений, координации своих действий, информирования мировой общественности о происходящих событиях. В социальных сетях пользователи обсуждают свои проблемы и идеи, объединяются в группы по интересам, общаются с единомышленниками из других стран. С учетом приведенной выше статистики по использованию социальных сетей и по результатам многочисленных компьютерных экспериментов можно высказать предположение, что система в данных странах, в то время подошла к критической точке. Также выскажем предположение, что в настоящее время все чаще будет возникать лавинообразные «заражение» идеями в социальных сетях, в том числе и деструктивными. Наиболее значимым шагом в борьбе с распространением многих деструктивных идей мы считаем глубокое всестороннее образование членов общества, которое будет выступать своеобразным фильтром.

Список литературы

1. Малинецкий, Г. Г. Теория самоорганизации: на пороге IV парадигмы / Г. Г. Малинецкий // Компьютерные исследования и моделирование. – 2013. – Т. 5, № 3. – С. 315–366.
2. Римский, В. Л. Коммуникация в социальных сетях как рациональный ответ граждан на условия ограничения их гражданской и политической активности / В. Л. Римский // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН ; Центр социал. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – С. 132–146.
3. Чернобай, А. И. Роль социальных сетей в мобилизации протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в январе–марте 2011 года / А. И. Чернобай // Политические исследования : сб. науч. тр. – Минск, 2011. – Вып. 1 : Идеологические аспекты военной безопасности. – С. 40–47.

Е. В. Скакун

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь, skakun.ev@yandex.ru)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сегодня Беларусь сталкивается с уникальными по своей сущности угрозами и вызовами, которые непосредственно и целенаправленно влия-

ют на национальную безопасность страны. В настоящее время в мире происходит процесс глобализации, который определяет будущее развитие человечества. «Глобализационные процессы весьма серьезно затрагивают внутреннюю политику, но гораздо глубже их воздействие на внешнюю политику государств, на их геополитические стратегии, а также на выработку новых правил поведения все увеличивающегося числа участников международных отношений» [1, с. 8].

На протяжении всей истории человечества проходил устойчивый процесс усложнения социальных систем. Глобальные по своим масштабам кризисы порождают и соответствующие структурные изменения. Сегодня они связаны с разрешением экологических, энергетических, продовольственных, демографических и ряда других проблем, выросших до масштаба планетарных. Перед человечеством встала задача преодоления социального неравенства народов, экономической и культурной отсталости миллионов людей в странах Азии и Африки, распространения международного терроризма, сохранения окружающей среды, развития культуры и науки, сохранения генофонда человечества и свободы личности.

«Важнейшей чертой глобализации является формирование в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но и финансово-информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся человеческая деятельность как таковая» [2, с. 133-134]. Уже сегодня можно с определенностью сказать, что в обозримом будущем глобализация способна радикально изменить не только экономическую, но и политическую, социальную и культурную жизнь мира.

Процесс глобализации содержит в себе внутренние противоречия, не смягчающие, а усиливающие мировое неравенство. В таких условиях политика государств в сфере обеспечения национальной безопасности должна быть ориентирована на сохранение своей экономической самостоятельности (в возможных пределах), культурно-исторической идентичности, что позволит государствам, отстаивающим свои национальные интересы, стать полноценными акторами международных политических и экономических отношений.

В ст. 5 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь сказано: «Интересы большинства человечества затронуты процессами глобализации, которые создают новую объективную реальность и во многом стимулируют мировой прогресс. Вместе с тем ее неоднозначный характер и последствия порождают множественные конфликты интересов. Предпринимаются попытки формирования и навязывания идеологии глобализма, призванной подменить или исказить традиционные духовно-нравственные ценности народов» [3].

Безопасность Республики Беларусь в политической сфере занимает одно из ключевых мест в системе обеспечения национальной безопасности и является одной из главных ее составляющих.

В связи с необходимостью решения ряда международных проблем, для уменьшения степени угрозы республике, нашим правительством были обозначены основные направления нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности.

Среди них можно выделить:

- своевременное выявление, предупреждение и пресечение политико-дипломатическими методами попыток вмешательства во внутренние дела Республики Беларусь со стороны зарубежных государств и их спецслужб, международных организаций, а также иных сил, не являющихся признанными субъектами международных отношений;

- решительное отстаивание национальных интересов в рамках международных организаций и союзов, в том числе регионального характера, содействию укреплению авторитета Республики Беларусь и позиций этих структур в системе международных отношений;

- сохранение глобальной роли ООН и Совета Безопасности ООН в обеспечении международной стабильности и безопасности;

- продолжение последовательного курса в сфере ядерного разоружения, участие в режимах нераспространения, в выполнении посреднических функций при урегулировании конфликтов, миротворческой деятельности под эгидой ООН;

- развитие по периметру внешних границ Республики Беларусь пояса добрососедства во всех его измерениях: военном, политическом, культурном, информационном, социальном и экономическом;

- развитие полноформатных отношений с государствами Европейского Союза, поддержание активного диалога с ЕС по всему спектру вопросов, представляющих взаимный интерес, с перспективой заключения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а также отмены дискриминационных мер в отношении белорусского государства и др. [3].

Геополитическое положение Беларуси, ее весомый военный потенциал никому не позволяют сбрасывать нашу страну со счетов при формировании на континенте устойчивой системы безопасности. Беларусь в свою очередь, опираясь на восточный и западный векторы своей политики, намерена обеспечивать собственные государственные интересы и должна выработать свою линию поведения на международной арене. Во-первых, завоевание политического влияния страной должно основываться на налаживании ее равноправных и взаимовыгодных отношений с соседями, сознательным уходом от вовлечения в мировые конфликты и противоречия. Во-вторых, надо занимать прагматическую внешнеполитическую позицию, основанную на принципиальной равноудаленности от тех или иных блоков сил и прагматическом сближении или отдалении от конкретных коалиций и государств. Тем самым ее общегосударственные интересы будут формироваться на внеидеологической основе, видоизменяясь в зависимо-

сти от конкретной складывающейся ситуации. При таком подходе к внешнеполитическим задачам страна сможет сделать упор на решение экономических и других внутренних проблем. Время показало, что это правильный путь. Беларусь не случайно была выбрана страной, где прошли переговоры об урегулировании конфликта на Донбассе. Эти соглашения помогли значительно снизить интенсивность боевых действий на востоке Украины и, таким образом, спасти многие человеческие жизни по обе стороны конфликта.

Разрабатывая систему национальных интересов в области внешней политики, Беларусь учитывает главные тенденции современного европейского развития, оказывающие прямое влияние, как на внутреннюю, так и на внешнюю политику страны. К числу названных тенденций следует, в первую очередь, отнести политику расширения Европейского Союза и наращивание военного присутствия блока НАТО в Восточной Европе, в первую очередь в Польше, государствах Балтии и Румынии, появление нового очага нестабильности на территории соседнего с нашей страной и Российской Федерацией государства, а именно – на юго-востоке Украины. Соответственно это требует принятия адекватных мер по обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь и Союзного государства.

Превращение Беларуси в непосредственного соседа Евросоюза требует от обеих сторон новых подходов в экономическом взаимодействии. Беларусь вырабатывает оптимальную модель плодотворного сотрудничества с Евросоюзом.

Эта модель основывается на взаимном экономическом интересе, общности цивилизационных процессов, принадлежности к европейской культуре, единстве истории и географического пространства. Тем более и Европейский Союз заинтересован в развитии сотрудничества с Республикой Беларусь в сферах охраны границ, борьбы с нелегальной миграцией и трансграничной преступностью, противодействия торговле людьми, охране окружающей среды, принятии беженцев. Так в феврале 2016 г. представитель Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев Жан-Ив Бушарди находясь в Беларуси, предложил принять сирийских беженцев. Он отметил, что в Беларуси нет большого потока беженцев из Сирии, в отличие от стран Евросоюза. В то же время наша страна, по оценке УВКБ ООН, успешно справилась с немалым потоком переселенцев из Донецкой и Луганской областей Украины, а их в течение 2014-2015 гг. прибыло более 160 тысяч человек. И они получили необходимую помощь в обустройстве.

Конструктивной основой в обеспечении политической безопасности является позиция государства, твердо стоящего на страже самостоятельности своего политического курса, но открытого к диалогу и разумному маневру во всех областях международных отношений.

Список литературы

1. Терновая, Л. О. Парагеополитика / Л. О. Терновая. – М. : Альфа-М, 2012. – 655 с.
2. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / А. А. Коваленко [и др.]. – М. : Инфра-М, 2000. – 344 с.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь № 575 от 09.11.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by>. – Дата доступа: 28.02.2016.

Л. В. Слуцкая

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
l_slutskaya@mail.ru)

О. Е. Побережная

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
Olga14021977@gmail.ru)

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ КАК БАЗОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Современный политический процесс характеризуется все возрастающим значением политической коммуникации, которая выступает своеобразным социально-информационным полем политики. Это обусловлено развитием информационных технологий, сетевых структур, перемещением политики в виртуальное пространство компьютерных и телевизионных коммуникаций. Информационно-коммуникативные технологии, используемые в политической сфере, не только качественно видоизменяют старые представления, установки, стереотипы, но и влияют на политическое поведение, модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами. Символическое пространство политики становится особенно востребованным для установления взаимопонимания между участниками политического процесса, особенно между политической элитой и массами.

Политические коммуникации предоставляют органам государственной власти, политическим партиям, движениям и конкретным политикам возможность целенаправленного информационного взаимодействия с гражданским обществом, в результате которого происходит формирование и корректировка общественного мнения. При формировании современного политического пространства используются различные формы политической коммуникации: политический маркетинг, пропаганда, политическая реклама, PR. Политический маркетинг охватывает все многообразие политических коммуникаций. Основными сферами политического маркетинга являются: государственный политический маркетинг, партийно-политический маркетинг, международный внешнеполитический мар-

кетинг, избирательный маркетинг. В настоящее время он стал разновидностью технологии эффективной социальной деятельности в сфере производства, продвижения социально-проектной деятельности государства и НГО как на национальном, так и на международном уровне.

Политическая пропаганда представляет собой способ массированного, направленного, одностороннего воздействия на обыденное политическое сознание масс, задачей которого является изменение политического поведения людей в интересах достижения политических целей коммуникатора (политической партии, движения, отдельного лидера). С пропагандой тесно связана политическая реклама и PR, которые, тем не менее, не являются тождественными понятиями. Их основные различия заключаются в механизмах, инструментах и целях воздействия. Политическая реклама не направлена на кардинальное изменение модели поведения и политических ориентаций, а побуждает к совершению политического выбора на текущей стадии политического процесса. Её воздействие направлено на группу населения, которая чаще всего уже является носителем конкретных идей, политических стереотипов. Пропаганда, в свою очередь, направлена на переубеждение и полное изменение картины мира индивида. В сравнении с политической рекламой пропаганда более агрессивна и может быть направлена на трансформацию «врагов» в «соратников» и «соратников» во «врагов».

Пропаганда невозможна при отсутствии знаний об адресате. Для повышения эффективности пропаганды необходимо иметь базовые представления о мифах, символах, стереотипах и культурных кодах, доминирующих в обществе. Однако в отличие от политической рекламы пропаганда использует информацию об обществе в целом, а не о выделенных целевых группах.

Различаются и инструменты, используемые политической рекламой и пропагандой. Политическая реклама использует стратегию убеждения, которая направлена на формирование у целевой аудитории потребностей и желаний поступать определенным образом. В политической рекламе могут использоваться манипулятивные технологии, заключающиеся в трансформации потока путем предоставления ложных фактов, частичного искажения информации, сохранения данных в тайне и другие способы, позволяющие оказывать скрытое влияние на аудиторию.

Политическая реклама не может функционировать при отсутствии обратной связи, поскольку политическая реклама может воздействовать и побуждать к необходимым действиям только ту группу, которая уже является носителем конкретных идей и настроений, являющихся основой политических действий. Она функционирует в конкурентной борьбе и направлена на позиционирование объекта рекламирования, при этом образ конкурента чаще всего не затрагивается, чтобы лишний раз не напоминать о нем. Пропаганда изначально может существовать в конкурентном полити-

ческом поле, однако в пропагандистской коммуникации конкурент изображается в качестве врага, который противопоставляется всему социуму. В конечном счете, продуманное пропагандистское воздействие влечет приобретение значительных преимуществ или монополии в коммуникативной сфере той или иной политической силой.

Политическая реклама – диалоговая коммуникация, в которой получатель и адресат обмениваются информацией. Пропаганда базируется на монологе и не предусматривает равноценного обмена данными. Тем не менее для пропаганды важен ответ реципиента, что обеспечивает взаимодействие акторов политического пространства.

Политическая реклама находится в тесном коммуникативном взаимодействии с политическим PR, который направлен на создание благоприятной информационной среды [1, с. 56-57]. Он состоит из ряда действий: пресс-релизы, организация конференций, интервью, благотворительные и общественные проекты, участие в публичных мероприятиях [2, с. 77]. Но реклама в PR – это только часть определенных действий. PR – это разноплановая деятельность, которая характеризуется не только подготовкой и распространением информационных сообщений определенного формата, но и организационной деятельностью. Политическая реклама неперсонифицирована, передача информации осуществляется через посредников. В PR возможно личное участие и взаимодействие с аудиторией (например, общение депутата и представителей общественности во время круглого стола). PR предполагает непосредственное взаимодействие политического коммуникатора с реципиентом.

Применяя различные PR-технологии, специалисты по связям с общественностью целью своей деятельности видят формирование положительного отношения к какому-либо объекту разворачивающейся PR-кампании, формирования общественного мнения и установления фундамента для последующих информационных обменов с обществом (это отличает PR от пропаганды).

Современное политическое пространство функционирует в условиях открытой конкуренции социально-проектной и символически-ценностной деятельности политических субъектов. Она определяет их диспозиции и коммуникативные практики как более или менее хаотические, якобы случайные. «Хаос» составляет содержание демократического процесса в современном политическом пространстве, где технологии политической коммуникации становятся инструментами его упорядочения, организации и самоорганизации [3, с. 2–4]. Они, воздействуя на различные уровни политического сознания, создают условия для социального конструирования политического пространства, которое выступает как intersubjective и коммуникативное поле взаимодействия политических акторов и символическое пространство борьбы за определенные интеграционные проекты на национальном и глобальном уровне.

Список литературы

1. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях / А. В. Манойло. – М. : МИФИ, 2003.
2. Джефкинс, Ф. Паблик рилейшнз : учеб. пособие / Ф. Джефкинс, Д. Ядин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
3. Бернейс, Э. Пропаганда / Э. Бернейс. – М. : Изд. дом «Н–Publishing», 2010.

Г. И. Сорока-Скиба

(Волковысский колледж УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», г. Волковыск, Беларусь, galinaromans@mail.ru)

**ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И БЕЛАРУСЬ: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Глобализация – процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации
(из словаря «Википедия»)

Развитие новых технологий и знаний как основного ресурса являются ключевыми характеристиками современного мира, что не могло не сказаться на образовании. Образование в эпоху глобализации стало своего рода краеугольным камнем, точкой, где сходятся преимущества и противоречия, порождаемые современной эпохой, той областью, которая, по сути, формирует мир XXI века и его лицо – человека. С начала этого века в мировом научном сообществе становится всё более популярной концепция глобального общества (globalsociety), когда все люди Земли – граждане единого глобального общества, состоящие из множества локальных обществ отдельных стран мира.

Ключевые характеристики современного мира – развитие новых технологий и знаний как основного ресурса. И это серьезным образом сказывается на образовании, которое также становится объектом глобализации [1, с. 81]. В числе признаков, которые следует назвать – активное использование в учебном процессе глобальной информационной сети, информационных технологий, что позволяет вывести образование на качественно новый уровень. Влияние Интернета на образование не исчерпывается только открытым доступом учащихся к мировым информационным ресурсам, – возникают новые формы, стремительно развивается дистанционное образование. Новые технологии дают возможность решить и такую важную проблему, как визуализация, наглядность в процессе обучения. Графики, схемы, динамика развития того или иного процесса, рисунки и т.п., позволяющие лучше усвоить учебный материал, стали неотъемлемой частью не только Интернета, но учебных программ, представленных на CD. Другой важный момент развития глобализации в ракурсе влияния на образование

связан с тем, что глобализация в буквальном смысле открыла национальные границы государств, сделав доступным получение образования в другой стране. В настоящее время крупнейшие вузы мира имеют большой процент иностранных студентов. Развивая международное сотрудничество, высшие и средние учебные заведения предусматривают обмен учащимися и преподавателями. Наконец, Интернет и иные новые технологии позволяют сделать процесс образования непрерывным. Человек, получивший образование, пополняет свой запас знаний фактически на протяжении всей своей дальнейшей жизни. Актуальность этой проблемы подчеркивают известные политические деятели (Тони Блэр, например, затрагивая на Форуме – 2000 в Праге данную тему, трижды повторил: образование, образование и еще раз образование). Новым элементом современной системы образования в эпоху глобализации, является все большее расширение ориентации на рыночные отношения, что иногда порождает проблемы. Одна из них касается сферы школьного образования, где приоритетной была фокусировка внимания на ребенке как формируемой уникальной личности. Но в свете новаций происходит смещение приоритетов от концентрации всей образовательной системы на ребенке к концентрации на тех вопросах, которые позволяют ему найти работу в дальнейшем, т.е. прикладных экономических аспектах.

Во все времена нравственная и этическая функция образования занимала особое место. В современном мире уже есть проблема подготовки творчески мыслящей личности. Эти насущные проблемы нашли свое отражение и на уровне высшей мировой политики. В этой связи не случайно, что Группой Восьми, объединяющей наиболее влиятельные страны мира, по итогам встречи лидеров в Кельне в 1999 г., было принято специальное заявление о ключевой роли образования в современном мире. В нем говорится, что базовое образование, профессионально-техническая подготовка, академические квалификации, пожизненное повышение профессиональных навыков и знаний в соответствии с потребностями рынка труда, а также поддержка развития творческого мышления имеют существенно важное значение для определения направления экономического и технического прогресса по мере нашего продвижения к созданию общества, основанного на знаниях [2, с. 114]. Они обеспечивают также развитие личности, способствуют формированию ответственной гражданской позиции и вовлечению людей в жизнь общества. Обеспечение приспособляемости, возможности устроиться на работу и рационального управления переменами станет главной задачей наших обществ... Существенно важное значение будет иметь способность к перемене профессий, культурной среды и общин. А паспортом мобильности станут образование и пожизненное обучение для каждого.

Волковысский колледж как подшефное звено УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» имеет с этим белорусским вузом теснейшие учебные, научные и дружеские связи. На двух отделениях – начальном и дошкольном – учебными программами предполагается изуче-

ние дисциплин эстетического курса, а именно – «Музыки» (в теоретическом, историческом и прикладном ракурсах), «Хорового пения», «Методики музыкального воспитания», «Музыкального инструмента» и пр. Учащиеся, избравшие этот благородный труд, в момент поступления довольно слабо развиты, что выявляет пробелы не только школьные, но и более ранние.

Безусловно, необходимо совершенствовать дошкольное воспитание, а также просвещать родителей, т. к., по мнению израильского политика, лауреата Нобелевской премии мира Шимона Переса, в процессе воспитания нередко игнорируется очень важный период – развитие ребенка до трех – четырех лет, тогда как в этом возрасте дети намного более развиты и способны усвоить некоторые основополагающие знания. Нуждается в совершенствовании и школьное образование: следует научить, как нужно учиться, необходимо развивать способности и воображение. Вопросы школьного образования актуализировал ректор Университета объединенных наций в Токио Ганс ван Гинкель, подчеркнув, что в условиях, когда важнейшее значение имеет диалог между цивилизациями, ощущается острая потребность в школьных знаниях в области истории, географии, социальных (дополним – и эстетических) наук разных государств. Нужна новая педагогика с новыми образовательными программами для начальной и средней школы, способствующими социализации учеников, превращению их в граждан мира. Являясь исследователем белорусской музыки и осуществляя свои научные изыскания в области отечественной медиэвистики, нахожу возможности привлечения собственных наработок (расшифровок древнейших отечественных духовных песнопений), обновлённых исторических свидетельств, введения новой терминологии, в том числе и узкожанровой, в образовательно-воспитательный процесс. Важнейшим компонентом в педагогике является личностно-ориентированный метод и творческий потенциал педагога [3, с. 69].

Глобализация ставит новые вызовы перед образованием. Особое место занимает нравственная и этическая функция образования в современном мире, проблемы подготовки творчески мыслящей личности. Уже сегодня экономический рост ведет к росту потребительских ценностей, а не к раскрытию внутренней ценности жизни. При этом такая задача должна решаться в глобальном контексте, с использованием имеющихся элементов глобального сотрудничества. В результате перед современными образовательными системами стоят следующие основные задачи: обеспечить непрерывность процесса обучения, расширение возможностей для получения образования, постоянная адаптация учебных курсов к потребностям меняющейся жизни. Не станем затрагивать такую актуальную тему, как национальная самоидентификация в контексте рассмотрения глобализации, т.к. она представляет собой отдельную и немаловажную проблему в условиях меняющихся образовательных программ [4, с. 110].

Известно, что общество, в котором доминирует государство, не может быть «хорошим». Вместе с тем в «хорошем» обществе не должны

главенствовать предприниматели и рынок, там нет места коммерциализации, неравенству, несправедливости. Оно предоставляет широкие возможности для развития общественных движений, признает главенствующую роль гражданина в общественной жизни, а не рассматривает его только как потребителя [5, с. 60; 6, с. 67]. В формировании такого общественного порядка, создании в обществе атмосферы, не отождествляемой ни с рынком, ни с государством, благоприятствующей общественным дискуссиям и проявлению гражданственности, университеты приобретают огромное значение. Важнейший вывод, который предлагает сделать нам время, – стать максимально востребованным, мобильным, компетентным, в высшей степени эрудированным, грамотным профессионалом. И тогда все вызовы современных обстоятельств жизни станут легко преодолимы.

Список литературы

1. Гринин, Л. Е. Истоки глобализации: мир–системный анализ / Л. Е. Гринин // Век глобализации. – 2011. – № 1. – С. 80–94.
2. Ивановский, З. В. Высшее образование в условиях глобализации / З. В. Ивановский // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 109–114.
3. Келле, В. Ж. Процессы глобализации и динамика культуры / В. Ж. Келле // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 69–70.
4. Колин, К. К. Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности / К. К. Колин // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С. 104–111.
5. Шендрик, А. И. Глобализация в системе культурологических координат (начало) / А. И. Шендрик // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 59–71.
6. Шендрик, А. И. Глобализация в системе культурологических координат (окончание) / А. И. Шендрик // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 56–68.

В. В. Старичёнок

(Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь, society2004@mail.ru)

ИГИЛ ПРОТИВ «ОБЩЕСТВА СПЕКТАКЛЯ»

В разговорах об ИГИЛ удивляет одна вещь. Часто говорится о том, что лидеры Исламского государства – вполне адекватные и рациональные люди, которые выверено и продуманно расширяют территорию их халифата. Такая логика верна лишь отчасти. На наш взгляд, разговоры о рационализме лидеров ИГИЛ сближают их с политиками европейского пошиба. Ясно, что это совсем не так. Эти люди фанатики, мыслящие категориями религиозных войн и крестовых походов. Ясно, что аль-Багдади и его единомышленники понимают, что подписали себе смертный приговор, начав резню на Ближнем Востоке. Ясно, что ничего общего с западной рациональностью, привязанной к ценностям уюта и комфорта, поискам конформистских моделей взаимодействия, у них нет. «Наша цель – Исламское го-

сударство, которое не признает границ», – объявил «пресс-атташе» ИГИЛ Абу Мухаммад аль-Аднани в августе 2013 г., четко отделяя амбиции халифата от политического реализма западного толка и обрекая и самого себя, и своих бойцов на бесконечную войну.

Неспроста идеи Исламского государства стремительно набирают популярность. Поражает то, с какой готовностью люди готовы примкнуть не просто к халифату, а к халифату, который реставрирует средневековый ислам. Причем реставрирует его буквально и со всеми аутентичными атрибутами – клятвы верности, рабство, распятия, отрубание голов и т.д. [1]. С высоты европейской образованности мы пренебрежительно говорим, что ИГИЛ следует «мертвой букве» учения. Но там плевать хотели на европейскую образованность. Там думают принципиально иначе. То, что здесь суть мертвая буква, там – это закон в полном смысле этого слова. Для них шариат – не только казни и отрубание рук, но и бесплатное здравоохранение, «бесплатное жилье, еда и одежда для всех и возможность обогатиться при помощи работы для тех, кто этого желает» [1].

Для западного человека возврат к нормам раннего ислама – абсурд. Но давайте посмотрим на это не с точки зрения человека Запада, а с позиции наблюдателя. Что мы увидим? Мы увидим, что ценность ценностей западной цивилизации уже давно поставлена под сомнение. Многие для этого сделали французские мыслители. Особо постарались такие философы, как Ги Дебор и Жан Бодрийяр, написавшие соответственно «Общество спектакля» (1967 г.) и «Общество потребления» (1970 г.). При этом с ними в общем-то и не спорили, в целом признавая поставленный диагноз. Пока философы размышляли на темы бездуховности и искусственности погрязшего в материализме западного общества, внятного способа преодолеть эту бездуховность и искусственность никто предложить не удосужился. Последний бой Западу дал Советский Союз, но и здесь накопилась такая куча проблем и противоречий, что никто всерьез не говорит о советском проекте, как альтернативе Западу.

На Ближнем Востоке все иначе. Там без Бодрийяра была очевидна сущность Запада. Вместо французской философии, навязчиво повторяющей в сущности одинаковые мантры, источник вдохновения местные жители черпали в исламе. Именно ислам предложил радикальную и революционную программу, которая призывает не просто к отрицанию западных ценностей, но к преодолению якобы исчерпанного свой потенциал Запада. Такой контекст задает совершенно иную перспективу. Возврат в средневековье воспринимается не только как откат к прошлому, но как строительство заново того, что не получилось у Запада. Если так, то халифат – начало чего-то нового. И именно поэтому туда устремляются пилигримы со всех концов света, в том числе из Америки и Европы. Не побоюсь сказать, что халифат дает надежду, но делает это на чуждом и непонятном для адептов западной цивилизации языке. И уже не важно, будут ли обещания

аль-Багдади выполнены или нет. Важна симуляция вовлеченности в работу по созиданию принципиально нового, глобальной эсхатологической программы разрушения старого света во имя вселенского обновления. В условиях, когда христианская цивилизация перестала всерьез обсуждать пришествие Христа, об этом заговорили на Востоке. ИГИЛ старательно воскрешает миф не только о пришествии Махди – мессии, который восстановит первозданную чистоту ислама, но и об Иисусе, который пронзит копьем Даджала – лжемессию из Хорасана [1].

Что можно сделать, чтобы остановить ИГИЛ? Разрушить иллюзию. Но как это сделать, если все – это иллюзия. Вспомним Ги Дебора. В обществе спектакля, по Дебору, нет места реальности, а точнее, реальность – это и есть спектакль. В таком контексте сражающиеся за демократию или за ислам революционеры являются человечками, играющими свои жуткие роли и борющиеся за срежиссированные непонятно кем иллюзорные ценности. «Подобно тому, – пишет французский мыслитель, – как оно (общество спектакля. – В. С.) предоставляет псевдоблага, которые следует возжелать, оно так же предлагает местным революционерам и фальшивые модели революции» [2]. Дебор метко называет «фальшивой конфронтацией» тот мир, где ни взрослый не является хозяином собственной жизни, ни молодежь всерьез не стремится к переменам и преобразованию мира. Мыслитель констатирует, что «только вещи могут править в этом мире, быть молодыми и вытеснять друг друга». Потому спектакль не славословит людей и их оружие. Он славословит товары и войны этих товаров [3].

Сила ИГИЛ в том, что он действует против общества спектакля. Это делает его более жизнеспособным, чем «демократов» – борцов арабской весны. Перекладывая дискурс Дебора на проблему революционной борьбы и меняя слова «предмет», «вещь» на слово «революция», мы увидим истинный смысл этой борьбы. «Но предмет, столь разрекламированный спектаклем, – говорит Дебор, – становится пошлым и ненужным, чуть только покупатель принесет его из магазина и развернет упаковку. Продукт слишком поздно открывает покупателю свое убожество» [3]. Именно такое гадкое чувство должно остаться у революционеров с площадью арабской весны, если они всерьез надеялись на изменения и демократию, которую принесут своими действиями. Что касается ИГИЛ, то иллюзия относительно Исламского государства разрушится только тогда, когда оно победит и столкнется с реалиями государственного строительства. Но этот выбор настолько плох, что его даже обсуждать страшно. Кроме того, возможность победы сегодня исключается самими идеологами ИГИЛ, которые исходят из необходимости бесконечной войны и бесконечного расширения границ собственного государства. Перемирие допускается сроком не более, чем на десять лет, а «халиф обязан воевать по крайней мере раз в год» [1]. Так что победы здесь быть в принципе не может. Поэтому находящийся в перманентной конфронтации с остальным миром халифат всегда

имеет в распоряжении питающихся надеждой бойцов, благо Саудовская Аравия щедро спонсирует школы по подготовке соответствующих «кадров». В этом смысле Запад оказался в ловушке, так как он сам не хочет длительной и затяжной войны, но поставлен в ситуацию, когда вынужден в нее втянуться.

А теперь представьте молодого парня (иракца, сирийца, ливийца и т.д.), который каждый день слышит (а иногда и видит) о терактах, об убитых друзьях, знакомых и родственниках. Жители Ирака находятся в таком режиме с 2003 г.! Это целое поколение, выросшее в условиях войны! Представьте психологическое состояние этих людей. На сегодняшний день ни европеец, ни американец, ни русский, мыслящие категориями комфорта и домашнего уюта, попросту не смогут понять иракца. Они не только говорят на разных языках, они – люди с разных планет. На фоне экономических проблем, коррупции и тотальной безнадежности, которые царят на Ближнем Востоке, местные жители готовы взять автомат и воевать с кем угодно. ИГИЛ – лишь одна из возможностей проявить себя на этом поприще. Но неожиданно она оказалась самой заманчивой. Не последнюю роль в росте популярности идеи халифата сыграла арабская весна, которая вместо демократии принесла новые диктатуры и войны, развенчав тем самым миф о возможности строительства демократии на Ближнем Востоке и понизив веру народа в способность Запада помочь им.

Список литературы

1. Вуд, Г. Чего хочет ИГИЛ? / Г. Вуд ; пер. с англ. Р. Раскольников // Спутник и Погром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sputnikipogrom.com/greatermiddleeast/40008/what-isis-really-wants#.V16fPDKSvIU>. – Дата доступа: 02.11.2015.
2. Дебор, Ги. Общество спектакля / Ги Дебор ; пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович. – М. : Логос, 2000. – 184 с.
3. Дебор, Ги. Общество спектакля / Ги Дебор ; пер. с фр. А. Уриновского. – М. : Опустошитель, 2011. – 177 с.

О. А. Стаценко

(Белорусский государственный педагогический университет, г. Минск, Беларусь, poe_1776@mail.ru)

ЭВОЛЮЦИЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В классической науке связи с общественностью представляют собой систему знания о закономерностях и принципах построения и применения PR в качестве коммуникативной технологии. Это выразилось в следующих

аспектах: а) управление общественным мнением в процессе линейной коммуникации субъект-объектного типа; б) увеличение публичного капитала субъекта PR; в) адаптация субъекта PR к внешней среде [1, с. 43]. Самыми значимыми характеристиками связей с общественностью были:

- позитивистские установки в отношении социальности;
- доминирование мышления, ограниченного наблюдением исследуемого явления;
- акцент на адаптирующую, контролирующую функцию связей с общественностью;
- четкая дисциплинарная структурированность связей с общественностью.

В неклассической науке связи с общественностью – система междисциплинарного знания о принципах построения и работы PR в качестве многомерного и амбивалентного феномена. Ее спецификой становится:

- постпозитивистские идеи (экзистенциализм, семиотика, социальная феноменология) понимания социальности;
- мышление, ориентированное на теоретическое описание объектов;
- плюрализм методологических подходов в исследовании политической реальности;
- акцент на функции связей с общественностью по обеспечению взаимодействия системы с внешней средой;
- нелинейность структуры научного знания, выражающиеся в отсутствии жестких связей между различными теориями изучения связей с общественностью [2, с. 122].

– В постнеклассической науке связи с общественностью – открытая самоорганизующаяся когнитивная система, направленная на исследование полионтологического, эволюционирующего социального явления. Она также имеет особенности:

- применение идей универсального эволюционизма и трансспективного анализа в понимании социальности;
 - преобладание метасистемного мышления, т.е. изучение не только PR, но системы более высокого уровня – информационно-коммуникативной социальности;
 - концентрация научного интереса на выявлении свойств PR как самоорганизующейся системы, «человекообразного объекта» как факторе построения социальной среды;
 - представление о PR как технологии создания «кризисов» – новых точек развития социальной системы, направляющих ее к формированию смыслов и новых целей;
 - актуализация экспертной и прогностической функций PR.
- Таким образом, современные связи с общественностью – своеобразная социальная синергетика, ориентированная на выявлении возможностей PR в построении социальной среды.

Список литературы

1. Связи с общественностью как социальная инженерия / под ред. В. А. Ачкасовой, Л. В. Володиной. – СПб. : Речь, 2005. – 350 с.
2. Чумиков, А. Н. Связи с общественностью: теория и практика / А. Н. Чумиков, М. П. Бочаров. – М. : Дело, 2012. – 557 с.

А. Л. Стризов

(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия,
strizoe@yandex.ru).

**НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Формально субъектами национального самоопределения в современном глобализирующемся мире являются наряду с национальными государствами гражданские нации, а также нации как исторические формы развития этносов. Однако поскольку тенденции к этнической мобильности в условиях интернационализации экономики и науки, стремительного развития средств и форм коммуникации и фактического становления различных вариантов мультикультурализма является необратимыми, сегодня вряд ли возможно говорить о динамично развивающихся моноэтнических нациях. В этих условиях смысл самоопределения сводится, с одной стороны, к оформлению таких условий и режима международного взаимодействия, которые в максимально возможной степени соответствовали интересам и приоритетам национальных государств и сложившихся в них экономических, гражданских и этнокультурных общностей. С другой стороны, национальное самоопределение означает освоение национальными государствами и возникшими в них общностями таких сегментов и ниш в международном разделении труда, в рамках которых возможна максимальная реализация созданного ими социокультурного потенциала. В то же самое время ускорение темпа и разнообразие социальных изменений ставят вопрос о понимании национального самоопределения как процесса, точнее, гибкой стратегии формальной и неформальной адаптации в многомерном локальном, региональном и глобальном пространстве.

В эпоху масштабных преобразований обществ различных типов, равно как и всех сфер жизнедеятельности, методология формирования подобного рода стратегии должна исходить из компаративного анализа национального опыта адаптации к процессам глобализации. При этом важно разграничивать два аспекта этого анализа: в локальном (региональном) культурно-историческом пространстве ближайшего окружения, а также в глобальном пространстве сходных условий и ситуаций адаптации и интеграции. В первом случае сравнение даёт нам представление о специфике протекания процессов модернизации и трансформации в традиционном

для нации пространстве её историко-культурного бытия, а также представление о встраивании стран-соседей в крупные интеграционные объединения. Применительно к Беларуси речь может идти о компаративном анализе процессов постсоциалистической трансформации и международной интеграции, прежде всего, в России, Украине, Польше, Литве. Во втором случае сравнение является источником историко-политического опыта модернизации и интеграции в пространстве глобальных трендов. Такой опыт не только для Беларуси, но и для России и многих стран постсоветского пространства может быть получен при изучении процессов латиноамериканской модернизации и интеграции. Важно иметь в виду, что поскольку процессы глобализации, равно как и процессы догоняющего развития, протекают неравномерно, то ценный для Беларуси позитивный и негативный опыт включения в них может быть получен в разных локальных ситуациях и сегментах планетарного пространства.

Второй шаг методологии выработки стратегии национального самоопределения в пространстве глобализации обусловлен, с одной стороны, тем, что оно в ряде случаев продолжает формироваться, а с другой – постоянно меняет свою конфигурацию. В обоих процессах решающую роль играют каналы коммуникации. При этом речь идет как об элементах социально-экономической инфраструктуры (в случае Беларуси – транспортные коридоры), так и формах и факторах социальной интеграции общества. Актуальность учета второго аспекта коммуникации подтверждает конструктивная роль минского процесса и в плане урегулирования кризиса в Донбассе, и в плане нового канала взаимодействия России и стран Европы. Очевидно, что стратегия НАТО и Евросоюза в Восточной Европе включает в себя шаги по реанимации идеи «санитарного кордона», отделяющего Россию от Запада, в том числе путем поощрения интеграции стран Балтии, Польши, Беларуси и Украины. Альтернативой деструктивным последствиям подобного сценария военно-политической интеграции может стать превращение Минска как в центр восточно-европейских интеграционных процессов, так и в постоянно действующую переговорную площадку Запада и Востока, а также Балтийско-Черноморского сообщества. Коммуникативные подходы к исследованию региональных и глобальных взаимодействий способствуют выявлению тех функциональных возможностей, которые могут использовать национальные государства и их сообщества с целью занять в глобальном научно-технологическом, экономическом, социокультурном пространстве определенные позиции.

Определение собственного положения в современной международной системе координат ставит перед акторами поля политики очередную – третью по счету методологическую проблему. Поскольку сегодня пространство политических коммуникаций в значительной мере управляемо, то его агенты должны разграничить в окружающей их реальности данное и созданное, определить, к чему и как именно следует приспособиться и

сохранить, а что можно и нужно изменить управленческим воздействием. К первой группе факторов, по нашему мнению, принадлежат социокультурные, экологические и демографические факторы, а также процессы и проблемы инициатива управления которыми (разрешения которых) лежит вне поля властного влияния. Факторы второй группы связаны с рисками и вызовами современной региональной и глобальной политики. Если ситуации риска связаны с выбором субъектов, принимающих решения, последствия которых являются непредсказуемыми и порождают опасности, то в случае вызовов мы имеем дело с формированием конкурирующих центров силы и принятия решений, стремящихся к перехвату инициативы или навязыванию собственных сценариев развития. Представляется, что одним из возможных политических рисков для Беларуси являются риски слишком медленного или слишком быстрого экономического реформирования, а также выбора неадекватной ситуации социального вектора реформ. Современные вызовы глобального характера, с которыми сталкивается Беларусь, как и другие национальные государства, связаны с действиями наднациональных структур координации и управления, навязывающих свои условия и правила. Глобальные и региональные лидеры стремятся создать территории фактически вассальной зависимости, установив при помощи методов «жесткой» или «мягкой» силы контроль над внешней и внутренней политикой отдельных национальных государств. Методология социально-политического конструктивизма позволяет поставить вопрос о теоретических моделях приоритетов, правил, процедур и режимов взаимодействия национального государства и составляющих его сообществ в международной интеграции, внешней и внутренней политике.

Обсуждение вопросов о границах пространств адаптации и креативного конструирования стратегии национального самоопределения тесно связано с четвертым шагом методологической процедуры: субъектным анализом политики в эпоху глобализации. От того, кто именно представляет национальное государство в пространстве глобализации, кто из национальных сообществ способен и готов включиться в сети глобального научно-технологического, экономического, информационно-культурного взаимодействия, зависят диапазон, глубина и горизонт политики национального участия в региональных планетарных трендах. Представляется, что субъект такого участия имеет сложносоставную природу, включая в себя не только элиту общества, но и средние слои (носители знаний и новых технологий), а также часть базового слоя, представляющего высококвалифицированных работников массовых профессий. Риски и вызовы, возникающие в этой сфере, охватывают проблемы науки, образования, молодежной политики, политики занятости и управления миграцией. Поскольку сегодня процессы глобализации протекают в условиях высокой и комплексной информационной активности важно, чтобы субъектный подход к формированию стратегии национального самоопределения включал в себя

и социокультурное измерение с его вниманием к идентичности и ценностным установкам.

Методологический синтез компаративных и феноменологических методов, коммуникативного, конструктивистского и субъектно-сетевого подхода при выработке стратегии национального самоопределения обусловлен многогранностью, неравномерностью и управляемостью процессов глобализации. Это комплексное видение облегчает поиски адекватного ответа на риски и вызовы, возникающие в пространстве глобализации.

В. Е. Струтинский

(Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича,
г. Черновцы, Украина, strukvi@gmail.com)

ДИНАМИКА ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИГРАНИЧЬИ: БУКОВИНСКИЕ РЕАЛИИ

Буковина это довольно своеобразный регион Центральной Европы. История сравнительно небольшой территории над Прутом и Серетом, около Сучавы и Молдовы, раскинувшаяся между Восточными Карпатами и средним течением Днестра, которая заявила о себе именно как субъект международных отношений в последней четверти XVIII столетия, была очень сложной. Она характеризуется многочисленными изменениями в плане вхождения этого края в разные государственные образования.

Буковинские земли в X и XI столетиях входили в состав Киевской Руси, позже в XII–XIII столетиях – Галицко-Волынского княжества. Со второй половины XIV столетия эта территория вошла в состав Молдавского Княжества. Между 1514 и 1796 гг., как часть Молдавии, она формально и фактически пребывала под верховенством Османской Империи. В конце русско-турецкой войны, в 1774 г., Буковина перешла под скипетр Австрийской короны. В 1787 г. Вена подчинила Буковину в административном плане Львову. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1849 года [1]. В этом же году метрополия совершила достаточно удачный и политически разумный шаг. Буковина вышла из подчинения Львову. Как отдельный коронный край она, по решению императора, обрела статус княжества с соответствующей автономией и самостоятельным управлением. В 1861 г. он же удостоил Буковинское княжество собственным гербом. Оно получило право избирать краевой сейм (сойм) и назначаемого императором управителя (президента). Такая политика официальной Вены положительно сказалась на экономическом развитии данного региона, что, в свою очередь, стимулировало увеличение населения. Это подтверждается и статистическим данными. Если в 1775 г. на Буковине проживало 75 000 человек, в 1850 г. – 380 826, то уже в 1890 г. – 646 591. То есть население Буковины за 115 лет увеличилось практически в 9 раз [2].

История свидетельствует, что в освоении этого региона Центральной Европы, покрытого в начале австрийского господства, в своем большинстве лесами, принимали участие представители разных национальностей. Они основывали свои поселения на еще необжитых землях. Последняя перепись населения в австрийский период (1910 г.) зафиксировала уже 800 898 чел., в том числе 38,4 % украинцев, 34,4 % румын, 12 % евреев, 9,2 % немцев и 4,5 % поляков. На остальных 1,5 % попадали мелкие этнические группы [3]. Население Буковины, полиэтничное, разных религий, училось мирно сосуществовать и сотрудничать, создавая особый взаимовыгодный симбиоз [4]. Буковина превращалась в край, в котором большинство переселенцев, прибывавших сюда в XVIII и XIX вв. с разных мест Центральной Европы, формировали свое специфическое национальное сознание. Создавался регион, в котором рядом сосуществовали различные религии и традиции. Рождалось поликультурное пространство, со все более углубленными взаимопроникающими элементами, которые были свойственны различным нациям, называющим своей Родиной – Буковину. Можем согласиться с тезисом профессора Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича Анатолием Круглашовым, который в одной из своих научных работ так охарактеризовал этот феномен: «Жители региона были носителями не только этнической, а позже национальной идентичности, но и осознавали себя именно буковинцами и с гордостью провозглашали эту свою региональную идентичность» [5]. Создавалось специфическое единство в разнообразии. Сформировался общественно-культурный строй, в котором уважение к своеобразию региона не отрицало толерантных отношений между представителями различных этнических групп, а наоборот, способствовало их дальнейшему развитию.

Исторически сложилось так, (еще со времен австрийского господства), что национальные общины имели свои многочисленные общественные организации – просветительские, культурологические, молодежные, спортивные, профессиональные и другие. Их деятельность концентрировалась в соответствующих национальных Народных Домах. Украинский Народный дом располагался напротив армянского католического костела, румынский – около городской Ратуши, еврейский – на современной Театральной площади, у поляков и немцев, один напротив другого – на улице Панской, сейчас это ул. Ольги Кобылянской. Такой этнонациональный, конфессиональный климат объективно стимулировал процесс формирования высокой общественной, политической ответственности граждан за свою Буковину. Она не допускала межэтнических столкновений с трагическими последствиями, которые, например, имели место в соседней Галичине или уже в постсоветский период в близком Буковине Приднестровье (Молдова).

Ситуация начала изменяться по окончании Первой и особенно Второй мировых войн. Следствием подписания мирных Договоров после I мировой войны стало включение Буковины в состав Румынии. По резуль-

татам Второй мировой войны Буковина была разделена между Румынией и Советским Союзом. Северная Буковина стала частью Черновицкой области УССР в составе СССР, а Южная – Сучавского уезда Румынии. Происшедшие перемены ускорили выезд немцев, поляков, евреев. В Черновицкой обл., в состав которой входила Северная Буковина (остановим свое внимание именно на этой части Буковины), увеличивается количество русского населения. За переписью 1979 г. в области проживало 844 877 чел. В период между 1970–1979 гг. количество населения выросло до 896 508 чел. Последняя советская перепись в 1989 г. отобразила рост населения до 940 801 чел. После распада Советского Союза граница разделила уже независимую Украину и Румынию и, соответственно, Северную и Южную Буковину. За последней переписью 2001 г. в Черновицкой области проживало 922 800 чел. Они представляли 76 национальностей и народностей. Наиболее численными являются представители 7 этнических групп: украинцы (75,0 %), румыны (12,7 %), молдаване (7,3 %), россияне (4,1 %), поляки (0,3 %), белорусы (0,2 %) и евреи (0,2 %) [6].

1944 г. привнес также радикальные изменения и в деятельность национальных общин. Прекратили свою работу Народные дома и библиотеки, расположенные в них, были распущены национальные культурно-просветительские организации, в том числе и украинская «Просвита». Но уже в период перестройки, в 1989 г., возрождаются украинская «Просвита», национальные культурно-просветительские организации – польская, немецко-австрийская, еврейская, румынские, русская, а в 90-х годах белорусская, армянская. Начинают работу школы – еврейская, много румынских. Польский язык был включен в школьные программы в местах компактного проживания поляков, в основном это Сторожинецкий район и г. Черновцы.

Традиции поликультурности и толерантности не были забыты. Об этом свидетельствует такой феномен, примера которому в Европе нет, как многонациональный Международный фольклорный фестиваль «Буковинские встречи». Вот уже 27 лет он путешествует с июня по август по 6 странам, где проживают буковинцы. Фольклорные коллективы с разных стран начинают свои выступления в Польше, далее им рукоплещут в Молдове, Украине, Румынии, Венгрии, Словакии. На фестивальных сценах звучат украинские, польские, румынские, еврейские, немецкие, венгерские, словацкие, старообрядческие песни в исполнении буковинцев, которые в силу исторических перемен очутились в разных странах, но остались в душе верными традициям поликультурности и толерантности, заложенными еще в Буковинском княжестве в австрийский период.

Список литературы

1. Prokopowitsch, E. Das Ende der österreichischen Herrschaft in der Bukowina / E. Prokopowitsch. – München, 1959. – 70 s.

2. Die Bukowina. Eine allgemeine Heimatkunde / Буковина. Загальне краєзнавство / пер. з нім. Ф. С. Андрійця, А. Т. Квасецького. – Чернівці : Зелена Буковина, 2004. – 488 с.
3. Feleszko, K. Bukowina moja miłość / K. Feleszko. – Warszawa : Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2002. – Т. I. – С. 138.
4. Буркут, І. Стан і перспективи буковинської толерантності буковинців / І. Буркут // Політологічні і соціологічні студії : зб. наук. праць. – Чернівці : Рута, 2005. – Т. III. – С. 396.
5. Круглашов, А. М. Регіональна етнополітична стабільність: історична ретроспектива (на прикладі Чернівецької області) / А. М. Круглашов // Політологічні і соціологічні студії : зб. наук. праць. – Чернівці : Рута, 2005. – Т. III. – С. 17.
6. Статистична інформація Головного Управління статистики у Чернівецькій області [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.cv.ukrstat.gov.ua>

О. А. Сульжицкая

(БІП – Інститут правоведення, г. Гродно, Беларусь, vial02@rambler.ru)

**СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
С ОРГАНИЗАЦИЯМИ ООН В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Преодоление демографических угроз является одним из приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь. Благодаря совместным усилиям белорусского государства, общества и международных организаций удалось достичь значительных результатов в данном направлении.

Являясь членом ООН, Республика Беларусь уже с первых лет своего существования в качестве суверенного государства сотрудничает с этой международной организацией и ее специализированными институтами в решении демографических проблем. Особенно велика роль Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), который работает в тесном контакте с Программой развития ООН (ПРООН), Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ), Всемирной организацией здравоохранения, Международной организацией труда и др. ЮНФПА ведет свою деятельность в 150 странах и является крупнейшим финансируемым на международном уровне источником помощи программам и проектам в области народонаселения в странах с переходной экономикой. Основными областями реализации таких программ являются репродуктивное здоровье, народонаселение и развитие, гендерное равенство.

В Республике Беларусь Фонд действует с 1994 года. Его деятельность направлена на поддержку правительства в сборе и анализе демографичес-

ких данных, повышении качества демографических прогнозов, проведении исследований, использовании демографической информации для разработки комплексных и отраслевых политик и программ.

Начиная с момента своего функционирования в Беларуси, ЮНФПА участвовал в реализации ежегодного зонтичного проекта, который содействовал разработке и реализации национальной политики в области народонаселения с учетом принятых в данной сфере международных положений [1]. Фондом проводились конференции, информационные кампании, круглые столы, семинары, приуроченные ко Всемирному дню народонаселения, Дню матери, Дню семьи и пр. Десятки отечественных специалистов прошли обучение на международных курсах по репродуктивному здоровью, приняли участие в международных и региональных конференциях по вопросам народонаселения, в том числе во Всемирной международной конференции по народонаселению и развитию в Каире (1994 г.), в конференции «Каир+» в Гааге (1999 г.), в Европейском форуме по народонаселению в Женеве (2004 г.).

После участия делегатов от Беларуси в Каирской конференции, в 1995 г. был создан Национальный комитет по народонаселению (с 1999 г. – Национальный комитет по народонаселению при Совете Министров Республики Беларусь). Этот орган призван выработать государственную демографическую политику и координировать деятельность в области народонаселения. При содействии ЮНФПА белорусским правительством была разработана и утверждена в 1998 г. Концепция государственной демографической политики и основные направления ее реализации.

Осуществление зонтичного проекта ЮНФПА в Беларуси с 1999 г. было направлено на повышение качества услуг в сфере репродуктивного здоровья, особенно для молодежи, содействие безопасному сексуальному и репродуктивному поведению подростков, повышение качества демографических данных. В результате в учебные программы всех медицинских вузов и колледжей был внедрен курс по консультированию молодежи по вопросам репродуктивного здоровья, было организовано распространение информации в рамках совместного проекта с ЮНИСЕФ; методология обучения «равный равному» была внедрена в систему воспитания в учреждениях среднего образования.

Деятельности Фонда в Беларуси способствовало постепенное расширение контактов не только с государственными органами, но и с общественными организациями, СМИ, отечественными экспертами. Информационная поддержка проекта «Белорусская Мадонна – XXI век» (1999 г.), проведение обучающих семинаров по репродуктивному здоровью для представителей женских и молодежных общественных организаций, создание интернет-страницы ЮНФПА в Беларуси (с 2000 г.), проведение Республиканской научно-практической конференции «Беларусь: 10 лет после Каира» (2003 г.), республиканской конференции «Развитие Республики Беларусь в контексте демографической безопасности» (2008 г.), оказание поддержки виртуальной сети общественных организаций, реализация проектов по здоровью молочной железы, поставке контрацептивов, охране здо-

рования подростков – лишь часть мероприятий, осуществленных ЮНФПА в нашей стране совместно с институтами гражданского общества, НИИ и учреждениями образования.

Отдельно следует отметить сотрудничество ЮНФПА с Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь по улучшению качества доступа демографических данных, оказание им технической помощи в подготовке и проведении переписей населения 1999 и 2009 годов. Фонд принял участие в разработке ряда положений Национальной программы демографической безопасности 2007–2010 гг., а также выступил в качестве соисполнителя двух подпрограмм: «Стимулирование рождаемости и укрепление семьи» и «Научное обеспечение». В рамках проекта по поддержке реализации национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь (2010–2012 гг.) ЮНФПА проводил обучение представителей министерств, местных органов власти, парламентариев, отраслевых специалистов по таким вопросам, как семейная политика, гериатрия и геронтология, миграция и др. Организация оказывала экспертную поддержку Министерству труда и социальной защиты с целью совершенствования процесса мониторинга и оценки исполнения Национальной программы демографической безопасности 2007–2010 гг., разработки новой программы на 2011–2015 годы.

Следующий важный этап в развитии сотрудничества Республики Беларусь и международных организаций ООН наступил после официального одобрения в августе 2010 г. Исполнительным советом ПРООН/ЮНФПА первой страновой программы для Беларуси на 2011–2015 годы. Если в предыдущий период ЮНФПА в своей деятельности уделял внимание в первую очередь таким направлениям, как «репродуктивное здоровье» и «гендерное равенство», то с 2011 г. активизировал также сферу «народонаселение и развитие». Страновая программа для Беларуси предполагала: содействие процессу подготовки демографических прогнозов; оказание поддержки в анализе и распространении данных переписи населения; интеграцию данных переписи 2009 г. в национальные базы данных; разработку системы мониторинга и оценки хода реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь; совершенствование знаний и навыков национальных специалистов по вопросам народонаселения, демографии; совершенствование системы демографического образования [2]. В целом с 1994 по 2015 гг. со стороны ЮНФПА была оказана помощь Беларуси на сумму более 7,5 млн долларов США, при этом около половины средств было выделено на первую страновую программу Фонда.

В декабре 2014 г. ЮНФПА, ЮНИСЕФ совместно с Правительством Российской Федерации подписали соглашение о финансировании проекта международной технической помощи «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь». Стартовавший в июне 2015 г. проект направлен на совершенствование системы мониторинга и оценки эффективности демографической политики, а также улучшение системы демографического образования в стране. Его

национальным координатором в течение 30 месяцев является Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Таким образом, белорусское государство, гражданское общество и международные организации ООН осознали необходимость системного подхода для решения демографических проблем. Отмечается постепенное расширение и углубление сотрудничества Республики Беларусь с Фондом ООН в области народонаселения, признание ими общих приоритетов, важных как для нашего государства, так и для этой авторитетной организации.

Список литературы

1. Зонтичный проект // UNFPA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unfpa.by/ru/about/projects/reproduktivnoe-zdorove/zontichnyy-proekt/>. – Дата доступа: 29.02.2016.
2. Страновая программа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unfpa.by/ru/about/program/>. – Дата доступа: 29.02.2016.

Н. М. Твердынин

(Московский городской педагогический университет – ГАОУ ВО МГПУ,
г. Москва, Россия, tvernick@mail.ru)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ НА ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ З. БЖЕЗИНСКОГО И Ж. АТТАЛИ

Наступила вторая половина десятых годов XXI века. Многие концепции, господствовавшие в период окончания холодной войны и распада Советского Союза, казавшиеся ещё несколько лет назад достаточными, неожиданно оказались требующими пересмотра или весьма значительной корректировки ввиду сложившихся реалий в мировой политической системе. Именно поэтому хотелось бы сравнить взгляды на социально-политические и социально-экономические перспективы развития человечества двух известнейших политологов: Жака Аттали и Збигнева Бжезинского. Основными работами для такого сравнения выступают их монографии «Краткая история будущего» и «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис», впервые изданные в 2006 и 2012 годах соответственно. (При этом работа Ж. Аттали была переведена и издана на русском языке лишь в 2014 году, а книга З. Бжезинского была переведена и издана в России практически сразу.)

Политические позиции этих авторов по отношению к Советскому Союзу и постсоветскому пространству достаточно сходны, хотя позиция Ж. Аттали является гораздо более умеренной по сравнению с максимально последовательными антисоветскими и антироссийскими взглядами З. Бжезинского.

Обе рассматриваемые книги хотя и написаны в популярном ключе, достаточно подробно рисуют перспективы международного развития с

позиций научного анализа. Оба автора по своим взглядам ярко выраженные технократы, полагающие, что развитие научно-технического прогресса является одним из основополагающих, а в критические моменты политической истории, часто решающим фактором в одержании победы в политическом противостоянии. Оба полагают, что тот политический миропорядок, который существует сейчас, в ближайшем будущем должен претерпеть значительные изменения и к середине нынешнего века США потеряют свою абсолютную гегемонию в мире, хотя и останутся влиятельнейшим игроком на мировой арене. И если З. Бжезинский демонстрирует значительный пересмотр своей геополитической концепции по сравнению с изложенной им в своём политическом бестселлере «Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)», то Ж. Аттали находится на позициях умеренного скептицизма, по отношению как к сохранению американского могущества, так и к достаточно быстрому «схлопыванию» всемирного американского влияния.

Конечно, последние пять лет показали не предусмотренное обоими авторами достаточно быстрое возрождение мощи российского государства и усиление интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Однако более логичным представляется, их методологическое расхождение по экономическим вопросам. Х. Аттали (в прошлом первый директор Европейского банка реконструкции и развития) полагает, что историческая смена политических доминант происходит путём перехода руководящих ролей в экономике от одного центра к другому. При этом он предполагает, что согласно его теории «новой кочевой элиты» «кочевая мобильность» «креативного класса» определяется развитием высоких технологий. Наиболее важными из всех технологий при этом являются информационно-коммуникационные [1, с. 126–129]. Именно дальнейшее развитие креативного класса станет одним из основных факторов «крушения Американской империи». При этом экономический рост в странах Европейского Союза по его прогнозам может быть ещё меньшим, чем в США и к 2025 году ВВП на душу населения в странах Западной Европы по отношению к данному показатель в Америке может упасть до половины, хотя ныне составляет порядка семидесяти процентов [1, с. 121]. Но эти изменения с точки зрения Ж. Аттали – прекрасны, поскольку в итоге все эти изменения приведут в итоге к появлению новой экономической формы («девятой формы рыночного уклада» по классификации Ж. Аттали), которая обеспечит дальнейшее развитие «полицентрической системы», лежащей в основе мировых политических отношений.

В отличие от Ж. Аттали, З. Бжезинский стремится к выработке комплекса мер, которые могли бы в геополитическом плане замедлить резкий спад доминирования США в геополитическом пространстве. Он ищет новые средства сдерживания России и её союзников. При этом он сравнивает Россию и Турцию, отмечая, что они находятся в сходном положении по отношению к Евросоюзу, но для США распространение кризисной ситуации с опорой на Турцию и превращений огромного региона от бывшей Югославии до Афганистана в «Глобальные Балканы» максимально предпочтительно, чем сближение РФ с ЕЭС [2, с. 196–199].

Интересно, что хотя на последней странице своей книги З. Бжезинский и призывает США «обрести второе дыхание» и ответить на геополитический вызов Китая, России и других стран не водящих или старающихся покинуть сферу американского влияния, он видит дальнейший путь развития значительно более конфронтационным, чем Ж. Аттали, и в меньшей степени связывает успехи в возрождении американской мощи с экономическими факторами. С одной стороны, это объяснимо его позицией американоцентризма. Но, с другой стороны, он полагает, что снижение американского влияния может произойти слишком быстрыми темпами. Это же может привести к разрушению всей политической системы США. Не случайно одна из глав его книги озаглавлена: «Мир после Америки в 2025 году. Не Китай, но хаос». Иными словами он страшится утраты Америкой абсолютного доминирования, поскольку полагает, что несколько центров силу приведут мир в деструктивное состояние. Именно поэтому в качестве альтернативы З. Бжезинский видит потенциальную возможность примыкания России и Индии к слабеющим США при дальнейшем усилении Китая, как спасения этих стран от китайского доминирования. Данная позиция З. Бжезинского показалось бы ещё десять лет назад всякому человеку, регулярно просматривающему политологические издания, просто немислимой.

Ж. Аттали полагает, что хотя центр международной экономики и, соответственно, политики и смещается из США в западном направлении, но примерно до середины нынешнего века этот центр останется в США. Конечно, роль Азиатско-Тихоокеанского региона ещё более увеличится, но при этом пальму первенства мировой столицы будет удерживать Лос-Анджелес, став таким образом девятым по счёту городом, концентрирующим в себе наиболее креативных для развития экономических (по Ж. Аттали это в данном случае синоним слову «капиталистических») отношений. В список этих городов, доминирование которых в мировых экономических отношениях приводило к качественно новому этапу развития всего общества, последовательно входят Брюгге, Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон, Бостон, Нью-Йорк и с 1980 года – Лос-Анджелес.

Таким образом, можно констатировать, что различные подходы к политическому прогнозированию позволяют предвидеть разного рода деструктивные явления, но при этом не могут дать достаточно чёткого определения их временных рамок. К сожалению, в данной публикации не имеется возможности рассмотреть другие подходы к анализу развития кризисных ситуаций в социально-политической сфере, например, эколого-социальную концепцию Джарета Даймонда или же синергетический подход. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что ввиду наличия множественных разнонаправленных факторов развития политических, экономических и социальных процессов возможности их длительного прогнозирования остаются ограниченными. Хотелось бы выразить надежду, что такие подходы будут выработаны в ближайшем будущем, хотя, возможно, что подобная комплексная задача ещё долго не будет решена.

Список литературы

1. Агтали, Ж. Краткая история будущего / Ж. Агтали. – СПб. : Питер, 2014. – 288 с.
2. Бжезинский, З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. – М. : Астрель, 2012. – 287 с.

Е. А. Тимахова

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь, katima@open.by)

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Генезис партийных систем Беларуси и России связывает общность постсоветского пространства, близость географического положения и цикличность развития, что постоянно проявлялось в чередовании социальных возмущений и относительного спокойствия.

Однако нельзя сказать, что циклический характер развития – исключительная особенность постсоветской истории. Артур Шлезингер описывает американскую политическую историю как циклическую по существу.

Исследуемые системы объединяет так же и переход обоих обществ от циклического к линейному времени. Вместе с переходом от традиционного общества к современному цикличность не исчезла, изменилось лишь соотношение между линейным и инверсионным временем.

Многопартийная система в большинстве индустриально развитых стран Запада, Азии, Латинской Америки формировались постепенно, и в настоящее время представляет собой самый распространенный тип. Многопартийность складывалась на основе противоречивых интересов различных слоев населения, неоднородного национального состава стран и т. д. В целом многопартийность дает возможность разным социальным группам и их представителям бороться за влияние на структуры государственной власти, направляя в них своих представителей для достижения своих целей.

На политическом пространстве Беларуси присутствует левый и правый фланги партий. Однако возможности всех их вместе взятых сильно ограничены, партии не имеют своих фракций в парламенте. Поэтому многопартийность носит формальный характер, партийная система не сформировалась.

В России, в отличие от Беларуси, партии оказывают определенное (но не решающее) влияние на формирование политического курса, но партийная система также находится в стадии становления, она все еще слабо структурирована и конфликтна. Это объясняется рядом причин (первые три и пятая из которых относятся и к РБ):

1. Длившееся многие десятилетия господство КПСС породило у людей стойкое неприятие всего, что связано с партиями, вне зависимости от того, какие политические цели они преследуют.

2. Люди настолько поглощены своими повседневными проблемами (а речь иногда идет и о физическом выживании), что у большинства из них нет времени для политической активности.

3. Большинство населения сомневается в том, что его участие в политике может дать какие-либо результаты. Люди не понимают, как функционирует демократия, и лишь чувствуют, что новые власти заботятся скорее о своей выгоде, чем об интересах страны.

4. Новые партии – кроме КПРФ (деятельность которой была разрешена в 1993 г.), как правило, крайне слабы и обязаны своим появлением какому-то конкретному политику.

5. Состав российского правительства определяется президентом и практически не зависит от соотношения политических сил в парламенте.

6. Важнейшие новые партии представляют собой не партии в собственном смысле этого слова, а политические движения или блоки, включающие в себя небольшие партии и движения, но открытые для индивидуального членства.

О численности той или иной российской партии, движения или блока, как правило, можно судить лишь приблизительно. Получить данные (тем более подтвержденные какими-либо доказательствами) о количестве их членов крайне сложно. Не будет большим преувеличением сказать, что предполагаемые цифры часто являются не больше чем оценочными или отражают представления о желаемом.

В то же время следует учитывать, что население России уже не раз участвовало, по крайней мере, в простейших политических процессах – в выборах и референдумах, причем уровень явки хотя и был в ряде случаев невысоким, все же позволял этим актам волеизъявления состояться. Россияне выбирали ту или иную партию не потому, что верили обещаниям, содержащимся в программах этих партий, или заявлениям их лидеров, а потому что своим голосованием хотели выразить протест против правящих кругов, чью политику отвергали.

Не исключено, что в России сложится не система партий в западном смысле, а некая собственная форма выражения политической воли. Возможно, речь пойдет не столько о партиях в привычном понимании, сколько о блоках или коалициях, в которые войдут многочисленные небольшие партии и объединения. Устойчивость таких блоков и коалиций будет во многом зависеть от их руководителей, поскольку во время выборов россияне ориентируются скорее на личности политиков, нежели на программы (это же характерно и для белорусского электората).

В России довольно слабо развита система гражданских объединений, и партии предпринимают попытки компенсировать недостаток функционального представительства представительством территориальным.

Рассматривая процесс формирования многопартийности в Беларуси, необходимо иметь в виду, что здесь также есть свои особенности. Дело в том, что демократизация общественных институтов должна быть неразрывно связана с формированием правового государства. Только в этом случае партии способны передать импульсы в политическую систему из

окружающей среды. А регистрация партий молодого суверенного государства в течение четырех лет проводилась на основании устаревшего закона еще СССР (Закон Республики Беларусь «О политических партиях» был принят позже).

Таким образом, партии Беларуси формировались гораздо быстрее, чем соответствующая им законодательная база. Даже формулировка понятия «партия» в законе, где в частности, отмечается, что это независимое, созданное на основе индивидуального добровольного членства объединение граждан, действующее в рамках Конституции, весьма подобна характеристике любой общественной организации. Причем признаки партий как политического института отсутствуют. Таким образом, правовое обеспечение содержательной деятельности партий отстает от формального.

Необходимо отметить также следующую общую тенденцию формирования многопартийности в обеих политических системах: данный процесс идет быстрее, чем перестраивается социальная структура общества. Причем такое типичное для постсоветского пространства противоречие приобретает ярко выраженный характер именно в Беларуси, поскольку подавляющая часть собственности все еще принадлежит государству, следовательно, на материальном уровне крайне медленно происходит формирование новых слоев собственников. В России этот процесс движется несколько быстрее, хотя российское общество также слишком фрагментировано и не структурировано.

В Беларуси и России роль государства по-прежнему велика. Вообще возникает вопрос: а нужны ли в системе современной демократии политические партии западного образца? Являются ли партии на Западе сейчас реальным политическим механизмом, для решения проблем общества или это просто рудиментарный институт, который сохраняется в конституционных демократиях, поскольку просто не принято ломать многопартийную систему? Через нее ли управляется сегодня западная демократия? И поэтому, не догоняем ли мы Запад там, где его, собственно, догонять уже не нужно, так как он уже перешел в другую стадию развития?

Утрату былого авторитета политическими партиями можно объяснить тем, что они страдают от действительного и осознаваемого олигархического характера. Партии воспринимаются обществом как бюрократические политические машины. Напротив, группы, созданные по проблемам и интересам являются более успешными в привлечении новых членов и средств.

Выявить и просчитать эффективность функционирования института многопартийности – задача сложная и многоаспектная. Необходимо, в первую очередь, прояснить, насколько политические партии и движения способны сегодня оценить прошлое и настоящее, а также сформулировать видение будущего страны.

В России удалось добиться такого важного завоевания как пропорциональная избирательная система, что со временем приведет к политической грамотности и просвещенности населения.

Таким образом, по нашему мнению, для Беларуси также была бы предпочтительна, возможно, смешанная избирательная система.

В целом можно сказать, что на постсоветском пространстве реальные возможности создания устойчивых партийных систем пока еще очень слабы. Напротив, для них характерна высокая степень неустойчивости и фрагментарности.

П. В. Турунцев

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь, pvturunczew@mail.ru)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

За свою недолгую, по историческим меркам, историю, процесс евразийской интеграции успел столкнуться с целым рядом специфических вызовов. Мировой экономический кризис, нестабильность на рынке углеводородов – не самые серьезные препятствия, вставшие на пути евразийского интеграционного проекта. Немаловажными факторами, негативно сказавшимися на развитии евразийских интеграционных процессов, за последние 3–5 лет стали политические кризисы, как в отдаленных регионах планеты, так и у самых границ ЕАЭС. Ситуация в современном мире характеризуется все большей напряженностью, все более значительное число стран включается в той или иной форме в кровавые конфликты. Все труднее национальным правительствам становится обеспечивать стабильное развитие и безопасность своих государств.

Очевидно, что выход заключается в совместных действиях государств – членов ЕАЭС по преодолению трудностей, всемерное сотрудничество по самому широкому кругу вопросов, как социально-экономического, так и политического характера. В условиях функционирования современных международных информационно-коммуникационных систем, характеризующихся проникновением информационных технологий в сферу государственного управления, постоянным увеличением объемов передаваемой информации, а также внедрением в повседневную жизнь принципов «электронной демократии» и «электронного правительства» [1], налаживание надежных и эффективных коммуникаций между государственными институтами, в условиях интеграционных процессов, становится непременным, но первостепенным вопросом.

Так, в современных условиях, дальнейшее развитие процесса евразийской интеграции невозможно без совершенствования механизма оперативного принятия органами управления стран – участниц ЕАЭС согласованных решений. Общеизвестно, что евразийский интеграционный проект носит экономический характер. Но в то же время основополагающие решения в рамках этого проекта принимаются странами-участницами на политическом уровне.

Таким образом, принятие основных решений происходит в условиях информационного взаимодействия соответствующих политических институ-

тутов. Получение достоверной информации, а также ее хранение, обработка, обеспечение и защита становится специфической задачей органов государственной власти. Встает необходимость создания соответствующей инфраструктуры, в рамках информационно-коммуникационного взаимодействия стран ЕАЭС.

К решению подобных задач государства, включенные в процесс евразийской интеграции, приступили уже на начальном этапе реализации интеграционного проекта. Так, информационному взаимодействию в «рамках союза» посвящена статья № 23 договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., которая предполагает разработку и реализацию мероприятий, направленных на обеспечение информационного взаимодействия с использованием информационно-коммуникационных технологий, в целях обеспечения интеграционных процессов во всех сферах, затрагивающих функционирование ЕАЭС [2]. Так же в договоре затронуты вопросы информационного взаимодействия государственных институтов. Для обеспечения эффективного взаимодействия и координации государственных информационных ресурсов и информационных систем государства-члены проводят согласованную политику в области информатизации и информационных технологий [2]. Далее, протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза, предполагает создание, обеспечение функционирования и развитие интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза, которая призвана обеспечить информационную поддержку, в том числе и в вопросе обеспечения деятельности союзных органов [2].

Интегрированная информационная система ЕАЭС призвана решать задачи эффективного взаимодействия органов государственного управления, которое, в свою очередь невозможно без обмена полной и достоверной информацией.

Функционирование и развитие интегрированной информационной системы ЕАЭС предполагает соблюдение целого ряда основополагающих принципов, а именно: применение единых методологических подходов к подготовке информации для интегрированной системы на основе общей модели данных; доступность, достоверность и полнота информации; своевременность предоставления информации. Кроме того, интегрированная информационная система ЕАЭС должна соответствовать уровню современных информационных технологий, а так же должна быть интегрирована с информационными системами государств – членов ЕАЭС [2]. В целях осуществления различных видов государственного контроля, а так же обеспечения реализации общих процессов в рамках ЕАЭС, предусматривается электронное взаимодействие между соответствующими уполномоченными органами [2].

Отдельно в протоколе оговаривается защита информации, а так же обмен информацией, составляющей государственную тайну. Подобные вопросы решаются в соответствии с законодательством государств – членов ЕАЭС.

Вышеизложенные положения договора о Евразийском экономическом союзе заложили основу информационного взаимодействия государственных институтов стран-участниц евразийской интеграции. В то же время усложняющиеся условия, в которых проходят интеграционные процессы, диктуют необходимость интенсификации сотрудничества в информационной сфере. Так, Коллегия Евразийской экономической комиссии выступила с инициативой по созданию Консультативного комитета по информатизации, информационно-коммуникационным технологиям и информационной безопасности. К функциям комитета предполагается отнести подготовку предложений по целому ряду вопросов сотрудничества государств – членов ЕАЭС в информационной сфере и касающихся взаимодействия органов государственной власти:

- применение информационно-коммуникационных технологий в ходе реализации информационно-коммуникационного взаимодействия;
- унификация требований к взаимодействию в электронном виде органов государственной власти государств – членов ЕАЭС;
- гармонизация и совершенствование законодательства в сфере применения информационно-коммуникационных технологий, развития систем электронного правительства, а так же обеспечения информационной безопасности при информационном взаимодействии;
- определение функциональных требований к компонентам интегрированной информационной системы ЕАЭС;
- гармонизация и унификация структур и форматов электронных документов, нормативно-справочной и другой информации, используемой при информационном взаимодействии [3].

Таким образом, процесс повышения эффективности информационного взаимодействия государственных институтов, в рамках евразийской интеграции, обеспечен, как на уровне программных документов ЕАЭС, так и на уровне перспективных проектов. В свою очередь, интенсификация информационного взаимодействия государств – членов ЕАЭС и создание единой информационно-коммуникационной системы без сомнения станет одним из факторов обеспечения устойчивого развития процесса евразийской интеграции.

Список литературы

1. Волкова, А. В. Электронное правительство и формирование публичных ценностей в современной России / А. В. Волкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 3. – С. 84–92.
2. О ратификации Договора о евразийском экономическом союзе : Закон Респ. Беларусь от 9 окт. 2014 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 09.10.2014, 2/2191 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=F01400176&p1=1&p5=0> – Дата доступа: 28.02.2016.
3. Проект решения Коллегии Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. – Режим доступа: <https://docs.eaunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDiscussion.aspx?s=e1f13d1d-5914-465c-835f-2aa3762eddda&w=9260b414-defe-45cc-88a3-eb5c73238076&l=108e71be-32c8-4857-acd0-eba1329ae911&EntityID=914> – Дата доступа: 28.02.2016.

В. П. Федоров

(Институт Европы РАН, г. Москва, Россия, vpfyodorov@mail.ru)

КОЛОНИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Мировая статистика фиксирует снижение доли Европы в мировом хозяйстве в долгосрочном плане. Развиваясь сначала по восходящей траектории, Европа затем стала сдавать позиции и, как показывают прогнозы, в обозримой перспективе остановить эту тенденцию она не сможет. Потеря динамики уменьшает возможности европейского влияния на остальной мир, что составляет важнейшее отличие Европы будущей от Европы нынешней.

Теснение Европы происходит с двух совершенно разных сторон.

Во-первых, из-за океана. Во 2-й половине XX века с переходом в XXI век Европа стала подчинённой Соединённых Штатов Америки, которые были созданы миграцией из Старого Света и в своё первоначальное время испытывали колониальную зависимость. Можно сказать, что доктрина «Америка для американцев» дополнилась другой идеей, «Европа для американцев», имеющейся в виду США, и она была реализована. Колыбель великой цивилизации, родина Ренессанса, мастерская мира, сокровищница других непревзойдённых достижений – Европа следует теперь заданному извне курсу.

Вице-президент США Джо Байден, выступая в 2014 г. в Гарвардском университете, перед «своими», не только не счёл нужным хоть как-то камуфлировать этот факт, но сделал на нём ударение. Да, заявил он, европейские страны не хотели присоединяться к антироссийским санкциям в связи с украинскими событиями, но США настояли и добились своего. Причём их союзники были вынуждены действовать вопреки собственным интересам. Под удар были поставлены результаты многолетних усилий по налаживанию и развитию экономических и культурных отношений.

Почему это делается? Потому что Соединённым Штатам выгоден миф о российской агрессивности и вытекающей отсюда опасности для западного мира, он помогает им в реализации своего великодержавного курса в международных делах и стремлении ослабить Россию. Вассальное положение Европы не способствует созданию атмосферы доверия на континенте. Таким образом, с Европой произошла кардинальная метаморфоза с печальным итогом (потеря своего лица), и здесь вряд ли возможен обратный путь.

Создание зоны свободной торговли между США и Евросоюзом, которое стоит сейчас на повестке дня, имеет свою подоплёку, которая скрыта за непростыми переговорами о конкретных экспортно-импортных мерах.

Что касается США, то они хотели бы прочнее закрепить за собой Евросоюз, усилить его ориентацию на себя и тем самым ограничить, насколько это возможно, размеры коммерческого общения Европы с другими её партнёрами. При всех тесных трансатлантических связях Соединённые Штаты точит червь сомнения насчёт надёжности Европы как стратегического союзника. Образование зоны сокращает физические возможности европейских стран отклоняться от Америки, торговля с которой к тому же даёт свои выгоды. Как заявил бывший президент Европейской комиссии

Жозе Мануэл Баррозу, предстоящее трансатлантическое соглашение о свободной торговле и инвестициях является самой недорогой программой по поддержке конъюнктуры, какую можно только себе представить. При сопоставлении экономических потенциалов перевес в пользу США очевиден. По данным Евростата, валовый внутренний продукт США, рассчитанный по паритету покупательной способности, превышал германский показатель более чем в 4 раза, французский – более чем в 6 раз и т.д. Он лишь немного уступал суммарному ВВП всех 28 стран Евросоюза (2013 г.).

Евросоюз, со своей стороны, боится быть брошенным Соединёнными Штатами на произвол судьбы из-за их глобальных интересов и, в частности, заметного усиления внимания к другим регионам. Интеграционный альянс меньше всего желает остаться в Европе один на один с Россией, которая в его глазах является синонимом непредсказуемости. Украинские события в 2014 г. лишь усилили в той части Европы такого рода опасения.

Можно напомнить также, что, развивая свою зарубежную инициативу, США создали транстихоокеанское партнёрство, куда вошли многие страны этого региона. На очереди ратификация соглашения. Цель достаточно прозрачна – поставить под контроль как можно более широкий ареал мировой экономической географии.

Потеря значительной части суверенитета членом ЕС в пользу США – факт очевидный и полудобровольно осуществлённый, он воспринимается в мире как объективная реальность. В обозримом будущем он не подлежит изменению, скорее всего, он будет закреплён в силу различных причин. Послушание в мировой политике – не лучшая линия поведения, но именно оно характеризует трансатлантические связи и настолько въелось в плоть и кровь населения по обе стороны, что «рекомендации» США берутся для исполнения без большого сопротивления. «Американцы обращаются с нами, европейцами, всё ещё как с вассалами» – это прямая речь руководителя парижской «Школы против экономических войн» (École de guerre Économique) Кристиана Харбулота, отказывающего, к его сожалению, Франции в государственной самостоятельности ввиду её зависимости от США.

Во-вторых, чем дальше, тем больше иммиграция из-за рубежа подрывает саму основу существования европейских государств, какой она исторически сложилась. Штурм Европы выходцами из развивающегося мира не может закончиться неудачей: слишком много желающих и страждущих овладеть чужими благами цивилизации при слабой эффективности контроля над массовым переселением. Причём, если в случае с Соединёнными Штатами и Европой речь идёт о разборке «среди друзей», о субординации, то иммиграция в Европу несёт в себе системное разрушительное начало. Не все, но многие из вновь прибывших, легальных и нелегальных, настроены враждебно по отношению к своей «второй родине» и действуют соответственно.

Драматические события 2014–2015 гг., когда в Европу хлынули многомиллионные массы беженцев, и ситуация на какое-то время вообще вышла из-под контроля, поставили европейских политиков перед необходимостью принятия срочных адекватных мер. По оценке некоторых экспертов, не

все из этих деятелей оказались на высоте, и в т.ч. канцлер Меркель. Она проявила излишне либеральный подход, заявив, «мы справимся с этим» и разрешила мигрантам из объятой внутренней войной Сирии беспрепятственный въезд в Германию. Этим воспользовались мигранты из других проблемных стран, рассчитывая на благосклонность немецких властей. Неиссякающий приток страдальцев плюс присоединившихся к ним экономических мигрантов и дельцов с их криминальным бизнесом превысил все имеющиеся возможности по их сколько-нибудь удовлетворительному приёму и размещению. Это вызвало широкую критику Меркель как внутри страны, так и за рубежом.

В сложившихся обстоятельствах ЕС раскололся на тех, кто призывал к жёстким мерам и даже строил пограничные стены, и тех, кто несмотря ни на что проявлял «гуманизм». Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, решительный сторонник жёсткого подхода, обвинил ФРГ в создании невыносимой ситуации. Пытаясь как-то исправить положение, Меркель прибыла в Турцию, чтобы убедить президента Реджепа Тайипа Эрдогана ограничить у себя потоки беженцев, которые устремились в Европу и прежде всего в Германию. Взамен она пообещала внимательно отнестись к ходатайству Турции по ряду вопросов, в частности визовому, которые давно находятся на повестке дня. Через некоторое время, в феврале 2016 г., она вновь отправилась в Турцию, откуда вернулась без большого успеха.

Адекватное осознание феномена современной международной миграции пришло далеко не сразу. Сначала гастарбайтеров рассматривали как временную рабочую силу, которая «немножко поработает» на новом месте и вернётся домой, при этом всем будет хорошо. Затем оказалось, что приехавшие по востребованию несут в себе и социальное измерение: они должны не только что-то производить, убирать, красить, но и вправе рассчитывать на большее, а именно удовлетворение своих гражданских прав, включая семейную жизнь, бытовое обустройство, участие в выборах, обучение, управление. Как оказалось, приехали не просто рабочие руки, а люди со своими проблемами. И лишь сейчас обозначилась колоссальная (мягче не скажешь) антисистемная сила миграционного фактора, которая не только не сдаст в будущем свои позиции, но постепенно будет расширять их. Так, в Германии, ведущей стране Евросоюза, уже сейчас 20 % населения имеют в своей биографии миграционную составляющую, а численность желающих и пытающихся проникнуть в страны ЕС насчитывает миллионы и миллионы человек.

В обществе накапливается параллельный потенциал недовольства, который опаснее традиционного «социального динамита» по той причине, что нашедшие прибежище иностранцы стремятся изменить страну до неузнаваемости и учредить свои порядки. Власти ЕС и отдельных стран перепробовали многие меры по сдерживанию иммиграционного фактора, но они отнюдь не дали желаемого результата. Ведь согласно Дублинским соглашениям, прибывающие на территорию Евросоюза иностранные беженцы должны обращаться с просьбой о предоставлении убежища к той стране ЕС, куда они проникли первоначально.

Ввиду несогласия ряда стран с таким порядком, в ЕС обсуждается предложение о введении квот на приём иностранцев, что опять-таки вызывает спор среди стран альянса. Однако общая картина от этого не меняется – численность иностранцев в Евросоюзе растёт. Получается, таким образом, что бывшие колонии и зависимые территории наносят ответный удар, с которым Европе не удастся справиться. Африка и Азия берут реванш за прошлое. Можно выразиться и иначе – Европу постигло историческое возмездие.

Сейчас отчетливо заметно ускорение разрушительного хода истории, содержание которого состоит в превращении мононациональных государств в многонациональные. Причины такого превращения различны: религиозные, культурные, социально-экономические. В Европе это проявляется особенно отчётливо. Происходящие время от времени уличные беспорядки выступают как сигналы будущих потрясений, как буревестники революции, если прибегнуть к известному выражению.

Пресловутое столкновение цивилизаций, чем дальше, тем сильнее происходит не только на межгосударственном уровне. Его география расширяется путём переноса вражды из стран-поставщиков взрывного источника внутрь стран-реципиентов, на их национальные площадки.

Не надо преувеличивать и называть происходящее лавинообразным потоком, хотя, если иметь в виду не скорость, а суть, то сравнение с лавиной может всё-таки пригодиться – антисистемное движение попутно вбивает в себя часть титульного населения. Эти граждане – не заблудшие души, не единичные перевертыши, а сознательно выбравшие свою судьбу немцы, французы, итальянцы, голландцы и другие жители Старого Света.

Этот протестный союз, увеличивающийся в своих масштабах, разделяет общество, поляризует его. Поскольку демократическими средствами не представляется возможным преодолеть упомянутый союз, то в ответ активируются радикальные националистические силы при значительной поддержке местного населения. Обе стороны будут биться до победного конца, ситуация общего выигрыша не получится. В обществе снижается ощущение личной безопасности, это затрагивает всех и каждого, и в таких условиях коренное население скорее поддержит недемократические, правые блоки, включая ультра, ставящие на повестку дня безопасность, а не демократов с их порой безбрежным либерализмом.

Обе стороны борются «за народ», но имеют разные приоритеты. Современное великое переселение народов прорвёт любые национальные ограждения и со временем поставит вопрос об идентичности титульной нации как таковой. Отстаивать родные бастионы с переменным успехом смогут не демократы, толкующие о правах человека, гражданском обществе и сомнительных духовных ценностях, а паравоенные отряды защитников наследия отцов и дедов, причём свои действия они будут осуществлять не столько согласно букве конституции, сколько используя конституционные изъятия. Демократия покажет своё бессилие перед вызовом пришельцев и их адептов. Она похвальна при «хорошей погоде», но несостоятельна при чрезвычайных обстоятельствах.

Европе много раз прочили незавидную судьбу, но эти предсказания не оправдались вполне. Силы выживания превосходили грозившие ей реальные угрозы. Сейчас в действие вступили факторы, которые невозможно преодолеть и которые содержат в себе такой деструктивный потенциал, который Европа ещё не знала.

А. А. Филиппов, Л. Е. Криштапович

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Беларусь, alexfilippov1983@gmail.com, buk@buk.by)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Договор о присоединении Армении к Евразийскому экономическому союзу был подписан 10 октября 2014 года в г. Минске. Официальное присоединение Армении к Евразийскому экономическому союзу произошло 2 января 2015 года. Ряд ключевых вопросов, обуславливающих специфику участия Армении в евразийской интеграции, не нашли своего отчетливого отражения в «Дорожной карте», а также в существующей нормативно-правовой базе.

Одним из них является вопрос о непризнанной Нагорно-Карабахской Республике (НКР). Основные возникающие проблемы можно свести к следующим:

а) регулирование товарного потока из НКР, де-юре являющимся незаконным товарным потоком из Азербайджана; б) пограничный и таможенный контроль границы Армении с НКР, не соответствующий стандартам ЕЭС. Фактически, внешняя граница ЕСЭ в Закавказье проходит по передовой линии фронта с Азербайджаном; в) мощное армянское лобби в интересах НКР, представленное как в высшем политическом руководстве Армении, так и в структурах ЕЭС; г) неурегулированность экономических контактов между Арменией и НКР (в частности, на территории Армении свободно действует и проводит финансовые операции созданный в НКР «Арцахбанк», имеющий и лицензию Центрального банка Республики Армения).

Нужно осознавать значимость Карабахского вопроса для Армении и неизбежность попыток поставить его в повестку дня ЕЭС. Таким образом, Армения будет стремиться придать этому интеграционному объединению частично военно-политический характер, неизбежно солидаризируясь в этом вопросе с Россией вопреки позициям Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. Представляется, что в системе государственного управления Армении будет сделан акцент на вовлечение силовых и других неэкономических ведомств в работу ЕЭС.

Важной проблемой является вопрос пограничного и таможенного контроля. Проблема НКР тесно связана с пограничной политикой Армении. Так, граница между Арменией и Турцией и между Арменией и Азербайджаном закрыта, официальных перевозок товаров не осуществляется.

Армения не имеет общих границ с другими членами ЕЭС. Реализация значимых транспортных проектов Армении с Грузией на текущем этапе представляются мало реальной. Это связано как с напряженностью в российско-грузинских отношениях, так и проблемами в отношениях между официальными Ереваном и Тбилиси. Граница с Ираном, несмотря на тот факт, что она охраняется российскими военнослужащими, является практически открытым каналом для контрабанды из Ирана. Товары поступают без уплаты таможенных пошлин и далее проникают на территорию ЕЭС. Помимо неуплаты таможенных пошлин существуют большие риски ввоза на территорию ЕЭС и запрещенных товаров.

Наличие потоков контрабанды использовалось и для обвинения уже Армении в создании коридора для поставок санкционных изделий и материалов в Иран. Однако вероятность превращения Армении в полноценный контрабандный хаб ограничивается, во-первых, наличием российских пограничников, а значит, прямой возможностью России управлять ситуацией, а во-вторых, относительной изоляцией Ирана из мирового экономического пространства. Начавшийся процесс снятия санкций с Ирана усиливает риски роста контрабанды из этой страны в ЕЭС через Армению. До настоящего времени не предпринято никаких дополнительных мер по минимизации этого риска. Наиболее вероятный сценарий – укрепление российского пограничного и таможенного контроля, ограничение и без того невысоких полномочий армянской стороны в этом вопросе. Подобное ограничение может стать прецедентом для его распространения и на другие члены ЕЭС, в том числе и на Беларусь.

Россия уже использовала участие Армении в евразийской интеграции для усиления своего военного присутствия в стране. На российской военной авиационной базе в аэродроме Эребуни сформирована эскадрилья армейской авиации командования ВВС и ПВО Южного военного округа, значительно обновлен парк авиатехники. Идут работы по полному интегрированию ПВО Армении в систему ПВО России.

Армения исключена из проекта железнодорожного сообщения «Карс-Ахалкалаки–Тбилиси–Баку», рассматриваемого как потенциальная часть экономического пояса Нового Шелкового пути, что еще более усиливает экономическую изоляцию страны. Строительство железной дороги, которая позволила бы связать Иран с железнодорожным сообщением Грузии и Армении пока находится в состоянии проекта, причем активный контроль над переговорами по этому вопросу пытается осуществить Россия.

Важным направлением евразийской интеграции является сотрудничество в энергетической сфере. Армения, Беларусь и Кыргызстан понимают его, прежде всего, как доступ к российским энергоносителям по внутренним российским ценам. Армения вынуждена в настоящее время экспортировать почти 100 % потребляемых энергетических ресурсов. Основной поставщик – Россия. Возможность диверсификации поставщиков практически отсутствует в силу закрытости границы с Азербайджаном и Турцией и отсутствием надлежащей инфраструктуры для импорта энергоносителей из Ирана. Сам энергетический рынок Армении находится под пол-

ным контролем России, которой принадлежит около 80 % энергетических систем Армении.

Официально Армения покупает энергоносители у Российской Федерации по внутрисекторным ценам с учетом «транспортного плеча». Так, до вхождения Армении в ЕЭС цена природного газа составляла 190 долларов США за тысячу кубических метров, после вхождения цена была снижена до 165 долларов США за тыс. куб. м. Сохранен беспрошльный режим поставок российских нефти и газа в Армению. Однако внутри страны газ продается по цене 350–390 долларов США за кубический метр. Более того, введенная скидка на газ на входе в страну никак не повлияла на его цену для конечных потребителей.

Огромная разница между тарифами «на входе» и при доставке конечному потребителю является источником высоких коррупционных рисков в армянском истеблишменте, усиливающим его предрасположенность к более тесной интеграции с Россией.

Попыткам построить газопровод из Ирана через Армению противятся не только Россия, но также Азербайджан и Турция, не заинтересованные ни в появлении нового конкурента (Ирана) на газовом рынке, ни укрепления позиций Армении в регионе. Грузия же не в состоянии пролоббировать данный вопрос самостоятельно, а сами планы Грузии по диверсификации поставщиков энергоресурсов за счет Ирана вызывает ожесточенное неприятие со стороны всех крупных региональных игроков.

Основным внешнеторговым партнером Армении выступает Россия. Участие в евразийской интеграции способствует перераспределению влияния внутри государственного аппарата страны, прежде всего, за счет использования коррупционных схем, а также механизмов ЕЭС против отдельных направлений бизнеса. Экономические проблемы России оказывают двойное влияние на товарооборот между странами. Ослабление российского рубля и снижение цен на энергоресурсы позволяют значительно сократить издержки по этим позициям. С другой стороны, немедленно падает армянский экспорт в России. Оставаясь отрицательным, в абсолютном значении сальдо торгового баланса должно по идее уменьшаться и ослаблять давление на валютный рынок Армении. Нестандартным является рост импорта минеральных ресурсов, за счет которых и обеспечен общий рост российского импорта в РА. Можно предположить, что обеспечение поступления определенных финансовых сумм за счет экспорта в РА является принципиальным для Кремля, а это, в свою очередь, во многом нивелирует преимущества от участия Армении в ЕЭС. Парадоксально, но оптимальным для РА является высокий уровень цен на нефть и газ, что снизит коррупцию в стране (за счет невозможности увеличить маржу на внутреннем рынке), а также будет способствовать определенной либерализации энергетического рынка страны. Предлагаемые же РФ льготы на поставки энергоресурсов компенсируются ростом закупок и более высокой ценой для потребителей.

А. С. Хелик

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия, artkheliks@gmail.com)

ОБРАЗ «ХРИСТОЛЮБИВОГО ЦАРЯ» В «ПОСЛАНИИ НА УГРУ» ВАССИАНА РЫЛО

«Послание на Угру» ростовского архиепископа Вассиана по праву считается одним из наиболее замечательных памятников русской публицистики XV–XVI вв.

На страницах этого произведения впервые возникает идеал – образ «Нового Израиля» и образ «христоролюбивого царя», ставший впоследствии предметом активной работы русских книжников идеологов Московского государства. Кроме того, «Послание» представляет вниманию исследователя один из успешных примеров использования текста Священного Писания как инструмента политики.

Архиепископ Вассиан Ростовский по прозвищу Рыло, в 70-е годы XV века входивший в ближайшее окружение Ивана III Васильевича, был духовником и «наставником» великого князя. «Послание на Угру» было составлено владыкой Вассианом осенью 1480 г. Причиной для написания послания послужила сложная ситуация, в которой оказался великий князь. Орда хана Ахмата надвигалась на Русь, прекратившую платить дань, с целью восстановления древнего ордынского порядка, и перед Иваном встал выбор – принять бой и оказать сопротивление Ахмату или же принять условия хана, а значит, сохранить подданническое положение Руси. Именно в этот момент сложного выбора, в условиях ожесточенной дискуссии, разгорающейся в близких к московскому правителю кругах, владыка Вассиан и решил воззвать к своему господину.

Вассиан Ростовский как публицист, несомненно, являлся «продуктом своего времени». Общее господство религиозного сознания побуждало авторов публицистических сочинений XV–XVI вв. объяснять текущие события аналогиями из христианской истории, фактором божественного вмешательства и предопределения. Рассуждая же на важнейшие темы в жизни государства, отвечая на судьбоносные вопросы, совершенно естественным было обращение к священным текстам, как к наивысшему авторитету. Особое положение Московского государства, как последнего носителя истинной веры после падения Константинополя и решений Ферраро-Флорентийского собора, придавало особую остроту и точность аналогиям с библейскими сюжетами [3], [8].

Владыка Вассиан в начале «Послания на Угру» прямо указывает на основной источник своих идей, высказываемых государю: «Ныне же дрзнух написати къ твоему благородству, ничто же мало хошу воспоманути от Божественаго писания, елико Богъ вразумит мя, на крепость и утверждение твоей держав» [5]. В целом, в этом небольшом по объему сочинении обнаруживается двадцать четыре случая прямого цитирования библейского текста и три случая непрямого отсылки к библейскому тексту че-

рез назидательное упоминание поступков ветхозаветных царей древности. Единственной небиблейской ссылкой является цитирование Демокрита, очевидно позаимствованное Вассианом из греческого сборника изречений «Пчела» переведенного в XII–XIII вв. [2].

Таким образом, перед нами оказывается текст, в полной мере оправдывающий определение «духовно-политической» публицистики [6]. Автор предлагает великому князю принять политическое решение, сделав в первую очередь духовный выбор, важный для судьбы всего Русского государства и его как правителя в вечности.

Архиепископ Вассиан анализирует положение, в котором оказался великий князь. Татарское нашествие и последующее господство татарских правителей преподносится Вассианом как наказание за грехи, что отсылает нас к «Слову о погибели Русской земли» [7]. Вопреки утверждениям «льстецов», нашептывающих Ивану III о необходимости подчиниться Ахмату – ордынскому царю, Вассиан сравнивает Ахмата с фараоном, державшим в плену народ Израиля, лишая его права называться царем и развенчивая образ подобного царства. Архиепископ ростовский приводит обширную историю народа израилева, показывая, что каждый раз, когда израильтяне совершали грех перед лицом Бога, они попадали в рабство к иноплеменникам и врагам, и каждый раз Господь спасал их, посылая правителя от рода их [5]. Следуя этой логике, Вассиан утверждает относительно Батые, поработившего русские земли, – «а не царь сый, ни от рода царьска» [5], называя ханское войско Ахмата войском «агарян». Образ и восприятие ордынского хана как царя, по мнению автора, строятся на ложных основаниях. Его власть зиждется на страхе, стремление подчиниться ему у московского князя является данью политической традиции («клятвою есмы от прародителей» [5]), оно не морально, хотя столь судьбоносный выбор христианина должен быть таковым («И се убо который пророк пророчествова, или апостол который, или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющуся царю повиноватися тебе, великому Русских стран христианскому царю!» [5]).

Вассиан же считает великого князя, а не ордынских господ, достойным носить титул царя. Однако подобную честь нужно заслужить своими богоугодными поступками. Посему архиепископ Ростовский рисует перед Иваном III образ истинного христианского правителя, которому тот должен соответствовать: «Токмо мужайся и крепися, о духовный сыну, яко же добрый воинъ Христов, по евангельскому великому Господню словеси: «Ты еси пастырь добрый, душу свою полагает за овца. А наймник несть, иже пастырь, ему же не суть овца своя; видит волка грядуща, и оставляет овца, и богаеть; и волкъ расхитит и распудит. А наймник же бежитъ, яко наймникъ есть, и не радит о овцах. Ты же убо, государю, духовный сыну, не яко наймник, но яко истинный пастырь, подщися избавити врученное тебе от Бога словесное ти стадо духовных овецъ от грядущаго волка. А Господь Богъ укрепить тя и поможет ти, и все твое христоролюбивое воинство. Нам же всем вкупе рекшим: “Аминь”, еже есть: “буди”» [5].

Представления о «боголюбивом» царе имеют прочную библейскую платформу. Описывая царя как «пастыря», Вассиан обращается к Евангелию от Иоанна [1]. Истоки представлений автора об идеальном правителе явно прослеживаются в данном высказывании: «Ныне же той же Господь, аще покаемся вседушевно престати от греха, и возставит нам Господь тебе, государя нашего, яко же древле Моисиа и Исуса и иных, свободивших Израиля. Тебе же подасть нам Господь свободителя новому Израилю, христоименитым людем [...]» [5]. Архиепископ ростовский, прибегая к многократному повторению одних и тех же мыслей, облаченных в разную форму и подкрепленных разными библейскими отсылками, надеется укрепить великого князя в единственно правильном решении, которое диктует вера и совесть.

На страницах послания столкнулись два духовно-политических образа: образ «царя-наказания» – несправедный, отживший свое, покоящийся на политических условностях и страхе, и образа «христолюбивого царя» – царствующего «истины ради и кроткости и правды», истинного пастыря своего народа. Это столкновение и выбор, который сделал Иван III, положили начало перевороту в идеологии Московского государства [4].

Список литературы

1. Ин. 10:11–13.
2. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7 : Вторая половина XV века. – СПб., 2005. – С. 553–555.
3. Перевезенцев, С. В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. (Основные идеи и тенденции развития) / С. В. Перевезенцев. – М., 1999.
4. Перевезенцев, С. В. Русский выбор: Очерки национального самосознания / С. В. Перевезенцев. – М. : Русский мир (Серия «Pro Patria. Историко-политологические исследования»), 2007.
5. Послания на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7 : Вторая половина XV века. – СПб., 2006. – С. 386, 397.
6. Русская социально-политическая мысль XI–XVII вв. : хрестоматия / под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. – М., 2011. – С. 16.
7. Слово о погибели земли русской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. – СПб., 1999. – С. 388.
8. Филюшкин, А. А. Василий III / А. А. Филюшкин. – М., 2010.

В. В. Хилюта

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, tajna@tut.by)

ПОДХОД К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОРРУПЦИИ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИЗМЕНЁН

Борьба с коррупцией в Республике Беларусь почти всегда была одним из основных направлений внутригосударственной политики, ибо коррупция – это одно из наиболее опасных, разлагающих институты государ-

ства и гражданского общества явлений современной действительности, а противодействие ей – насущная необходимость.

Проблема коррупции вызывает серьезную озабоченность мирового сообщества и представляет собой реальную угрозу демократическому развитию эффективного государственного управления, равенства всех перед законом и социальной справедливости. Ни одна страна, независимо от ее социально-экономической и политической системы, не имеет устойчивого иммунитета к ее проявлениям. Именно поэтому известная, казалось бы, тема обретает новые проблемные аспекты, требующие законодательного, теоретического и практического решения.

Одной из таких проблем является определение сути самого явления – коррупция, а точнее как его следует понимать на законодательном уровне. Безусловно, вопросы сущности коррупции, форм ее проявления, правовых средств борьбы с ней вызывают многочисленные дискуссии. Однако, несмотря на планомерно осуществляемую борьбу с коррупцией, в теории права (и в первую очередь уголовного) и правоприменительной деятельности нет единого понимания сущности и границ коррупционного преступления, содержания и круга уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией при том, что последние представляют собой именно закрепление в законодательстве адекватных форм и оснований уголовной ответственности коррупционеров.

Отсутствие единообразного подхода к правовому содержанию коррупции порождает не только трудности учета и контроля за распространенностью данных преступлений, но и правовую проблему: без определения границ сущности рассматриваемого явления немислимо эффективное законодательство, включающее в себя адекватные виды уголовно-правовых средств противодействия коррупционной преступности.

В самом общем виде коррупция – это подкуп, злоупотребление должностным положением (доверием) или властью с целью получения выгоды. В римском праве термином «*согитреге*» обозначалась деятельность нескольких лиц, направленная на нарушение нормального хода судебного процесса или управления обществом. В наше же время этим термином, как правило, обозначают злоупотребление должностным лицом своими полномочиями в целях личной выгоды. К определению коррупции может быть применено два подхода: законодательный (собственно юридический) и доктринальный.

В *широком* смысле (доктринальном) коррупция характеризуется как негативное социальное явление, поразившее публичный аппарат управления и выражающееся в разложении власти, умышленном использовании должностным лицом и иными служащими своего служебного положения, статуса и авторитета занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах. То есть это понятие охватывает негативное социальное явление, поразившее публичный аппарат управления. Например, такая трактовка коррупции используется в зарубежном международном праве, где коррупция отнюдь не воспринимается лишь как подкуп государственных служащих, но и заключается в корыстном служебном злоупотреблении.

В узком смысле (юридическом) коррупция рассматривается как совокупность составов правонарушений, предусмотренных законодательством и отличающихся таким важным признаком, как злоупотребление, т.е. использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях или в групповых интересах. Чаще всего коррупции в данном аспекте рассматривают как предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния – коррупционные преступления, субъектом которых являются должностные лица и которые совершаются посредством использования должностных полномочий из корыстной заинтересованности и в целях личного обогащения. Тем не менее коррупцию нельзя ограничивать лишь ее уголовно-правовыми проявлениями, не включая другие виды коррупции, за которые устанавливается административная, дисциплинарная и иные виды ответственности.

Законодательное определение коррупции содержится в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон «О борьбе с коррупцией»). В частности, в ст. 1 Закона «О борьбе с коррупцией» указывается, что «коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного».

Если попытаться выделить главные составляющие данного определения, то они примерно сводятся к тому, что коррупцией надлежит рассматривать два блока этого явления:

а) умышленное использование должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц;

б) подкуп должностного лица путем предоставления ему имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей.

Итак, законодатель сегодня рассматривает коррупцию как подкуп должностного лица либо использование им своего служебного положения и связанных с ним возможностей. Тем не менее, законодательное опреде-

ление коррупции нельзя сегодня считать незыблемым и устоявшимся. Представляется, что существующее определение коррупции должно полностью соответствовать международно-правовым стандартам, коррупционные правонарушения логично вытекать из предложенной законодателем модели коррупции и охватывать все ее формы и проявления, а уголовное законодательство следует приводить в соответствие с действующими реалиями и иными законодательными актами, направленными на единообразное понимание и применение мер борьбы с этим негативным явлением. Хотя, наверное, стоит согласиться с тем, что однозначная и завершенная легальная формулировка коррупции вряд ли возможна. Как показывает анализ зарубежного законодательства, универсального определения коррупции, приемлемого для всех государств, не существует. Это можно объяснить многоликостью коррупции как социального явления, однако, это вовсе не повод для того, чтобы отказываться от определения коррупции и выявления существенных признаков этого негативного, давно устоявшегося общественного явления.

Ф. И. Храмцова

(Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске, Беларусь, flura.org@gmail.com)

ЭТОСООБРАЗНОСТЬ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Новейший этап развития политической науки отмечен разработкой востребованных практикой вопросов теории и методологии политических модернизаций. Анализ подходов позволяет заключить, что фундаментальным положением политической модернизации является принцип этосообразности принятия и реализации политических решений. В основу теорий определены закономерности эволюционной парадигмы как научного базиса политики государства на основе проектирования, отбора, адаптации «соответствующих модификаций государственного управления» [1, с. 167]. Эволюционная парадигма политической модернизации постулирует возрастающую роль «способности, умения органов государственного управления, с одной стороны, направлять в обществе инновационные процессы в социально-конструктивное русло, с другой – структурно и функционально перестраиваться адекватно реальным и прогнозируемым вызовам инновационно изменяющегося общества» [1, с. 166].

Авторская трактовка такого типа модернизации согласуется с подходом В.Д. Перевалова, который метафорично определяет данный феномен как «особый вид надежд, пронизывающий все революции прошлого и все высокие человеческие устремления» [2, с. 383]. Подчеркнем динамический аспект политической модернизации как специфического «процесса растущей сложности человеческих проблем, с которыми сталкивается си-

стема политического устройства». Выделим типы политических модернизаций, среди которых такие, как реконструкция, собственно модернизация и реформирование политической системы. Антиэнтропийная модель политической модернизации содержит учет и синтез истории, традиций, особенностей этнокультуры, религии, менталитета в процессе разработки и внедрения новаций в сферы общества посредством государственного управления. В качестве эмпирического объекта политической модернизации институтов власти рассматривается ускоренный, управляемый процесс «сверху» как переход от традиционного общества к обществу (постиндустриальному или информационному на принципах демократии). Критерием модернизации понимается адаптивность «многокомпонентной самоорганизующейся политической системы, способной к решению задач трансформации в экономической, социальной и культурной сферах» [2, с. 384]. Суть социальной трансформации, которая состоит в синергетическом характере хаотизации социальной системы вследствие угроз глобализации, ее признаками являются энтропийная направленность, нелинейный переход обществ к постиндустриальным обществам (согласно теории динамических систем) [3, с. 9].

В этой связи представляет интерес теория демократизации государства Г. Спенсера (1820–1903), которая опирается на ряд детерминаций эволюционизма, преемственности, целостности, структурности, адаптации общества от уровня развития образования, состояния нравственности, и на основе этого необходимости учета в политике «среднего уровня развития людей этого общества в конкретный период, этнических, культурных, ментальных особенностей народа» [4, с. 135]. Г. Спенсер трактует общество как надорганический объект общественной эволюции на основе закономерностей общественного развития и показателя усредненного уровня развития всех членов общества. Ученый постулирует «закон демократизма власти» как оптимальность темпов изменений, новаций в деятельности властных структур, позволяющие обществу адаптироваться к социально-политическим переменам. Г. Спенсер уточняет: «И если это замечание справедливо в царстве природы, то оно еще более справедливо по отношению к социальному организму, состоящему из человеческих существ, соединенных в единое целое» [4, с. 135]. В противном случае, заключает Г. Спенсер, реформы без учета этнокультуры, менталитета могут обернуться непредсказуемыми последствиями, утратой контроля над обществом, дестабилизацией. Г. Спенсер уточняет, что прогресс в политических институтах возможен при условии, если качественно возрастет средний уровень человеческого потенциала как закономерное следствие эволюционного созревания. Г. Спенсер подчеркивает факторную роль государства как основного института и проводника законности, экономической свободы, политической культуры, политических ценностей «доброты, мудрости, ума, рациональности». Принимаемые законы, не адекватные уровню развития об-

щества порождают регрессивную эволюцию. Г. Спенсер заключает, что суть демократизации власти состоит в «изменении человеческого поведения, принуждая или способствуя ему, постепенно воздействуя таким образом, что происходит изменение самой природы человека» [4, с. 134].

Вслед за идеями Г. Спенсера, российский методолог политической социологии А.И. Пригожин, разрабатывает теорию этоса как «генотипа нации, ментального кода невидимого программирования социокультурной жизнедеятельности» [5, с. 33]. Автор утверждает, что этос может быть инерционным, если не эффективны управленческие решения, или активным, если учитывается этосообразность осуществляемой политики. А.И. Пригожин подчеркивает, что «управленческие решения всех рангов необходимо просчитывать на этосообразность. Оценивать, предвидеть судьбу после запуска в конкретную социальную среду» [5, с. 34]. Важен вывод А.И. Пригожина о формировании «альтер-этосов как кодексов модернизации» (уважение к себе и уважение к другому, ответственность, оптимизм). Именно данные ценности влияют на качество труда и жизни, справедливость оплаты, законность как ориентиров преобразований в государстве и обществе.

Таким образом, политическая модернизация представляет собой целенаправленный процесс развития гражданской демократии как изменение условий, с учетом этнокультуры, традиций для участия широких слоев, групп, общностей в процессах принятия решений на уровне обновляемых институтов государства и гражданского общества [6]. Политическая модернизация призвана агрегировать социально-политические интересы граждан посредством созидательного труда, духовно-нравственной жизни, социальной практики.

Список литературы

1. Авцинова, Г. И. Инновационная политика в России как основа социального развития / Г. И. Авцинова // Россия в глобальной системе социальных координат: историко-социологическая компаративистика. Вып. 2 / под общ. ред. В. И. Жукова. – М. : Изд-во РГСУ, 2011. – С. 165–171.
2. Политология : учеб. / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 512 с.
3. Бабосов, Е. М. Антиэнтропийная направленность человеческого бытия и социальная энтропия / Е. М. Бабосов // Философские проблемы бытия, познания веры и культуры / Е. М. Бабосов. – Минск : РИВШ, 2010. – С. 7–19.
4. Спенсер, Г. Грехи законодателей / Г. Спенсер // Социс. – 1992. – № 2. – С. 132–139.
5. Пригожин, А. И. Российский этос: обогащение или лечение / А. И. Пригожин // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 31–37.
6. Храмцова, Ф. И. Интеллектуальный потенциал молодежи как фактор инновационного развития Республики Беларусь / Ф. И. Храмцова, С. А. Полетаев, А. М. Дулуб. – Минск : Бестпринт, 2016. – 277 с.

А. В. Худяков

(Министерство внутренних дел, г. Минск, Беларусь, ternovnik2008@bk.ru)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКИХ СЛУЖБ

Объективные мировые вызовы требуют от государства принятия мер адекватного реагирования, гибкости в выработке стратегии развития, социальной ответственности по отношению к своим гражданам. Это обуславливает необходимость быстрой адаптации системы управления к новым реалиям, поиску путей повышения его эффективности. Достижение оптимального уровня стабильности в обществе, развитие экономической и социальной сферы, повышение качества жизни населения, в том числе, определяется развитостью политического управления, важного регулятивного института общества.

Повышение эффективности политического управления требует поиска принципиально новых решений, затрагивающих содержание управленческой деятельности, ее организации и практической реализации, а также отказ от интуитивного обоснования оптимальных вариантов развития политических событий, политических импровизаций. Основу данных решений образует информация как результат интеллектуального поиска.

Информация, ее качественное и количественное преобразование, становится ключевым фактором развития системы политического управления, а информационно-аналитической деятельности отводится в нем важное место. Широкое применение аналитических технологий позволяет минимизировать ошибки и просчеты в государственной политике, способных привести к негативным политическим и социально-экономическим последствиям, а также способствует формированию гибкой и «открытой» системы политического управления.

Отечественные реалии демонстрируют, что возрастание социальной и политической активности населения, усиление его требований к содержанию деятельности государственных органов и качеству принимаемых решений, происходит на фоне снижения в них уровня информационно-аналитической деятельности. Дефицит аналитического мышления система политического управления стремится компенсировать разработкой комплексных и целевых программ. Это способствует формированию на республиканском и региональном уровне управления программной избыточности, при этом основные параметры заявленных в них целей, как правило, не достигаются.

Наиболее актуальна данная проблема для регионального уровня с его ограниченностью ресурсов, необходимых для осуществления информационно-аналитической деятельности. Складывается противоречивая ситуация. Формально политика, проводимая государственными органами, претендует на научно-аналитическую обоснованность принимаемых управленческих решений и учета мнения граждан. На практике основа управленческих решений формируется за счет субъективного восприятия

действительности государственными служащими, их интуиции, применения административных методов воздействия и форм работы с населением.

Ключевыми составляющими проблемы низкого уровня информационно-аналитического обеспечения политического управления выступают: недостаточная научная разработанность ее теоретико-методологических основ; насущная потребность в разработке универсальной технологии ее осуществления в государственных органах; низкий уровень подготовки специалистов в данной сфере в системе высшей школы; отсутствие на региональном уровне в государственных органах информационно-аналитических служб.

Анализ деятельности отечественных информационно-аналитических служб, как организационного оформления информационно-аналитической деятельности позволяет выделить следующие направления их дальнейшего развития: совершенствование и внедрение новых форм и методов информационно-аналитической деятельности в государственных органах; повышение эффективности координации и взаимодействия между государственными органами и информационно-аналитическими службами; формирование системы взаимодействия между негосударственными и государственными информационно-аналитическими службами.

В рамках первого направления предполагается решение трех задач. Во-первых, в стране государственное строительство происходит при отсутствии необходимого исторического опыта, что требует вовлечения в процесс значительного интеллектуального потенциала. Во-вторых, развитие белорусского общества предполагает использование значительного объема научно-теоретических и прикладных исследований, внедрение практики политического мониторинга, прогнозирования последствий, определения и предотвращения рисков, разработку и внедрение новых управленческих и информационно-аналитических технологий. В-третьих, важным элементом развития информационно-аналитического сообщества в рамках не только государственных органов, но и негосударственного сектора, является внедрение в стране профессиональной подготовки политических аналитиков.

В рамках второго направления необходимо формирование и нормативное правовое закрепление системы, координирующей взаимодействие информационно-аналитических и научно-аналитических служб и учреждений в системе государственных органов, предусмотрев возможность и механизм участия в ней негосударственных информационно-аналитических служб. В перечень основных задач официально уполномоченного координационного органа, созданного или функционирующего на базе уже действующей информационно-аналитической службы, должно входить проведение собственных исследований, и координация некоторых видов деятельности. Среди них отметим сбор, обобщение и анализ информационной и аналитической продукции профильных служб государственных органов; мониторинг социальной и политической ситуации; анализ и прогноз рисков; своевременное и полное информирование государственных органов; разработка и внедрение новейших методик и технологий информационно-аналитической деятельности; взаимодействие с зарубежными информационно-аналитическими службами и научными учреждениями.

В рамках третьего направления необходимо решение комплекса организационных мероприятий. Во-первых, практика демонстрирует отсутствие у государственных информационно-аналитических служб постоянства в своевременном и эффективном выполнении своих задач. Это актуализирует проблему размещения государственного заказа на проведение исследований в негосударственных информационно-аналитических службах. Наиболее характерна она для местных органов власти, бюджет которых не всегда позволяет содержать информационно-аналитические службы. Решение данного вопроса, с одной стороны, будет способствовать повышению эффективности принимаемых решений, с другой, развитию гражданского общества. Во-вторых, актуальна проблема нормативного правового регулирования деятельности негосударственных информационно-аналитических служб в целях содействия их развитию, обеспечению финансирования. Их деятельность может строиться как субъекта хозяйствования, который стремится получить прибыль, так и общественной, неприбыльной организации. В-третьих, политическая практика актуализирует вопрос организации взаимодействия между государственными и негосударственными информационно-аналитическими службами. Сопоставление результатов их деятельности будет способствовать не только оперативному получению более достоверных результатов, но и совершенствованию методологии проведения исследований.

Целенаправленное и поэтапное внедрение в практику рассмотренных мероприятий, будет способствовать развитию в Республике Беларусь организационных, теоретических и методологических основ информационно-аналитического обеспечения процессов выработки и принятия политико-управленческих решений, способствовать развитию гражданского общества, повышению эффективности политического управления.

В. В. Цепкало

(Парк высоких технологий Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
director@park.by)

В. П. Старжинский

(Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь,
vstarzhinskij@yandex.by)

ИДЕОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ – МОДЕРНИЗАЦИЯ

Конструктивно-мобилизующая роль идеологии. Известно, что во время Великой Отечественной войны перед наступлением проводилась мощная артподготовка, которая во многом определяла исход сражения. Аналогичную роль играет идеологическая работа и, в частности, пропагандистская подготовка, которая готовит самое главное для успеха любого начинания – команду единомышленников. Герб, флаг и гимн – это неотъемлемые символы государственной идеологии, ее, так сказать, реальные атрибуты. Задача идеологической работы состоит в том, чтобы эти символы освещали каждодневную практическую деятельность через ощущение необходимости и

полезности своего труда, через ощущение гордости за свою страну. Это возможно через способность страны и ее идеологии воодушевить народ на выполнение определенных задач. К таким задачам относится прежде всего создание экономики знаний, обретение инновационного пути развития.

Следует различать теорию и идеологию. Как известно, в философии идеология имеет несколько смыслов. Она выступает символом духовного, идеального, связанного с человеком, его сознанием, духовным миром. В этом смысле Маркс подразделял отношения на два типа – материальные и идеологические, или духовные. Именно этот расширительный смысл идеологии используется в данном тексте. Второй смысл идеологии – политический заключается в ее апологетической функции – легитимизации власти, защите ее интересов. Как правило, задача идеологии состоит в том, чтобы скрыть подлинные интересы чиновников и бюрократов, которые, в случае расхождения с интересами простого народа, пытаются отвлечь от протестных форм и борьбы за власть, направить протестный электорат в «мирное русло». Естественно, речь идет о политической идеологии, которую Маркс называет «извращенным сознанием». И, наконец, третья – конструктивная форма идеологии, которая нас будет интересовать прежде всего и которая, на наш взгляд, до сих пор остается Золушкой в силу неопределенности приоритетов. Именно идеология как конструктивная теория развития общества, на наш взгляд, не получила должной разработки, поскольку до сих пор не удалось соединить приоритеты общественного развития с реальной общественной психологией. Идеология в этом методологическом смысле представляет собой учение о высших целях и ценностях развития общества, а также совокупности средств достижения этих целей. В реальной экономической и политической деятельности цели общества и государства конкретизируются в виде приоритетов экономического и социального развития и нуждаются в мощном идеологическом обосновании и поддержке.

На этом конструктивном пути белорусская идеология перестанет искать некую абстрактную идентичность и свою «белорусскость», избавится от комплексов неполноценности как развивающаяся страна (подобно сингапурцам, малазийцам или ирландцам) и станет изыскивать гуманитарный ресурс поддержки решения наиболее приоритетных направлений и задач во всех сферах общественно-экономического развития. Другими словами, задача нашей идеологии состоит в том, чтобы доказать на деле, что белорусы могут быть изобретательны, предприимчивы, находчивы и способны конкурировать на самых высокотехнологичных и престижных сегментах мирового рынка. Нет народов, больше или меньше других заслуживающих процветания и благодати. Нет религии, больше или меньше способствующей экономическому росту. Есть законы экономики, которые одинаковы для любого, пусть даже самого отсталого, общества. Особенно это становится актуально в условиях глобального финансово-экономического кризиса, который излечивает мировую экономику от перекосов и дает шанс нашему государству построить «экономику знаний», основанную на приоритетах инновационного развития.

Анализ опыта экономической модернизации показывает, что разработанные экономические программы становились основой национальных

идеологий, ибо предусматривали меры в решении задач, связанных с человеком, инициированием веры в творческие способности и инициативу исполнителя, его моральные, культурные и духовные ценности. Идеологическое обеспечение экономической модернизации отнюдь не сводится к усвоению формальных показателей либо следованию абстрактным идеям экономического либерализма и прав человека. Речь должна идти о постановке перед собой и своим народом четких, ясных и простых для понимания целей по принципу своеобразной всеобщей мобилизации типа «Все на борьбу за ...». В качестве такой цели, например, Сингапур поставил перед собой одну из приоритетных задач – через пять лет стать самой чистой столицей мира. На самом деле, чистота в доме, городе и стране – один из признаков собранности и мобилизованности народа. С чего начался взлет современного Запада? Он начался с того, что жители Флоренции облачились в белые одежды и очистили от отходов и грязи улицы своего города. США и их возрождение после Великой депрессии началось со строительства «хайвеев» – автострад, которые обеспечили мобилизационно-идеологическую и инфраструктурную составляющие Америки на тот исторический период.

Задача идеологии на любом периоде развития общества – достигнуть единения и духовного подъема народа в деле выполнения общенародных задач. Если на корабле нет команды, способной четко исполнять распоряжения капитана, а есть укомплектованное штатное расписание, то такой корабль обречен. Задача идеологии и состоит в удивительном превращении некоторого количества людей в коллектив единомышленников, команду, способную к достижению поставленных целей.

Изменение государственной идеологической парадигмы. Одной из важнейших составляющих идеологии белорусского государства, которая обслуживает экономическую модернизацию отечественной экономики, является изменение парадигмы государства по контролю над экономическим развитием. Речь идет о дебиюрократизации государства, его либерализации, изменении стиля взаимоотношения государства и бизнеса. Естественно, что контроль государства над бизнесом необходим. Любая деятельность, претендующая на статус успешности, содержит в себе этап контроля, проверки с целью последующей коррекции. Более того, функция проверки и контроля деятельности хозяйствующих субъектов является одной из главных в государстве. И от того каков тип взаимоотношений между проверяющим и проверяемым, складывается в основном благоприятный климат для деловых людей.

Анализ менеджмента, например, китайской экономики показывает большую роль государства и идеологии в развитии китайского бизнеса. При этом бизнес, потенциально имеющий перспективы роста, особенно бизнес с высокой добавленной стоимостью, прежде всего хайтек, получает преференции у государства. В новой форме взаимодействия государства и бизнеса и проявился успех ряда стран Юго-Восточной Азии. Именно в партнерстве властей и инновационного бизнеса заключался секрет знаменитой американской Силиконовой долины, позволившей в то время губер-

натору Калифорнии Рональду Рейгану вернуть Америке экономический успех, а ее гражданам – самоуважение и гордость за свою страну.

Таким образом, на примере ряда стран видно, как государственный аппарат стал совершенным средством целевой поддержки, информирования и консультирования того бизнеса, с которым страна связывает свои конкурентные преимущества в мире.

Глобализация в мировой экономике приводит к тому, что изоляционизм становится для национальных экономик приговором на вечное отставание. «Аутсорсинг» – вынос непрофильных производств или процессов за пределы основной компании – привел к противоречивым последствиям. С одной стороны, он способствует развитию национальных экономик в случае работы в сфере хайтека. С другой, «грязное» или сборочное производство порождает экологические проблемы.

ПВТ – лидер ИТ-индустрии. Создание Парка высоких технологий позволило Беларуси за десять лет, получить мощную ИТ-индустрию, которая становится основным фактором инновационного развития в Беларуси и занимает уверенные позиции на международном и, в частности, на Европейском рынке компьютерных услуг. Белорусские ИТ-компании стали известны не только в узкой среде профессионалов как разработчики модели b2b (бизнес для бизнеса). В Беларуси появилась модель b2c – бизнес для потребителей. Речь идет о программных продуктах с высокой тиражностью. Согласно данным Всемирной торговой организации, по экспорту компьютерных услуг на душу населения в 2013 году Беларусь обогнала таких признанных мировых лидеров в ИТ-сфере, как Индия и США. Так, по итогам 2013 года объем экспорта компьютерных услуг Беларуси составил порядка \$ 60 на душу населения, в то время как у Индии этот показатель равнялся \$ 41, у США – \$ 36. Экспорт программного обеспечения и услуг в 2015 году составил \$ 705,6 млн.

В. Г. Циватый

(Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, г. Киев, Украина, tsivatyy@i.com.ua)

**ГЛОБАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ
И ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ УКРАИНА –
РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ
(2014–2016 гг.): ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

В условиях формирования новой полицентричной политико-дипломатической системы перед государствами во втором десятилетии XXI века стоят новые задачи и новые проблемы. В целях эффективного урегулирования украинского кризиса активное участие принимает главный международный бктор глобальной дипломатии XXI века, главная международная институция, которой в 2015 году исполнилось 70 лет – Организация Объединённых Наций (ООН). Украина, Россия и Европа, и государства Во-

сточной Европы, в частности – политико-дипломатическая поддержка Республики Беларусь, продолжают совместный переговорный процесс по урегулированию украинского кризиса, при поддержке ООН. В современном глобализирующемся мире возрастает роль дипломатии и, соответственно – меняется оценка действенности её инструментария в теории и практике политики. Дипломатия приобретает статус глобальной дипломатии. Эволюция международных и дипломатических систем в глобальном пространстве XXI века существенно влияет на формы, методы и функции дипломатии в социуме. Глобальная история, современная глобалистика и глобальная дипломатия – все эти составляющие институционализируются в глобальную дипломатическую или политико-дипломатическую систему (теория политических систем), которая постоянно эволюционирует в ответ на новые вызовы и угрозы современности [1, с. 799–802].

Поколение дипломатов XXI века должно уметь не только выстраивать и отстаивать национальные интересы своего государства, но и обеспечивать отстаивание этих интересов на глобальных площадках в рамках складывающихся институциональных отношений наднационального характера или международных организаций (международных институций), как, например, ООН. Дипломаты нового поколения обязаны уметь выявлять основные тренды глобального политического развития и прогнозировать развитие глобальной политико-дипломатической системы, а в отдельных случаях – проводить глобальную миротворческую и превентивную дипломатию в целях локализации либо нейтрализации межгосударственных конфликтов или политико-дипломатических кризисов в межгосударственных отношениях в условиях среды глобальной безопасности [2].

Украина в глобализирующемся мире становится объектом глобальной дипломатии. В целях эффективного урегулирования украинского кризиса активное участие принимает главный международный фактор глобальной дипломатии XXI века – Организация Объединённых Наций (ООН). Украина, Россия и Европа продолжают переговорный процесс по урегулированию украинского кризиса, при поддержке ООН. Ведь на сегодня глобальная архитектура современного глобализированного мира представляет собой своего рода «пирамиду», на вершине которой находится ООН – главный инструмент поддержания мира и безопасности, деятельность которой дополняется сотрудничеством в рамках региональных организаций и на двусторонней основе. На сегодня украинский кризис – это одна из самых серьёзных задач для безопасности всего мира с геополитической точки зрения. Эволюция глобальных процессов, несомненно, требует адаптации дипломатии к новым реалиям глобализированного мира.

В новых глобализированных условиях многосторонняя дипломатия, которая стала «сетевой», требует постоянного обновления форм и методов своей дипломатической деятельности, опирающихся на новый дипломатический инструментарий, гибкие формы участия государств в многосторонних структурах в целях коллективного поиска решений общих задач, и прежде всего – в контексте новой архитектоники европейского пространства безопасности и постсоветского пространства безопасности.

Многосторонняя дипломатия, или, в более узком смысле, конференционная дипломатия, стала основным инструментом поиска и согласования международных решений в глобальном, региональном, национальном и отраслевом масштабах [3, с. 269–280]. Дипломатия и политико-дипломатический диалог государств решают все глобальные проблемы современного глобализованного мира [4, с. 96–106].

Дилеммы внешней политики и дипломатии Украины, а также реакция на эту политику внешних факторов и международных институций (в т.ч. ООН) остаются на сегодня весьма острыми и открытыми. Смена украинских политических правящих элит, обострение отношений с Россией вследствие крымского кризиса, актуализировали проблему определения внешнеполитических приоритетов Украины. Мы видим, что современный мир вошёл в фазу драматических изменений. Нетрудно заметить, что большая дипломатическая игра между Россией и Западом вокруг Украины сейчас проходит под знаком идеологии геополитической концепции «Большой Европы» [4].

Следует отметить, что в начале XXI века ведущим государствам мира удалось в значительной степени повысить свой авторитет и влияние национальной дипломатии на международной арене. Для получения глобальных преимуществ как в историческом прошлом, так и сегодня большинство государств стремятся действовать мягкими, опосредованными дипломатическими методами (в теории политики и дипломатии это называется – методы конференционной дипломатии и политики) [5].

Компаративный анализ заявлений, интервью и действий высокопоставленных украинских чиновников в 2014–2016 годах показывает отказ во внешней политике от многовекторности и резкое усиление евроинтеграционного и евроатлантического внешнеполитического крена. Вместе с тем целый ряд обстоятельств, касающихся характера, масштабов, долгосрочности текущего внешнеполитического тренда, а также масштабов его поддержки в украинском обществе остаются неопределёнными. Одним из важных факторов, подвергшихся пересмотру новыми украинскими властями, являются параметры участия Украины в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве, в частности СНГ, и в мировом масштабе – в ООН.

Мы видим, что современный мир вошёл в фазу драматических изменений. Нетрудно заметить, что большая дипломатическая игра между Россией и Западом вокруг Украины сейчас проходит под знаком идеологии геополитической концепции «Большой Европы». В данном контексте особый интерес вызывает политико-институциональный диалог Украина – Республика Беларусь в условиях полицентричного мира [6; 7].

В настоящее время можно было бы говорить о нескольких возможных моделях развития СНГ. Все страны СНГ, в частности Украина и Республика Беларусь, испытывают сильное влияние, а подчас и мягкое давление со стороны как Европейского Союзу, так и России. С учётом данных обстоятельств они вынуждены балансировать между интересами собственного государства и сильнейших игроков на международной арене. Потенциал влияния Европейского Союза на Украину, Молдову и Беларусь на сегодняшний день как никогда высок. Однако российский фактор влияния не

исчезает в силу ряда причин, в том числе и из-за энергетической зависимости от поставок российского газа. Поэтому СНГ в принципе концептуально изменило вектор своей направленности, перестав заниматься разделом постсоветского имущества, а скорее, преобразовавшись в клуб государств, которые присматриваются к новым объединительным и интеграционным процессам.

На сегодня для СНГ является наиболее актуальным вопросом – четко сформулированная концепция его будущего, как важного игрока многосторонней дипломатии XXI века. Создание такой концепции возможно только на основе беспристрастного анализа пройденного Содружеством пути, детального выяснения того, что мешает СНГ двигаться вперед. Сегодня только диалог государств СНГ на профессиональном и конструктивном уровне способен определить будущее этой институции, при активном и действенном участии региональной дипломатии (например, политико-дипломатический диалог и сотрудничество Украины и Республики Беларусь).

Список литературы

1. Циватый, В. Г. Социология дипломатии, дипломатические системы и институты дипломатии в условиях новых вызовов и угроз глобализации XXI века / В. Г. Циватый // Приоритетные направления развития социологии в XXI веке : материалы IX междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения» . – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2014. – С. 799–802.
2. Ильин, И. В. Теория и практика политической глобалистики : моногр. / И. В. Ильин, О. Г. Леонова, А. С. Розанов. – М., 2013. – 296 с.
3. Циватый, В. Г. Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект / В. Г. Циватый // Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования : моногр. / М. Язбец [и др.]. – Киев : Дипломат. академия Украины при МИД Украины, 2015. – С. 269–280.
4. Жильцов, С. С. Украина: 20 лет пути к независимости / С. С. Жильцов. – М. : Восток-Запад, 2012. – 338 с.
5. Mowat, Robert Balmain. A History of European Diplomacy (1451–1789) / R. B. Mowat. – London : Hamden-Connecticut, 1971. – 311 p.
6. Величко, В. В. Состояние и перспективы белорусско-украинских отношений / В. В. Величко // Веснік Мін-ва замежных спраў. – 2004. – № 3. – С. 53–59.
7. Юрчак, Д. В. Государственно-политическое сотрудничество Республики Беларусь и Украины в 1991–2004 годах / Д. Ю. Юрчак // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. – 2008. – С. 48–52.

В. И. Чушов

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, tchoue@mail.ru)

МЕТОД СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В современной философии и методологии науки в качестве методов прогнозирования будущего обычно рассматриваются все известные формы и методы научного познания.

При этом предметная область прогнозирования будущего иногда рассматривается и более прицельно. В такой перспективе она рассматривается, например, в футурологии, которую О. Флехтхейм отличал и от идеологии, и от утопии. Важное место методы прогнозирования будущего, очевидно, играют или, по меньшей мере, должны играть и в современной политической науке.

С одной стороны, очевидно, что политическая наука по используемому арсеналу методов постижения будущего не может существенно отличаться и от философии и методологии науки, и от футурологии, которые, постигая будущее, используют множество соответствующих методов. Например, в современной футурологии преимущественное внимание уделяется таким методам прогнозирования будущего, как экстраполяция, историческая аналогия, компьютерное моделирование, экспертная оценка, а также сценариев будущего [1]. Можно предположить, что все эти методы могут использоваться для прогнозирования будущего и в современной политической науке. Вместе с тем, и сами эти методы, и их важнейшие особенности в современной политической науке изучены неравномерно. Можно не без оснований предполагать, что в меньшей степени из них «повезло» методологическому своеобразию метода сценариев. Не недооценивая, поэтому, роли и значения углубленного изучения методологического потенциала политической экстраполяции, исторической аналогии, компьютерного моделирования, а также экспертных оценок в арсенале средств политической науки по постижению будущего обозначим далее некоторые, существенные, как нам представляется, особенности метода сценариев будущего.

Данный метод по своей эпистемологической сути является, во-первых, концептуальной актуализацией настоящего. Используя его, однако, не следует упускать из вида, что в устремленном в будущее образе настоящего всегда различимы две проекции, или стратегии: ориентированная по преимуществу в прошлое и (или) устремленная в будущее (ретроспекция и проспекция соответственно).

Во-вторых, метод сценариев будущего отличается как от обыденных представлений (предположений) о нем, так и (или) от научных гипотез. В отличие от первых вторые, в соответствии с канонами философской методологии науки, являются таковыми, если способны как описывать, так и объяснять реальное положение дел, а также предсказывать его будущие состояния.

В отличие от научной гипотезы, которая по своему содержанию и структуре (совокупности принципов, законов и категорий) не может существенно отличаться от научной теории, взвешенное предположение о будущем, реализованное с помощью метода сценариев в принципе может базироваться на менее строгом содержании, чем то, которое задается канонами научной теории. Это содержание уместно обозначить понятием концепции, или систематизированной совокупности представлений об образе будущего, которая соответствует стандартам рациональности, задаваемых процессами развития определенной науки, в нашем случае, науки политической. Если научная гипотеза должна соответствовать стандартам логики и научной рациональности (аргументации), то предположение о будущем, полученное в поли-

тической науке с помощью метода сценариев будущего не должно противоречить стандартам рациональности, которые задаются в этой науке.

Выявляя своеобразие метода сценариев будущего и возможностей его использования в политической науке полезно не забывать о следующем. В обыденном языке слово «сценарий» обозначает как совокупность событий, реализованных в кинофильме, так и список его действующих лиц. Подмечаемая в обыденном языке двойственная природа сценария не должна упускаться из вида и при его анализе в качестве метода политической науки. В сценарном методе политической науки должны тоже учитываться как особенности изменения некоторого объекта, так и его действующие лица. По крайней мере, именно на это обращали специальное внимание исследователи, которые ввели метод сценариев будущего в современную политическую науку и, кстати, не только в нее еще в 60-х гг. XX в. Именно тогда футурологами и политологами с помощью метода сценариев были осмыслены возможные последствия термоядерной войны.

До сих пор являются достаточно хорошо известными концептуализированные в то время сценарии «ядерной зимы», «глобального потепления» и др. Уместно отметить, что с помощью метода сценариев будущего были описаны в первом приближении особенности глобальных проблем, описано своеобразие глобализации как военного и политического феномена. Более того, не без помощи метода сценариев будущего уже в прошлом веке среди ученых и специалистов было сформировано убеждение в том, что для решения глобальных проблем необходимо использовать совокупный потенциал всего человечества.

Первые, обсуждавшиеся в политической науке сценарии будущего симптоматично вращались вокруг проблем жизни и смерти современного человечества. Касались, в частности будущего нашей биосферы, у которой нет политических границ, а также нашего государственноорганизованного будущего (Г. Кан). Его сторонник Д. Белл, не переоценивая эвристического потенциала метода сценариев будущего, правильно отмечал, что с его помощью можно критически переоценить стандарты рациональности, которые задавались классической политической наукой. В этой науке с легкой руки Н. Макиавелли будущее человечества на пятьдесят процентов зависело от фортуны (судьбы), и на столько же процентов от *virtu*. Использование метода сценариев будущего позволяло более ответственно подойти к оценке вероятности реализации некоторой возможности, коренящейся в настоящем и будущем, и, следовательно, корректировало классические представления.

Эта корректировка касалась изучения пограничных, экстремальных состояний некоторой системы. Если такой системой была биосфера, то ученых не могли не интересовать сценарии ее уничтожения и оптимального воспроизводства. Если таковой была сфера политики, то сценарные прогнозы ее будущее должны были концентрироваться в первую очередь на вероятности военных столкновений, кризисов и революций.

Нельзя не согласиться, поэтому, с пионерами использования методов сценариев будущего в политической науке Г. Каном и Э. Вейнером в том, что оно позволяет привлекать внимание общественности к наиболее драматичным исходам и перспективам будущего; концентрировать внимание

ученых и практиков на таких деталях возможного будущего, на которые обычно не обращают внимания; и, наконец, раскрывать такое взаимодействие объективных условий и субъективных факторов в политической сфере, в котором не упускается из вида своеобразие взаимодействия психологии, экономики, культуры, социальной структуры, политики, военных факторов, а также «отдельных политических личностей» [2, р. 263].

Как представляется, сегодня полезно уточнить и дополнить наши представления об эвристическом потенциале метода сценариев будущее, рассматривая его уже не только, как алармистский сигнал общественности, но и как необходимое средство рациональной организации нашего политического воображения будущего, а также вспомогательное средство выработки научных гипотез о нем.

Не претендуя на законченное определение содержания метода сценариев будущего, в первом приближении его можно было бы назвать таким средством моделирования будущего в политической науке, целью которого является выработка рациональных гипотез о нем. Рациональные гипотезы о будущем предполагают изучение его причин и условий (необходимых и достаточных), а также архитекторов, реализаторов, акторов, и подчеркнем это специально, аргументационных схем экспликации содержания будущего. Такая аргументационная экспликация может быть реализована с помощью концепции абстрактной аргументации Ф. мин Данга. Она также невозможна без учета тех альтернатив, которые «существуют для актора на каждом шаге его движения (step by step) и которые могли бы предотвратить, заблокировать или, наоборот, содействовать некоторому процессу» [2, р. 6].

Следовательно, получаемые с помощью метода сценариев будущего его концептуальные модели в политической науке могут быть важными предпосылками для выработки научных гипотез о будущем, если, конечно, они по своей форме будут соответствовать не только стандартам логики и рациональности, но и стилистики научного дискурса.

Список литературы

1. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование / И. В. Бестужев-Лада, Г. А. Наместникова. – М. : Пед. об-во, 2002. – 392 с.
2. Kan, H. The year 2000. A framework on speculation on the Next Thirty-Three years / H. Kan, A. Weiner, 1967. – 431 p.

С. Б. Шавунова

(Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия, s.shovunova@mail.ru)

К ВОПРОСАМ О КОНТРОЛЕ ЛЬГОТ ПО УПЛАТЕ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В ЕАЭС

После создания ЕАЭС законодательная база, регулирующая вопросы предоставления льгот по уплате таможенных платежей, а также порядок и практика их применения были разделены на два уровня регулирования.

Утверждение двухуровневой системы регулирования льгот по уплате таможенных платежей обусловлено тем, что уплаченные ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств – членов ЕАЭС: Армения – 1,11 %, Беларусь – 4,56 %, Казахстан – 7,11 %, Россия – 85,32 %, Кыргызстан – 1,9 % [1].

На данный момент договор о ЕАЭС уже действует Договор о ЕАЭС и подготовлены поправки в Таможенный кодекс Таможенного союза (далее ТК ТС). Однако определение термина «льгота по уплате таможенного платежа» не закреплено на законодательном уровне, понятия «льгота по уплате таможенного платежа» и «освобождение от уплаты таможенного платежа» также не были разграничены. Это служит причиной возникновения затруднений с установлением льгот для различных лиц и категорий товаров, поэтому произвести оценку экономических последствий от введения этих льгот затруднительно.

Проанализировав научную литературу, посвященную изучению льгот по уплате таможенных платежей, можно прийти к выводу, о том, что термин «льгота по уплате таможенного платежа» отсутствует.

Под таможенной льготой понимается «любая льгота, которая касается правил, установленных таможенным законодательством в отношении товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу России, которая может быть связана с изменением сроков уплаты таможенных платежей, первоочередным порядком таможенного декларирования, льготным налогообложением (снижением ставки НДС)» [2].

Тарифная льгота трактуется как форма снижения затрат импортера при перемещении товара через таможенную границу, получение экономических выгод импортером, предполагающее создание конкурентных преимуществ иностранного товара на внутреннем рынке РФ [3].

Определение тарифной льготы может быть частично взято за основу определения термина «льгота по уплате таможенного платежа», так как показывает принципиальное значение отдельного вида льгот по уплате таможенных платежей, акцентирует внимание на необходимости экономической и социальной обоснованности введения новых видов льгот по уплате таможенных платежей.

Льгота как инструмент государственного стимулирования является «выпадающим таможенным доходом», поскольку таможенные платежи, в отношении которых предусмотрены льготы (либо применены сниженные ставки платежей), должны были быть перечислены в бюджет либо распределены между странами – участницами ЕАЭС.

Льготы по уплате таможенных платежей также подразделяются по способу уплаты или освобождения от уплаты таможенных платежей (полное условное освобождение, частичное условное освобождение, применение сниженной ставки, освобождение от обязанности по уплате таможенных платежей).

Вместе с тем состояние и действующие ориентиры внешнеэкономической политики России как участницы ЕАЭС требуют комплексного подхода при использовании такого инструмента налоговой и таможенной по-

литики, как льгота по уплате таможенного платежа, и уточнения содержания этого понятия.

Современный вектор развития экономики России, обусловивший масштабные структурные преобразования в части импортозамещения, предопределяет необходимость изложения определения термина «льгота по уплате таможенного платежа» в такой редакции: это инструмент государственного стимулирования экономики, применяемый в области таможенного дела в виде освобождения от уплаты либо применения сниженной ставки таможенного платежа в соответствии с международным и национальным законодательством, ориентированный на повышение качества жизни населения, поддержку производства, используемый при проведении структурных преобразований национальной экономики посредством поддержки отдельных ее секторов и не имеющий индивидуального характера.

Предлагаемое определение термина «льгота по уплате таможенного платежа» показывает, что термин «освобождение от уплаты таможенного платежа» является более узким по содержанию, так как не подразумевает применения сниженной ставки таможенного платежа (в связи с чем не может быть использован в отношении тарифной преференции, сниженной ставки НДС). Введение представленного определения термина «льгота по уплате таможенного платежа» позволит уточнить значение номинируемого понятия.

В связи с тем что льгота по уплате таможенного платежа на законодательном уровне будет позиционироваться как инструмент государственного стимулирования экономики в области таможенного дела, введение новых видов льгот по уплате таможенных платежей будет сопряжено с необходимостью предоставления обоснований и подробных расчетов, прогнозирующих экономический эффект от их применения. Данная мера позволит также проанализировать применяемые в настоящее время льготы по уплате таможенных платежей на предмет их актуальности.

Вместе с тем ни на уровне Правительства РФ, ни на уровне Евразийской экономической комиссии не определена система оценки эффективности применения льгот по уплате таможенного платежа, не осуществляется обеспечение оптимального выбора объектов для предоставления государственной поддержки в виде льгот по уплате таможенных платежей.

При контроле правомерности предоставления льгот по уплате таможенных платежей таможенные органы применяют различные методы (метод выборочного контроля, метод документационного контроля, метод оценки и анализа рисков и др.) [4]. При этом анализируются различные направления деятельности участников ВЭД, в первую очередь ориентированные на проверку соблюдения правомерности использования льгот по уплате таможенных платежей, производимую путем изучения и анализа документов, заявляемых в декларации на товары.

В современных условиях данные методы недостаточно эффективны с точки зрения осуществления фискальной функции таможенных органов. Современная экономическая ситуация требует применения новых, более совершенных, механизмов контроля.

Определяющим критерием оценки эффективности предоставления льгот по уплате таможенных платежей, на наш взгляд, должен выступать экономический эффект, измеряемый, например, доходом предприятий отдельного сектора экономики, на развитие которого направлена льгота. При этом оценка эффективности должна проводиться с учетом потребностей национального рынка.

Назначение льгот по уплате таможенных платежей должно проявляться в развитии российских производственных предприятий и создании новых за счет обеспечения недостающими ресурсами, что приведет к достижению основной цели – обеспечению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности отечественной экономики [5].

Таким образом, нормативное закрепление предложенного определения термина «льгота по уплате таможенного платежа» и использование классификации льгот позволят усовершенствовать систему предоставления льгот, создать новую модель администрирования льгот по уплате таможенных платежей, соответствующую современным требованиям внешнеэкономического курса РФ. На этой основе возможно будет разработать и внедрить стратегию и методику оценки эффективности применяемых льгот по уплате таможенных платежей на основе релевантных сведений, что, в свою очередь, приведет к повышению качества таможенного администрирования в данной области и, как следствие, оптимизации налоговых расходов федерального бюджета.

Список литературы

1. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru. – Дата доступа: 20.02.2016.
2. Андриашин, Х. А. Таможенное право / Х. А. Андриашин, В. Г. Свиныхов, В. В. Балакин. – М. : Магистр, 2008. – 367 с.
3. Новиков, В. Е. Таможенно-тарифное регулирование внешнеэкономической деятельности и таможенная стоимость / В. Е. Новиков, В. Я. Ревин, М. П. Цветинский. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 328 с.
4. Сенотрусова, С. В. Таможенный контроль в Российской Федерации : моногр. / С. В. Сенотрусова. – М. : Изд-во РГТЭУ, 2009. – 163 с.
5. Свиныхов, В. Г. Налогообложение участников внешнеэкономической деятельности : учеб. / В. Г. Свиныхов. – М. : Магистр, 2010. – 447 с.

В. Г. Шадурский

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
shadursky@bsu.by)

БЕЛАРУСЬ – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ПОЛИТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Отношения Беларуси и Европейского Союза на протяжении всего периода, наступившего после распада СССР, обоими партнерами оцениваются как далекие от нормального состояния. Одновременно обе стороны декларируют

заинтересованность в расширении сотрудничества. Уровень отношений по линии Беларусь – ЕС, история и их современное состояние обусловлено целым рядом факторов, которые требуют глубокого и всестороннего анализа.

1. *Совместная протяженная граница.* После включения в состав ЕС Польши, Литвы и Латвии (май 2004 года) ЕС и Беларусь получили общую протяженную границу (более 1250 км). Европейский Союз и Республика Беларусь заинтересованы как в безопасной границе, так и в том, чтобы она не стала новым «железным занавесом» с обеих сторон. Укрепление белорусской части совместной границы стало объектом вложения крупных грантов ЕС.

2. *Удобное географическое положение Беларуси.* По ее территории проходит наиболее короткий (а значит, самый дешевый) транзит между Россией и ЕС, Украиной и странами Балтии. Через Беларусь в страны ЕС экспортируется значительная доля российского газа и нефти. Серьезные дивиденды может принести Беларуси и ее активное участие в широкомасштабном проекте КНР «Один пояс, один путь», важной задачей которого является наиболее эффективная доставка товаров из Китая в страны ЕС.

3. *Большая потребность Беларуси в развитии торговли со странами – членами ЕС.* Как известно, в наследство от Советского Союза Беларусь получила «открытую экономику». Страна экспортирует около 70 % производимого ВВП. Удержание традиционных и поиск новых рынков для товаров и услуг было и остается актуальнейшей задачей белорусской политики и экономики. Огромный интерес для Беларуси представляют рынки ЕС. Приведем лишь некоторые данные, характеризующие состояние дел в этой сфере. В 2015 г. товарооборот со странами ЕС по сравнению с 2014 г. уменьшился на 29,1 % и составил 14,4 млрд долл. США (25,4 % общего товарооборота Республики Беларусь). Экспорт уменьшился на 19,0 % и составил 8,6 млрд долл. США, импорт – на 40,2 %, составил 5,8 млрд долл. США. Положительное сальдо, что является несомненно положительным явлением, составило 2,8 млрд долл. США. Именно к экономической сфере относятся главные инициативы Беларуси в направлении многостороннего сотрудничества с ЕС.

4. *Руководство Республики Беларусь не ставило и не ставит задачу активной интеграции в общеевропейское пространство.* Белорусский подход к отношениям со странами ЕС опирается прежде всего на экономический интерес (торговля, получение современных технологий и инвестиций).

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2010) сформулированы основные приоритеты страны в отношении этой крупной интеграционной группировки; развитие полноформатных отношений с государствами Европейского Союза, поддержание активного диалога с ЕС по всему спектру вопросов, представляющих взаимный интерес, с перспективой заключения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а также отмены дискриминационных мер в отношении белорусского государства.

5. *Геополитические интересы ЕС.* Для Европейского Союза «белорусский вопрос» находится в геополитической плоскости. Отношения ЕС с Россией, состояние белорусско-российских отношений играют важную, если не решающую роль в формировании белорусского вектора политики

ЕС. В процессе выработки этой политики существует много различных течений и групп интересов. Если «старые» страны – члены ЕС придерживались тезиса о том, что Беларусь, как и другие постсоветские страны относятся к зоне влияния России, то «новые» члены ЕС имели по этому поводу иное мнение. Бывшие участники «социалистического лагеря» выражали заинтересованность в укреплении независимости Беларуси, территория которой отделяет их от России. Наибольшую активность в этом процессе проявляли Польша и Литва.

В отношениях с Беларусью ЕС наряду с геополитическим подходом практиковал «ценностный» подход (соблюдение прав человека, демократические свободы, рыночные реформы и т.д.). Очень часто именно он декларировался в качестве основополагающего принципа во взаимоотношениях с официальным Минском. Вместе с тем есть все основания полагать, что на практике ценностный подход находился в явной зависимости от геополитики.

6. Улучшению отношений между ЕС и Беларусью способствовала конструктивная позиция руководства страны, занятая по отношению к разрешению украинского кризиса. Белорусское правительство сумело сохранить деловые отношения с конфликтующими сторонами, что дало Минску возможность стать площадкой для встречи «нормандской четверки» на высшем уровне (февраль 2015 г.), а также дальнейших переговоров по этой острой теме. Минские договоренности дали начало хотя и хрупкому, но достаточно продолжительному перемирию на Донбассе. Минск стал ассоциироваться в ЕС и за его пределами как город переговоров, город компромисса. Отмеченные события вызвали заметный всплеск интереса к Беларуси, к ее истории, в том числе и к периоду после обретения независимости. Зарубежные политики и эксперты стали сравнивать Беларусь с другими постсоветскими государствами, в том числе с «лучшими учениками» ЕС и США (Украиной и Молдовой). Во многих случаях сравнение получалось в пользу Беларуси. На мой взгляд, этот факт стал одним из основных мотивов для отмены санкций ЕС против ряда белорусских политиков и фирм, которое произошло в феврале 2016 г.

7. К сферам деятельности, взаимодействие в рамках которых несомненно способствует сближению, можно добавить тесные культурные связи Беларуси со странами ЕС, сотрудничество в сфере экологии, в борьбе с транснациональной преступностью и др. Огромный потенциал содержит в себе туризм. Граждане Беларуси активно посещают страны ЕС. Согласно визовой статистике за 2014 г., опубликованной Еврокомиссией, Беларусь сохраняет четвертое место в мире по числу полученных виз в абсолютном выражении и первое – в относительном (в расчете на человека). Общее число выданных белорусам шенгенских виз в 2014 г. составило 880 тысяч, что превысило показатель 2013 г. на 108 тысяч. Противоречие заключается в том, что въездной туристический поток в десятки раз меньше выездного. Эта комплексная проблема нуждается в серьезном осмыслении и разрешении.

8. Отмена санкций ЕС должна дать стать стартом для общенациональной дискуссии, с участием всех заинтересованных сторон о том, как наиболее эффективно конвертировать открывшиеся возможности в экономику

ческий прогресс Беларуси. Что нужно сделать для того, чтобы увеличить экспорт белорусских товаров и услуг на весьма ёмкие рынки стран ЕС? Как увеличить приток зарубежных инвестиций и современных технологий в Беларусь? Эти вопросы представляют серьезный вызов для нашей страны и требуют оперативных и адекватных ответов.

Для того, чтобы ответить на современные глобальные и региональные вызовы, Республика Беларусь имеет все необходимые условия, в том числе высокий социальный капитал, удобное географическое положение, профессиональную и активную дипломатию и многое другое.

Р. В. Шиженский

(Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, Россия, heit@inbox.ru)

ОБЩИНА, ЛИДЕР, ГОСУДАРСТВО: СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ (ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Третий год подряд представители научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина проводят анкетный опрос среди представителей русских языческих общин и союзов, собирающихся на праздник Купалы в районе села Игнатъевское Малоярославецкого района Калужской области. По данным организаторов праздника «Содружества общин Велесов Круг», в мероприятии 2015 года (19–21 июня) приняло участие около 1400 человек. Соответственно, в опросе приняло участие 429 респондентов. Анкета 2015 года состояла из пяти вопросных блоков, содержащих как открытые, так и закрытые вопросы. В предлагаемой статье, приводятся данные по организационной самоидентификации, перспективах и формах взаимодействия «родноверов» с государственными институтами (блок № 2).

В первом вопросе второго блока, перед респондентами ставилась задача по принятию либо отклонению гипотетической «языческой централизации» в масштабах страны. Данный вопрос вызвал затруднение у шести респондентов (1,4 % опрошенных). За централизацию славянского язычества, с различной долей вероятности («скорее да», «да»), высказалось 245 участников (57,1 %) из 429 опрошенных на купальском празднике. Соответственно, в пользу региональной младоязыческой «автономии» проголосовало 152 человека (35,4 %). Следовательно, можно говорить о стремлении большинства современных язычников к централизованной структуре функционирования. Однако, несмотря на обозначенную «централизованную» позицию, только 14,2 % опрошенных, заявили о своём членстве в языческих организациях. Язычников-индивидуалов на празднике Купалы было подавляющее большинство – 74,5 %.

Второй вопрос блока был направлен на выяснение «институциональных» предпочтений современных язычников. Не дали ответа на вопрос

десять респондентов (2,3 %). Вариации ответивших, распределились следующим образом. На первом месте оказался ответ «союз общин». Данное структурное образование в опросных листах выбрал 201 человек (46,9 %). На втором месте по популярности находится «община» – этой форме объединения отдали предпочтение 159 язычников (37,1 %). За индивидуальный тип организационной структуры высказались 49 человек (11,4 %). Десять респондентов в качестве наиболее приемлемой организации языческого движения указали «языческую церковь».

Третий вопрос блока: «обязаны ли языческие общины взаимодействовать с органами государственной власти?» показал, что преобладающее большинство опрошенных язычников готовы к взаимодействию с государством. Сто пятнадцать человек (26,8 %), в качестве варианта ответа указали «скорее да», 117 респондентов – большинство из опрошенных (27,3 %), однозначно высказались за необходимость такого взаимодействия, выбрав вариант «да». Соответственно, в общей сложности 232 язычника (54 %) можно отнести, в определенной мере, к сторонникам десекуляризации направления новой религиозности. В свою очередь, за «религиозно-мировоззренческую» автономию, высказались 173 респондента (40,3 %), выбрав в качестве ответов варианты «скорее нет» – 86 человек (20 %) и «нет» – 87 опрошенных (20 %) соответственно. Стоит отметить, что данный вопрос вызвал затруднение всего у трех adeptов движения (0,7 %). Двадцать один язычник – 4,9 % предложили свои варианты взаимодействия религиозного (языческого) и светского институтов. Среди ответов представителей политической религиозности фигурировали: «Если это не противоречит правде и общине», «Религия и государство, разные вещи», «Как можно взаимодействовать с врагами?», «Государство противоречит славянству».

Четвертый вопрос второго блока анкеты был направлен на определение функциональных обязанностей лидера языческой общины. Из пяти вариантов ответов: «религиозная», «административная», «хозяйственная», «информационная» и «свой вариант», респондентам предлагалось выделить одну важнейшую функцию лидера «родноверческой» общины.

Данный вопрос вызвал затруднение у девяти респондентов (2,1 %). Наибольшее число язычников в качестве определяющего вида деятельности указали на религиозную функцию. Данному варианту ответа отдали предпочтение 179 человек, что составило 41,7 %. Второе место, по мнению adeptов движения, занимает информационная составляющая. За данную позицию проголосовало 89 респондентов (20,7 %). В качестве доминирующей функции общинного лидера, административную составляющую выделили 44 человека или 10,3 %. На последнем месте по популярности находится хозяйственная роль языческого «вождя». Как первостепенную её выбрало 39 (9,1 %) присутствующих на празднестве. Стоит отметить, что 69 (16,1 %) респондентов предложили альтернативные варианты «лидерского функционала».

В последнем вопросе второго блока участникам опроса предлагалось ответить на вопрос о необходимости информационного освещения деятельности языческих организаций в целом, отдельных языческих лидеров в частности. Наибольшее число респондентов ответило однозначным

согласием на широкое информационное освещение своей деятельности – 189 человек из 429 или 44,1 %. Восемьдесят пять язычников (19,8 %), напротив, высказались против вторжения медийного компонента в современное языческое сообщество. Восемьдесят шесть респондентов 20 % уверены в необходимости освещения деятельности общинных языческих институтов в целом. Среди ответивших присутствовали и те, кто считает необходимым освещать исключительно деятельность отдельно взятых языческих персоналий – лидеров языческого движения. Суммарное число представителей «персоналистского» направления – 13 человек (3 %). Пятьдесят человек (12 % от всех опрошенных) – представители «консервативного крыла», считают, что нет необходимости в «информационных» преобразованиях. Данную группу устраивает вариант ответа «оставить все на прежнем уровне».

Таким образом, опираясь на ответы «блока № 2» можно сделать вывод о том, что большинство из представителей исследуемого сообщества, выступает за централизованную модель языческой диаспоральности. Наиболее востребованной институциональной формой является союз общин (более 45 % язычников назвали данное образование в качестве предпочтительного). При этом, стоит отметить, что только 14,2 % опрошенных состоят в общинной организации, как таковой. Осмелимся предположить, что языческое индивидуальное большинство (75 % респондентов не состоят в «родноверческих» организациях) готово стать членами как языческой общины, так и союза общин во всероссийском формате. Также достаточно показательным является тот факт, что данный вопрос стал одним из наиболее «затруднительных» закрытых вопросов анкеты: 11 % респондентов (47 человек из 429) не смогли по тем или иным причинам указать свой общинный статус. Кроме того, стоит обратить внимание на следующий вопрос анкеты: а именно на определение «лидерского функционала». Наряду с религиозной деятельностью лидера общины, как первоочередной, за которую высказалось 41,7 % респондентов, ключевые позиции занимает деятельность информационная (20,7 %) и административная (10,3 %), которая связана непосредственно с работой на местах, по координированию деятельности региональных языческих образований. Выбор данных отраслей, на наш взгляд, свидетельствует об определенных внутренних проблемах в данных сферах языческого взаимодействия. Последнее, является причиной большого количества внеинституциональных членов движения присутствующих на празднике. При этом язычники-индивидуалы в качестве желаемого структурного устройства рассматривают именно языческий общинный институт, сильный и централизованный. Третий вопрос анкеты, напротив, вызвал наименьшее затруднение среди опрошенных. Только трое язычников не высказали своего отношения к проблеме государственно-языческого взаимодействия. Исходя из данных проведенного опроса, можно сделать вывод о том, что преобладающее число adeptов «родноверия» на институциональном уровне готовы выйти из «языческого подполья», путем возвращение религиозной деятельности в публичное пространство. Инструментарий возвращения – широкое информационное освещение, с одной стороны, и централизованное взаимодействие – с другой.

В. В. Шимов

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
shimoff@rambler.ru)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Понятие «цивилизация» отражает природу человека как биосоциального существа. Человек, как существо разумное, имеет своеобразный механизм выживания, выделяющий его из остальной биосферы. В отличие от большинства живых организмов, живущих посредством биологической адаптации к окружающей среде, человек сам формирует, строит свою среду обитания. Благодаря разуму, основная функция которого – познавательная деятельность и использование полученных знаний для практической пользы (то, что мы называем технологиями, и есть конвертирование абстрактного теоретического знания в практическую пользу), человек получает возможность снижать свою зависимость от мира естественной природы и, более того, менять, «форматировать» этот естественный мир для своих нужд.

Цивилизация – и есть та искусственная среда обитания, которую создает человек в процессе своей познавательной разумной деятельности. Эта среда включает в себя материальные и духовные объекты, формирующие инфраструктуру жизнеобеспечения человеческого общества. Именно развитие информационно-познавательной деятельности людей, в конечном счете, обуславливает развитие и прогресс человеческой цивилизации. Это развитие касается как сугубо материально-технической составляющей, так и социальной – этики отношений между людьми и основанных на ней социальных институтах, т.е. формах организации отношений между людьми в обществе.

Цивилизационное развитие человечества происходило неравномерно, и эта неравномерность сохраняется по сей день. Долгое время человеческие цивилизации существовали как относительно обособленные очаги, окруженные территориями либо малолюдными/незаселенными, либо населенными «варварскими» племенами и народностями.

Множественность и относительная изолированность цивилизаций порождала несходство культур, социальных институтов, религий и т.п. В то же время абсолютизировать эту обособленность и самодостаточность локальных цивилизаций не стоит. Именно такую ошибку допускали авторы, работавшие в русле классического цивилизационного подхода, возникшего в конце XIX – первой половине XX вв. (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби). Они рассматривали раскол на локальные цивилизации как имманентную черту развития человечества. Собственно, сама категория человечества при таком подходе ставилась под сомнение. Непреодолимость межцивилизационных барьеров, постулированная в рамках данного подхода, дробила человечество на замкнутые локальные сообщества, взаимодействие между которыми может носить преимущественно конфликтный характер.

На рубеже XX-XXI вв. традицию старого цивилизационного подхода подхватили С. Хантингтон, П. Бьюкенен и другие интеллектуалы-консервато-

ры западного мира, заявившие, что после окончания холодной войны основным стержнем человеческой истории становится противостояние Запада и незападных цивилизаций. Аналогичные тенденции после падения коммунизма наблюдались и в России. Здесь набирают популярность идеи особого цивилизационного пути, возрождается интерес к евразийству, оригинальную концепцию России как цивилизации-острова, окруженного межцивилизационными пространствами-лимитрофами, предложил В. Цымбурский.

Классический цивилизационный подход сформировался в эпоху подъема национализма, и это оставило на нем свой неизгладимый отпечаток. Представления о локальных цивилизациях в нем, по сути, копируют представления о нации. Нация мыслится закрытым сообществом с четко очерченными границами. Точно таким же сообществом, только более высокого уровня, мыслится и локальная цивилизация.

На самом деле, локальные цивилизации не являются замкнутыми и самодостаточными образованиями. Логика развития локальных цивилизаций вписана в логику общечеловеческой истории, локальные цивилизации можно уподобить разным дорогам, ведущим к одной цели. Несмотря на внешнее многообразие и непохожесть форм, в основе всех цивилизаций лежит общий императив: накопление знаний и развитие технологий. Именно это, в конечном счете, определяет успешность цивилизации на том или ином историческом этапе. Сама по себе изолированность локальных цивилизаций, наблюдавшаяся на протяжении человеческой истории, не является неким самодовлеющим и непреодолимым законом, а связана с технологическими ограничениями, существовавшими на протяжении длительного исторического периода.

Однако, несмотря на это, доминирующей тенденцией в истории человечества была глобализация. Развитие коммуникаций взламывало барьеры между человеческими сообществами, способствуя интенсификации контактов между ними, обмену знаниями и технологиями. В то же время говорить о переходе к глобальной «сверхцивилизации», очевидно, преждевременно.

Вплоть до Нового времени между локальными цивилизациями существовал относительный паритет в уровнях развития. В Новое время происходит скачкообразное усиление западного мира на фоне стагнации и упадка других локальных цивилизаций. В итоге весь мир оказался ареной глобальной цивилизационной экспансии Запада, многовековые культурные барьеры оказались взломаны, культурные границы – размыты.

Эти процессы породили ожидания нового мира, где все локальные цивилизационные традиции сольются в единую общечеловеческую монокультуру. В. Маяковский в свое время предложил красивую, но расплывчатую формулу «мира без России, без Латвий». Намного большей глубиной и проработанностью отличался мир коммунистических утопий И. Ефремова, где все нации и расы, в конечном счете, слились в единую человеческую семью, объединенную общими языком, культурой, структурами и образом жизни коммунистического общества. Из противоположного идеологического лагеря образ глобального человечества будущего предложил Ф. Фукуяма с его доктриной либерально-капиталистического «конца истории».

В то же время, реальность оказалась далека от этих оптимистических ожиданий, и несмотря на то, что логика развития глобализации, на наш взгляд, действительно направлена в сторону дальнейшей интеграции и консолидации человечества, путь этот будет намного более трудным и долгим. В результате сохраняющегося неравенства доступа к ресурсам, человечество остается расколотым на враждующие, конкурентные группы, в основе которых лежат идентичности, базирующиеся на ксенофобии и неприятии «иных». Решение этих проблем – дело будущего, по всей видимости, весьма неблизкого.

А. А. Шириняц

(Московский государственный университет, г. Москва, Россия,
jants@yandex.ru)

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ О КОНСЕРВАТИЗМЕ

Слово «консерватор» и производные от него слова вплоть до XVIII века на Руси не встречается, в XVIII – начале XIX веков оно использовалось преимущественно в бытовом смысле, лишь во второй половине XIX века начинают активно возникать и использоваться его политические коннотации. В это время терминами «консерватизм», «консервативный», «консерватор» обозначали чаще всего политические явления и процессы, антилиберальные, антисоциалистические по своему характеру, и свойственные, прежде всего, Европе, а не России. Одни русские мыслители считали термины «консерватизм», «консервативный», «консерватор» и явления, ими обозначаемые, свойственными только западному общественному строю и не подходящими русскому земскому миру. Другие были уверены в том, что в России есть что хранить, что она проникнута консервативным духом, а русский народ – стихийный консерватор. Одни делали акцент на негативных оценках консерватизма, объявляли консерваторов противниками перемен, защитниками всего отжившего, закоснелого, адептами существующего порядка, обвиняли их в близости к власти и правительственной бюрократии. Другие аргументировали связь консерватизма и прогресса в реальной политике, подчеркивали противоположность консерватизма радикализму и революционности, отстаивали идею сохранения исторических начал общества и государства.

Так, например, охранительный характер консерватизма, его близость к власти, и вытекающее из этого стремление защитить собственность и существующий общественный строй в своих работах подчеркивал А.И. Герцен. Он писал о том, что консерватизм позволяет жить старому и ненужному, пока можно (1848); заявлял, что консерватизм – отстаивание своего места (в ситуации невозможности ни дальше развиваться, ни остановить развитие) (1850); различал революционный консерватизм и консервативную революционность (1848–1850), подчеркивал, что «консерватизм, не имеющий иной цели, кроме сохранения устаревшего status quo, так же разрушителен, как и революция. Он уничтожает старый порядок не жар-

ким огнем гнева, а на медленном огне маразма» [Герцен А. И., 2010, с. 301] (1850); отмечал, что закоснелый консерватизм защищает падающие институты, составляющие главное препятствие развитию (1865). Герцен считал, что консерваторы поддерживают всеми силами старое устройство (1848); консерваторы хранят, сохраняют (1850); стремятся, во что бы то ни стало, спасти разлагающийся общественный порядок (1850); что консерватор всегда собственник, имущий, ему есть что хранить, беречь (1856, 1859). И, наконец, в 1868 г. пришел к выводу о том, что «нельзя говорить серьезно о консерватизме в России. Даже самое слово это не существовало до освобождения крестьян. Мы можем стоять, не трогаясь с места, подобно святому столпнику, или же пятиться назад подобно раку, но мы не можем быть консерваторами, ибо нам нечего хранить» [Герцен А. И., 2010, с. 677].

В отличие от Герцена, многие русские мыслители были уверены в том, что в России есть что хранить, что она проникнута консервативным духом, а русский народ – стихийный консерватор. Так, П. А. Вяземский писал о присущем России «духе консерватизма и общественного порядка» [Вяземский П. А., 2010, с. 271], размышлял о консерватизме русской нации, обладающей здоровым инстинктом и здравым смыслом, мудростью и добрыми побуждениями. «В отличие от других стран, – отмечал П. А. Вяземский, – у нас революционным является правительство, а консервативной – нация. Правительство способно к авантюрам, оно нетерпеливо, непостоянно, оно – новатор и разрушитель. Либо оно погружено в апатический сон и ничего не предпринимает, что бы отвечало потребностям и желаниям момента, либо оно пробуждается внезапно, как бы от мушиного укуса, разбирает по своему произволу один из жгучих вопросов, не учитывая его значение и того, что вся страна легко могла бы вспыхнуть с четырех углов, если бы не инстинкт и не здравый смысл нации, которые помогают парализовать этот порыв и считать его несостоявшимся» [Вяземский П. А., 2010, с. 415]. О консервативных началах русского народа рассуждал и К. Н. Леонтьев. Он различал «простой» консерватизм, любящий прошлое и верящий в его возрождение и «серый» консерватизм, консерватизм чисто экономического, лишенный религиозного оправдания; подчеркивал национальную специфику консерватизма: «Охранение в странах католических иное, чем в нациях православных; консерватизм турок не похож на охранение буддистов; но либерализм везде одинаково враждебен тем историческим началам, в дисциплине которых вырос тот или другой народ» [Леонтьев К. Н., 2010, с. 264].

И, в завершение, заметим, что некоторые русские мыслители считали многие политические понятия и процессы ими обозначаемые (не только термины «консерватизм», «консервативный», «консерватор», но и «либерализм», «оппозиция», «демократия», «прогресс» и т.п.) свойственными только западному общественному строю и не подходящими русскому земскому миру. Они солидаризовались с К. С. Аксаковым, который прямо заявлял: «Трудно понять Россию, не отрешившись от западных понятий, на основании которых все мы хотим видеть в каждой стране – и поэтому в России – или революционный или консервативный элементы; но и тот и другой суть точки зрения нам чуждые...» [Аксаков К. С., Аксаков И. С.,

2010, с. 229]; желали, как И. С. Аксаков, «чтоб эта рутина, чтоб эти пошлые понятия – охранительные начала, консерватизм и прогресс, в том смысле, как они употребляются у нас в России, были изгнаны из нашей литературы как решительно ничего не выражающие и только сбивающие с толку...» [Аксаков К. С., Аксаков И. С., 2010, с. 404]. А М. Н. Катков ничуть не стесняясь, назвал глупцами и слабоумными тех, кто придает значение консервативным или либеральным «титулам». «Из числа готовых понятий, – писал он, – особенно употребительны в наше время, в суждениях о предметах политических, либерализм и консерватизм. Вы то и дело слышите о либералах и консерваторах, о либеральных партиях и партиях консервативных, и люди, употребляющие эти слова, большей частью не сопровождают их никакой мыслью и сами не знают, что говорят. Если речь идет о государстве, которого мы граждане, о народе, которого мы дети, о деле, которому мы служим, об общем интересе, которому мы призваны способствовать, то вопрос отнюдь не в том, либералы мы или консерваторы; весь вопрос в том, хорошо ли мы служим, полезна ли принимаемая или предлагаемая нами мера делу нашего служения, а не в том, либерального ли она пошиба или консервативного» [Катков М. Н., 2010, с. 327].

Суть же русского консерватизма или, другими словами, хранительства-служения сформулировал Н. Н. Страхов: «Все дело в том и состоит, чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все развивать из того, что есть, и не разрушая того, что есть» [Страхов Н. Н., 2010, с. 40]. Действительно, у каждого из нас имеется свой Ангел-хранитель, духовный наставник и покровитель, призванный способствовать спасению подопечного. У каждой страны имеются свои патриоты-хранители, приверженцы идеи сохранения исторических начал общества и государства. Это и есть консерваторы – противники радикализма и революционности. Ведь истинный консерватизм, с одной стороны, исключает возможность отрицания существующего общественного строя и, с другой, не приемлет реакционных порывов и вождельений, направленных на возрождение прошлого. И этот смысл слова более близок к истине, чем избитые клише «противник перемен», «ретроград», «реакционер» и т.п., которыми еще недавно сопровождалось упоминание того или иного консерватора. В этом нас еще раз убеждает творческое наследие русских социально-политических мыслителей прошлого, в котором мы находим интересные и важные для нас рассуждения о консерватизме и консервативности.

Список литературы

1. Аксаков, К. С. Избранные труды / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.
2. Вяземский, П. А. Избранное / П. А. Вяземский ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. П. В. Акульшин. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.
3. Герцен, А. И. Избранные труды / А. И. Герцен ; сост., авт. вступ. ст., коммент. В. К. Кантор. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.
4. Катков, М. Н. Избранные труды / М. Н. Катков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. С. Секиринский. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.

5. Леонтьев, К. Н. Избранное / К. Н. Леонтьев ; сост., авт. вступит. ст. и коммент. А. В. Репников. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.

6. Страхов, Н. Н. Избранные труды / Н. Н. Страхов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. И. Цимбаев. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.

И. Э.-Б. Эль-Ариф

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
essooo85@mail.ru)

ОКОНЧАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИВАНЕ 1975–1990 гг.

Ливанский конфликт разделил ливанское общество на два противоборствующих лагеря. Так, правые силы, главным образом представители маронитской общины, выступали за ликвидацию палестинского военного присутствия в Ливане, дальнейшее сближение с Западом и налаживание отношений с Израилем. Национально-патриотические силы, в большинстве своем представлявшие мусульманскую общину, выступали в поддержку ПДС и установление более тесных связей с арабским миром.

Урегулирование ливанского кризиса стало возможным лишь при учете интересов всех без исключения участвующих в конфликте сторон, а также государств региона. На общеарабском чрезвычайном совещании в верхах 25 мая 1989 г. в Касабланке было принято решение о формировании «трехстороннего комитета» по урегулированию ливанского кризиса, в который вошли король Саудовской Аравии Фахд, король Марокко Хасан II и президент Алжира Шадли Бенджедид [3].

Комиссия разработала рабочую программу по преодолению политического кризиса в Ливане, включавшую три этапа. На первом предполагалось обеспечить гарантии соблюдения прекращения огня и установления всеобщего перемирия, открыть пропускные пункты, снять блокаду с портов и добиться открытия бейрутского аэропорта. Вторым этапом предусматривалось заключение мирного договора и осуществление реформ, в ходе которых были бы проведены выборы президента, сформировано правительство национального единства. Наконец, на третьем этапе, при опоре на международную поддержку предполагалось добиться распространения ливанского суверенитета на всю территорию страны и вывода из Ливана иностранных войск [5].

Очевидно, что никакой проект политической реформы не мог быть принят христианской стороной без четкого и ясного указания на вывод в конечном итоге сирийских войск из Ливана и гарантий распространения государственного суверенитета на всю ливанскую территорию. В то же время комитет не мог игнорировать аргументов сирийской стороны, заявлявшей, что вопрос о выводе сирийских войск не должен ставиться вне связи с гарантиями вывода израильских войск из Ливана. Поскольку переговоры с Сирией зашли в тупик, «трехсторонний комитет» заявил о приостановке своей деятельности. Одновременно с этим заявлением в Бейруте разгорелись ожесточенные военные действия между М. Ауном и лидером

ЛС С. Джааджаа, которые резко обострили ситуацию в стране. Кульминацией этих событий стало наступление сирийских войск на позиции М. Ауна, завершившееся в октябре 1990 г. его поражением.

Собравшийся в августе 1989 г. на свое чрезвычайное заседание Совет Безопасности ООН призвал к немедленному прекращению огня в Ливане и возобновлению деятельности «трехстороннего комитета». Советская сторона представила в СБ ООН документ, в котором говорилось о необходимости претворения в жизнь резолюций общееарабского совещания в верхах, состоявшегося в Касабланке, и запрещения ввоза иностранного оружия в Ливан [3].

Свою солидарность с усилиями «трехстороннего комитета» выразила также Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, проходившая в Белграде в сентябре 1989 г. Заручившись международной поддержкой своих действий, 16 сентября 1989 г. комитет приступил к выполнению плана урегулирования ливанского кризиса.

Важным шагом по пути мирного урегулирования конфликта стало получение со стороны Сирии обязательства вывести свои войска из Ливана в течение двух лет после выполнения условий, содержащихся в документе о национальном согласии, а также содействовать формированию правительства национального единства.

Вскоре был создан ливанский комитет по безопасности под покровительством помощника генерального секретаря ЛАГ Л. Брахими, который осуществлял наблюдение за процессом прекращения огня, вступившее в силу с 23 сентября 1989 г. В конце сентября состоялось заседание Национальной Ассамблеи Ливана в г. Эль-Таифе (Саудовская Аравия), на котором была обсуждена «Хартия национального согласия». На следующем заседании, состоявшемся 22 октября, Хартия была одобрена 58 депутатами из 62 присутствовавших на заседании. Сразу после первого одобрения в нее были внесены поправки на неофициальных заседаниях Национальной Ассамблеи. Однако раздел, касающийся роли Сирии в Ливане, был составлен в результате предварительной договоренности между «трехсторонним комитетом» и Сирией и не подлежал никакому изменению со стороны ливанских депутатов [1, 4].

Хартия предусматривала передачу исполнительной власти от президента кабинету министров, причем министерские портфели были распределены поровну между христианами и мусульманами. Назначение премьер-министра оставалось прерогативой президента и осуществлялось при консультации с членами и председателем Национальной Ассамблеи. В Хартии предусматривалось увеличение числа депутатов в Национальной Ассамблее с 99 до 108 человек, которые должны были распределяться поровну между депутатами христианами и мусульманами [2]. В течение двух лет сирийская армия будет оказывать помощь новому правительству в осуществлении плана обеспечения безопасности в стране.

Соглашения в Эт-Таифе дали мощный толчок процессу урегулирования ливанского кризиса и разрешению противоречий между его участниками и, в частности, усилиям, направленным на преодоление политического конфессионализма, восстановление престижа и суверенитета ливанского государства. Вместе с тем Таифские соглашения не могли радикаль-

но решить проблемы страны, т.к. в них не были четко проработаны меры по изменению конфессиональной системы. Так, «Хартия национального согласия» предусматривала, что в будущем депутаты будут избираться на основе своего гражданства, а не конфессии, но вместе с тем провозглашала необходимость того, чтобы в верхней палате парламента были представлены все крупные общины [3]. С принятием документа о ливанском национальном согласии был открыт путь для созыва заседания Национальной Ассамблеи в Ливане и выборов президента.

На сессии Национальной Ассамблеи от 21 августа 1990 г. были ратифицированы реформы, разработанные на основе Таифских соглашений, которые предусматривали увеличение числа депутатов в Национальной Ассамблее с 99 до 108 человек. Места предполагалось разделить поровну между Депутатами от христиан и мусульман (а не как это было ранее в соотношении 5:6 в пользу депутатов-христиан). Новые депутаты должны были быть назначены (а не избраны) на один срок, учитывая чрезвычайную ситуацию в стране. Полномочия Национальной Ассамблеи были расширены так, чтобы практически было невозможно ее распустить. Срок полномочий председателя Национальной Ассамблеи был увеличен с одного года до четырех лет, а человек, находящийся на этом посту, должен был в будущем играть значительную роль при назначении премьер-министра [3]. Теперь все решения президента должны были согласовываться с премьер-министром, за исключением двух случаев: назначение премьер-министра и принятие отставки правительства.

24 декабря 1990 г. было сформировано новое правительство под руководством Омара Караме. Это была первая ливанская администрация, сформированная после принятия поправок к конституции в августе 1990 г.

Несмотря на более справедливое распределение постов в правительстве, его состав вызвал резкую критику со стороны различных политических и общественных сил Ливана. Лидеры друзов были недовольны тем, что не получили необходимого политического влияния при распределении министерских постов, а движение «Хезбалла», НЛП и ряд других политических партий вообще не были представлены в исполнительной власти.

Тем не менее многие ливанские политики были единодушны в том, что в стране закончилась гражданская война, и начался новый этап ее развития. Вместе с тем, было очевидно, что без дальнейшего усовершенствования конфессиональной системы развязка ливанского кризиса еще далека от завершения.

Список литературы

1. Агавельян, Ю. В. Государственность и парламентаризм в Ливане / Ю. В. Агавельян // Востокведный сборник (вып. 2). – М., 2001. – 374 с.
2. Мельников, Е. Н. Политический и государственный строй Ливана / Е. Н. Мельников. – М., 1974.
3. Хамдам, К. Ливанский кризис: конфессии, социальные слои и национальное разделение / К. Хамдам. – Бейрут, 1998.
4. حجاجان، راجح. "بين يطين لفسلا عى جالدا: فوق ح يف اهرثأ و تاباخ تن الةوى نى طين الينشاجت اس اردل الدع . شماء 1998. ص 77 ، اللبثانية 1975-1985»، دار قدموس للكتاب والإعلام، بيروت، 1986. حسن قبيسي : «الجرومة فى الحوادث

Я. С. Яскевич

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь, isgo@bseu.by)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В точках исторической бифуркации, когда мировая социально-экономическая и политическая система дестабилизирована, близка к потере равновесия, возможна реализация сценариев хаотизации общества, наступления трагического бытия «на изломе». В соответствии с новыми вызовами современности, которым есть реальные предпосылки в виде социальных, экономических, технологических оснований, можно говорить о становлении новой политической картины мира, ибо, когда сложные открытые системы достигают критической нестабильности, для них наступает момент истины: они либо трансформируются, либо разрушаются. При этом следует учитывать, что научная картина политической реальности является, во-первых, *особой формой теоретического знания*; во-вторых, выступает важнейшим *компонентом общенаучной картины мира*; в-третьих, дает *обобщенные представления о системной организации и динамике общества*; в-четвертых, динамика организационных преобразований в информационно-сетевом социуме задает необходимость *антропологических, нравственных поворотов и перспектив развития, ориентируясь на междисциплинарные стратегии*. Конечно же, такая картина мира не претендует на описание всех деталей социально-политической жизни людей и вместе с тем схематизирует многообразие политических процессов и выделяет их предельно *общие сущностные характеристики*. Множество конкретных теорий и фактов различных социально-гуманитарных дисциплин постоянно соотносятся с картиной социально-политической реальности. В свою очередь политическая картина мира развивается под влиянием накапливаемого в социальных и гуманитарных науках эмпирического и теоретического материала. В настоящее время существуют различные подходы и конкурирующие парадигмы к построению общенаучной картины социальной реальности. Однако их несовместимость не является абсолютной. В них можно выделить общее содержание. Во всех современных научных представлениях об обществе как целостной системе выделяют, как правило, три основных блока: 1) *экономика* в ее взаимосвязи с политикой, правом, моралью и др. формами общественного сознания; 2) *система социальных связей людей и соответствующие институты*; 3) *культура*. Проблема состоит в *выявлении взаимосвязей этих подсистем и их функций* в социальной жизни [1, с. 342]. В специальной же политической картине мира политика, политические процессы, происходящие на локальном и глобальном уровнях, находятся в центре внимания. Вместе с тем, всякая культура, экономика, политика реализуется только благодаря своему источнику, средству и результату, в качестве каковых выступает личность. Что происходит с личностью, как принимаются политические реше-

ния на микро-, макро- и мегауровнях в условиях *глобализации, виртуализации и сетевизации социально-политического пространства, массовизации культуры, проблематизации национальной идентификации человека и государства, запредельными очертаниями свободы и границ личности?* Человеческое Я все больше превращается в точку бифуркации, нелинейную волну свободы и ответственности, открытого проекта в стихиях возможного социально-политического бытия. В рамках поворотов современного человечества осуществляется переосмысление модели *национальной парадигмы, национального государства*, и в особенности национализма. Отмечается, что, если отдельная культура замыкается в себе самой и стремится исключительно к защите собственного своеобразия, она становится потенциально воинствующей в противоположность позиции диалога культур, признания *гуманистического плюрализма и взаимодействия с другими культурами*. Именно остро «националистический взгляд» на общество и политику, закон, справедливость и историю господствует порою над политическим воображением. Сторонники национализма неспособны противостоять соблазну абсолютизации культурной и этнической обособленности, создавая тем самым опасность возведения насилия в ранг законности. Чтобы установить равенство народов и их культур необходимо препятствовать возведению отдельных культур в ранг нормы, эталона ценностей и всеобщего прогресса [2, с. 454].

В рамках политической картины мира особое место принадлежит системе связанных образов и преставлений о власти, ее механизмах и конфигурации в национальном и глобальном пространстве. Перспективный *транснациональный тип политической картины мира* раскрывается через такие понятия, как множественная идентичность, мультикультуризм, динамический взаимообмен символами и практиками, создающими новые социальные формы взаимодействия, диалог культур народов, религий. При этом транснациональные стратегии означают наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы национальных государств.

Моделные представления о конкретном социуме, политике и экономике различных стран, т.е. социальные порядки, должны строиться на основе учета закономерностей их модернизации. Желание модернизировать отсталые порядки на основе нерелевантной экономической теории свободных рынков и некретического импорта институтов открытых порядков, как подчеркивают эксперты, приводит не к процветанию, а, напротив, к деградации, потере собственной идентичности и дезориентации в меняющемся мире. Во избежание этого, необходимо осознать ограниченность применения стандартной экономической теории и заимствованных институтов к модернизации социальных порядков и, как следствие, начать собственное институциональное строительство, методологически сочетающее рыночные и нерыночные начала, а также ориентацию на национальные интересы страны и ее социально-экономическое развитие. Насажение чуждых странам социальных порядков без их действительного принятия со стороны потенциальных реципиентов обречено на провал, о чем свидетельствует, например,

опыт Китая, которому для поддержания быстрого развития не потребовались институты, приближающие его к западным обществам.

Характерной особенностью современной политической картины мира является ее глубинная взаимосвязь с организацией сетевой экономики, возрастанием скорости изменений и роста информационных потоков во внешней среде, вызывающие ускоренные изменения во внутренней структуре компаний. Эти стратегии вызваны динамичными политическими процессами в мире, бурным ростом экономики и технологических возможностей в сфере организации бизнеса, свободой предпринимательской деятельности и, как следствие, обострением рыночной конкуренции, нарастанием «броуновского движения» и несогласованных действий разрозненных рыночных агентов в среде предпринимателей. Вследствие роста разнообразия и сильной изменчивости внешней среды в современной политике и экономике поиск нового и последующие оптимизационные процессы происходят одновременно и почти непрерывно. Совместить в одной системе две взаимоисключающие задачи – поиска новых решений и их оптимизации – одновременно невозможно одинаково хорошо, поскольку они наиболее оптимальным образом реализуются различными организационными структурами: иерархией и сетью. Отсюда вытекает необходимость их комбинации в рамках единой гибридной структуры, основанной на комбинациях сетевого и иерархического принципов организации, различаясь только их соотношением в зависимости от целей структуры и условий внешней среды. Основой эффективного развития организационных структур на современных рынках являются положительные сетевые эффекты, в основе которых лежит приверженность одним и тем же процессам и институтам, что предполагает оптимизирующее ограничение разнообразия. Возникновение сетевого эффекта в экономической деятельности ассоциируется, прежде всего, с сетевыми структурами, где участники имеют равный статус и связаны горизонтальными отношениями участников той или иной сети. Совокупность таких эффектов можно определить как эффекты взаимного влияния, которое отдельные элементы оргструктуры оказывают друг на друга. Основой для возникновения этих эффектов является информация в форме знания, на базе которого строится повторяемость процесса или происходит группировка элементов оргструктуры [3, с. 13–17].

Современная картина социально-политической реальности во многом детерминирована происходящими процессами в информационно-сетевом пространстве, особым феноменом понимания «жизни в сети». Новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты, в результате чего есть опасность или угроза исключения целых национальных или континентальных экономик из мировой информационной системы, а значит, из мировой системы разделения труда. Кроме экономических процессов, происходит серьезная трансформация публичной сферы и идейно-символического пространства под воздействием Интернета. Происходят интенсивные процессы медиатизации политики, набирает силу политическая реклама и имиджмейкинг в современной

медиафере. Разрабатываются механизмы формирования политической повестки в условиях виртуализации политического участия, влияния на общественное мнение в рамках лоббистской деятельности. Актуализируется проблема гражданского образования в информационном обществе, экспертного знания и гражданского контроля в медиапространстве, роли виртуальных сообществ в гражданской самоорганизации.

Развитие пространства Интернета приводит к становлению так называемой «сетевой парадигмы», которая базируется на принципах свободы информации и отличается ярким индивидуализмом, приматом формального над неформальным, а иногда даже внегосударственностью. Сегодня особенно необходима обновленная политическая картина современного социума, базирующаяся на духовно-нравственных ценностях собственной культуры, ориентированная на стабильность и единство общества.

Список литературы

1. Степин, В. С. Философская антропология и философия культуры / В. С. Степин. – М. : Академический проект, Альма Матер, 2015. – 542 с.
2. Яскевич, Я. С. Политический риск и психология власти / Я. С. Яскевич. – Минск : Право и экономика, 2011. – 298 с.
3. Кареев, А. В. Сетевые эффекты на современных рынках / А. В. Кареев // Экономика, предпринимательство и право. – 2012. – № 4 (15).

I. Недокус

(Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича, Україна,
igornedokus@yahoo.com)

ОСНОВНІ НАУКОВІ ПІДХОДИ ДО РОЗУМІННЯ СУТНОСТІ ДЕЦЕНТРАЛІЗАЦІЇ УПРАВЛІННЯ

Необхідність децентралізації системи управління в Україні назрівала впродовж тривалого періоду як в економічній, так і політичній площині. Проте якщо до «революції гідності» питання розглядалося в контексті актуалізації соціокультурних та економічних відмінностей між регіонами і використовувалось владою переважно для отримання політичних дивідендів, то на сьогодні проблема децентралізації все більше набуває економічної доцільності. Також успішне розв'язання цієї проблеми дозволить зняти ряд питань політичного протистояння, сприятиме посиленню відповідальності місцевих і регіональних громад за розвиток власних територій та підвищення ефективності використання місцевих ресурсів, що в кінцевому підсумку може посилити внутрішньодержавну інтеграцію та цілісність України.

Виникнення концепції децентралізації публічного управління відносять до кін. XIX – поч. XX ст. Одним з перших сформувався *ідеологічний* підхід. Він був покликаний запобігати утворенню і розвитку нових диктатур і тоталітарних режимів. У США, Франції, Іспанії уряди при значній підтримці на місцях розпочали передавати повноваження з центру на рівень місцевих

органів управління. При цьому основна ідея цього процесу полягала в тому, щоб наблизити уряд до народу, створивши умови для демократизації управління. Важливе значення при цьому має також виховання в громадянах почуття відповідальності і пошани до батьківщини [1].

Логічним продовженням ідеологічного підходу став *суспільний підхід*, ідеї якого були популярні в країнах Західної Європи в 1950–60-і рр. XX ст. У рамках цього підходу основним завданням децентралізації є залучення населення (громадян) до вирішення суспільних питань – «передавання функцій місцевим органам, що підзвітні перед громадянами» [2].

У 1970-і рр. XX ст. одержав поширення *регіональний підхід*. В основу процесу децентралізації ставиться самостійний розвиток регіонів і територій. Частина державних функцій, власності і фінансів передається органам місцевого самоврядування, що можуть (у межах децентралізованих функцій) виступати від свого імені, не звертаючись до вищих органів влади. Цим шляхом забезпечується місцева автономія, що є основою демократії.

Проголошення в країнах соціалістичного табору (СРСР, країни Східної Європи) самостійності місцевих органів управління – рад народних депутатів, при повному фактичному їхньому підпорядкуванні виконавчій владі, виділено у *формальний підхід* до визначення децентралізації.

Наступний *політичний підхід* виник наприкінці 1980-х рр. XX ст. у більшості країн Східної Європи на тлі зміни політичного курсу. Метою децентралізації, насамперед, була трансформація політичної системи з відходом від жорстко централізованого управління, притаманного попередньому режимові. Поділ повноважень виступає лише як перший етап, за яким має йти створення незалежних органів місцевого самоврядування і демократичні вибори. Децентралізація означає передачу задач, засобів і функцій місцевим демократичним і автономним організаціям [3].

Фіскальний підхід сформувався практично одночасно з політичним, визначав економічні сторони процесу децентралізації, і популярний дотепер у силу своєї обґрунтованості. Після виявлення проблем місцевого оподаткування й у цілому питань, що стосуються місцевого бюджету, у цього підходу з'явилося чимало прихильників. У країнах Балтії, Польщі, Угорщині, Чехії, Словаччині в числі завдань децентралізації наголошувалось надання більшої фінансової незалежності місцевим громадам для більш ефективного вирішення питань локального характеру.

І, нарешті, *економічний підхід*, що одержав поширення уже в другій половині 1990-х рр. XX ст. як основну мету децентралізації розглядає підвищення економічної ефективності прийняття управлінських рішень, у тому числі на місцевому рівні, формування джерел фінансування місцевих нестатків і визначення напрямків витрат коштів місцевих бюджетів.

Загалом, в науці сформувались декілька підходів до розуміння сутності децентралізації управління. Це дає змогу перетворити процес децентралізації на більш виважений та збалансований за стадіями, учасниками, термінами і ресурсами. Проте, віддаючи належне науковій і практичній значущості праць вчених, необхідно вказати на збереження певної невідповідності теоретичних напрацювань потребам сучасної практики державного управління.

Список використаних джерел

1. Орзіх, М. Самоврядні території в системі державного устрою України / М. Орзіх // Місцеве та регіональне самоврядування України. – 2012. – Вип. 1-2. – С. 64.
2. Романюк, В. Сущность понятия «децентрализация государственного управления» и научные подходы к ее рассмотрению [Электронный ресурс] / В. Романюк. – Режим доступа: <http://www.romanyuk.com/>
3. Альжани, Ж. К. Некоторые подходы к определению понятий «децентрализация» и «местное самоуправление» [Электронный ресурс] / Ж. К. Альжани. – Режим доступа: <http://www.kisi.kz/old/Parts/IntPol/28-05-02Alzhani.html>.

Ю. И. Малевич

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
malejill@rambler.ru)

**ДИПЛОМАТИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» – ПРИОРИТЕТ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ КИТАЯ**

Впервые концепция, получившее название «мягкой силы» (*«soft power»*), была сформулирована американским политологом, профессором Гарвардского университета Джозефом Найем. Эта концепция была направлена на формирование положительного имиджа США в мире по продвижению американской культуры и социальных достижений методами глобальной внешнеполитической стратегии. Концепция, получившая широкое название, «мягкой силы» продемонстрировала свою эффективность в теоретическом и практическом плане и была принята не вооруженными многими странами. Не стал исключением и современный Китай. Здесь стратегия «мягкой силы», первоначально применявшаяся в пространстве геополитики США, претерпела национальную трансформацию и заняла ведущее место в инновационных глобальных стратегиях под названием «экономическая дипломатия мягкой силы с китайской спецификой».

- *Политические стратегии глобализации «мягкой силы»*. В сфере политического, экономического и военного влияния в Африке КНР полностью заняла нишу, освободившуюся после ухода из региона СССР. Современная политика КНР ориентирована, в рамках глобальной стратегии, на мягкое ослабление позиций западных держав, главным образом, США. В ООН Китай эффективно использует свой особый двойной статус – развивающейся страны с огромными преференциями и мощной экономической державы, способной воздействовать на важнейшие стратегические решения мирового развития. Китай защищает интересы африканских государств в ООН и других международных организациях, основываясь на патерналистической философии конфуцианства старшего брата. В современной международной ситуации, когда при голосовании в большинстве международных организаций применяется принцип «одна страна – один голос», а африканские страны представляют почти треть членов ООН (и

около половины государств – членов Движения неприсоединения) роль интеграции влияния на континент в международной политике КНР особенно велика. Так, КНР, воспользовавшись правом постоянного члена Совета Безопасности ООН, блокировала принятие резолюции, осуждающей геноцид в суданской провинции Дарфур. Эта провинция является основным театром энергетической войны за солидные запасы нефти между Китаем и США. Поэтому Пекин часто в международных организациях обвиняют в политике африканского и азиатского «неоколониализма».

В рамках новой политической стратегии международного взаимодействия Китай больше не предоставляет «гуманитарной» безвозмездной поддержки африканским «освободительным движениям» маоистского и коммунистического толка. Все поставлено на рыночную капиталистическую основу. Используя принцип невмешательства и выдвигая концепцию «специфики глобальных ценностей», китайские власти, в рамках концепции гуманитарной помощи, сотрудничают с такими режимами и политиками, от которых дистанцируются и страны ЕС, и Россия и США. В очередной раз это подтвердилось, когда с критикой в адрес хунты Гвинеи и с санкциями выступили ООН, Африканский союз и ЕС. Однако через две недели Китайский инвестиционный фонд инвестировал около \$7 млрд в разработку гвинейских бокситовых месторождений и инфраструктурные преобразования правительства. По такой схеме приоритета национальных интересов над международной позицией сообщества Китай развивает отношения с африканскими государствами-изгоями и их диктатурами, например с Суданом, Гвинеей и Зимбабве.

Китай на основе политических договоренностей является главным поставщиком оружия нелегальным вооружённым группировкам, а также местным сепаратистским движениям. Пекин инициирует бартерные сделки, меняя военную продукцию на нефть, минеральные ресурсы и даже квоты на вылов рыбы в территориальных водах своих партнеров. В числе самых популярных в Африке образцов китайского военпрома: самолеты J-7, K-8 и Y-12, которые не только дешевле аналогов производства других стран, но и проще в эксплуатации. Это стимулирует потенциальных покупателей и нового многоцелевого истребителя FC-1, с его технологической преемственностью.

ООН в своих решениях многократно указывал, что Китай в своих инновационных стратегиях в регионе, игнорирует проблемы массовых нарушений прав человека, политической коррупции правящих элит и нелегитимности правительств. Но все эти общие «указания» для Китая слабо политически мотивированы и неэффективны. Китайские эксперты считают, что сегодня почти ни одна из африканских стран без воздействия их «мягкой силы» не достигла бы успехов в экономическом развитии. И при этом несущественно, что эти страны не укладываются даже формально, в систему требований ООН по развитию демократии и защите прав личности. По их мнению, на африканском континенте эти глобальные процессы ещё преждевременны и невыполнимы.

В последние годы Китай развивает инновационную стратегию усиления своего культурного и интеллектуального влияния в странах Африки.

Они выступают совместно с гуманитарными акциями и декларации в ООН и ЮНЕСКО. Практически во всех африканских странах созданы и функционируют китайские университеты и профессиональные обучающие центры. Это, несомненно, способствует формированию в африканских государствах национальных элит китайской ориентации и институциональной инфраструктуры китайского образца.

- *Социальные и культурные стратегии взаимодействия.* В своей инновационной глобальной стратегии в Африке и других странах Китай не без оснований позиционирует себя как силу, реально способствующую национальному социальному и культурному развитию континента. Культурная китайская экспансия в Африке и Азии также эффективна, как и экономическая. Китай, открывая доступ к своему культурному наследию, к достижениям в сфере образования и науки, содействует глобальной культурной интеграции, интеллектуальному росту потенциала студентов и преподавателей университетов, освоению новых технологий и экономических стратегий развития. Сеть социально-гуманитарных коммуникаций с китайской цивилизацией, несомненно, способствует развитию культурных и социальных связей внутри африканского общества. Создание китайских культурных центров (институты Конфуция) с бесплатным обучением китайскому языку, финансирование международных спортивных мероприятий на территории Африки, китайские школы профессионального обучения и китайские клиники, привлечение китайских туристов в Африку (2014 год – 1500 тыс. туристов из Китая) – надежно отлаженные и успешно работающие механизмы.

Акции гуманитарного и культурного характера опираются на богатую культурно-историческую традицию китайской цивилизации и занимают в политике «мягкой силы» КНР, особое универсальное место. Это сотрудничество в образовательной, информационной и культурно-социальной сфере, здравоохранении, организации национальных и общеафриканских институтов технологического развития и сети предоставления гуманитарной помощи. Проведение на противоречивом социально-гуманитарном африканском пространстве китайской сбалансированной этнической и культурной региональной политики, позволяет смягчать обострение национальных и этническо-религиозных проблем, что, несомненно, способствует укреплению континентальной политической стабильности.

В целом активный рост взаимодействия между Китаем и странами Африки можно отнести к числу наиболее интересных и важных политических инновационных стратегий в современных международных отношениях. Несмотря на утверждение западных экспертов, что стремительный рост культурного и социально-гуманитарного влияния Китая приведёт, в конце концов, к «китаизации» мира, эта стратегия весьма продуктивна и объективна важна для развития политической философии глобализации.

- *Внутриполитические социальные стратегии «мягкой силы».* На сегодняшний день КНР является страной, в значительной мере определяющей современный мировой финансово-экономический и политический

ландшафт. Однако в плане социальной и культурно-идеологической привлекательности образ Китая на международной арене, особенно в США и странах ЕС, преподносится скорее не в позитивном свете. Причины в специфике восприятия внутренней китайской политики. Разработанная Пекином стратегия «мягкой силы» призвана устранить этот дисбаланс. В частности, по указанию МИД КНР 30 % рабочего времени всех китайских дипломатических представительств за рубежом должно тратиться на пропаганду политики «мягкой силы». Стратегии «мягкой силы и культурной дипломатии» обучаются практически все чиновники и партийные работники национального уровня. Это уже приносит Китаю свои плоды.

Неоспоримым достоинством китайской стратегии «мягкой силы» является то, что она наряду с повышением национального имиджа и геополитического рейтинга, также стремится создать гармоничные отношения с другими цивилизациями. Это, безусловно, способствует укреплению внутренней и международной стабильности, безопасности и взаимопонимания. Можно уверенно констатировать появление в мире глобальных инновационных стратегий китайского феномена «мягкой силы экономической, социальной и культурной дипломатии». Они позволили Китаю на мировом уровне выйти на механизмы влияния аналогичные влиянию американской и европейской «мягкой силы». «Экономическая дипломатия мягкой силы» весьма успешно используется для развития китайского Тибета, его инфраструктуры управления, системы образования и региональной экономики и транспортной сети.

Внутриполитические позитивные социальные стратегии инновационного развития КНР говорят о многом. Большие задачи решены Китаем и его внутренней гуманитарной политике. Прежде всего, это распространение философии конфуцианства как реального пути самосовершенствования мира, обучение 200 тысяч иностранных студентов и аспирантов в Китае за счет правительства, продвижение языка и культурного наследия Китая в учебные программы, как всех китайских школ за рубежом, так и ведущих университетов мира и т.д.

Весьма успешно, разработанные инновационные глобальные стратегии используются для решения внутренних проблем развития и политической модернизации страны. Так концепция опоры на образование, науку, национальную конкурентоспособность, высокие технологии и эффективный бизнес успешно используются для диверсификации структуры КПК, где за последние неполные 10 лет количество членов из среднего класса с университетским образованием и учеными степенями магистров и докторов наук увеличилось до 53 % от общего числа членов. Гегемонизм рабочего класса и крестьянства в партии «мягкой силой» замещен образованными кадрами, способными и ориентированными на интенсивные преобразования в стране во всех ключевых сферах развития. Та же тенденция наблюдается и ЦК КПК. Сегодня все его члены, включая Председателя партии, имеют ученые степени западных университетов. Аналогичные

стратегии предложены Китаем странам третьего мира в качестве наиболее эффективного подхода национального роста и институциональной трансформации.

Стратегия «мягкой силы», как инновационная глобальная парадигма уже является важнейшим компонентом мирового социального, политического, экономического и культурного развития. Многие эксперты, в том числе и ООН, убеждены, что за стратегиями «мягкой силы» просматривается достойное гуманитарное будущее. Поэтому, те страны мира, которые желают полноценно войти в глобальные процессы, должны, по примеру Китая, сделать упор на создание национальных условий развития, основанных на принципах «мягкой силы». Это позволит не только снизить общий конфликтный потенциал в мире, но и в значительной мере усилить мировой статус процессов и стратегий инновационного развития, достигнуть которого сегодня уже невозможно без полноценного вхождения в глобальные процессы.

M. Ricceri

(The Secretary general, Eurispes Institute Rome, Italy)

EURASIAN ECONOMIC UNION: THE MAIN ELEMENTS OF NOVELTY, ACCORDING TO A REFLECTION BY WESTERN SIDE

The entire, great Eurasian continental area, from the Pacific to the Atlantic Ocean, is currently affected by two new factors, closely related to each other. They are: first, the emergence of a new aggregative reference, a supranational institution which started an organic integration process between some states of the area, the Eurasian Economic Union – EAEU, which came into force in January 2015. Second, the start of projects of major multi-infrastructure works, better known as «corridors», which is expected to cross the continent in question. According to the analysis carried out by Eurispes, in Italy, the main elements of novelty are the following.

As it is known, the project of a Eurasian economic union dates back to 1994, to a first proposal by the President of Kazakhstan, *Nursultan Nazarbaev*, and the joint decision taken by the presidents of Belarus, Russian Federation and Kazakhstan to promote the establishment of an Economic Union, in the framework of the Commonwealth of Independent States - CIS, by creating the conditions for a subsequent unified economic space. Eurasian Economic Union was built in subsequent stages, although in much more short time, which recorded, first, the creation of a *Customs Union – CU* (2011), then the organization of the *Common Economic Space – CES* (2012), finally, the institution of the *Economic Euroasiatic Union – EAEU* (2015).

The Eurasian Economic Union is, therefore, a new, internationally prominent institution which has already shown a significant attractive force (the founding states Belarus, Russian Federation and Kazakhstan were joined

by Armenia and Kyrgyzstan); which started the organization of a common market for 183 million people who will have a single legislation as well as the guarantee for the free movement of capital, services and workers; an institution which is starting to play also an important role in the world arena, as demonstrated by the collaboration agreements signed with countries external to the union (for example, with Serbia, Vietnam, Israel, India, Egypt), by the parallel meetings held for the first time in 2015 to Ufa at the VII BRICS summit and the subsequent SCO summit, by the dialogue promoted with international institutions such as the United Nations (UNIDO).

Faced with the current globalization processes, many questions are raised about the real nature of these processes (such processes reflect an «order» or a «disorder»? Are they a «creative chaos»?), as well as many attempts are set up to build a proper governance to manage them in a positive way (eg. the decisions by the G20 summits, as well as by the United Nations on sustainable development, etc.). In this context of widespread uncertainty, every reconstruction process of the geopolitical and geo-economic balance takes on a highly positive value. The Eurasian Economic Union is sponsoring and taking part in some development projects that have a global strategic importance, offer a contribution to a better integration between East and West by promoting the aggregation of geo-political and geo-economic different situations, stimulate the processing of new growth models, more balanced and sustainable. The Eurasian Union project provides a clear answer primarily on two main issues: the economic cooperation with the EU, and the definition of the political and geographical borders between the EU and the Eurasian world.

The Eurasian Union initiative is still today not well known in Western Europe, or is interpreted in a reductive and inadequate way. What is Eurasia? This question rises quite frequently at conferences and meetings, also very qualified, devoted to the relations between the European Union and the Eurasian world. And usually is provoking to the participants a considerable confusion, uncertainty, concern. Where they exist, the answers are very different, such as, for instance. Whatever the western interpretation, it is certain that a more appropriate communicative and relational action by the EAEU would help a lot to dispel the doubts and concerns that the initiative has so far spread in Western Europe. In particular, the hope is that the promoters of the project, primarily for their own advantage, engage in an initiative aimed at clarifying that the territorial and economic reorganization of Eurasia is a great opportunity to boost international cooperation on a more constructive, balanced and positive basis, than at present.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Курадовец А. И.</i> Проблемы обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь в условиях современных внешнеэкономических вызовов и угроз.....	3
<i>Курило Н. А.</i> Современные интеграционные процессы в условиях глобализации.....	6
<i>Лазаревич А. А.</i> Глобальный мир в контексте процессов информатизации.....	9
<i>Лазаревич Н. А.</i> Проблемы экологизации государственной политики.....	13
<i>Лана О. В.</i> Значимость идеологии феминизма в изменении социального статуса женщин.....	16
<i>Ларина О. В.</i> Роль экстратекстуальных значений в англоязычном политическом дискурсе.....	20
<i>Лебедева Г. Н.</i> Прибалтика: демографические факторы и геополитика.....	23
<i>Левит Л. З.</i> Современная психология против марксистских лозунгов.....	26
<i>Левчук Д. В.</i> Социально-правовая стратегия актуализации «презумпции согласия» при трансплантации органов и тканей человека в Республике Беларусь.....	29
<i>Левяш И. Я.</i> Геософские основания постижения белорусской идентичности.....	32
<i>Лепешко Б. М.</i> Истоки взаимонепонимания.....	36
<i>Лихачев Н. Е., Лихачева С. Н.</i> Отношения собственности в сельских поселениях как предмет социально-политического анализа (на материалах исследований в Могилёвской области).....	39
<i>Лойко А. И.</i> Евразийское экономическое пространство как ресурс Беларуси в диалоге с Европейским Союзом.....	42
<i>Лойко Л. Е.</i> Институты государственной идеологии и технологии воздействия на общественное сознание.....	45
<i>Лученкова Е. С.</i> Социальная установка как выражение ценностей и самореализации в политической сфере.....	49
<i>Макаревич А. В.</i> Интернет-пространство и политическая коммуникация.....	52
<i>Мапельман В. М.</i> Политическая элита и политическая элитарность (российская практика).....	57
<i>Мартыненко И. Э.</i> Современные вызовы и угрозы национальной безопасности в сфере историко-культурного наследия и пути их минимизации средствами субъектов правоохранительной деятельности.....	61
<i>Масленікава С. С.</i> Палітычная лексіка нямецкага паходжання ў гаворках Гродзеншчыны.....	64
<i>Махнач И. М.</i> Особенности евразийской интеграции.....	67
<i>Мащитько О. В.</i> Проблема неявной идеологии в философии С. Жижека.....	71
<i>Мельник В. А.</i> О месте Всебелорусского съезда 1917 года и так называемой БНР в концепции белорусской государственности.....	74
<i>Мірановіч Я.</i> Адносіны Беларусі і ЕС у першым дзесяцігоддзі XXI стагоддзя.....	78
<i>Михайловский В. С.</i> Массовая культура в политике: неолиберальный вызов Республике Беларусь.....	82

<i>Михеева И. Б.</i> Геокультурное позиционирование Беларуси как альтернативная стратегия в системе международного сотрудничества: философско-методологический аспект.....	85
<i>Моисеев И. Е.</i> Межпарламентский диалог Республики Беларусь и стран Балтии.....	88
<i>Морозова О. С.</i> Европейская безопасность: терроризм как вызов современности.....	91
<i>Мочалова Е. О.</i> Сохранение национально-культурной специфики при художественном переводе в период глобализации.....	94
<i>Мысливец Н. Л.</i> Об особенностях формирования исторического сознания современной молодёжи.....	97
<i>Мясникова Н. В.</i> Стратегии и противоречия европейского выбора Республики Молдова: взгляд из Приднестровья.....	100
<i>Надыбская О. Я.</i> Социально-философский анализ информационной безопасности гражданина и общества.....	104
<i>Назаренко Л. Е., Богдан П. Г.</i> Исторические аспекты формирования современного международного терроризма.....	108
<i>Нечаева-Юрийчук Н. В.</i> Формирование этнополитических стереотипов в современном мире: украинско-российский прецедент.....	111
<i>Одиноченко В. А.</i> Русская православная церковь о вызове глобализации.....	115
<i>Пахомова А. В.</i> Экономический аспект развития отношений Японии со странами юго-восточной Азии в XXI веке.....	118
<i>Петрушак В. Л.</i> Восточнославянская цивилизация как гецивилизационная общность.....	123
<i>Полежаев Д. В.</i> Ментальный диалог как социокультурный феномен: философско-политическое осмысление.....	126
<i>Полетаев С. А.</i> Роль социальных факторов в инновационном развитии Беларуси.....	129
<i>Полецук Ю. А.</i> Профессионально-ценностные ориентации студентов в контексте проблемы устойчивого социально-политического развития Беларуси.....	133
<i>Полякова Н. В.</i> Феномен политической ангажированности интеллектуалов в контексте глобализации.....	136
<i>Посталовский А. В., Посталовская О. В.</i> Информационные вызовы как фактор нестабильности в современном обществе.....	139
<i>Прокудин Б. А.</i> «Разумный» эгоизм Николая Чернышевского и Айн Рэнд.....	142
<i>Прокудина Е. К.</i> «Креативный класс» и русская интеллигенция.....	145
<i>Протченко И. В.</i> «Зелёная» экономика и Парижское соглашение.....	148
<i>Радиков И. В.</i> Смещение центров власти как характерная черта и особенность современного политического процесса: внешнее и внутреннее измерения.....	151
<i>Рублевский И. Ю.</i> Бразилия и её участие на международной арене как фактор построения новой модели государства в Латиноамериканском регионе.....	154
<i>Саевская М. А.</i> Представления В. К. Плева о русском самодержавии.....	158
<i>Семенова В. Н.</i> Неофеодализм как сценарий развития не-западных обществ в XXI веке.....	161

<i>Сидоренко И. Н.</i> «Партизан» в эпоху кризиса политического.....	165
<i>Сиренко С. Н., Рыжий А. С.</i> Анализ феномена социальных сетей в политических процессах с позиции теории самоорганизованной критичности.....	168
<i>Скакун Е. В.</i> Глобализация и политическая безопасность Республики Беларусь.....	170
<i>Слуцкая Л. В., Побережная О. Е.</i> Политические коммуникации как базовая технология формирования современного политического пространства.....	174
<i>Сорока-Скиба Г. И.</i> Глобализационные образовательные процессы и Беларусь: модели взаимодействия.....	177
<i>Старичёнок В. В.</i> ИГИЛ против «общества спектакля».....	180
<i>Стаценко О. А.</i> Эволюция связей с общественностью от классической к постнеклассической рациональности.....	183
<i>Стризов А. Л.</i> Национальное самоопределение в пространстве глобализации: методологические аспекты.....	185
<i>Струтинский В. Е.</i> Динамика этнонациональных отношений в приграничьи: Буковинские реалии.....	188
<i>Сульжницкая О. А.</i> Сотрудничество Республики Беларусь с организациями ООН в области обеспечения демографической безопасности.....	191
<i>Твердынин Н. М.</i> Сравнительный анализ взглядов на перспективы мирового политического развития З. Бжезинского и Ж. Аттали.....	194
<i>Тимашова Е. А.</i> Партийные системы Беларуси и России в контексте процессов модернизации.....	197
<i>Турунцев П. В.</i> Информационное взаимодействие органов государственной власти в контексте евразийской интеграции.....	200
<i>Федоров В. П.</i> Колонизация Европы: постановка проблемы.....	203
<i>Филиппов А. А., Криштапович Л. Е.</i> Основные проблемы в евразийской интеграции Республики Армения.....	207
<i>Хелик А. С.</i> Образ «христоролюбивого царя» в «Послании на Угру» Вассиана Рыло.....	210
<i>Хилота В. В.</i> Подход к законодательному определению коррупции должен быть изменён.....	212
<i>Храмцова Ф. И.</i> Этнообразность политики государства как методологический принцип политической модернизации.....	215
<i>Худяков А. В.</i> Основные направления совершенствования деятельности отечественных информационно-аналитических служб.....	218
<i>Цепкало В. В., Старжинский В. П.</i> Идеология развития – модернизация.....	220
<i>Циватый В. Г.</i> Глобальная дипломатия, прогнозные сценарии и политико-дипломатический диалог Украина – Республика Беларусь в полицентричном мире (2014–2016 гг.): институциональное измерение.....	223
<i>Чуешов В. И.</i> Метод сценариев будущего как инструмент политической науки.....	226
<i>Шаунова С. Б.</i> К вопросам о контроле льгот по уплате таможенных платежей в ЕАЭС.....	229

<i>Шадурский В. Г.</i> Беларусь – Европейский Союз: в поисках новой политики взаимодействия.....	232
<i>Шиженский Р. В.</i> Община, лидер, государство: современная языческая самоидентификация (по данным полевых исследований).....	235
<i>Шимов В. В.</i> Цивилизационный подход в политической науке и проблемы глобализации.....	238
<i>Шириняц А. А.</i> Русские мыслители о консерватизме.....	240
<i>Эль-Ариф И. Э.-Б.</i> Окончание гражданской войны в Ливане 1975–1990 гг.	243
<i>Яскевич Я. С.</i> Политическая картина современного общества: вызовы, угрозы, перспективы.....	246
<i>Недокус І.</i> Основні наукові підходи до розуміння сутності децентралізації управління.....	249
<i>Малевиц Ю. И.</i> Дипломатия «мягкой силы» – приоритет внешнеполитических стратегий Китая.....	251
<i>Ricceri M.</i> Eurasian Economic Union: the main elements of novelty, according to a reflection by Western Side.....	255

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И БЕЛАРУСЬ:
ИНСТИТУТЫ, ИДЕОЛОГИИ И СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.

БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ

Материалы VII международной научно-практической конференции
(Гродно, 5–6 мая 2016 г.)

В 2 частях

Часть 2

Издаётся в авторской редакции

Ответственный за выпуск: *В. Н. Ватыль*

Техническое редактирование: *Е. С. Франко*

Компьютерная вёрстка: *И. П. Зимницкая*

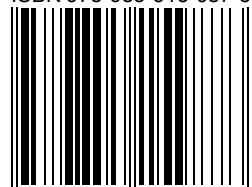
Дизайн обложки: *О. В. Канчуга*

Подписано в печать 12.05.2016. Формат 60×84^{1/16}.

Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 99 экз. Заказ

ISBN 978-985-515-987-3

9 789855 159873 >

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/261 от 02.04.2014.

Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно.